

Захар Абрамов

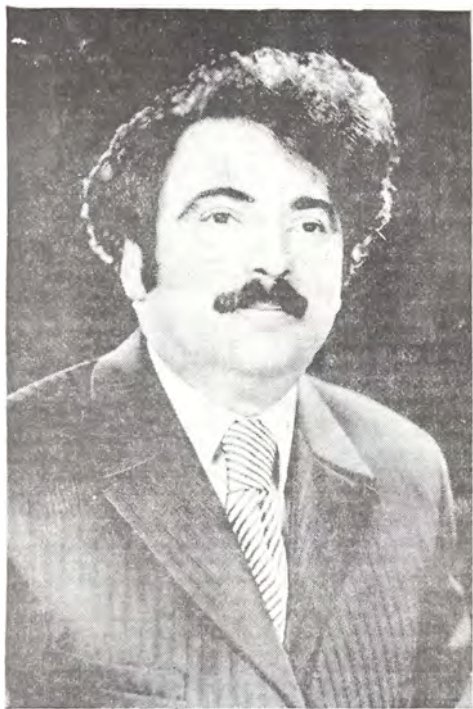
АДМИ

НЕ

БУДЕТ

РОМАН

Гянджлик
Баку
1978

Захар Абрамов

**АЛИБИ
НЕ
БУДЕТ**

РОМАН

Гянджлик
Баку 1978

Захар Абрамов много лет работает в детективном жанре. В периодической печати были опубликованы его рассказы «Под маской благодетеля», «Тропой обреченных», «Белый слоник», «Крах баядеры». В 1965 г. в Азербайджане вышла повесть «Приговор», в 1971 году в «Гянджлик» — «Черный жемчуг».

«Алиби не будет» и в тематическом, и в жанровом отношении — произведение оригинальное. Роман посвящен Бакинской Коммуне — истории ее героической борьбы и трагической гибели. Автору удалось воссоздать живые и привлекательные образы вождей коммуны — С. Шаумяна, М. Азизбекова, А. Джапаридзе, Н. Нариманова; передать драматизм и сложность обстановки тех лет, напряженную борьбу вокруг бакинской нефти. В центре повествования — образ Исламбека Карабаглы, сподвижника бакинских комиссаров одного из руководителей контрразведки, защищавшей коммуну от ее врагов.

ПОЙ ПЕСНЮ ПОЭТ,
ПОЙ.
СИТЕЦ НЕБА ТАКОЙ
ГОЛУБОЙ.
МОРЕ ТОЖЕ РОКОЧЕТ
ПЕСНЬ.
ПЕСНЬ
ИХ БЫЛО
26.
26 ИХ БЫЛО.
26.

С. ЕСЕНИН.

ПРОЛОГ

I

В ясный осенний день 1913 года в воды Босфора вошел пароход «Катилина», принадлежавший венецианской компании «Джузеппо Контарини и К^о». Чем ближе корабль подходил к пристани, тем многолюднее становилось на палубе: дамы с кружевными зонтами и скучающие джентльмены, миссионеры и купцы с любопытством разглядывали Стамбул. Многие были с ним знакомы по пестрым открыткам из рекламных альбомов, бульварным романам Лоти и Фарера. В золотистой дымке осеннего утра город казался пленительно загадочным; над куполами храмов и мечетей, словно белые свечи, тянулись ввысь знаменитые минареты, по бирюзе Босфора скользили плоскодонные лодки. Воображение пассажиров рисовало смуглокожих красавцев, окруженных наложницами, грозную охрану султанского дворца, горячих арабских скакунов, на которых крадут красавиц. Бинокли искали жуткий «собачий остров», где голодные псы пожирают друг друга.

Экзотика... Стамбул, воспетый поэтами и романистами, испил горькую чашу людских страданий. Вряд ли в каком-нибудь другом городе было столько кладбищ: у Паша Капуси, у Бахари-эклоне, за Эйван и Текфур Сераяями, за Римскими и Золотыми воротами, кладбища мусульманские, христианские, иудейские...

«Катилина», будто испытывая терпение пассажиров, медленно подползла к причалу у моста султанши Валиде. Господин в костюме цвета хаки и в красной феске над смуглым лбом равнодушно смотрел на подскочивших к трапу полицейских. Небрежно сунув офицеру документы, господин вышел на площадь и подозвал экипаж.

— Эйюб, — бросил он коротко.

Как истый мусульманин, он счел своим долгом прежде всего посетить мечеть Эйюба — обитель меча Османа и гробницы Ансара, знаменосца пророка. Пока экипаж проезжал по галатскому мосту, нависшему над Золотым Рогом, пассажир вспомнил свои прежние визиты в эти места.

Все это уже было: цокали копыта по брусчатке моста, ша-рахались в сторону тяжело груженные ослы, опасливо жались к перилам нищие, протягивая навстречу экипажу черные сморщенные ладони. У гробницы Ансара заунывно пели, словно рыдая, муэдзины, тихо плескались голоса молящихся, слышимым шагом скользили вдоль мечети закутанные в чадру женщины.

Извозчик остановился. Перед гробницей знаменосца горел огонь, отблески его плясали на голубоватой фаянсовой вязи стен. Рядом прогуливались седобородые турки, равнодушно шепча молитвы. Господин из Баку не спешил преклонить колена. Остановился у фонтана полюбоваться игрой струй. Тотчас к нему подошли двое. Оба в черных костюмах и красных фесках. Кивком головы приветствовали гостя.

— Я рад, эфеңди Ризабей, видеть вас в мусульманской святыне. Да благословит аллах нашу встречу.

— Благодарю вас, Нурибей.

— Позвольте представить вам моего спутника. Юсттегмен¹ Эхтембей. Прошу. — Они неторопливо вышли и сели в экипаж. У причала их ждал быстроходный баркас. Он развернулся в бухте и взял курс на один из Принцевых островов.

Вилла утопала в зелени. Хозяин — еще молодой, сухощавый и удивительно стройный мужчина со светскими манерами и выправкой кадрового офицера — радушно встретил гостя. Это был Энвербей, глава младотурков.

Слуга безмолвно поставил на столик поднос с кофейником и исчез. Гость опустилс я в кресло.

— Я получил письмо Фатали-хана Хойского, — Энвербей отхлебнул кофе из прозрачной чашечки. — Весьма тронут, господин Ризабей, вниманием кавказских мусульман.

— Эфеңди Энвербей, — постное лицо Ризабей расплылось в официальной улыбке. — Вам известно, что я не столько политик, сколько поборник веры. Однако люди, от имени которых я прибыл в вашу прекрасную столицу, весьма озабочены последними событиями. Скажу больше — растеряны. И, разумеется, желали бы знать, на что мы можем рассчитывать

¹ Юсттегмен — ст. лейтенант (тур.)

в нелегкой, но святой борьбе за веру? У нас создана партия «Муссават». В нее вошли лучшие представители нации. Но события в Стамбуле... Если вас не затруднит, я просил бы разъяснить некоторые обстоятельства...

— Да, да, — нетерпеливо перебил Энвербей гостя. — От вас, Ризабей, у нас нет секретов. Чашечку кофе? Султан сам решил свою судьбу. К сожалению, он не оправдал наших надежд. Вы знакомы с ним лично и, очевидно, считаете его благородным человеком и блестящим дипломатом. Увы, эфенди, вы заблуждаетесь. Это было ничтожество. Он и только он повинен в падении престижа Великой Османской империи! — Его глаза яростно блеснули. Однако Энвербей заставил себя улыбнуться. — Мы пришли к власти под эгидой Единения и Прогресса. Мы желаем сохранить ислам в его первозданной чистоте. Мы намерены бороться за Великий Туран, объединив всех единоверцев и их земли в одно целое. Никто из нас не будет танцевать под дудку феодалов, кое-кто из них и сейчас готов вонзить нож в спину Энвера... Еще чашечку кофе? Настоящий бразильский. Вы не представляете себе, что случилось бы с Турцией, если бы у власти оставался кабинет этих старых хитрецов. Они хотели отдать страну англичанам и французам, предать отечество, погубить ислам. Заверяю вас, мусульмане Кавказа скоро станут свидетелями нашей победы. Разумеется, вы можете по-прежнему рассчитывать на нашу братскую помощь.

— Вы серьезный человек, Ризабей, — он помолчал, — и понимаете, что без разумной жестокости взять и сохранить власть невозможно. Недавно враги убили великого везира Махмуд Шевкетпашу. Я вынужден принять крутые меры. Что же, история, как говорят, дама не очень строгих правил.

Ризабей вежливо, но равнодушно кивал. Он никак не мог предполагать, что всего через полтора месяца этот молодой человек станет генералом, получит звание паши и уже сам захватит посты военного министра и главнокомандующего армией. Чтобы еще больше упрочить власть, он женится на любимой племяннице султана.

Энвербей продолжал:

— Я взялся за чистку армии. Страной должны править не падишах, не меджлис, а младотурки. Дряхлую султанскую империю надо вновь сделать могущественной. Священная война против иноверцев — вот цель! Пришла пора великой мести, которую нация ждала веками. Основными врагами ислама я

считаю Россию и ее англо-французских союзников. Я отомщу за поражения. Да поможет этой святой миссии аллах!

— Уважаемый бей, я рад за вас. Однако вам будет не легко.

— Мы все продумали, эфенди. Ся наведем порядок у себя дома. Затем... Думаю, «Муссават» найдет единомышленников в создателях Великого Турана. Я верно понял цель вашего визита? Ответ хану Хойскому и другим моим поклонникам вы получите у моего брата Нурибея.

Энвербей поднялся, вскинул плечи, стараясь казаться еще выше. Мягкая улыбка неузнаваемо изменила жестокое и тонкое лицо человека, которого позднее назовут «Наполеончиком».

Аудиенс, ради которой Ризабей Селимбеков проделал путь через всю Европу, была окончена.

II

Ротмистр Абациев, адъютант начальника Лифляндского жандармского губуправления, взял со стола папку с поступившими документами и подошел к трюмо. На него устало смотрели водянисто-серые внимательные глаза.

— Паршиво, — он провел ладонью по прилизанной шее и шагнул к массивной двери.

Генерал-майор Волков просматривал донесения, нервно подергивая пышные, свисающие на губу усы. На стук отозвался, не отрываясь от бумаг:

— Входите, ротмистр, входите.

Абациев прошел к обширному столу, почти не касаясь дорожного ковра.

— Ваше превосходительство...

— Докладывайте.

— Циркуляры-с, ваше превосходительство. Позвольте оставить.

— Нет, ротмистр. Доложите суть.

— Извольте, — Абациев раскрыл папку и тихо откашлялся в кулак. — Из департамента сообщают, что в Париж переехал на жительство один из видных большевиков, участник Второго съезда РСДРП, значащийся под псевдонимом «Горин». Департаменту известно, что упомянутый большевик получил указание своего ЦеКа вести активную работу в армейских частях через посредство агентов. Задача — пораженческая пропаганда. Доводится до сведения, что сей Горин никто иной, как

долгое время проживавший в Баку и Тифлисе В. Ф. Галкин, воспитавший известного большевистского экспроприатора Камо-Мирского. Кроме того, сей Горин-Галкин находится в тесной связи с большевистскими вожаками Кавказа — Шаумяном, Азизбековым и Джапаридзе, к которым через границу направляет своих людей.

— Ну и что департамент требует?

— Указывает, что необходимо всячески препятствовать вредной деятельности агентов во фронтовых частях и губерньском гарнизоне, а также-с...

— Передайте для исполнения специалисту по Кавказу подполковнику Пападжанову.

— Слушаюсь. Еще срочный циркуляр — о тайном агенте РеСеДеРеПе. По линии розыска, так сказать...

— Что такое? — Волков оторвался от бумаг и пытливо взглянул на своего адъютанта.

— Одесское губуправление разыскивает некую Юдифь Франсуа Орель, французской национальности, двадцати лет. Бывшую слушательницу одесских высших женских курсов... Упомянутая особа, будучи арестованной, с помощью какого-то чиновника жандармерии скрылась. Политически опасная личность. Соцдек. Имеет партийные псевдонимы «Даша», «Розанна» и «Варвара». Ведет среди офицерства чрезвычайно вредную агитацию. Сообщается, что сия особа свободно владеет французским, английским, русским и иудейским языками и потому выдает себя за иностранку. В прошлом году проживала в Риге и имела контакты с марксистски настроенными студентами политехнического института. В том числе — с сосланным Артуром Пурнисом. Справочные данные: отец — Шарль Франсуа Орель, бывший механик одесской судовой верфи. За активное участие в стачках был сослан в Иркутскую губернию, где в девятьсот одиннадцатом году скончался от мороза. Мать — иудейка Эстер Вольфовна Орель, врач. После ареста дочери покинула Одессу.

Генерал слушал внимательно. Ротмистр положил перед ним фотографии.

— Гм! И впрямь хороша. Продолжайте, ротмистр.

— Имеются сведения о том, что Юдифь Орель намеревалась проникнуть в армейские части Лифляндской губернии или же в Кавказскую армию с целью агитации. В Баку предполагаются ее родственные связи, пока не установленные. Предписывается при обнаружении оной особы незамедлительно арестовать...

— М-да. Отлично работают наши коллеги... Выпустить такую штучку из рук. А теперь ломай голову, ищи. Война, братец, война, а тут такие беспокойства... — Генерал повертел в руке фотографию. — Вот что, голубчик, пригласите ко мне барона Тизенгаузена. Пожалуй, ему следует заняться этой мадемуазель.

— Слушаюсь.

Абациев четко повернулся и направился к двери.

Был конец октября тысяча девятьсот четырнадцатого года.

Часть I. ИСПЫТАНИЕ

Глава I. В госпитале

Снаряд упал совсем близко. Видно Исламбек родился в сорочке, если не его швырнуло в горячее небо расфасованным на куски. Сбитый взрывной волной он лежал и блаженно улыбался. Слушал эту вдруг наступившую тишину, легкое цвирканье у самого уха, ощущал на разгоряченном лице прохладу ветра.

Может ли быть выше блаженство, чем остаться живым в этом прекрасном и беспощадном мире, под этим бездонным небом и этим ласковым солнцем, на этой истерзанной окровавленной земле?

Наверно он лежал долго. Занграл рожок пастуха, присело розовошее светило. Склонилось к Исламбеку, опалило жгучим прикосновением. Стало невыносимо жарко, потом холодно. И сразу наступила ночь.

Очнулся Исламбек на спине какого-то солдата. Его мутило от толчков, кружилась голова. Боль волной подкатывала к самому сердцу.

— Терпи, гардаш¹, терпи! Мы наро! привыкший к страданиям. А ты хоть и бек, а свой...

Исламбек чувствовал, как сердце медленно сползает вниз. Эта сверкающая боль не давала сосредоточиться, уловить значение слов. Он понял только, что если придет смерть, его похоронят.

— Ваше благородие, господин прапорщик! Это я, Аслан! Не узнаете? Помните, вы спасли меня от трибунала, когда я

¹ Г а р д а ш — брат (азерб.).

ушел на несколько дней из части... У меня тогда жена умерла, отвез дочку к сестре...

Теперь Исламбек не различал и звуков. Голова палилась звоном и темнотой.

Очнулся Карабаглы через много дней. Только здесь, в лазарете прапорщик узнал, что спас его солдат Аслан. Ранения, особенно в ногу, привели в отчаяние даже выдавших виды врачей. Они делали все возможное, чтобы вырвать из лап костлявой этого симпатичного, смуглого юношу со странным блеском упрямых глаз. К его стойкости при перевязках, операциях, зондировании ран привыкли. Он решительно отказался от ампутации ноги, хотя его предупредили об опасности. Ожидали гангрены.

В лазарете ему вручили георгиевский крест, букет цветов и корзину с фруктами. К нему явно благовольили особы женского пола. Исламбек был так романтичен! Такой молодой... и уже георгиевский кавалер «За беспримерную отвагу и мужество, проявленные при атаке вражеских позиций».

Но Исламбеку виделось лицо Багиры, она часто приходила к нему во сне. Улыбалась, плакала, а чаще пела... Багира! Это была его первая любовь. Что может сравниться с этим чувством... Как сказал поэт:

Да пребудет со мною любовь!
А потом... все равно:
И позор, и безумие, и смерти!

Однажды к Исламбеку пришел гость. Это был Аслан. Он выглядел смешно в куцем белом халате. Заросший, улыбающийся, а в глазах дремучая тоска. Поговорили, потом, улучив мгновенье, он наклонился к Карабаглы и шепнул:

— Все! Ухожу домой. В деревне голодают. А у меня там дочь. Не осуждай, бек. Иначе не могу. Да и тебе желаю выздороветь и вернуться к тем, кто тебя ждет. Прощай! Пока в Шемаху, а там посмотрим... А тебе спасибо. По-человечески относился к солдатам... Ладно, пошел... Да, забыл. Ребята послали, — он протянул небольшой узелок. — Тут немного орехов, винограда. Поднимайся скорей.

В палату заглянула сестра в кокетливо повязанной косынке с красным крестом.

— Вам пора.

— Сейчас!

Аслан поднялся и осторожно пожал протянутую Исламбеком руку.

— Прощай!

— До свиданья, друг Аслан. Спасибо тебе за все. За жизнь спасибо. И будь осторожен! Все-таки сам уходишь...

После ухода Аслана Исламбек долго лежал, уткнувшись в стену. Томнили предчувствия. Он не заметил, как уснул. Во сне пришла к нему Багира. Спела что-то грустное и, словно испугавшись, поцеловала его в лоб. Она уходила медленно, медленно. Потом Исламбек увидел ее на фаэтоне в свадебном наряде... Он протянул руки и проснулся в холодном поту... Багира! Жизнь отдам за тебя. Только жди!

Глава II. Возвращение

Утренний поезд из Елизаветполя прибыл с опозданием на три часа. Паровоз со скрежетом подполз к перрону, выдохнул остатки поредевшего пара и замер. Все вокруг засуетилось, заголосило, затопало. В этом живом муравейнике не сразу можно было различить жандармов. Орудая плечами, они продвигались сквозь толпу, внимательно ощупывая взглядом каждого мужчину. Над всей этой суматохой носились воробы, стремительно пикируя на груды сваленных мешков и ящиков.

Прапорщик Исламбек Карабаглы, ехавший в классном вагоне, спрыгнул со ступеньки, едва не сбив пробегающего солдата. Солдат виновато вытянулся.

— Что происходит?

— Дезертиров ищут, ваше благородие! — взახлеб, не переводя дыхания, тараторил взмокший солдат. — Воевать не хотят. Ну а здесь их на крючок, стало быть...

— Ладно! Ступай.

Солдат сорвался и побежал, испуганно оглядываясь.

Исламбек не догадался, что разговаривал как раз с одним из дезертиров. Он вообще смутно представлял обстановку, которая царила в этом настороженном, скрыто кипящем шестнадцатом году.

Чуть прихрамывая, Исламбек двинулся к выходу в город. Жандармы его не интересовали, в кармане форменной куртки лежал документ, свидетельствующий о том, что прапорщику 14-го кавалерийского эскадрона Карабаглы предоставлен краткосрочный отпуск.

Он вышел на многолюдную Балаханскую, проводил глазами забитую конку и двинулся к Куба-майдану — к дому, где жила Багира. Вот он шумный «толчок»: разноязыкое скопище торговцев и покупателей, картежных шулеров и воров, маклеров и праздных зевак. Все это теснилось, двигалось, кричало,

расхваливало свой товар в узком лабиринте лавок; рыми вился дымок уличных мангалов.

Исламбек с трудом пробился к базарному ущелью; глухие стены домов теснились здесь до самой крепости. Да и людская толпа напоминала улей: беготня, давка. Со всех сторон пелись выкрики:

— Ай, смотрите, какие яблоки! Крупные. Соч Подходи, выбирай!

— Кому гранаты? Сладкие, как мед, гранаты... Геокчайский!

— Пейте, господа, вино. Не пожалеете. «Матраса»! «Шемаха»! «Нахичевань»! Не вино, кровь земли... Подходите-подходите, господа.

— Ай, кебаб кому... Тендир чурек... Свежий шашлык. Джызбыз — пальчики проглотишь...

Прапорщик дошел до угла Азиатской и огляделся. Ничего не изменилось. Будто и не было этих двух тяжелейших военных лет. Как и прежде, старые клячи тащили дребезжащую копку, кричали пассажиры, отгоняя застрявших на рельсах флегматичных верблюдов. Все так же слонялись по базару недоверчивые сельчане, осторожно прицениваясь к товарам, равнодушные городовые лениво наблюдали за толчеей.

Шевельнулась обидя. Он был лишним в этой пестрой, вопящей толпе. Кому он нужен, усталый прапорщик, раненый под Эрзинджапом и удостоенный за храбрость георгиевского креста? Три месяца в лазарете, заполненные болью, запахом бинтов, стоном умирающих... Что ж, назло вот этим он выжил, вернулся и стоит в двух шагах от домика, где его ждут.

Исламбек докурил папиросу и двинулся дальше. На углу Карантинной стояла группа солдат. Завилев прихрамывающего прапорщика, они умолкли и вяло козырнули. Исламбек ответил и прошел мимо, спиной ощущая их угрюмые взгляды.

Вспомнилось что-то похожее. Еще в лазарете, ковыляя ночью по коридору, он услышал из приоткрытой двери палаты: «Сколько терпеть? Попил крови царь-батюшка». Потом прозвучало незнакомое слово — «Ленин». Он привалился к стене, вслушиваясь. Сквозь гудение приглушенных голосов он не сразу уловил, что речь идет о человеке, который обещает передать власть народу. Рабочих сделать хозяевами заводов, крестьян — барских земель.

Он усмехнулся: наивно. Мягко говоря, наивно. Беспокойно ворочаясь на койке, он мысленно спорил с этими «прожектерами». Так ли просто заставить Нобелей, Тагневых, Манта-

шевых отдать нефтяные промыслы и пароходные компании рабочим? Да и чем это кончится, если огромные заводы, которыми руководят инженеры, отдать безграмотной толпе? Утопия. За Нобелем и Тагиевым полиция, казаки, армия, наконец — вся сила государственной власти! А кто за этим одержимым Лениным — горстка единомышленников?

Солдаты в госпитале молчаливо приняли его в свой круг. Может, влияние Аслана? Сколько было споров о войне, большевиках, правде... Он поражался: в большинстве своем эти простые, неграмотные люди во многих вопросах разбирались лучше него.

Кончились муки лазарета. Врачебная комиссия признала его годным к дальнейшему прохождению воинской службы. Разрешение на краткосрочный отпуск «по семейным обстоятельствам» Исламбек воспринял как подарок судьбы. Кто знает, что ждет его на передовой...

Именно здесь, в толчее Базарной, он увидел ее впервые. Она покупала халву у торговца сладостями Кербалай Юсифа. Тонкие, совсем детские пальцы высунились из-под чадры отщипнули кусочек халвы. Кербалай-киши пошутил:

— Эй, смотри-ка, два гусенка у меня из-под носа халву таскают!

— Где? Какне гусята? — встрепелась девушка.

— Твои руки, сладёна! — расхохотался Кербалай-киши.

От резкого движения с лица девушки сползла чадра, и Исламбек увидел большие золотисто-карие глаза, пухлый влажный рот, тонкие, изломанные у висков брови. Увидел, чтоб запомнить навсегда. Сколько раз после боя он брался за письмо, но так и не окончил. Даже в мыслях письмо получалось грустным. А он не хотел, чтобы Багира жалела его.

— А салам алейкум! Тебя ли я вижу, милейший Исламбек? — пропел вдруг за спиной знакомый голос. — Аллах свидетель, что Кербалай Юсиф сегодня счастливее счастливых!

Прапорщик обернулся. Воздев руки к небу, навстречу шел халвачи. На его постаревшем лице застыла улыбка.

— Салам, а киши, — весело ответил Исламбек. — Ты наверно думал, что я пропал? А я жив. Ну, как Багира-ханум? Уверен, что первым придешь на свадьбу, а?

Старик нервно затеребил бороду и отвел глаза.

— Да, да! Извини, дорогой, спешу.

— Подожди Кербалай! Случилось что?

— Избавь от греха, сын мой. Сам знаешь, я не богат,

семья — шестеро детишек, один другого меньше. Клянусь Хазрат Аббасом, не жить мне на этой грешной земле, если я открою рот!

Исламбек не дослушал. Словно слепой, натыкаясь на прохожих, он почти бежал к маленькому домику на Старопочтовой. Вот и знакомый дворик, заваленный хламом, увитая виноградом веранда...

Выбитые стекла, толстый слой пыли на засохшем лимонном деревце, за которым так бережно ухаживала Багира. Следы запустения, как будто здесь давно не живут... Исламбек прыгнул на крыльцо и забарабанил в дверь.

— Багира-а? Открой, Багира-а! Это я!

За дверью молчали. Исламбек рванул засов и вошел в галерею. Было сумрачно. В медных подсвечниках плавилась догорающая свеча. В углу, на старом паласе сидела Марджан-хала, мать Багиры. Беззвучно шевеля губами, она раскачивалась из стороны в сторону.

— Марджан-хала! — он присел на карточки. — Это я! Исламбек! Узнаете?

Женщина вздрогнула. По расцарапанному лицу прошла гримаса боли. Взгляд бессмысленно скользнул поверх его головы и уперся в дрожащее пламя. Он осторожно дотронулся до ее плеча.

— Марджан-хала! Это я — Исламбек! Я приехал с фронта повидать Багиру. Где же она, скажите!

Сухие горячие пальцы сжали его руку. Она забормотала вдруг:

— Горе вошло в наш дом! Все пропало. Нет Багиры! Нет Эльчина! Нет отца моих детей! Пусть пламя охватит дом проклятого Муртузбека. Он отнял жизнь у моих детей, по кусочкам вырвал сердце... Пусть проклятье мое достигнет ушей аллаха! Пусть покарает он безбожника и убийцу...

Остановились время, сердце, жизнь. Нет Багиры!.. Багиры нет! Есть ли на этой проклятой земле справедливость? Багира погибла здесь, в мирном городе, а он уцелел в самом пекле войны...

...Кто это кричит в темноте? Ах, да! Это Марджан-хала! Она продолжала говорить. Исламбек понимал, что надо что-то делать, чем-то помочь. Но разве есть на свете слова, которые утешат человека, до конца дней обреченного на страдания?

— Слышишь? — Марджан-хала судорожно вцепилась в рукав его куртки. — Эльчин! Его шаги. Он зовет меня, Мальчик мой! Иди обедать!

Она вскинула голову и нежно улыбнулась: — Идет!

Скрипнула дверь. Порыв ветра погасил один из огарков. Исламбек с трудом поднялся. Было нестерпимо жарко... В проеме двери стояла пожилая женщина в темном, надвинутом на самый лоб платке. В ее глазах, скользнувших по Исламбеку, не было ни страха, ни удивления.

Исламбек прислонился к стене. В голове оседал тихий звон.

— Не бойся. Она спокойная. Только лучше уходи. — Женщина осторожно поставила на табурет миску. — Соседка я. Беда! Ничего не ест... Марджан, а Марджан... Это я, Пери! — Марджан-хала сидела неподвижно, не отрывая глаза от свечи. — Иногда ум совсем покидает ее. Покойных детей зовет... Люди говорят, кормить надо, а какая у нас еда? Сами знаете.

Исламбек торопливо сунул руку в карман. Где-то были деньги. Вот!

— Я не для того вам сказала. Спасибо. Деньги не помогут. Как сестра она мне. Последний кусок хлеба делили. Разве я ее оставляю.

Она присела рядом с Марджан и ласково погладила ее волосы.

— А ты кто им будешь? Не родственник, нет? — Он тривалась в лицо Исламбека.

— Скажите, — язык еле ворочался во рту. — Скажите... Багиру... где... Багиру...

Он не смог выговорить это страшное слово.

— На самом краю кладбища. — Женщина тихо заплакала. — Где стену начали строить... Могилу камнем завалили. Не дождалась любимого наша девочка. Все спрашивала, когда война кончится. На каждый стук выбегала. Эх, вернется с войны юноша, а мы не уберегли... Три могилы на сердце Марджан... Ты иди, добрый человек, иди, мне ее кормить надо.

Уже спускаясь с крыльца, Исламбек услышал страшный, бросающий в дрожь, вой матери. Ступенька вывернулась из-под ног, он упал.

Долго стоял Исламбек перед грудой бесформенных камней в тишине кладбища. Осторожно коснулся ладонью теплого, прогретого солнцем камня.

— Как жить, пока не отомщу за тебя, моя девочка... Как?

С моря дохнуло прохладой. Прапорщик медленно побрел по тропинке от свежего, заваленного камнями холмика земли:

Был конец октября тысяча девятьсот шестнадцатого года.

Глава III. Странник

Город давно окупнулся в почную темень, а двадцатилетний юноша бесцельно бродил по пустынным, будто вымершим улицам. Еще совсем недавно, когда он сошел с поезда, город казался ему родным. Теперь все вокруг было чужое.

На рассвете, бездумно шагая по шпалам, он очутился за городом. Над озерцами, подернутыми вязкой радужной пленкой клубился туман. Откуда-то со стороны Баладжар донесся крик паровоза. Через несколько минут поезд догнал его. Ритмичный стук колес заворачивал, тянул к себе. Исламбек подался вперед. «Один шаг, и не будет этой тупой боли, этой дикой несправедливости ко всему...».

— Эй, сумасшедший! Пьяница несчастный! — заорал проводник. — Без головы остаться хочешь?

Исламбек отшатнулся, налег на большую ногу и скатился вниз. Хорошо, что песок под насыпью смягчил падение.

Он лежал на спине. Влажная, пропахшая нефтью земля успокаивала. Наливаясь золотым теплом первых солнечных лучей бежали над головой облака. Что-то мокрое ткнулось в ухо. Он с трудом поднял руку, нащупал холодный шепчущий нос. Пес взвизгнул от неожиданной ласки, доверчиво лизнул руку и побежал дальше, смешно переваливаясь на толстых коротких лапах.

Поезд шел вдоль карадагского побережья. Глухо гудело море. Из окна вагона были отчетливо видны волны, разбивающиеся о скалы. Грозная эта лавина странным образом возвращала покой бывшему прапорщику. Да, он теперь бывший. Сам себя «демобилизовав» и ехал не в Энзели, как предписывалось, а в Елизаветполь, подальше от города, где оставил могильный холм, заваленный камнями, и свою поруганную любовь.

На горных склонах, верстах в тридцати от Елизаветполя, раскинулось маленькое селение Дагбаши, где жила бабушка Исламбека — Назлы-ханум. Старушка удивилась и обрадовалась внуку. Заметив седые нити на висках, испуганно всплеснула руками и бросилась к тендиру замешивать тесто.

Первые дни Исламбек ел и спал, убаюканный журчащим голосом бабушки. Кормила она его как маленького, угощая парным молоком, медом и яйцами.

Исламбек отдохнул, отоспался. Но стал еще мрачнее. С утра он уходил в горы, блуждал по лесным склонам, пьянея от настоенного на первых заморозках воздуха. Так проходила зима.

Однажды, шагая по тропинке вдоль проселочной дороги, он вдруг заметил зеленую полосу на склоне горы. Там, в глубине, огоньками вспыхивали головки маков, из-под мшистых валунов робко выглядывали фиалки.

Выйдя на проселок, он увидел под старым платаном человека. Привязав осла к дереву и сняв тощий хурджин, человек этот блаженно жевал пендир с лавашом. Исламбек знал здесь всех, но лицо этого старика было ему незнакомо.

Заметив парня, старик улыбнулся и жестом предложил разделить завтрак. Исламбек, вежливо поблагодарив, присел рядом; в этой глуши каждый новый человек был ему интересен.

— Откуда держите путь, отец?

Аккуратно завернув кусок белого сыра в лаваш, старик замотал головой, повязанной темным платком.

— Если начну перечислять, сколько сел проехал на своем осле за эти две недели, устанешь слушать. Видишь, все мое со мной: осел, хурджин и сыр. Я странник. Хочу добраться до святых мест и покаяться. — Он сказал это с какой-то непонятной веселостью. — Люди не верят. Говорят, что в Мекку на осле не доехать. Над Моллой Насреддинном тоже смеялись, хотя он был большой мудрец... Мне уже за восемьдесят, я одинок. А история моя ой как не проста. Не знаю кто ты, сынок, но похоже, человек добрый. Хочешь расскажу, как молла освободил луну из неволи?

Исламбек чуть улыбнулся.

— Расскажите...

— Однажды в лунную ночь почтенный молла подошел к колодезю и вытащил ведро воды. Заглянул в колодец, смотрит — луна! Никак молла не мог уразуметь, как это луна сорвалась с неба и упала в колодец. Думал, думал молла, потом хлопнул себя по лбу: «Ой и старый же я болван! Вместо того, чтобы спасти беднягу, стою и размышляю. Надо же ее вытащить скорей». Он побежал домой, принес крюк и, опустив в колодец, стал шарить по дну. Долго шарил и вдруг зацепил камень. Обрадовался молла. Ну, думает, все! Теперь дай бог силы. Дернул, да так сильно, что крюк сорвался с камня и молла повалился на землю. От испуга и боли он закрыл глаза. А когда открыл, смотрит: небо, а на нем — луна! Душа моллы

снова наполнилась радостью и он сказал: «Потрудились я немало, но зато освободил луну из неволи». Вот так, сын мой. Мудрый человек был молла.

Исламбеку стало почему-то грустно от сказки.

— Что ж ты, сынок, погрустнел? — спросил странник.

— Ничего, отец. Так просто.

— А что же ты не спросишь меня, старого плута, отчего я поведал тебе эту смешную историю?

Исламбек пристально всмотрелся в хитрое, морщинистое лицо странника.

— Не спрашиваешь? А я вот возьму и скажу. Живешь ты в этой богом забытой деревушке, весь зарос и ничего не знаешь. В России-то царя прогнали, а что делать дальше, не знают. Я из Елизаветполя. Там есть такие хитрецы как Хойские, беки. Хасмамедовы и другие. Послушаешь — соловьями разливаются. Говорят, что они жизни своей не пожалеют для освобождения мусульман из неволи. И еще говорят, теперь мусульмане сами себе хозяева.

Исламбек помолчал, соображая. Потом вскочил и устоял на старика.

— Отец, вы понимаете, какую весть принесли?

— Пока не знаю, сынок, но чувствую, что нужную. Уж очень ты не похож на сельского человека. И одежда на тебе не крестьянская...

— Значит это Хайские освобождают мусульман из неволи?

— Да, сынок! Вытащили из одного колодца, чтобы утопить в другом, — усмехнулся старик.

— Идемте, отец, к нам в дом. Дорогим гостем будете!

— Э, сынок. С тех пор, как два моих сына легли под Ваном, а старая жена ослепла от слез и умерла, домом для меня стала дорога. Нет, не пойду. У меня нога нелегкая.

— Что вы говорите, отец! Идемте, идемте! Моя бабка Назлы обрадуется! Станет на вас молиться. Вы вдохнули жизнь в сердце ее внука.

С трудом уговорил Исламбек зайти к ним веселого старика с печальными, страдающими глазами. Звали его Сейид Мирза.

Глава IV. В «Дикой кошке»

В апреле 1917 года Исламбек приехал в Баку. Он по-прежнему был в офицерской форме. Но лицо, обросшее бородой, стало суровым и жестким. Глаза смотрели недоверчиво. Он

еще и сам не знал, что потянуло его в Баку, бесцельно блуждая по весеннему городу.

На центральных улицах, где раньше в роскошных экипажах разъезжала местная знать, теперь встречались колонны демонстрантов с полотнищами: «Долой войну», «Да здравствует свобода!» Азербайджанцы, армяне, русские шли вместе. Исламбек понимал, что это серьезно — такое единство он видел впервые.

Лозунги заставили его задуматься. Свобода... Но как ее будут добиваться? Бескровных революций не бывает. Он заметил казачьи разъезды. Всадники покуривали и вроде бы не замечали демонстрантов. Исламбек вспомнил ироническую сказку про моллу, спасавшего луну из колодца. Ему, прапорщику, многое казалось странным. Но он чувствовал, сколько скрытой энергии в колоннах демонстрантов, уверенности в правоте своего дела. Пожалуй, только сейчас он понял главное: революция закономерна. Народ не хочет воевать. Люди хотят хлеба, свободы... Кто может остановить эту волну, способную смести в своей справедливой ярости все, что окажется на ее пути?

У входа в гостиницу «Метрополь» Исламбек поднял с тротуара несколько разноцветных листовок. Одни ратовали за продолжение войны, другие проклинали ее зачинщиков. Он невесело усмехнулся.

Шло время. Пора было определяться, решать, какой же берег ему ближе. Но человеку, далекому от политики, трудно разобраться в этом водовороте страстей. Ясно одно — к старому он не вернется. Это он решил твердо. Новое? Если бы он мог определить, кто есть кто и какая у кого правда...

На Ольгинской, у магазина «Царство цветов» Исламбек обратил внимание на группу маузеристов. Вели они себя вызывающе. Впереди, заложив руки за спину и грубо расталкивая прохожих, шел толстяк. За ним, чуть отступя, плелся кларнетист, наигрывая заунывную армянскую мелодию. Его сопровождали разбойничий свист и выкрики всей компании.

Исламбек замедлил шаг, с интересом поглядывая на эту странную процессию. Кто-то осторожно тронул его за локоть. Невысокий еврей в мягкой велюровой шляпе сказал грустно:

— Вы их видели, господин офицер? Так это маузеристы. Чего они только не выделывают. Я врач, привык оказывать людям помощь, а они... Вы еще увидите, чем это кончится.

Исламбек промолчал. Врач понимающе кивнул и, бормоча себе что-то под нос, побрел дальше.

И сразу же из-за угла Меркурьевской грохнули выстрелы. Человек обернулся и развел руками: ну, что я говорил?

Вечерело, когда прапорщик очутился у домов-близнецов на Телефонной. Эти два доходных дома, принадлежащих Ага Мусе Нагиеву, почему-то напомнили Исламбеку о родном брате. Нехорошо, но в последнее время он думал о нем только со злобой. Одновременно и ждал, и не желал этой встречи.

Над особняком, притиснувшимся к одному из домов Нагиева, зажглись огни. Яркая реклама вписала в наступавшую темноту: «Кафе-шантан «Дикая кошка». Бывать в нем Исламбеку не доводилось. Но имя этой «кошечки» знали все. В кафе собирались офицеры, бездельничающие бекские отпрыски, картежники и кокетки. Здесь кутили, проматывали состояния, скандалили, стрелялись, торговали наркотиками и, между делом, занимались политикой.

Исламбек не любил подобные заведения, не пошел бы и сейчас. Тем более, что рядом был дом отца. Но в нем жил Теймурбек.

...Если бы у него спросили, когда началась эта вражда между ними, братьями-близнецами, он, наверно, ответил бы, что она существовала всегда. За что не любил его брат? За неумение врать, за прямоту и неуступчивость, за дикое упрямство. Из всего этого еще в детстве он научился извлекать выгоды, особенно, когда дело касалось подарков или наказания. Подарки обычно получал Теймурбек, наказания доставались брату.

Исламбек сносил порку молча, сжав зубы, и это только распаляло отца. А Теймур с невинным видом корчил рожи. Потом они оставались вдвоем и начиналась драка. Силой их бог наделил одинаково, трусом Теймурбек не был. Но ему хватало бойцовой ярости, энергии и напора. Поэтому он чаще оказывался битым. И тогда начиналось мщение: «печальные» доносы, насмешки, мелкие гадости. Отец его поддерживал, он быстро сумел стать любимцем.

Отец определил их в тифлисскую школу прапорщиков. Жизнь в чужом городе немного сблизила их, и вначале они держались вместе. Вскоре Теймурбек обзавелся ватагой друзей и голубоглазой феей, а Исламбек подружился с неутомимым весельчаком Гиви Церетели. Они всюду бывали вместе — на плацу, стрельбищах, в увольнении. Они охотно делились друг с другом своим коротким прошлым и великими планами на будущее.

У отца Гиви был небольшой книжный магазин. Когда-то

он мечтал писать, но жизнь не сложилась. Писателем он не стал, зато трудно было найти в Тифлисе лучшего знатока грузинской литературы. Посещения этой семьи превратились для Исламбека в праздник. В доме друга он встречал многих интересных писателей Грузии. Здесь впервые услышал он имя Александра Казбеги, прочел бессмертные строки Шота Руставели.

Как-то, после строевых занятий Гивя сообщили, что его ждет у проходной девушка. Вернулся он быстро, и таинственно подмигнул Исламбеку. Едва они остались вдвоем, он вытащил из кармана тонкие книжицы.

— Смотри, это Маркс! Это — Ленин. Дали на одну почку слышал о таких?

— Нет!

В комнату, где они уединились, заскочил Теймурбек. Гивя поспешно сунул книжки под матрац.

— О чем шепчетесь, заговорщики?

Церетели не растерялся.

— О тебе и твоей пассии. Думаем, как отбить.

— А чего думать? Кто мне сейчас одолжит рублей десять, получит ее... скажем, на недельку! Идет?

Гивя широко улыбнулся:

— Ты можешь вырасти в большого мерзавца.

Теймурбек зло прищурил глаза, но реально оценив свои шансы, предпочел обратить все в шутку.

— В таком случае карьера моя обеспечена. Вы идете в столовую или остаетесь шептаться?

Он подозрительно переводил взгляд с одного на другого, но Гивя весело подхватил братьев под руки.

— Пошли, пошли! Я готов самолично съесть быка, только бы в нем не было мелких косточек.

Часа через два, во время занятий верховой ездой, Церетели вызвали к начальнику школы. Еще через час Исламбек, встревоженный долгим отсутствием Гивя, отпросился у поручика, который вел занятия, и поспешил к штабному флигелю. Подбежал он в тот момент, когда жандармы выводили Гивя. Глаза их встретились, и Церетели, презрительно усмехнувшись, отвернулся. Стало сухо во рту. Мелькнула мысль: он считает...

Через день, в приказе по школе Исламбек встретил две фамилии.

«По причине политической неблагонадежности и за распространение крамольной литературы среди учащихся школы курсанта Церетели Г. А. отчислить».

И второе: «За примерное поведение, верность царю и отечеству курсанту Карабаглы Теймурбеку объявить благодарность с предоставлением недельного отпуска».

— Подлец! — Исламбек кинулся на поиски брата. Но тот, не предупредив, уже отбыл в свой «краткосрочный» отпуск.

Через несколько недель их досрочно произвели в прапорщики...

Решительно толкнув дверь, Исламбек вошел в дышащий винным перегаром зал. Табачный дым, запахи зелени и жареного мяса, жующие рты, хохот, крики, ругань, музыка, снующие взад и вперед официанты — все это с непривычки ошеломяло.

Все столы были заняты. Лишь в конце зала Исламбек обнаружил маленький столик, за которым сидел представительный мужчина во фраке. Потягивая из бокала вино, он с интересом рассматривал публику.

— Милости прошу, — он кивнул и мягко улыбнулся. — Позвольте предложить вам это вино. Только здесь вы найдете настоящее марочное. Буду польщен, если вы не откажетесь составить мне компанию, господин поручик...

— Прапорщик, — поправил его Исламбек.

— Извините, сударь. Слабо разбираюсь в регалиях.

Вдруг он нахмурился. Исламбек перехватил его взгляд и обернулся. В дверях стоял толстый пьяный маузерист — тот, которого он недавно видел на Ольгинской.

— Пожаловала сама власть, — иронически вздохнул сосед. — А власть — хрупкая вещь! Разве ее можно давать в грубые руки... Впрочем, сегодня власть не дают, а берут. Берут те, у кого есть оружие.

Маузерист небрежно облапил хихикавшую девицу в коротком платье и чмокнул в губы.

— Гиде ты была, дочь шайтана? Цели ден ищю, ног сбился. Ну-ка пашли. Пашли, Стъёпка ждет... Такой прелест! Шлепнув девицу по задку, он подтолкнул ее к выходу.

— М-да, такие вот дела, господин прапорщик, — прокомментировал сосед. — Знамение времени! Иногда, уверяю вас, час равен целой жизни...

— Вы о чем?

— Мне довелось побывать в Тебризе. Столкнулся с любопытным явлением. Проституция там носит, представьте себе, вполне откровенный, узаконенный характер и именуется «Сий-гя». А знаете, что это такое? — губы собеседника тропула усмешка. — Понравилась вам бабенка, можете заключить с

ней брак на час, на день, на неделю. Представьте себе, даже если обе стороны семейные... Согласен — мерзко, но там хотя бы закон придумали. А у нас вообще творится черт знает что... Женщины хотя бы сбросить чадру, юнши бунтуют против закона предков. Совсем стыд потеряли. Кое-кто называет это свободой... — Он заглянул в холодные, трезвые глаза Исламбека.

— Откуда такое берется? Европа?! Но мы — Восток. У нас свои обычаи, нравы. Если теперь разврат и пошлость считают демократией, то мусульмане должны дать ей бой. Не так ли, господин поручик?

— Прапорщик.

— Ах, не все ли равно, — качнул головой сосед. Допил остаток вина, прищмокнул толстыми губами и доверительно наклонился к Исламбеку: — Вы с фронта? Как там дела?

— Как говорится, бой местного значения; — невесело улыбнулся Исламбек.

— Я так и думал. И фронт — не фронт! Кто командует человеческими судьбами? — Он пожал плечами. — Его превосходительство дашнак! Истинные же мусульмане позволяют им по вечерам лапать публичных девок, а с утра кричать — «Да здравствует революция!» Разве это не девальвация принципов, сударь?

Слушая, Исламбек пытался вспомнить, откуда же кому ему этот человек. И еще — пора было заказывать, он поискал глазами официанта. Сосед угадал его намерения.

— Понимаете, я большой гурман — это видно по моей комплектации, и поэтому на столе полно еды. Пожалуйста, угощайтесь! Будьте моим гостем. — Не дожидаясь ответа, он сам налил ему вина. — Простите, если докучаю. Но ваше лицо, — он вытер синим платком вспотевший лоб, — удивительно знакомо мне. Скажите, вы мусульманин и, наверно, из состоятельной семьи, не так ли?

— Наверно.

— Тогда позвольте представиться: Алигейдарбек Ширвани. Удивительный у нас город. Выйдешь из дому и обязательно столкнешься с кем-нибудь из знакомых. Но вы, господин офицер, не подумайте, что я здесь завсегдатай. Просто добропорядочный, несколько, признаться, растерявшийся интеллигент. — Ширвани грустно усмехнулся. — Таких теперь немало.

Исламбек вдруг вспомнил. Это же поэт Ширвани! Господи, как он изменился! Поседел, обрюзг, а был таким щеголем.

Ширвани словно угадал его мысли.

— Я был поэтом, пока вдохновение жило в моей душе. А

теперь... пью. И, представьте, нахожу в вине утешенье. В прошлом году я гостил у приятеля в Париже. Если бы я знал, что наш монарх слетит с трона и начнется такая вакханалия, ни за что не вернулся бы в Баку, в этот крошечный ад!

— Ад, говорите? Почему?

— О, господин офицер, побольше приглядывайтесь и поймете. В «Дикой кошке» относительно спокойно: еда, вино, музыка и очаровательная Лизабет Дюпо... А где-то льется кровь, во имя сильных мира сего. И опять расплачивается простой люд. — Он на мгновенье умолк. — В этом хаосе я только наблюдатель. Вы ешьте, а то я, кажется, заговорил вас... Что делать! Когда люди хватаются за оружие, им нё до поэзии. Вы, вероятно, думаете, что перед вами просто болтун и скептик. Так?

Исламбек не ответил.

— Предпочитаете отмалчиваться? Видно вас не коснулись беды безвластия или, как сейчас модно, двоевластия?

— Ошибаетесь, господин Ширвани.

— Ах и вам досталось? — глаза собеседника округлились. — В таком случае пейте, господин офицер! В этом, пожалуй, единственное спасенье. Великий жизнелюб Хайям оправдывает вино. А вы волевой, если умеете сохранять спокойствие. Мне легче, когда пью. Вино туманит, дарит чувство освобождения, хоть на несколько часов. Пейте, прапорщик!

— Зачем? И что делать через несколько часов? Тогда и огуречный рассол не поможет...

Густые брови Ширвани поползли вверх.

— Знаете, молодой человек, даже отлично оснащенный корабль, попав в шторм, может потерять управление. А тут? Не знаешь, какому богу молиться. Искусство, литература, культура — все выброшено за борт, к чертовой матери.

— Кем? — требовательно спросил Карабаглы.

— Временем. Брат убивает брата, отец — сына, женщины насилюют, мусульманин дерется с армянином, друг предает друга. Честь продается с молотка, как барахло на аукционе. Люди перестали быть людьми. Прав Хайям: «О, нерожденные! Когда б о наших муках вам довелось узнать, не шли бы вы сюда...». А вы спрашиваете, господин прапорщик, зачем пить? Затем, чтобы забыться, чтоб все это, — он махнул рукой в сторону зала, — виделось как сон, как бред. Вот вы — офицер! Чем вы собираетесь заниматься? Воевать?

— Нет.

Понимаю! — Он снова приложился к бокалу. — Пони-

Ужин они закончили в молчании.

— Пожалуй, пора, — предложил Исламбек.

— Да, да. Я только хотел вам сказать, что как офицер и представитель нашего сословия, вы должны защитить нас... от посягательств бунтовщиков.

— И не подумаю, — неожиданно резко возразил Исламбек.

— О! Вы партийный? Социалист?

— Нет. Я бывший офицер царской армии. Беспартийный. И, если вам угодно, сударь, сын Мусабек-Карабаглы, Исламбек.

— Боже мой! За один вечер столько неожиданностей. Простите, ради аллаха! Как же, как же, я знаю доброго и почтенного Мусабек-Карабаглы.

Прапорщик нахмурился.

— Уже поздно. Куда запропастился наш официант?

— Не беспокойтесь, сударь... — Ширвани встал и вернулся причёсанный, подтянутый, почти трезвый.

На улице было прохладно. Бодро помахивая дорогой тростью, поэт спокойно шагал рядом с Исламбеком. На углу он заметил фаэтон с дремавшим на козлах кучером. Ширвани пришла бы мысль прокатиться по ночному городу. Извозчик ответил резко: — «Занято!» И почти в ту же минуту из дверей выпорхнула сопровождаемая каким-то франтом певица Лизабет Дюпо.

— Вы прелестны, мадам... Я умираю от любви...

Француженка громко рассмеялась.

— О, месье, нон, нон!

— Мадам, я не сделаю ничего плохого. Я благородный человек. Да, да!

Француженка быстро села в фаэтон, тронула зонтиком извозчика. Франт еще долго топтался у кромки тротуара, махая шляпой, восторженно закатывал глаза.

Алигейдарбек усмехнулся.

— Вы понимаете по-французски?

— Немного.

— Видали вертопраха? Таким живется легко. А рыжая бестия хороша! Сирена. Говорят, неприступна. Отказывается от самых соблазнительных предложений. Впрочем, не очень верится.

Они дошли до Большой Морской, миновали пассаж.

— Я только из глуши, — заговорил Исламбек. — Давно не был в Баку, многого не знаю. Вот вы, уважаемый Алигейдарбек, помяните о благородстве беков. Я был на войне и по-

верьте — только там, где смерть ходит рядом, люди раскрываются по-настоящему.

Ширвани, за весь вечер не услышавший от Исламбек десятка фраз, взглянул на него с изумлением.

— Господин прапорщик, да вы настоящий оратор.

— Ничего подобного. Я никогда не умел говорить. Просто хочется... В общем, надо оставаться человеком. В любых условиях.

Ширвани ухватил пальцами пуговицу на френче Исламбека.

— Продолжайте! Я слушаю вас с интересом.

Они пересекли улицу. У броской афиши синематографа «Форум» Исламбек остановился.

— Читайте, господин поэт, читайте! Вот она — ваша безграничная любовь к царю-батюшке, богатству и благородству...

Ширвани прочел вслух:

«Позор дома Романовых». Фильм в четырех действиях.

1-я часть. «Гришка Распутин найден».

2-я часть. «Гришка и Александра»...

Ширвани замолчал и долго стоял у афиши, задумавшись.

— Господин Исламбек, — сказал он, наконец: — Вы меня удивляете. Вы что ж, хотите лишить меня последней надежды? — Я? Надежды? Вы шутите... Мне всего двадцать лет...

— Двадцать? — Ширвани взглянул на него: высокий, плечистый... — Тем более не понимаю. Это смутное время либо делает молодых стариками, либо, как наждак, оттачивает их. Видимо в свои двадцать лет вы многое пережили.

— Может быть. Во всяком случае Распутин и распутищина меня не удивляют. Война чему-то учит. — Голос Карабаглы дрогнул. — Я просил вас не пить. Конечно, это не мое дело. Но и я на распутье... Хочется, чтобы умный собеседник был трезв.

— Вы преувеличиваете, Исламбек. Все происходящее меня буквально раздавило. Я плохой советчик.

Заметив свободный фазтон, он взял спутника под руку.

— Проедем по ночному городу. Легче будет думать. — Перед молоканским садиком Ширвани прервал молчание.

— Отец рассказывал, что на этом месте полвека назад был пруд, рос камыш. Представьте, здесь стреляли уток и ловили рыбу.

— Время... — Исламбек вздохнул. — Извините за любопытство, сколько вам лет?

— Уже под сорок.

— Любили?

— Кто его знает... Наверно. Я ведь женат, у меня двое сыновшек.

— Тогда вы должны меня понять. Совсем недавно я соби-
рался стреляться, не хватило воли.

— Самоубийство?! Ужасно. Неужто это серьезно?

— Не помню, кто сказал, но все равно очень мудро. Видеть
невидимые, но подлинные грехи человеку мешают видимые, но
мнимые добродетели.

— Прекрасно. Но вы не сказали о главном, Исламбек.

— Об этом тяжело говорить. Да и смахивает на дешевую
мелодраму.

— В молчании сердце каменеет, Исламбек. Располагайте
мною.

Фаэтон свернул у губернаторского сада и поднимался те-
перь к Николаевский — мимо домов Лалаева-старшего и Гу-
касова. Карабаглы взял предложенную папиросу, затянулся.

— Ладно. История началась года два назад. Было нас два
брата. Мы — близнецы. И очень похожи, только у брата
родинка на подбородке. Смешно... Отец нас постоянно путал,
отличал меня по упрямству. Я упрям... Это скверно?

— Почему же? Дело в направленности.

— Вы знаете, наверно, что мой отец, при всей своей расто-
чительности, был богат. Две сотни крестьян работали на него.
Он проматывал в кутежах тысячи, ездил в Европу, в Стамбул,
а нас, братьев, держал жестко. Когда мы окончили гимназию,
началась война. По примеру Шамси Асадуллаева, отец опре-
делил нас в тифлисскую школу прапорщиков. Произвели нас
через два месяца после начала войны с Турцией. Но напра-
вили нас, заметьте, не на фронт, а в бакинский гарнизон. По-
том я узнал, что помог губернатор Алышевский. Наши первые
погоны отец решил отметить пышно. Кутили несколько дней.
А какие говорились тосты! О чести, бескорыстии, благород-
стве! Ораторы сменяли друг друга: Шамси, Мартынов, Доку-
чаев, Алышевский... Представьте, в центре внимания был Тей-
мурбек. Он умеет подать себя, выделиться. Честолюбие? По-
жалуй. Но главное для него — выгода. И он превосходно впи-
сывался в компанию тех, кто пировал за отцовским столом...

— Гм! Скажите пожалуйста... Стало быть, в восемнадцать
лет вы уже умели делать выводы?

— Какое тут требовалось умение! Шла война, люди гибли,

а у нас дома пировали, болтали об отечестве те, кто дальше Баладжар на фронт не ездил.

— Что ж, это принципиально.

— Словом, я ушел. Бродил по городу и думал о том, как бы попасть на фронт. Я считал, что офицер должен воевать за отечество не на словах, а на деле. Не помню, как очутился на Базарной, где торгует халвачи Кербалай...

— Знаю этого старого шутника.

— Лучше бы я там не появлялся... Девушка покупала халву для брата. Я случайно увидел ее лицо. В общем понимаете... Влюбился с первого взгляда. Она схватила братишку и убежала. Помог Кербалай Юсиф. Назвал имя девушки, рассказал о родителях. Ее отец Али Мирза служил счетоводом у нефтепромышленника Муртузбека Кязымлы. У них был домик в узком дворике на Старопочтовой. Люди бедные. Очень. Хотел я пойти к ним, но не решился. Вернулся домой и всю ночь не спал. Утром попросил отца послать сватов в дом Али Мирзы. Видели бы вы лицо отца, послушали бы, как «благородный» человек оскорблял родного сына. «Да как это ты посмел даже думать о невесте, у которой ни родства, ни капиталов». Договорился до того, что я собираюсь запятнать его репутацию, что достойные люди при встрече будут от него отворачиваться. Я пытался объяснить, что полюбил эту девушку, и никаких капиталов мне не надо. Отец расхохотался, назвал меня мальчишкой и велел выбросить дурь из головы. Но я стоял на своем. Он стал кричать: «Разорить меня хочешь? Отдать богатство нищим?» Мне никакого наследства не нужно, говорю, пусть все достанется Теймурбеку. Тогда отец утих, сказал спокойно, что у истинного мусульманина не должно быть любви. Одна жена — не жена, а любовь — обуза. Привел в пример себя: вот у него две жены в Карабахе, третья — моя мать, здесь в городе. Без любви и без всех этих страданий, выдуманных поэтами, живется неплохо. Но я то знал, сколько слез проливала мать, когда он уезжал в Карабах. Вскоре появился Теймурбек и, уяснив в чем дело, стал издеваться... Я сдержался. Вечером ушел из дому и поселился в казарме, потом отправился к родителям девушки. Встретили меня очень тепло, выслушали. И поверили. И моя Багира поверила. Мы решили пожениться.

— Вы молодец, — воскликнул Алигейдарбек.

— Не спешите! Мой любезный брат выследил меня и донес отцу, что я бываю в доме Али Мирзы. Пользуясь своими связями, отец добился, чтоб меня сразу отправили на фронт.

— Это жестоко!

— Таковы нравы благородных беков. Все вроде бы делается ради «намуса», чести. Жизнь без любви, три или пять жен... Это они называют намусом. Потом я был тяжело ранен под Эрзинджаном. После госпиталя приехал в Баку. Хотел перед возвращением на фронт увидеться с ней. Не довелось.

— Разлюбилась?

— Погибла.

Исламбек откинулся на спинку сидения и умолк. Ширвани взял его за руку.

— Несчастный случай?

Исламбек снова закурил.

— В «Дикой кошке» вы говорили о чести, достоинстве беков. Отец Багиры работал у Муртузбека Кязымлы счетоводом. Однажды Муртузбек увидел Багиру. Ему за пятьдесят, а ей было семнадцать. Старый развратник воспылал к девушке страстью и послал сватов. Им ответили, что девушка помолвлена и что жених на фронте. Муртузбек не отступил. Отправил Али Мирзу на неделю в Петровск, а в его дом подослал кочи¹ с нукерами². Они похитили девушку и увезли ее на дачу Муртузбека в Бильгя. И там почтенный бек обесчестил ее... Она не вынесла позора, облила себя керосином и сожгла. Умирала долго, в страшных мучениях. Извините, больше не могу...

Ширвани застонал, закрыв лицо руками.

— Когда отец вернулся из Петровска, дочь похоронили. Али Мирза пошел к Муртузбеку и сказал, что заявит властям.

— Верно! Такое преступление должно быть наказано!

— Увы! В ту же ночь в его дом ворвались кочи, убили и Али Мирзу, и двенадцатилетнего мальчика Эльчина, ранили мать. Им было приказано вырезать всю семью. Грабить-то было нечего.

— Неужели... Муртузбек?! А полиция? Что полиция?

— Станет она искать, кто убил какого-то бедняка. Муртузбек богат, уладил все без скандала.

— И что же вы, Исламбек?

— Как положено, я вынес ему приговор. И не будет мне покоя, пока не приведу его в исполнение. Перед глазами камни на могиле. Груда камней...

— Так нельзя, Исламбек. Вы молоды, нетерпеливы и только погубите себя.

¹ Наемный головорез (азерб.).

² Слуги (азерб.).

— Двум смертям не бывать.

На Кубинской фаэтон остановился у небольшого двух-этажного дома, чуть выше тагиевской тюрьмы.

Алигейдар и Исламбек сошли, извозчик уехал.

— Куда теперь? — спросил поэт.

— Не знаю. Поброжу...

Словно боясь, что Исламбек исчезнет, Ширвани схватил его за плечо.

— В доме шесть комнат, а живу я один. Зачем вам искать пристанища? Поверьте, с вами мне будет не так одиноко. Оставайтесь. Мы сможем поговорить спокойно.

Карабаглы поблагодарил.

Через несколько дней Исламбек отправился искать работу. Это было трудно. Конечно, Ширвани — человек обеспеченный. Но сколько можно сидеть на чужой шее?

Прогрохотала почти пустая конка. Редкие прохожие медленно прогуливались, подолгу задерживаясь у каждой афиши.

Приказы градоначальника, постановления городской думы, распоряжения властей, обращения, призывы, театральные афиши...

Театр Бр. Маиловых. Дирекция П. И. Амраго. Сегодня, 27 апреля, в субботу **СОСТОИТСЯ ВЕЧЕРОМ** при участии известных артистов: г-жъ Дези-Денье, Янковской, Борской, г. г. Амираго, Добрынина, Шульгина, Юрьевского, нашумевшая по всему миру.

ЦЫГАНЪ ПРЕМЬЕРЪ

Музыка необычайно красива. Сюжет на редкость интересный. Все предыдущия представления «Цыганъ премьеръ» прошли с колоссальным успехом.

Начало в 8 ч. 15 м. ч.

Цены обыкновенныя. Г. г. военнослужащимъ скидка. Раненым вход бесплатный.

Завтра: утром опера-феерия

АДСКАЯ ЛЮБОВЬ

Вечером гвоздь сезона — прелестная оперетта **ПОЛЬСКАЯ КРОВЬ.**

Он услышал стон и шум падения. На тротуаре лежала женщина. Исламбек кинулся к ней, попытался поднять. Подошли мужчина и дама. Извинившись перед спутницей, мужчина надел пенсне, наклонился, пощупал пульс.

— Типичные признаки истощения. Среди рабочих дистрофия приняла катастрофические размеры. В сегодняшней ситуации трудно чем-либо помочь. Едят ячменный хлеб с листьями и отрубями. Не больше осьмушки на брата. И в супе варят траву... Так! Надо бы отправить ее в больницу, но у нас все забито. Без меня могут не принять. Знаете что, молодой человек, подгоните фаэтон, я отвезу ее сам. Кажется, приходит в себя.

Исламбек помог усадить женщину в коляску, где ее уже ждала спутница врача. Она бережно обняла больную.

Глядя им вслед, какой-то господин в демисезонном пальто заметил, небрежно попыхивая сигарой:

— Боже! Сколько хлопот из-за одной нищенки. Чем меньше их останется, тем лучше для них. Больше хлеба. Ну, этот либерал Нариманов, понятно. Но вы, прапорщик, боевой офицер...

Кровь бросилась Исламбеку в лицо.

— Лучше уходите. Вы не человек.

— Но, но, мой дорогой! Поменьше волнений. Здесь город, а не линия фронта. Слава богу, у нас еще есть какой-то порядок.

Не владея собой, Исламбек двинулся на него.

Полиция! Милиция! — завопил человек. И не очень веря в порядок, бросился вниз по Николаевской. — Бандит, — кричал он. — Пуля по тебе плачет. Большевицкий выкормыш!

Пытаясь унять нервную дрожь, Исламбек прислонился к дереву. Было тихо. Легкие, как пух, облака медленно плыли по голубой реке неба. Трепещущие в солнечных лучах листья казались бархатистыми бабочками. По стволу сновали муравьи. Один из них еле взобрался на руку Исламбека и, бросив крупинку, заметался в поисках выхода. Карабаглы с улыбкой наблюдали за муравьем, потом дунули, зачем-то сорвали с дерева маленькую ветку и присели на скамью.

— Эге, господин прапорщик! Рад видеть вас здоровым и невредимым. А поседел-то как... И красив. Наверно от женщины прохода нет... — Перед скамейкой стоял Аслан, одетый в какие-то немыслимые лохмотья и сильно обросший. На плече — старый хурджин.

Исламбек вскочил. Они обнялись.

— Салам, Аслан! Я часто вспоминал тебя там, в лазарете. Ведь ты мне теперь брат.

Они сели и закурили. Исламбек спросил:

— Ты что это так чудно одет?

— Долго рассказывать, бек. Как-нибудь в другой раз. А где ты? Работаеть?

— Нет. Пока не нашел ничего подходящего.

— Тебя что, комиссовали вчистую?

— Да. Как и тебя!

Они посмеялись.

— Правильно сделал. Хватит, пролили кровушки неизвестно за что и за кого. И помирать нам сейчас нельзя. На земле еще ой сколько работы!

— Слушай, Аслан. Ты, случайно, не этот... большевик?

— А это что, плохо? Да и как ты определил? А-а... По одежде, — он расхохотался.

— Да, нет! Ты все шутишь... Или не доверяешь? Я тут на митингах разного наслушался. Но ты больше к большевикам подходишь.

— Подожди, подожди. Кажется, я найду тебе дело! Ты же боевой парень. И самое главное, людей уважаешь. Мне рассказывали, как ты ребят защищал. Ладно! Поговорю с одним человеком. Думаю, вы друг другу понравитесь. Ну, будь здоров, бек! До встречи.

— А как же я найду тебя?

— Ты запиши мне свой адрес. Нужно будет, сам найду. Да... Вот что. Если ты меня встретишь и я к тебе не подойду, сделай вид, что мы не знакомы. Олду?

— Договорились. Я буду ждать.

— Может, завтра...

— Только не завтра. Завтра я должен вернуть один долг.

Аслан торопился и не обратил внимания, как странно провучала эта обычная фраза.

Глава V. Долг

Эмилия Викторовна едва успела к поезду. «Кукушка» чадила и пыхтела, всем своим видом показывая, что готова отправиться в путь.

Подобрав платье, Эмилия вошла в вагон и выбрала место у закрытого окна. Застучали колеса, и Сабунчинский вокзал

медленно пополз назад. Проплыла горка — склады Фореров, потом пошли черномгородские заводы: длинные шлейфы густого дыма, обволакивая небо, тянулись от нефтеперегонки Нобелей, Манташева, Гукасова, Лианозова.

Апрельское солнце припекало даже сквозь стекло. Вагон был почти пуст: рабочие уезжали на промысла чуть свет, а возвращались в сумерках.

Эмилия вынула из сумочки письмо Веры и стала перечитывать. Это был крик больного, вконец растерявшегося человека. «Миля! Сестричка моя! После смерти мамы у меня только ты! Что мне делать? Как жить? Я не могу одна. Не переживу всего этого ужаса. Умоляю тебя, приезжай...»

Письмо напомнило ей Петроград в тревожные мартовские дни. Стрельба на улицах, смерть мамы, несчастное лицо Веры — все это было нелегко. Но, наверно, за эти годы она чему-то научилась.

Уже два года в Баку. Привыкла к самостоятельности. «Ты совсем другая», — сказала Вера, изумленно ее разглядывая.

Конечно, восемнадцать и двадцать — разница. В последнее время ее стали побанывать даже коллеги. Спорить с ней было трудно. Образована, много читает, свободно говорит по-немецки и по-французски. И что не менее важно — самые упрямые, самые трудные дети слушаются ее беспрекословно.

Однако в жизни учительницы «русско-татарской школы Бенкендорфа» была особая область, тщательно скрываемая от посторонних глаз. Возникла «особая область» еще в Петрограде. На молодежных собраниях, где велся жаркий спор о марксизме и большевиках, обсуждались бесчисленные резолюции, судьбы пролетариата и крестьянства России. Тогда-то Эмилия и определила свой жизненный путь. Многие из ее товарищей все еще путали социал-демократов с социал-революционерами, раскачивались из стороны в сторону. А Эмилия уже выполняла свое первое настоящее задание.

Сколько волнений было связано с удивительным свиданием у Лебяжьей Канавки, где она, Эмилия Богданович, присев на скамеечку и мило улыбнувшись незнакомому мужчине в сером костюме, передала в томике Северянина важное сообщение о готовящихся жандармами арестах...

С этого момента началась ее жизнь профессиональной революционерки. Жизнь, полная постоянного риска. Ей доверили подпольную работу среди рабочей молодежи, распространение нелегальной литературы и газет. Она выработала в себе, развила выдержку и характер совсем не девичьи. Однажды ее

едва успели предупредить. Шпики шли по ее следам. Пришлось срочно исчезнуть из Петрограда...

Она вспомнила и свой последний приезд в Петроград.

— Не могу я здесь, Верочка. Понимаешь, не могу!

— Но отчего, Миля? — изумилась сестра. — У нас свой дом, слава богу, не нуждаемся. Останься, иначе я умру с тоски. Ты какая-то странная. Что это: нервы, усталость, роман? Или просто каприз? — Вера начала сердиться. — Из столицы, из Петрограда рваться в грязный, замазученный Баку. Неужто это всерьез?

— Да, сестричка. Всерьез. К солнышку привыкла. К теплому морю. Не могу. Давит на меня эта серая громадина. — Она подтянула Веру к окну. С утра моросил холодный и нудный дождь. — Я умру от тоски по большому кавказскому солнцу. К тому же у меня дети. Не забывай, что я учительница.

Так ничего и не поняв, Вера сдалась. Она требовала только одного — писем. Частых и подробных. Эмилия сразу же написала. И вот ответ, полный отчаяния.

Эмилия жила в доме Экков. Приехала она с рекомендательным письмом знакомого, с которым отдыхала в Вёзе. По правде говоря, Эмма Федоровна была несколько удивлена тем, что письмо любимого племянника, датированное августом 1913 года, попало к ней так поздно и что Жанни смело направил к ним малознакомую девушку. Однако приняла она молоденькую учительницу весьма приветливо.

Глава семейства Экков Теофил Адельальбертович представлял в Баку две фирмы — Ревельский машиностроительный завод Фридриха Виганда и всемирно известную — «Зингер». Перед самой революцией его шурин — Евгений Федорович Зире, управляющий губернской казенной палатой в Баку, устроил ему еще одну должность — в страховом обществе «Русский Ллойд». Это позволяло Эккам жить безбедно. Хотя семья у них была немаленькая — три дочери и два сына.

Они занимали в Лютеранском переулке просторную четырехкомнатную квартиру. Эмилию поселили вместе со старшей дочерью — Ильзой. Позднее к ним перебралась и Ютта — вторая сестра.

Девушки быстро подружились, тем более, что Ильза работала в той же школе. Она преподавала немецкий язык, Эмилия — русский. Случалось, впрочем, что в младших классах она заменяла и историка, и ботаника. За два года Эмилия так сблизилась с Экками, что многие считали ее родственницей.

Когда из Ревеля пришло письмо, в котором тетка Лидия

сробщала, что кузен Жанни контужен под Верденом, Эмилия вместе с Ильзой проплакала целую ночь. Они были помолвлены — Жанни и Ильза.

Но еще ближе ей была Ютта. Своей бесшабашной веселостью она вносила даже некоторую сумятицу в чинный мир семьи Экков. Эмилия понимала девушку лучше, чем отец и мать. Она тоже была такой, пока не нашла свой путь в этом сложном и запутанном мире...

Поезд остановился у грязной платформы промышленного поселка. Кто-то вошел и осторожно сел рядом. Эмилия подняла глаза и насторожилась. Плотный молодой человек, одет по последней моде — черный котелок, клетчатый костюм и белая, до хруста накрахмаленная сорочка. Сидит на самом краю скамейки, напряженно выгнув спину. Узенькие, закрученные вверх усики словно приклеены. На лбу впадинка. Шрам?

Чувствуя, как обшаривает ее фигуру липкий взгляд соседа, Эмилия отвернулась. Незнакомец демонстративно пересел напротив и продолжал ее рассматривать. Она встала, взяла портфель с тетрадами.

— Пардон, сударыня! Мне кажется, я вас знаю. Извините, вы не из молодежного кружка?

Эмилия вскинула брови.

— Сударь, вы ведете себя возмутительно!

— Пардон! Я ничего плохого... Вы же учительствуете в школе господина Бенкендорфа?..

Эмилия не спешила с ответом. «Кто этот тип? Откуда он меня знает?» Столь же бесцеремонно она оглядела его. Память сработала мгновенно. Физиономия знакома. Мельтешил около школы. С двумя жандармскими офицерами.

— Что вам угодно, сударь?

Незнакомец ухмыльнулся, вытащил из кармана жилета какую-то карточку.

— Я, госпожа учительница, если угодно, представляю исполком общественных организаций.

«Заурядный шпик», — подумала она.

— Я и в самом деле учительница, сударь. Но к вашему сведению не вхожу в категорию лиц, которыми интересуется ваш так называемый исполком. Если вы не оставите меня в покое, я вынуждена буду жаловаться господину Бенкендорфу.

— Напрасно, сударыня, волнуетесь. Я с вами заговорил в надежде, что наши убеждения могут оказаться родственными.

— Любопытно! Какие же у вас убеждения?

— Ну, как вам объяснить? В пароде нас кличут большевиками... Я, конечно, рискую, открываясь вам...

Игра была слишком грубой, это настораживало. Нужно быстрее от него отделаться. У нее в сумочке лежал пакет, адресованный Шаумяну.

— Ничем не рискуете. Хотя мои убеждения не имеют ничего общего с вашими. Поэтому прошу вас оставить меня в покое.

— Что ж. Очень жаль. — Шпик приподнял котелок. Больше до самых Сабунчей он не проронил ни слова. Но на станции, садясь в фаэтон, Эмилия видела, что и он нанял извозчика, в уличной суете обогнав ее.

Эмилия не знала, что ее осчастливил своим вниманием бывший тайный агент бакинского полицеймейстерства Валентин Буров. Человек опытный и проницательный. Однако осадок у нее остался.

К удивлению ребят, с восторгом ожидавших рассказа о няне Пушкина, урок прошел вяло.

— Давайте пока на этом остановимся, — сказала она. — И поговорим о нашей школе. Каждый, кто будет прилежно заниматься, закончит начальный класс и получит возможность учиться дальше. Вы должны помнить, что школа создана на деньги уважаемого хозяина фирмы Александра Михайловича Бенкендорфа. Он занятой человек и все-таки постоянно заботится о вас. О детях рабочих. Он хочет, чтобы вы все стали грамотными людьми.

Мальчик с последней парты поднял руку.

— Тебе что, Попов?

— Госпожа учительница, а откуда господин Бенкендорф берет деньги, чтобы учить нас? Мой папа говорит, что для этого нужно очень много денег. А в школе вон сколько народу...

Эмилия Викторовна вздрогнула.

— Садись, Попов. Дело в том, что господин Бенкендорф сам много учился и стал инженером. Потом работал, копил деньги на добрые дела, ну а теперь открыл эту школу... Ясно?

Мальчик кивнул, но как-то неуверенно. Эмилия покраснела.

— Вы должны учиться, дети, — продолжала она торопливо. — Неучи никому не нужны. Ваши отцы верят, что вы будете для них опорой. А теперь перейдем к правописанию согласных.

Кое-как дотянув до конца занятий, Эмилия Викторовна вернулась в город. Больше всего ей хотелось домой — помыться и отдохнуть. Нужно было, однако, срочно предупредить товарищей...

Солнце уже давно село, когда на апшеронской дороге появился всадник в черкеске и пышной овчинной папахе. Оставляя за собой облака пыли, он обгонял одну арбу за другой.

У первых домишек Бильгя всадник придержал лошадь и дальше поехал легкой рысцой. В некоторых домах еще светились окна. За оградами из бута бесновались на цепях огромные собаки. Человек в папахе не спеша ехал по узким улочкам мимо глухих темных окон. Наконец селение осталось позади. Лишь у самого моря смутно темнел двухэтажный особняк, обнесенный высоким каменным забором.

Всадник бесшумно приблизился к крючковатому старому карагачу и, приподнявшись в стременах, заглянул во двор. На открытую веранду выходило несколько окон, но светилося только крайнее.

Всадник прислушался. Никого. Только мерные всплески волн, да верещанье цикад. Не слезая с коня, он привязал его к дереву, перелез через забор. Осторожно ступая по траве, подошел к конюшне и заглянул в приоткрытую дверь. В стойле лениво жевали траву две породистые лошади. Слабо мерцал керосиновый фонарь. На войлочной подстилке, прижав к себе берданку, посапывал конюх.

Ночной гость мягко прикрыл дверь конюшни и задвинул засов. Оглядевшись, он по лестнице поднялся на веранду и принял к крайнему окну. Просторная комната, освещенная мягким розовым светом лампы, была увешена коврами. В углу на низкой тахте полулежал Муртузбек в небрежно запахнутом халате. Обхватив за плечи девушку, он тянул ее к себе, пытаясь добраться до губ. Защищаясь, девушка уперлась руками в волосатую грудь. Муртузбек плеснул в бокал вино и поднес к ее губам.

Человек в папахе еще раз оглядел комнату. Над тахтой висели ружье и кинжал, на низком столике, уставленном бутылками, лежал револьвер в кобуре.

Незнакомец оторвался от окна, вытащил маузер и резко толкнул дверь. Плачущая девушка вырвалась и, прикрывшись чадрой, уткнулась в угол.

Муртузбек попытался схватить револьвер, но не успел. Маузер уперся ему в лоб.

— Еще одно движение, Муртузбек...

Тон, которым это было сказано, подействовал сильнее, чем маузер.

Муртузбек опустил руки. Но глаза его смотрели внимательно

но и зорко. «Кто это? Как появился здесь? Где охрана?» — мысли скакали.

— Ч-то тебе здесь нужно? Ты кто?

Человек в папахе угрюмо покосился на девушку, натягивавшую на себя старенькое платьице.

— С возрастом люди умнеют. Ты же, как был — без чести и совести — так и остался. Мерзавец. Я пришел, чтобы сказать тебе: всему есть предел. Я буду судить тебя по законам наших отцов.

Кязымлы затрясся.

— Вот возьми... Здесь много. Еще могу. Девчонку тоже возьми. Нетронутая...

Муртузбек ждал: девушка закричит, бросится во двор. Враг обернется, он выбьет маузер. Прибегут слуги и тогда... Но эта перепуганная дура застыла в своем углу...

Он попытался выгадать время.

— Объясни, в чем дело? Может быть, ты спутал? Я почтенный гражданин республики. Мы можем договориться! Я озолочу тебя... Только оставь мне жизни!

Незнакомец сказал тихо:

— А ты оставлял жизнь другим? Нет! Тогда получи свое, бек!

Звук выстрела разбудил далеких собак. Внизу заголосил проснувшийся конюх.

— Поправь одежду, — бросил он девушке резко и отвернулся. Крепко взял ее за руку и повел за собой. Она покорно шла, беззвучно всхлипывая.

Конюх бешено стучал в дверь. Грохнул выстрел. Вспыхнули факелы, закричали люди. Лязгнули цепи — кто-то, остервенело ругаясь, спускал собак.

Но они уже перелезли ограду. Он прыгнул в седло, рывком перебросил за спину девушку. Лошадь с места взяла галопом. Всадник гнал ее вдоль самой кромки воды — море сразу заливало следы.

Девушка судорожно вцепилась в черкеску, губы ее беззвучно шевелились. Порыв ветра сорвал с нее чадру и унес в море. Девушка вскрикнула. Отъехав подальше, всадник придержал коня и обернулся. В тусклом свете луны смутно проступили скуластое лицо, высокий лоб, прищуренные глаза.

— Сколько тебе лет? — спросил он отрывисто.

— Шестнадцать, господин. Простите.

— Давно у Муртузбека?

— Нет, господин. Меня привезли сегодня. Отца арестовали.

Муртузбек приехал к нам и сказал, тюрьму, чтобы освободить отца.

Она зарыдала.

— Кто твой отец и за что его арестовали?

— О, господин, не сердитесь на меня. Из Нардарана мы. Мешади Алескер мой отец. Работает кладовщиком на промысле Муртузбека. На прошлой неделе обворовали склад, хозяин заявил в полицию. Отца посадили. И вот сегодня...

— И как же ты! — прервал он гневно.

— Аллах свидетель, господин, я не виновата. — Она плакала навзрыд. — Мне... стыдно вам рассказывать. Муртузбек привез меня на дачу и сказал, что дома он все выдумал, не хотел мать расстраивать. На рассвете отца должны расстрелять за воровство. Он мог бы его выкупить, но для этого нужны большие деньги. Муртузбек сказал, что даст деньги, если я... я...

Дальше можно было не слушать. Остальное он видел сам.

Он толкнул гнедого в галоп. Луна обливала серебром прибрежный песок и черную шевелящуюся громаду моря.

Худая заплаканная женщина открыла дверь ветхого, вросшего в землю домика. Увидев свою дочь с незнакомым мужчиной, она рванула с головы платок и горестно запричитала. Девушка бросилась к ногам матери, косы ее тяжело упали на песок.

— Ана¹, ай ана! Этого господина послал сам аллах. Он спас меня от бесчестия и позора...

Незнакомец спрыгнул с коня, поднял девушку и, глядя ей прямо в глаза, сказал мягко:

— Меня ты не видела, ясно? Ты прибежала сама. Прощай. Он вскочил на коня.

— Да принесет тебе аллах счастье, добрый человек, — испуганно прошептала мать.

Глава VI. Доктор Нариманов

Ширвани возвратился домой в отличном настроении. Навистывая модный чарльстон, он оглядел гостиную — ничего. Странно... Окликнул:

— Э-эй, господин командующий! Ваше превосходительство! Имеетса потрясающий сюрприз!

¹ М а т ь (азерб.).

Не дождавшись ответа, Алигейдарбек хитро прищурил глаза.

Молчите? Но меня не проведешь. Али Гулу доложил, что вы дома.

Он распахнул одну дверь, другую... В столовой и в гостиной никого не было. Стараясь не шуметь, Ширвани вошел в спальню. Исламбек лежал поперек кровати, раскинув руки. Сон сморил его сразу, даже сапоги не успел снять.

— Ба! На улице полдень, а бородач спит сном праведника. Господин прапорщик, слышите? Господин прапорщик! Вы проспите все новости... Подъем, как говорят военные!

Исламбек шевельнулся, приоткрыл глаза, затянутые пеленой сна. Ширвани шлепнул его пониже спины свернутой в трубку газетой.

— Подъем, друг! Послушай только!

Исламбек поднялся; отгоняя сон, сделал несколько резких движений.

— Доброе утро, Алигейдарбек. Рад видеть вас с утра в столь блаженном состоянии.

— Не думайте, мой друг, я не пьян. И, не в пример вам, утро от дня отличаю. К тому же, приехал я не с пустыми руками.

Исламбек сладко потянулся.

— Грешен. Немного подгулял. Но, кажется, и вы не терялись. Уехали и целую неделю ни слуха, ни духа. Я уже собирался розыск объявлять.

— Милейший друг, вы мне зубы не заговаривайте. Взгляните сюда! — Ширвани протянул ему листок лощеной бумаги с незнакомым изображением.

— Что это?

— Деньги! Деньги! Берите пожизненно, режьте вкривь и вкось. Взамен николаевских появились новые: «керенки». По двадцать и сорок рубликов. Керенский не мелочится. У меня с собой было несколько золотых, и я решил разменять их в купеческом банке на Магазиной. Ну, а затем следовало проверить курс этих банкнот, так сказать. И я...

— Понятно. Начали с... Бахуса!

— Клянусь аллахом, вы ясновидец и пойдете далеко.

— Между прочим, Алигейдарбек, в священном писании мусульманам пить вино запрещено. Который час?

— Двенадцать. Нельзя ли полюбопытствовать, как у вас дела?

— Вы о чем, друг мой?

— Да просто так спрашиваю. — Алигейдарбек сел в кресло. — Я немного задержался в деревне. Мой старик прихворнул. Теперь, благодаря аллаху и доктору, все хорошо. Ребята бегают, резвятся...

— Рад, что вы вернулись. Только вот умоюсь и поговорим.

Дружба их началась в тот вечер, когда они до рассвета колесили по улицам. Странно, но они удивительным образом дополняли друг друга: поэт Ширвани и бывший прапорщик Карабаглы. Ширвани почти бросил пить, стал снова писать. О его новых стихах спорили. Сквозь привычно легкую ткань стиха просвечивали серьезные раздумья о человеке, ощущение перемен, вера в будущее.

— Готов слушать вас, мой покровитель. — Исламбек взъерошил мокрые волосы.

— Сами будете читать или прикажете мне?

Исламбек махнул рукой.

— В этой газетке правда и не ночует.

— Отчего же? Здесь есть статья Григория Айюлю — лидера Российской социал-демократической рабочей партии в Баку.

— Говорите проще — меньшевика. Что же он вещает?

— Статья большая, но главное я подчеркнул. Должен сказать, что у этого автора оригинальный склад ума. Он, например, за то, чтобы продолжать войну с турками до победного конца. Сообщает, что с начала войны в Кавказскую армию, состоящую из 100 батальонов и 117 сотен кавалерии, призвано 170 тысяч человек и что вновь назначенный командующий фронтом генерал Юденич приведет русскую армию к победе.

— Разумеется, — заметил Исламбек. — Царь уже привел. Теперь приведут эсеры и меньшевики вместе с Юденичем. Пошли они все к... Есть у вас что-нибудь поинтересней?

— Есть, друг мой! Специально для вас. Слушайте. Из рубрики происшествий: «...Бакинским управлением градоначальника получены сведения о том, что вчера, после девяти часов вечера, на загородней даче неизвестный выстрелом из револьвера прервал ценную для общества жизнь Муртузбека Джалилбековича Кязымлы. Убит владелец нефтепромыслов, один из почтеннейших граждан нашего города. Чтобы остаться неузнанным, преступник запер бекского конюха в конюшне. Милиция задержала жительницу селения Нардаран Хумар Алескерову и конюха Гашим-заде. Оба задержанных чисто-сердечно показали...»

Исламбек вскочил. Мельком взглянув на Ширван

продолжал: «...Как видно из показаний Хумар Алескеровой, она накануне убийства попросила почтенного нефтепромышленника принять ее в связи с арестом отца, Мешади Алескерова. В то время, когда они беседовали, в комнату ворвался убийца — интеллигентного вида человек в шляпе, в белом костюме и в маске. Он потребовал у почтенного бека крупную сумму денег. Получив отказ, грабитель выстрелил. Расследование поручено следственной комиссии окружного суда под наблюдением товарища прокурора Модестова. Все граждане, коим что-либо известно о данном происшествии, приглашаются в окружной суд...»

— Хватит, — прервал Исламбек. — Я не могу слушать эту ложь.

— Дорогой мой, — пытался успокоить его Ширвани. — Ведь произошло...

— Подождите, Алигейдарбек. Помните мой рассказ о гибели Багиры? Неужто вы, знающий цену чувствам, верите в это сообщение?

— Но позвольте...

— Нет, нет. Я, конечно, убит.

— А в чем же?

— А в том, сударь, что девушка-мусульманка на дачу к мужчине, особенно ночью, не пойдет. Будьте уверены. Он затянул ее туда сам, организовав арест отца. Все это элементарно.

— Допустим...

— Ясно, что этому «почетному» мерзавцу отомстили, и грабежом тут даже не пахнет! — Исламбек стукнул кулаком по столу. — Убийца, или кто он там, застал эту, как ее... Хумар в объятиях Муртузбека. Черт побери! Вы принимаете этот детский лепет за чистую монету! Позвольте спросить вас, почтенный Алигейдарбек, какой может быть деловой разговор между пятидесятилетним беком и юной девушкой в одиннадцатом часу ночи? Впрочем, раз негодяй убит, хвала интеллигенту в маске!

— Согласен, мой друг, только успокойтесь. — Ширвани положил руку на его плечо.

— Все можно понять, но при чем тут девушка? Почему она арестована? Если это ограбление, почему не пишут, что похищено? Я пойду в тюрьму, к черту, к дьяволу! Я все выложу этому господину Модестову!

Исламбек пошел к двери, но Алигейдарбек остановил его.

— Стойте, сумасшедший! Я пойду с вами. Тот тюрьму, это бессмысленно.

— А куда? Я не могу м... что творится вопнющая несправедливость.

— Надо узнать, как ведется следствие. А что, если в дело вмешается прогрессивная печать? Большевики не упустят такого случая.

Исламбек щелкнул по носу мраморного амура.

— Разоблачить Муртузбека? Идея блестящая. Но к сделать?

— Просто. Я хорошо знаю почтенного доктора Нариманова. Превосходный человек, скажу вам, и прекрасный врач. Едемте в Черногородскую больницу. Полагаю, Нариманов даст нам дельный совет.

Через полчаса фаэтон остановился у ворот больницы Совета съезда нефтепромышленников. Ширвани представил доктору Нариманову прапорщика Карабаглы и попросил выслушать. Настороженно вглядываясь в суховатое, замкнутое лицо Нариманова, Исламбек думал: «Станет ли он ввязываться в эту историю?».

И вдруг Нариманов улыбнулся:

— А я вас, кажется, узнал, молодой человек. Помните женщину, упавшую в обморок от истощения? На Николаевской? По-моему, у вас на груди был тогда Георгиевский крест.

Исламбек подивился памяти доктора.

— И я вас узнал. А как женщина? Жива?

— Конечно. Мы нашли ей работу в больнице. Санитаркой. Но это капля в океане голода, который заливает город. Что вы делаете?

— Пока без определенных занятий, доктор.

Нариманов удивился.

— Сегодня каждый человек должен сознавать свою личную ответственность перед родной и народом. Тем более грамотный. Вы знакомы с инженером Азизбековым?

— Слушал его. Мне показалось, он знает чего хочет от людей и для людей.

— А вы? Молодой человек, здоровый, грамотный, сидите сложа руки и наблюдаете за происходящим из окна своего дома! Не сердитесь за прямоту. Не умею иначе.

Исламбек смущенно одернул китель, взглянул на Ширвани. Тот молчал.

— Понимаете, доктор, я был ранен, долго лежал в госпитале. Приехал в Баку, а здесь на меня свалилась беда... Врагу не пожелаю.

— В какой-то степени это оправдывает вас. Но только пока. Стране дорог каждый мыслящий человек. А мужественный — вдвойне!

— Я солдат. Всего-навсего солдат.

— В разумных солдатах революция нуждается больше, чем в безумных политиках. Да, — спохватился Нариманов, — вы, наверно, приехали не дискутировать со мной?

Исламбек коротко рассказал историю Хумар и ее отца, передал газету. Нариманов выслушал не перебивая, подумал.

— Грязь! — он сдвинул белую шапочку и устало потер высокий с едва наметившимися залысинами лоб. — И безумие. Ну, убили Муртузбека, а сколько таких осталось. Всех не перестреляешь! Кому нужен этот уголовный и к тому же анонимный протест? В любом случае, убийство — преступление и разбираться в нем должны следственные органы. Другой вопрос, как они будут разбираться? Вы правы, конечно, это не грабитель. Скорее всего — месть. Что ж! Попытаюсь помочь. Но, повторяю, это частный случай. — Нариманов взглянул на часы. — О-о... Скоро обход. Сделаю все, что в моих силах. Очень хотелось бы побеседовать с вами, дорогой Ширвани. Должен заметить... Вы значительно выросли, как поэт. Стали мудрее. Рад за вас.

В кабинет заглянула пожилая сестра милосердия.

— Доктор!

— Да-да! Извините, друзья! Мне надо идти. А вам, молодой человек, совет. Решайте скорее, а то жизнь так и пройдет мимо.

На следующий день специальный курьер доставил председателю окружного суда Кудрявцеву пакет из комитета «Гуммет»¹. Прочитав послание, окружной судья немедленно пригласил к себе товарища прокурора Модестова.

— Как у вас, Николай Иванович, идет следствие по делу

¹ «Гуммет» — азербайджанская социал-демократическая организация, созданная при Бакинском Комитете большевиков в 1904 г. для политической работы среди трудящихся-азербайджанцев. Существовала до февраля 1920 года.

об убийстве Муртузбека? — он потер маленькие сухие ладони, что ничего доброго не предвещало.

Модестов смущенно кашлянул.

— Убийство, Митрофан Иванович, скажу вам весьма загадочное. Пока ничего определенного.

— Так вот, милостливый государь, извольте прочесть послание мусульманских социалистов и будьте любезны незамедлительно освободить арестованных.

Присев на краешек кресла, Модестов склонился над письмом. В требовании комитета «Гуммет» указывалось, что бывший кладовщик Алескеров и его несовершеннолетняя дочь арестованы незаконно. Приводились скандальные факты, изобличавшие убитого как человека аморального, совершившего не одно преступление. Послание заканчивалось ультиматумом: «Если окружной суд немедленно не освободит незаконно арестованных граждан, городской комитет «Гуммет» обнародует факты о Муртузбеке и его покровителях».

Закончив чтение, Модестов растерянно глянул на председателя. Тот молчал, все быстрее шелестели сухие ладони.

— Что вы на меня смотрите, милостливый государь? — вдруг взвизгнул Кудрявцев. — Не понимаете, что нам грозит? В городе черт знает, что делается! Не сегодня-завтра рабочие возьмутся за оружие. Представляете, что будет, если подкинуть им такой материал — дело этой грязной свиньи Муртузбека? Ну уж, нет-с, увольте! Ему-то теперь нечего терять, а нам надобно-с и о себе подумать! Что вы на меня уставились? Сейчас же извольте сочинить ответ этим господам из «Гуммета». Да поумнее. Дескать, окружной суд расследовал и т. п. и ввиду отсутствия состава преступления решил освободить кладовщика Алескерова и его дочь. Вам ясно, Николай Иванович?

Модестов все отлично понял. Распоряжение об освобождении Хумар и Мешади Алескеровых, а также конноха было составлено в тот же день.

Исламбек и Ширвани, извещенные доктором Наримановым, были в назначенный час у тагневской тюрьмы. Тяжело разъехались створки железных ворот. Вначале показалась плотно закутанная в чадру девушка. За ней плелся угрюмый отец. Попросив Ширвани взять фаэтон, Исламбек пошел за ними и на углу Верхне-Приютской, у магазина бакалейщика Бейбутова догнал старика.

— Добрый день, Мешади Алескер. Здравствуйте, Хумарбаджи.

Девушка откинула уголок чадры и хотела что-то сказать. Однако Мешади Алескер, взглянув на офицерский мундир незнакомца, грубо дернул дочь за руку. Исламбек сделал вид, что ничего не заметил.

— Мне поручено поздравить вас с освобождением из тюрьмы и отвезти домой.

Напуганный событиями последних дней Мешади Алескер недоверчиво взглянул на офицера и еще крепче сжал руку дочери.

— Покорно благодарю. Не извольте утруждать себя. С помощью аллаха мы доберемся сами.

И он потащил дочь за собой. Исламбек пожал плечами. Все шло не так, как он думал. Обидно, но что делать? У Мешади есть все основания не доверять человеку в форме офицера.

— Пойди, отец! — просила Хумар. — Да остановись же. Этот военный очень похож на господина, который спас меня.

— Ты что говоришь? Вчера совсем другое говорила, распутница!

— Это он, понимаешь, он! Голос его... Только вот одежда другая.

Мешади Алескер вздохнул.

— Ничего. Если он добрый человек, не осудит меня и дом наш найдет. И дорогим гостем будет. Да испошлет ему аллах здоровья и счастья. Идем, Хумар, а то твоя бедная мать ослепла от слез.

Алигулу вызвал Исламбека в прихожую.

— Вас спрашивает какой-то рабочий. Говорит, вы ему зайти.

— Такпусти его! Это Аслан.

— Да-да, господин прапорщик! Это действительно я, — в приоткрытую дверь просунулось улыбающееся лицо Аслана. — Я за вами, — шепнул он. — Через час мы должны быть на месте. Хочет поговорить один человек...

— Кто?

Аслан состроил уморительную гримасу.

— Ни знаем, господин прапорщик! Мне пирник сдellл.

Исламбек смеялся. Улыбнулся даже Алигулу.

— Да ты, брат, настоящий артист! Тебе в театр...

— Театр сейчас будет, и еще какой! Возьми с собой что-нибудь пугающее.

— Сейчас, — Исламбек забежал в комнату,

предупредил Ширвани, что может задержаться. — Все, я готов. — И уже в фазтоне:

— Куда мы едем?

— На Зубаловский промысел. Там сейчас Азизбеков и Тер-Габриэлян. В два собрание по колдоговору.

Погода была чудесная. После темноты парадного на них обрушились целые лавины искрящегося солнечного света. Они блаженно жмурились. Исламбек улыбнулся.

— Хорошо-то как!

— Хорошо, — кивнул Аслан и поторопил кучера: — Езжай быстрее.

Он откинулся на сиденье и прикрыл глаза.

— Форменная благодать. И чего людям не хватает? Всего вдоволь: земли, воды, солнца... Живи так, чтоб и тебе хорошо и другим. А получается наоборот. Одни шашлык едят, другие круглый год зелень. Недавно был я у сестры в Шемахе. Дочь проведаль. Так они целый день работают у хозяина не разгибаясь. То поле, то бахча, то хлев... А у самих есть нечего. Мудрейшая штука, оказывается, справедливость. С какой стороны бедный не зайдет, все не так выходит...

Рабочие собрались в тени старых раскидистых деревьев. Многие сидели прямо на жесткой траве, едва покрывавшей бурую землю. Ритмично постукивала качалка, отсасывая нефть.

— Ну, что, товарищи... Можно начинать? — Открыл собрание Тер-Габриэлян. — Времени мало. Предлагаю следующую повестку. Первое — обсуждение конфликтов вокруг коллективного договора. Второе — выступление товарища Азизбекова. Если возражений нет, приступим. Товарищи! Положение по колдоговору остается прежним. Нефтепромышленники умышленно тянут с его подписанием. Их главные возражения — восьмичасовой рабочий день и повышение зарплаты. Спорным остается и вопрос о сверхурочных. И это сейчас, когда цена среднего набора продуктов в рабочих кооперативных лавках возросла на двести процентов, а на рынках и в продуктовых магазинах — на четыреста.

В результате возникли тяжелые конфликты между рабочими и администрацией, которые кончались пока не в пользу рабочих. На некоторых промыслах и заводах хозяева стали действовать хитрее. Они не спорят по принципиальным вопросам, идут на мелкие уступки, подбрасывая рабочим полуобглоданную косточку. И некоторые ее подбирают! Ясно, чего добиваются хозяева. Они хотят нас разделить, вызвать разно-

гласия. Помните, у Насреддина? Целый всник, как ни бился сломать, никто не смог, а вот по одной веточке... весь сломали. Эту политику поощряют «посредники» из эсеров и меньшевиков, возражающие против любого нажима на буржуазию. Недавно на митинге рабочих «Бакинского нефтяного общества» было принято решение, которое я хочу вам прочесть: «...заявляем в категорической форме г. г. нефтепромышленникам, что по первому призыву нашей комиссии по выработке колдоговора мы все, как один человек, станем грудью на защиту как комиссии, так и своих экономических требований. Мы заявляем, что дальше так жить невозможно!»

К Тер-Габриэляну подскочил невысокий рабочий.

— А разве возможно? Салаев моя фамилия. У меня пять детей. Работаю с утра до ночи и никто не скажет, что лопаюсь с жиру. Дети болеют, вечно голодные... Старший донашивает то, что уж мне стыдно носить, а младшие еще после него носят. Хлеб едим только ячменный, да и то пополам со жмыхом, травой и еще аллах знает с чем. Да и такого хлеба по осьмушке на брата. А купить, так за фунт выкладывай два рубля! Живем на Каспии, а рыбы почти не видим. Самому ловить некогда, а купить не на что. Хорошо хоть щавель, орехи, селедка ржавая выручают. Да что я вам рассказываю! Сами живете не лучше. Можно ли так жить? На девятнадцать рублей в месяц! Еще и эту зарплату урезают. А в лавках самые настоящие пауки сидят. Из долгов не вылезает. Предлагаю присоединиться к резолюции наших товарищей из «Бакинского общества» и добавить, что больше молчать мы не будем. Хватит! — Салаев повернулся к управляющему промыслом: — Пора бы понять, господа, что и мы люди! Такие же люди... А-а! — Он махнул рукой и пошел на место.

Поднялся управляющий промыслом.

— Все это трогательно и я, конечно, доложу хозяину об ужасном положении семьи Салаева. Постараемся помочь.

— Не нужно мне вашей помощи! — вскочил Салаев. — Лучше примите наши условия, чтобы не пришлось нам самим помогать себе.

— Сие от меня не зависит! А доложить — доложу. По поводу же всего остального могу сказать одно: русская промышленность пока отстает и с трудом выдерживает конкуренцию западных фирм. Поэтому любое сокращение рабочего дня приведет нас к катастрофе. Кроме того, все мы граждане великой России и должны прежде всего думать об интересах родины. Идет война, мы работаем на нужды обороны. Следо-

вательно, вопрос о восьмичасовом рабочем дне затрагивает интересы всего населения. Что же касается повышения заработной платы, то при нынешнем экономическом положении это вряд ли возможно. Скорее наоборот, можно ждать даже некоторого снижения...

Собрание заволновалось. Люди кричали, свистели, но как-то неуверенно. Подобного поворота они не ожидали. И так живут впроголодь. Что же будет, если зарплату снизят, а цены на продукты растут каждый день?

Неожиданно шум стих. Поднялся русский парень, повернулся к управляющему и низко, в пояс поклонился.

— Спасибо, дорогой наш благодетель. Хорошо, что упредили. Как сказал тут Салаев: хватит! Попробуйте не прибавить зарплату до третьего июля, о снижении я не говорю. Все бросим работу. Центральный стачком поддержит. На штрейх-брехеров не рассчитывайте, ляжем, а на промысел не пустим. Так я говорю?

— Так, — поддержала толпа.

— Ну, а по договору у нас мнение единое. Принимаем резолюцию: биться до последнего за все пункты. Создать свою рабочую комиссию и укрепить профсоюз. Предлагаю, не откладывая в долгий ящик, избрать председателем профсоюза Али Салаева. Он толковый и пастырный. Да и знает почем фунт лиха.

Тер-Габриэлян улыбнулся.

— Кто за это предложение, прошу поднять руки. Воздержавшихся нет? Единогласно. Переходим ко второму вопросу. Я думаю, нет надобности представлять вам товарища Мешади Азизбекова...

Аслан, толкнув плечом Исламбека, шепнул:

— Сейчас кое-кому будет жарко!

Азизбеков поднялся.

— Повторю предыдущего оратора, если скажу, что нефтепромышленники нарочно тянут с решением по колдоговору. Они выжидают, надеясь на махровую контрреволюцию. Выход один. Если предприниматели не желают умерить свои аппетиты, если они не в состоянии дать рабочему даже то, что он имел до войны, если, наконец, промышленность действительно не может работать под их руководством нормально, пусть уходят. Мы вынуждены сказать: — Вы, виновники этой разрухи, не можете с ней справиться. Что ж... Тогда долой грабителей-капиталистов, вся власть Советам рабочих и военных депутатов!

Азизбекову бурно аплодировали. Его знали по всей губернии. Рабочие любили, контрреволюция ненавидела, но побаивалась. Азизбеков продолжал:

— Борьба за коллективный договор все обостряется. Необходимо быть на чеку. Чего только не делают богатеи, чтоб разбить нашу дружбу. Их излюбленное средство — разжигание национальной вражды. Не секрет, что в Баку существуют две крупные националистические организации: мусульманский «Мусават» и армянский «Дашнакцутюн», которые всю свою политику строят на религии, на отсталости человеческого разума.

Он помолчал.

— Ну, что делить вам, трудовому люду — азербайджанцам, русским, армянам, в поте лица своего добывающим насущный хлеб? В перерыве Аршак садится рядом с Мамедом и Иваном, они складывают свои скудные завтраки и едят, не думая о национальности соседа. Вместе они делят нужду, голод и редкую радость. Но вот появляются националисты и начинают внушать... Пропаганда их примитивна до предела. Но усталый, раздавленный жизнью человек не всегда способен разглядеть капкан. Начинают выяснять национальные отношения... В результате оскорбление за оскорблением. Удар за удар. И течет невинная кровь. Мертвыми лежат Аршак, Мамед и Иван. Рядом. Убиваются их семьи. Опять-таки рядом. И хоронят их рядом в одной земле. А где провокаторы? Их — нет. Они сделали свое подлое дело и спрятались, чтобы пересчитывать барыши с потухших очагов.

Для чего это нужно националистам? Чтобы отвлечь внимание от социальных проблем, чтобы вы не подумали: я такой же человек, как хозяин. Почему же у него есть все, хотя он ничего не делает, а у меня, рабочего, нет ничего, хотя моими руками сделано все — золото, дома, корабли, одежда, нефть... На моем поте растут их животы, отвисают подбородки. Темнота — вот что им нужно! Вот какой барыш они получают от национальных распрей. Будьте бдительны! Не поддавайтесь на провокации. В единстве залог нашей победы!..

Обратно ехали вместе. Азизбеков расспрашивал Исламбека о семье, о школе прапорщиков, о службе в армии.

— Как же получилось, что вы — бек, из такой состоятельной семьи, идете к нам, большевикам? Это сознательный или импульсивный шаг? Подумайте, еще раз подумайте.

— Я давно все обдумал. Конфликт с семьей — дело не сегодняшнего дня. Накапливалось по мелочам, а вылилось в

разрыв. Я пришел к вам только тогда, когда понял, что это — навсегда. Последний год многому меня научил.

— Я верю. Как вы считаете, Саак?

Тер-Габриэлян достал платок, вытер лицо.

— А если, дорогой Исламбек, вы встретитесь со своим отцом или братом по разную сторону баррикад. Что тогда?

— Вероятно будет бой.

Тер-Габриэлян задумчиво кивнул.

— Это, увы, не так просто...

— Да свой он человек, — не выдержал Аслан: — Вместе воевали. Я был у него в эскадроне. Видел Карабаглы в деле.

Азизбекову и Тер-Габриэляну пылкость Аслана понравилась. Саак чуть склонился к Исламбеку.

— Легкой жизни не ждите.

— А я к легкой и не привык.

— Что ж. В последнее время зашевелились меньшевики, эсеры, националисты. Собирают оружие, создают боевые отряды. Приходится готовиться и нам. Пойдете в пролетарскую дружину? Уже было несколько случаев, когда на наших лекторов и пропагандистов совершали нападение. Вам придется организовать их охрану. Согласны? С правилами конспирации вас познакомит Аслан. В среду, к пяти вечера, будьте у меня. Аслан заедет за вами.

Было уже совсем темно, когда Исламбек вернул.

Глава VII. Сироты

Время, насыщенное ожиданием грозных событий, бежало быстро. Волнения не стихали. Готовились к решающей схватке рабочие, готовились и враги.

Как-то, проснувшись раньше обычного, Исламбек Ширвани у распахнутого окна. Окно выходило прямо к евской тюрьме. Поэт был грустен.

— Знаешь, — сказал он задумчиво, — смотрю я на эти тюремные окна... За ними живые люди. О чем они думают, глядя сквозь решетку на клочок голубого неба? И кто думает о них?

Эту тюрьму ты видишь каждый день. Не понимаю, почему ты вспомнил об этих людях лишь сегодня? Наверно, есть ведомые силы, которые о них позаботятся.

— Зря иронизируешь, Исламбек. Я поэт, а не революционер. Но это вовсе не значит, что я пребываю в неведении.

Недавно в Елизаветполе крупного помещика Адильхана Зиятханова назначили начальником уездной милиции. Не как помещика, упаси бог, а как демократа. Раньше его называли мюлькедаром, теперь он — демократ. Парадокс... Похоже, доктор Нариманов прав. — Ширвани остро глянул на собеседника. — Революцию должны делать сознательные люди. Да, кстати, я познакомился с твоим братом. Ты был прав: лучше бы я его не встречал. Носится со своей бандой по лесам и горам Ширвана, расстреливает крестьян. А внешне вы поразительно похожи. Извини меня, но...

— Можешь не объяснять.

Исламбек не мог слышать эти разговоры о брате. Он никогда не идеализировал Теймурбека, а теперь, когда брат стал откровенным бандитом... И все-таки этот разговор был ему неприятен.

— Хочу понять, как он может просто так убивать людей. Один брат — убийца, другой — весь в поисках справедливости... Ты мог бы застрелить человека?

— Конечно, — Исламбек оторвался от бильярда, вскинул ий. — Если это необходимо!

Ширвани вздрогнул.

— Ты бы мог убить? Seriously?

— Вполне, Алигейдарбек. Я солдат и умею стрелять в людей. Только не в беззащитных. Не в пример братцу. Вот они — шутки природы. Почему бы тебе не написать трагическую поэму о братьях-близнецах, черт побери! И хватит! Больше я не хочу слышать о нем.

— Ты что? С тобой, как под взведенным курком живешь. Сумасшедший... Слушай, что я сделал. Собрал крестьян и отдал им землю. Объявил, что отныне вся земля бека Ширвани принадлежит им.

— Ого! Жест, достойный поэта Ширвани!

— Не жест. Мне всегда казалось, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает. И мне приятно, что моя семья будет теперь окружена уважением свободных людей. Разве не этого хотят люди? — Он вдруг заговорил стихами:

О, жизнь! Злосчастная судьба!
За это кто ответит?
Что наша доля так горька
И солнце тускло светит:
Мне скажут:
Время — наш судья!
Оно рассудит без вранья...

— Время — судья... Почему время? И почему солнце светит тускло? Хорошо, конечно, что у тебя все серьезно, что ты не просто играешь красивыми словами. Но стихи надо довести. Чтоб они жгли, тревожили, звали людей на бой. И давай выпьем за это. Что-то в горле пересохло...

* * *

Воскресенье выдалось неожиданно теплым. Лишь у моря ощущалась прохлада. В бухте дремали баркасы, между причалами, похожими на редкие зубья поломанной гребенки, сновавали рыбацкие лодки. Буксир подтягивал к пристани пароход, пришедший из Петровска. Большой южный город жил, казалось, обычной, размеренной жизнью.

Ширвани достал коробку «Дарданелл», с удовольствием затянулся. Исламбек раздраженно покосился на него.

— Бездельники! Ненавижу эти самодовольные сытые рожки. Люди голодают, а они, выставив животы, нагуливают аппетит для новой порции шашлыка.

Ширвани пожал плечами.

— Публика как публика. Та же, что год или два назад. Те же лица, те же манеры. Вот городской голова Лука Лаврентьевич Быч. Рядом бывший помощник полицмейстера Петр Тураков. Что изменилось после падения царя? Ничего. Оставь ты их в покое, перестань злиться. В любом обществе есть и порядочные люди, и подлецы. И, пожалуйста, не разглядывай так прохожих. Ты в форме офицера, меня многие знают. Ого, взгляни, Исламбек!

Со стороны губернаторского сада, где помещалось управление градоначальника, донесся дробный цокот копыт. По Набережной проскакал казачий разъезд, за ним — экипаж, в котором сидели генерал и штатский с острой бородкой.

— Кто такие? — полюбопытствовал Исламбек.

— Не знаешь? Генерал Иннокентий Петрович Сокий — начальник гарнизона и градоначальник.

— А по какому случаю парадный выезд?

— Не знаю: на воскресную прогулку не похоже. Произошло, наверно, что-то чрезвычайное, раз их сопровождает казачий эскорт.

Кавалькада свернула на Михайловскую и исчезла. Публика, заинтересованная появлением представителей высшей власти, успокоилась. Приятели двинулись было к морю, как вдруг раздался испуганный женский крик:

— О, господи, украли!

Исламбек круто обернулся и заметил метнувшегося в сторону оборванца. Догнал он его быстро. Но мальчишка упрямо сжимал сумочку.

— Зачем ворует?

Мальчик съежился и захныкал.

— Пустите, дядя!

— Э, нет. Не выйдет.

— У-у, шкура! — завопил мальчишка. — Обрадовался, да? Голодного пацана поймал? Ладно, тащи в милицию. Мне теперь все равно.

— Ого! — усмехнулся Исламбек. — А ты, видать, не трус. Не зря рыжий. Ну раз ты такой смелый, скажи, зачем украл сумочку?

Подросток угрюмо молчал, опустив грязную, давно нечесанную голову. Все произошло так быстро, что гуляющие ничего не заметили. Только Ширвани и пострадавшая дама спешили к ним. Увидев их и испугавшись уже всерьез, мальчишка завопил:

— Я не вор, господин офицер, не вор!

— А как это называется по-твоему? — спросил Исламбек.

— Отпусти мальчнка, бессердечный, — вмешался Алигейдарбек. — Он же говорит, что не вор. Ну, бес попутал.

Дама поддержала Ширвани.

— Прошу вас, господин офицер, отпустите мальчика. Будем считать инцидент исчерпанным.

Исламбек взглянул на нее. Большие голубые глаза, длинные брови... Лицо показалось ему знакомым, хотя он был уверен, что никогда раньше ее не встречал.

— Пожалуйста, сударыня. Вот ваша сумка. Посмотрите, все ли на месте?

Дама открыла сумочку и тут же захлопнула, не сказав ни слова.

— А знаете, этот парень назвал меня «шкурой». Смело. А почему украл, не говорит. Ладно, пацан. Иди, да смотри мне! — Он шлепнул мальчика по ягодицам.

— Тетя, — мальчик вытер руками слезы, — извините меня. Я, правда, не вор. В первый раз. Дома сестренка с голоду помирает. Одни мы остались. Я не вор, дяденька.

Алигейдарбек полез в карман за деньгами.

— Возьми, мальчик. — Он протянул пятидесятирублевую купюру. — Этого вам на первое время хватит. Бери, бери, не стесняйся.

Лицо у мальчика стало таким несчастным, что дама вздрогнула и потянулась к нему. Он качнул головой и попятился.

— Чего вы? Не надо. Лучше я пойду. Куда мне с такими деньгами? Никто не поверит, что мои, скажут, украл. — Он устало мигнул рыжими щенячьими глазами.

— Как тебя зовут? — Исламбек пригладил огненные вихры,

— Гена.

— А родители где?

— Папку на фронте убили. А мамку казаки... Лошадью ее придавило. Она долго кашляла. Вот мы с Лизкой и остались вдвоем.

С лица Ширвани медленно сползла улыбка.

— Покажи, где живешь.

— Здесь недалеко, дядечка, в переулке. Сразу за гостиницей. В подвале...

— Ладно, пойдем, — сказал Исламбек.

— И я с тобой... Извините, сударыня, — обратился Алигейдарбек к даме. — Мы вам не представились. Ширвани. А это мой друг Исламбек Карабаглы.

— Очень приятно. Спасибо за помощь. Меня зовут Эмилия Викторовна. — Она изящно поклонилась. — Если не возражаете, я присоединюсь к вам.

— Ради бога! — засуетился Ширвани. — Пожалуйста. Мы будем рады. Веди, герой!

Генка уныло поплелся впереди. Двор за гостиницей оказался узким колодцем между двумя высокими домами; за окнами на веревках болталось застиранное белье, на куче мусора в подворотне дрались тощие кошки.

В дальнем углу дворика открылась узенькая лестница с выщербленными ступенями. Гена юркнул вниз, терпеливо ожидая осторожно спускавшихся гостей. Ширвани предложил Эмилию Викторовну руку. Нижняя ступенька уперлась в рассохшуюся дверь. Мальчик толкнул ее плечом. Из темного подвала дохнуло сыростью. Окон не было, тусклый свет пробивался в узкую щель над дверью. Вздущийся потолок угрожающе навис над двумя колченогими табуретками и кривым столом. Кроватей не было. Их заменял ворох соломы, брошенной прямо на земляной пол. На соломе под изодранным одеялом лежала девочка. Ее большие, немигающие глаза испуганно смотрели на брата.

Ширвани неуклюже потоптался на месте, не зная, что с собой делать. Эмилия Викторовна опустилась на колени возле больной и взяла девочку за руку. Тоненькая, как иссохший

стебелек рука пылала жаром. Гена присел рядом с сестренкой, погладил ее по голове.

— Ты чего, Лиза? Ты не бойся.

— Их нельзя здесь оставлять. Девочка тяжело больна, — тихо сказала Эмилия Викторовна. — Нужен врач. Немедленно.

— Что делать? — Исламбек выпрямился, тронул рукой мокрый потолок. — Как ты думаешь, Алигейдарбек, спасут их пятьдесят рублей?

— Да, да! Ты прав, дорогой. Это чудовищно. — Ширвани решительно обернулся. — Эй, Гена! Ну-ка, бегом за фазтоном. Слышишь? Бегом!

Гена стремглав бросился к выходу. Он ни о чем не спросил, будто давно ждал этой волшебной фразы: «Беги за фазтоном!». Он торопился, чтобы успеть, пока не исчезло чудо.

За два часа все было устроено. Гепу и Лизу поселили в самой солнечной комнате просторной квартиры Ширвани. Поэт был растроган. Эмилия Викторовна, принимавшая горячее участие в переселении, решила подождать врача. Уложив в постель выкупанную Лизу и глядя в ее обескровленное личико, она никак не могла успокоиться.

— Господин Ширвани, ваша готовность помочь детям заслуживает восхищения. Их надо учить, чтобы они выросли грамотными, интеллигентными людьми...

Приехал врач. Тщательно осмотрев Лизу, он нашел, что основной недуг — истощение. Он не сказал, однако, ничего определенного, осторожно намекнув, что не следует терять надежды.

Как только за врачом закрылась дверь, Ширвани и Исламбек растерянно переглянулись. Питание и лекарство — понятно, с этим они управятся. Но кто будет ухаживать за девочкой? Эмилия Викторовна не колебалась.

— Если позволите, я возьму это на себя. — Предложение было встречено с таким энтузиазмом, что Эмилия смутилась. Чтобы скрыть смущение, она заговорила особым, шутиливо-серьезным тоном строгой классной дамы. — Итак. Мы имеем кучу рецептов и два гроша надежды. Срочно нужно в аптеку и на базар. Этим я попрошу заняться вас, господин Ширвани. Гена вам поможет. А вы, Исламбек, пожалуйста, посидите возле девочки. Я пока постираю ее белье и предупрежу своих. Я живу недалеко. Да, у чужих. Но эти чужие мне ближе родных!

Алигейдарбек и Гена отправились на рынок. Исламбек

устроился в кресле возле притихшей Лизы. Эмилия, взяв одежду девочки, ушла в кабинет, где стоял телефон. Девочка лежала неподвижно, не поймешь — спит или нет, веки опущены. Только ручонки, неправдоподобно тонкие, судорожно держались на одеяле.

Много тяжелого довелось видеть Исламбеку, но разве сравнишь это с болезнью ребенка... В какой-то момент ему показалось, что девочка перестала дышать. Он вскочил, нагнулся к запекшимся, в трещинках губам. Нет, слава аллаху, ресницы дрогнули, на виске пульсирует жилка... Он сел в кресло и позволил себе расслабиться. За дверью послышались быстрые шаги. Исламбек прикрыл веки и в овальном зеркале над мраморным амуром увидел отражение Эмилини. Глаза ее сияли, из прически выбилась прядь. Она подошла к ребенку, поправила одеяло, постояла перед Исламбеком...

— Спите? — спросила шепотом.

Он не ответил, незаметно подсматривая в зеркало. А-а-а... Трогаешь погоны? Только сейчас заметила. Думай, милая, думай. Я ведь о тебе тоже ничего не знаю. Кто ты? Барышня с курсов, играющая в благотворительность? Или действительно душевный человек? Мало я видел добреньких девиц, брезгливо пробегающих мимо коек с умирающими солдатами. Откупались деньгами и подарками... Стоит холодная, настороженная, губы покусывает. Не будь этих несчастных детей, наверно, давно хлопнула бы дверью. Впрочем, к чему продолжать эту нелепую игру? Он открыл глаза.

— Эта форма — остаток былой роскоши.

— Ах! — вскрикнула Эмилия Викторовна. — Как напугали! Я думала — спите.

— Нет. Подглядывал за вами. — Он кивнул на зеркало. — А потом стало неловко. Вы уж извините. Дозвонились?

Эмилия села напротив — напряженная, недоверчивая.

— Да. С Ютой говорила, дочерью хозяйки. Мы с ней друзья. — Отвела взгляд в сторону, поиграла часиками на цепочке. — Знаете, она рассказала петроградские новости. Представляете, чернь бунтует! Сброд солдат и рабочих устроил демонстрацию. Казаки и юнкера открыли по ним огонь. Спасибо Керенскому. Временное правительство, наконец-то, заняло принципиальную позицию. Народ — это стихия. И управлять им надо... — она сжала руку в кулачок, — жестко!

Исламбек даже глаза протер: «Вот так штучка! Расстреляй и голодных рабочих, а она... Какой же идиот! Раскис»

Он встал и застегнул китель.

— Вот что, барышня. Вы тут сами с поэтом разбирайтесь, а мне пора...

Исламбек не заметил, как лукаво сверкнули золотистые искорки в ее глазах.

— Нет, нет. Одна? В чужом доме? И потом... Мне надо с вами посоветоваться. У меня в Петрограде сестра. Я хотела... Я обещала скоро приехать. Но эти несчастные дети... Как вы думаете?

— Я вам не советчик, барышня. Очень сожалею. Если желаете, могу проводить.

Ширвани сразу ощутил напряжение. Исламбек и Эмилия сидели в разных углах, разделенные тяжелым молчанием.

— Эмилия Викторовна! Исламбек! Я спешил, — он засуетился над свертками с едой. — Устали ждать, наверно?

— Ты что? — Исламбек развел руками. — Сидим вот, переживаем за Временное правительство. Либеральничают там в Петрограде, оказывается! Вместо того, чтобы стрелять, давить. Народ — это же стихия...

Он вышел, хлопнув дверью.

Эмилия не выдержала и рассмеялась. Вечером она писала в Питер: «Я надеялась скоро встретиться, успокоить тебя. Наверно, одной страшно? Потерпи немного. Сейчас выехать не могу, но верю, скоро мы будем вместе. Ты всегда говорила, что я решительнее, сильнее тебя. Наверно, ты права, Верочка. Я не потерялась в этом хаосе. И тебе не дам. Задерживают обстоятельства. И еще — встретила очень интересных людей. Не сердись! Что бы ни случилось — жизнь прекрасна. Через несколько дней напишу подробнее. Завтра рано на поезд, а уже полночь. Целую мою маленькую, старшенькую.

Твоя Миля»

Глава VIII. Господин и слуги

Внушительное серое здание с затейливыми шпилями, украшенное каменной вязью орнамента, занимало в центре города почти целый квартал. Его фасад с большими золочеными витринами выходил на Горчаковскую. Это был дворец Гаджи Зейналабдина Тагиева.

Долгие годы за массивными стенами цитадели одного из самых богатых людей Баку незримо плелись интриги и делалась политика, хотя сам Гаджи, казалось, интересовался ею меньше всего.

Главное, ради чего он жил, устранял лишения, волновался и хитрил, был год от года растущий капитал. За обладание несметными богатствами его называли «Могучим», «Отцом мусульман Кавказа», даже «Богом на земле».

Впрочем, все тут было не так просто. Ажиотаж вокруг дома Тагиева и его благотворительных дел раздували преимущественно те, кому посчастливилось пристроиться к благодатной кормушке Гаджи. Правда, он и в самом деле был человеком живого ума и, не получив образования, понимал значение прогресса в становлении нации. Во имя этого он не пожалел средств на строительство женской гимназии на Николаевской и театра, щедро оплачивал обучение нужных ему людей. Расчет был точен: Гаджи Зейналабдина Тагиева долгие годы сопровождал титул «прогрессивный».

Но значительно чаще это имя сопровождалось проклятиями рабочих нефтяных и рыболовных промыслов, ткацкой фабрики, служащих банков и многочисленных контор. Каждый вложенный в «доброе» дело грош должен был вернуться к «великому Гаджи» с процентами. И он добивался этого неукоснительно, выжимая из тех, кто от него зависел, все — время, силы, способности.

Самого Гаджи не очень интересовало, кто и что говорит о нем. Он опирался на испытанных людей и, прожив более семидесяти лет, знал цену словам.

Низложение царя встревожило старого Гаджи. Вечерами за бархатными шторами кабинета, он медленно перебирал четки, снова и снова вымеряя пройденный путь, подбивал проценты с благодеяний во имя нации.

Кто посмеет упрекнуть его в том, что он мало сделал для своего темного и бедного народа? Теперь они слушают музыку не на базаре, а в театре, роскошной отделкой не уступающем московским.

Кто, кроме него, мог бы подарить городу вокзал с лепными потолками, мраморной мозаикой лестниц, рестораном? Он построил женскую гимназию, чтобы почтенные граждане города безбоязненно доверяли своих дочерей опытным педагогам и помнили при этом, что построил гимназию Гаджи Зейналабдин, бывший паланчи¹. У кого повернется язык сказать, что он для себя строил фабрику, бараки, дома? Разве не для людей, чтобы дать им кусок хлеба и крышу над головой. Э-эх,

¹ Паланчи (азерб.) — амбал, посыльный тяжестей, точнее подносчик камня-бута.

Гаджи, Гаджи, сколько совершил ты благодеяний, дай бог каждому! Правда, и тюрьму на Шемахинке называют «тагиевской». Что ж, народу нужна не только халва. Иначе порядка не будет.

Раскаленное добела солнце неподвижно висело в голубом небе. Стены домов, кировые крыши, булыжник мостовых дышали жаром. Даже беспокойный Хазар уснул, прильнув к горячей земле. На улицах — ни души, все живое попряталось в тень, за закрытые ставни, в подворотни, подвалы.

В этот час с Бяратинской на Горчаковскую свернул фазтон, звеня колокольчиками, подкатил к парадному подъезду тагиевского дворца. Вышли двое. Обмахиваясь платочками, торопливо пересекли мягкий асфальт. В роскошном вестибюле им навстречу поднялся слуга в ливрее. Чуть в стороне лениво прохаживались кочи, обвешанные маузерами и княжалами. Поэтому, как старый слуга склонил седую голову, нетрудно было догадаться, что гости почитаемы хозяином.

Один — известный адвокат Али Марданбек Топчибашев, ближайший советник Гаджи, другой — издатель газеты «Каспий» Мустафа Расулов.

Бегло оглядев себя в зеркалах, они поднялись на второй этаж, миновали парадные покои, великолепный Восточный зал. Хозяин ждал их в прохладной комнате, затененной шторами.

«Великий Гаджи» — маленький, тщедушный человек с глубоко сидящими зоркими глазами — пил чай, посасывая кусочки мелко наколотого сахара. Пот ручейками сбегал по впалым вискам и шее. Слуга, стоящий за его спиной, методично прикладывал полотенце к влажному затылку. В кресле у двери зевал кочи Мамед-Али, тень Гаджи. Словно пес, учуявший посторонний запах, он вскочил с места, сжав рукоятку княжала.

— Ага¹, к вам господа Али Марданбек и Расулов!

Гаджи Зейналабдин снисходительно кивнул. Адвокат и издатель одновременно поклонились. Словно не замечая их, хозяин неторопливо допил чай, жестом отпустил слугу.

— Вижу, вижу, господа хорошие, что пришли с новостями. К добру ли? — Он прошелся по ковру, разглаживая поясницу.

— Да пошлет вам аллах здоровье и благополучие, благодетель, — произнес Топчибашев. — Мы принесли добрую весть. Большевикам конец.

¹ Ага — господин (азерб.).

Адвокат театралыны
ныйй бланк.

извлек из кармана телеграф-

— Эх-хэ-хэ, Али Мардан. Ты всегда любил прихвастнуть. Кто не знает твой сладкий язык? Соловьем заливаешься!

— Ничего подобного, почтенный Гаджи. Телеграмма из Тифлиса. Только что получил. Такая весть достойна награды.

— Гм! В наше время никто бесплатно не высморкается, — проворчал старик, промокая лицо полотенцем.

Кочи Мамед-Али, демонстрируя свою преданность хозяину, выхватил из руки Топчибашева телеграмму и поднес ее Тагневу.

— Ты что, обалдел? — беззлобно протянул старик. — Ты-чешь мне в нос клочок бумаги, будто деньги даришь. Я и в молодые годы толком не знал как складываются буквы. Отдай моему поверенному, пусть сам прочтет. — Он повернулся к Али Марданбеку. — Ну, что там пишут грузины?

Топчибашев, не глядя в телеграмму, заговорил вдохновенно:

— В воскресенье, мой благодетель, в Петрограде Временное правительство Керенского открыло огонь по демонстрации вооруженных анархистов. Преданные правительству доблестные казаки и юнкера смывали грязь с улиц столицы кровью большевиков...

— Э-э, еще одно кровавое воскресенье! Ну, а дальше что?

— Двоевластие кончилось! Разгромлены организации большевиков, их агитаторы разбежались.

— Так-так... Кому ты успел продать эту новость?

— Никому, мой благодетель.

— И Риза-бек не знает?

— Что вы, что вы!

— Так. Еще что?

— А это по секрету. Есть основания полагать, что Ленин, их вождь, оказался тайным агентом германцев. После разгрома он бежал к своим хозяевам. Сведения, скажу вам...

Гаджи поморщился, поманил к себе Али Марданбека и Расулова. Переглянувшись, они склонились к утонувшему в глубоком кресле старику.

— Что вы мне болтаете? Я, старый дурак, думал, что ты, Али Мардан, не зря возглавляешь мусульманский совет, что ты не лишен глаз и кое-что смыслишь в политике. Оказывается, ничего не смыслишь. Эх-хе-хе. Ленин — агент! Слышишь, Мамед-Али, Ленин — агент... Да кто тебе поверит? Дураков все меньше, а тебе кажется — умных мало. Послунай, бек,

меня. Царя нет, так? Народ, как хищник, вкусивший свободы, так просто не даст загнать себя в клетку. Рахметти оглу¹, неужели ты не понимаешь, что несколько трусливых чабанов не остановят сорвавшуюся с места отару. Помяните мои слова. Это говорю я, Гаджи Зейналабдин. Восставший народ одним расстрелом не остановишь, не вернешь к повиновению. Не тешьте себя чепухой. Не один расстрел, а море крови иужно! И делать это надо не своими руками. Пусть взбесившиеся пожрут друг друга сами, понимаете?

— Вы имеете в виду гражданскую войну? — подался вперед Топчибашев.

— Шайтан его знает, называй как хочешь! Важно, чтобы стадо успокоилось. Вспомни девятьсот пятый! Была революция? Была. Что тогда сделали? Натравили мусульман на армян, армян на мусульман, они друг друга перебили. Это, конечно, кровавое дело, но зато двенадцать лет было спокойно. Правда, в этой рискованной игре я потерял большого друга... Балабека Лалаева. Это был честный и порядочный торговец. Намного благороднее иных моих единоверцев. Разве его можно сравнить с Ага Мусой или Шамси? Эти за золото любимую жею продадут. Ни стыда, ни чести. Тьфу!

Гости терпеливо слушали брюзжание Гаджи. Что делать: кто платит, тот и заказывает музыку. А хозяин щедр! Все так же щедр.

— Вы с радостью говорите о расстреле. А понимаете, что означал бы такой расстрел в Баку? — Тагиев чмокнул губами. — Политики! Сгорит моя фабрика, сгорят мои заводы, промысла, будет разграблен мой банк, все полетит к черту! Я разорюсь, стану нищим. Э, нет! Не для того я всю жизнь гнул спину, копил добро по копейке. Политика — грязная штука. Не мое это дело. Я плачу вам, а уж вы, любезные, оградите меня от всего этого... — Гаджи крикнул и с помощью Мамед-Али тяжело поднялся с кресла. — Устроят перед моим домом Площадь Свободы. — Он брезгливо отшвырнул мокрое полотенце. — Одно меня беспокоит. Слышал, этот их Ленин — голова. Горе нам, если во главе бунтарей станет умный вожак. Эти — Керенский, Львов, Скобелев — слишком много говорят... Болтуны.

— А что предлагаете вы, ага? — Али Марданбек едва сдерживал раздражение.

— Я? Ничего. Я не политик. Не люблю играть словами.

¹ Сын покойного (азерб.).

Тут, сын мой, нужно побольше жандармов. Отсечь голову революции. Этих, как их...

— Почтенный ага, — догадался Расулов, — имеет в виду анархистов: Шаумяна, Джапаридзе, вероотступников Нариманова и Азизбекова...

— Ну, ну, понес. Такие, как Азизбеков, Нариманов, Джапаридзе и Шаумян рождаются не каждый день. А мне, рахмет-ти оглу, сколько осталось жить?

— Верно говорите, ага! — брякнул Мамед-Али. — Мой великий ага!

Тагиев покосился на телохранителя.

— Помолчи, дурак. Я просто больше прожил, дальше вижу. — Он обернулся к Расулову. — Тебе, издатель, советую сегодня же оповестить об этой телеграмме народ, обязательно на мусульманском языке. Пусть знают, чем кончается неповиновение.

— Слушаюсь, мой ага.

Гаджи кивнул Али Марданбеку и бесцеремонно увел его в другую комнату. Спросил в упор, буравя колючими злыми глазами:

— Дошло до меня, что ты третьего дня был в гимн юбовался одной... Так?

— Что вы, мой благодетель? Как я могу...

— Ну, ну! Ты можешь. Мадам Сикорская зря не скажет.

— Я в таком возрасте, мой ага, — растерялся Топчибашев.

— Возраст ни при чем. Кобель и есть кобель. Для чего я тебя на юриста выучил? Чтоб за девчонками волочиться? Гимназию не смей осквернять! Тень падет на мое имя. Слава аллаху, в Баку немало красавиц, особенно в «Мулен Руж». Девушка, которую ты обидел...

Али Марданбек побледнел. Тщедушный Гаджи порой приводил его в трепет. Не только в деньгах его сила. Кажется, чихнешь за тысячу верст от Баку, старик узнает. А уж если разгневается, не жди добра. Вытащит из твоего прошлого, из самых тайников такое, в чем себе побоишься признаться. Не колеблясь, вот этой хилой рукой задушит, лишит положения, оставит без куска хлеба.

— Смотри, чтоб больше не слыхал. Надо время чувствовать, совесть беречь. Козел ненасытный. — Ключковатые брови дернулись. — Думаю, не захочешь оказаться в положении инженера Бехбутова. Не испытывай моего терпения. Николай уже нет. Теперь я сам себе царь, а для меня и моего дела на-

мус прежде всего. Мне не нужны друзья с худой репутацией, Ясно?

Топчибашев виновато сгорбил плечи.

— То-то, ценю понятливость! Теперь о деле. Ты эту телеграмму покажи Ризабеку. Передай, что я хочу его видеть.

Они вернулись в кабинет, Гаджи сел за письменный стол, деловито распорядился.

— Запиши-ка себе, Али Мардан. Через неделю я даю банкет в Восточном зале. Надо встретиться с людьми, поговорить. В числе гостей должны быть генерал и градоначальник, бывшие полицмейстер и жандармский начальник, председатель Совдепа Сако. Несколько крупных деловых людей. Те, кому есть, что терять, в такое время должны объединиться. Да, и этого шакала Мусу тоже пригласи. — Гаджи засмеялся. — Говорят, он с чурекчи¹ спорил вчера из-за пяти копеек. Ну, записал? И чтоб музыка на все вкусы была: сазандары, певцы, танцовщицы. Все, как положено.

Тагиев достал из кармана пять сторублевых ассигнаций и усмехнулся.

— Есть такие, что не помнят добра. Вам я не советую. Идите! — Адвокат и издатель откланиались. Глядя на медленно закрывающуюся дверь, Тагиев вздохнул. — А ты чего устался, бездельник? — он беззлобно шлепнул по макушке наспившегося кочи. — Тоже захотел хрустящую?

Кочи кротко опустил глаза. Но обнаружив перед носом розовую купюру, вскочил с коврика и горячо прижал к губам. Гаджи рассмеялся.

— Хорошо, хорошо. Иди погуляй. Я буду спать. Скажи, чтоб никого не принимали.

Глава IX. Митинг

К пяти часам у здания рабочего клуба в Балаханах стал собираться народ. Молодые и старые, азербайджанцы и армяне, русские и лезгины. Они подходили небольшими группами в промасленной одежде. Чадил крепким самосадом или дешевыми папиросами, о чем-то тихо переговаривались. Без семи минут пять подъехали на фаэтоне Айолло и Садовский. Появились Мамед Эмин и его коллеги, Рубен Багатуров, трое эсеров из группы Саакяна.

Теперь были представители всех партий. И все явно нерв-

¹ Чурекчи — продавец хлеба (чурек) —

ничали. Без трех минут пять засипела кукушка на станции. Ее пронзительный крик басовито подхватили гудки на промыслах Балаханов, Раманов и Сабунчей. Густой звук нарастал, леденя душу. Люди замолкли, перестали дымить. Собралось около полутора тысяч человек. На импровизированные подмости перед зданием клуба поднялся Мешади Азизбеков. Внизу остались Шаумян, Фиолетов, Джапаридзе. Стало тихо.

— Товарищи! Мы собрались здесь для того, чтобы заклеить еще одну гнусную и позорнейшую попытку Временного правительства задушить свободу. Два дня назад в Петрограде по приказу Временного правительства была расстреляна мирная демонстрация рабочих и солдат. Тысячи семей лишились своих кормильцев, матери — сыновей, жены — мужей. — Азизбеков умолк. Молчала и толпа, наливаясь гневом. — Они требовали одного: «Вся власть Советам!» Им надоели лживые обещания политиков от буржуазии, всех этих «правых» и «неправых» эсеров, меньшевиков, монархистов и анархистов, всей этой блудословящей накипи на теле пролетариата... Травлю большевиков буржуазия начала раньше. Но теперь она достигла исключительных размеров. Контрреволюция сосредоточила всю полноту власти в своих руках. Надолго ли? Разве гнилое дерево может плодоносить? Или устоять? Мы потеряли многих братьев в России. Но с их гибелью наши ряды не поредели, нет! Как бы ни травили нас, как бы ни лгали — знамя борьбы за наши идеи мы поднимем еще выше. С еще большей энергией мы будем разяснять наши истинные цели, цели революционного пролетариата...

Толпа взорвалась криками.

— Власть народу!

— Ай, Мешади! Молодец!

Все голоса перекрыл густой бас Григория Айолло.

— Друзья! Не давайте передергивать карты! Правительство вынуждено было пойти на это. Демонстрация приняла угрожающий характер.

Азизбеков посмотрел на лидера меньшевиков.

— В том-то и беда, господин Айолло, что политика в ваших руках давно превратилась в азартнейшую игру.

Фиолетов снизу добавил:

— Шулеров!

Толпа дружно хохотнула.

— Ваня! Добавь ему. По нашему, по рабочему!

Фиолетов поднялся на мостки и встал рядом с Азизбековым.

— Уж кого мы сегодня не ожидали встретить здесь, так это вас, друзья хорошие! Но мы рады, что и вы пришли почтить светлую память наших братьев, павших в Петрограде от рук жандармов революции. Братья! Мы не знаем, кто из нас доживет до полного торжества социализма на нашей земле, но твердо верим, что это время не за горами. И каждая новая схватка с отжившим миром — еще один шаг навстречу светлomu завтра.

Из толпы кто-то крикнул:

— Вы сначала накормите сегодня некому будет смотреть в это ваше завтра.

Мамед Эмин, Айолло, Саакян и еще несколько дружно захлопали.

— Bravo! Вот он — глас народа.

Чернобородый, крепкого сложения азербайджанец со следами копоты на лице подмигнул товарищам.

— Сотни лет голодаем и ничего, дожили до вашего сегодня, а уж до своего завтра как-нибудь доживем. Вы за нас не волнуйтесь, а то похудеете.

Толпа снова хохотнула. Фиолетов. улыбнулся.

— Спасибо Кязим-киши! А вы, господа, поосторожнее. Здесь не Баксовдеп. Рабочие за словом в карман не полезут! Кязим-киши усмехнулся.

— И не только за словом, Ваня!

— Так, Кязим-киши, так!

— Разрешите и мне слово. — Это вступал в полемику Рубен Багатуров. — Здесь есть армяне? Члены партии «Дашнакцутюн», есть? — Все молчали. Багатуров театрально всплеснул руками. — Не поверю! Вот вы, товарищ, армянин?

— Да!

— Чего же вы молчите? Неужели вы, армянин, человек трезвый, верите в посулы большевиков? Это же чистый блеф.

— Извините, почтенный! Это «блеф» — что такое?

— Господи! Ну, миф!

— Извините, почтенный! Миф — что такое?

Кто хохотал, кто хлопал. Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе тоже не могли удержаться. Взбешенный Багатуров уничтожающе глянул на рабочего.

— Ты не армянин, если идешь против своей партии.

— А моя партия вот стоит, почтенный! И нация у нас одна — люди!

— Да ты еще и философ! Не слишком ли много для одного рабочего? Может, и как звать скажешь?

— А ты что, пугаешь? Так спроси семь братьев Хачатуровых. Но тогда, побитенный, не испугайся сам...

— Что? Да ты знаешь, кто я?

— Знаем, знаем! — крикнули из толпы. — Ты там потише. Поднялся лидер «Мусавата».

— Братья, мусульмане! Это говорю я, Мамед Эмин. Понимаю, что среди вас почти все большевики. И все-таки, как единоверец, как ваш брат, я должен открыть вам глаза на происходящее... Россия — русским, Азербайджан — мусульманам! Пусть они решают свои дела, а мы как-нибудь решим свои. В России — единовластие. Большевики разгромлены. Их преследуют. Ищут Ленина. Вот о чем должны были сказать вам господа Шаумян, Азизбеков, Фиолетов. Они могут молчать, проинизировать или смеяться, но от правды им не уйти. Так, господин Шаумян? Что-то сегодня мы вас совсем не слышим. Лично я уважаю и вас, и господина Азизбекова, но скрывать правду перед братьями не могу. Не имею права!

Рабочие притихли, ждали ответа. Шаумян поднялся на подмостки. Задумчиво осмотрел собравшихся, тронул бородку, грустно улыбнулся.

— Мы от товарищей ничего не скрываем, это велит нам партийный долг. Но так информировать о событиях может, пожалуй, только господин Расул-заде. Каково жить под «временным» знают все на собственной шкуре. Знали и те пятьсот тысяч безоружных демонстрантов, что вышли на улицы Петрограда. Они требовали лучшей доли, требовали обещанной демократии, обещанных прав и куска хлеба. Им надоели война, нищета, голод. Им надоели безработица, демагогия, неравное распределение благ. Шли рабочие и солдаты, женщины и дети... Вместо оружия — лозунги, плакаты. Демонстрация была стихийной. Но теперь им все разъяснили свинцовыми строчками, казачьими шашками и нагайками...

Он помолчал. Все напряженно ждали.

— Да, сейчас наступил новый этап в борьбе за победу пролетарской революции. Да, власть временно оказалась в руках Керенского. Да, Советы с их эсеро-меньшевистским руководством превратились в придаток буржуазного правительства. Большевики и эсеры предали народ и перешли в лагерь махровой контрреволюции. Они решили убить вождя мирового пролетариата — товарища Ленина. Однако, несмотря на репрессии, большевики не разгромлены. Они ушли в подполье. Они готовятся. Если февраль сверг царя и дал власть буржуазии, то второе революционное выступление передаст власть в руки трудящихся.

В толпе аплодировали, свистели, кто-то запел «Интернационал». Что-то кричали, яростно жестикулируя, Расул-заде, Саакян, Айолло... Их не было слышно. И они, торопливо выходя из кольца рабочих, садились в фаэтоны и уезжали. Вслед им неслись подхваченный полуторатысячной толпой гимн. Мешади Азизбеков поднял руку.

— Только теперь я понял, какая же эта великая сила — дружба! Когда человек может верить другому человеку без оглядки. Трудно говорить, слов не хватает... Сколько хороших людей умолкло, так и не изведав простого человеческого счастья. Давайте, друзья, помолчим... Пусть эта минута укрепит наше единство, наше мужество, нашу решимость. Придет время, когда нам будут завидовать потомки. Великое время, когда людям придется заглядывать в словарь, чтобы понять значение таких слов, как голод, несчастье, слезы...

Глава X. Большевичка

Расстрел безоружных демонстрантов в Петрограде вызвал гнев и возмущение пролетариев всей России. Двоевластие кончилось.

Забурлил стихийными митингами и Баку. Политические партии разных оттенков ожесточенно нападали на большевиков. Но рабочий Баку был настроен слишком революционно. Методы Керенского здесь не могли пройти...

Последнее время Исламбек возвращался поздно, уставший и возбужденный. Часто заходил Аслан и они, закрывшись в комнате, о чем-то секретничали. Ширвани не обижался. Он был рад, что у его друга появилось серьезное занятие. А в том, что оно серьезное, Ширвани не сомневался. Он хорошо знал друга.

Ширвани и сам редко сидел дома. Бродил по городу, бывал в кварталах бедняков, на базарах и промыслах. Взгляд его стал зорче, глаз острее. Его, как и Исламбека, возмутили события в Петрограде. Он написал стихи, полные любви к простым людям. Людям, которые многое могут вынести. Но только до поры.

Постоянно бывая на митингах, он получил возможность познакомиться с лидерами партий: Григорием Айолло, Львом Уманским, Мухаммедом Садовским, Сако Саакяном, Гайком Тер-Каджаряном, Абрамом Гюльдаханияном, Сергеем Мелик-Иолчаном, Али Марданбеком Топчибашевым, Мамед Эмином Расул-заде...

Он внимательно слушал и все больше проникался доверием к большевикам. Трудно, медленно, но неуклонно он проникался сознанием правоты тех, кто шел за Шаумяном, Азизбековым, Наримановым, Джапаридзе.

Как-то вечером, когда Исламбек и Ширвани возвращались с очередного митинга, их встретил у ворот конюх Али Гулу. Он протянул телеграмму. Из селения сообщали, что старый Асадбек Ширванский тяжело болен и просит, чтобы сын немедленно приехал.

Поезд в Елизаветполь уходил в полночь, нужно было спешно собираться. Кончив сборы, Ширвани зашел в комнату, которая стала теперь детской. Обычно он вечером провожал учительницу домой. Но сегодня он попросил ее задержаться. Она встревожилась.

— Что-нибудь случилось?

— Особенного ничего. — Он грустно вздохнул. — Я должен срочно ехать к отцу и не знаю, когда вернусь. А мне давно хотелось с вами поговорить. Я же почти ничего о вас не знаю, да и вы обо мне с Исламбеком тоже. Случилось, что мы оказались под одной крышей. Благодаря детям. Мне кажется, однако, что не только дети связывают нас, Эмилия. С вашим приходом в доме стало теплее. Недавно мы шли с Исламбеком, видим — в окнах темно. Не знаю, что он подумал. Но избежал он по лестнице так, как бегут на сигнал бедствия. И только услышав ваш голос за дверью, успокоился. Потому-то я и хочу просить вас... Не покидайте этот дом, Эмилия. Мне и за Исламбека будет спокойнее, если я буду знать, что вы здесь оба. — Он оглянулся на дверь, заговорил тише. — Я люблю Исламбека, как брата. Это большой ребенок с чистой душой. Если вы великодушны, оставайтесь здесь хозяйкой, другом, матерью малышам. Они без вас пропадут. — Он взял ее руку. — Не говорите «нет», Эмилия Викторовна...

— Не знаю... — Она теребила кончик пушистой косы. Широко расставленные глаза смотрели почти испуганно. Дверь чуть приоткрылась, в щель просунулась трость с привязанной к концу белоснежной салфеткой.

— Что вы там шепчетесь? — пробасил Исламбек. — Я все слышу. И заранее капитулирую перед новым комендантом гарнизона. Даю слово повиноваться, но... — Эмилия невольно улыбнулась этой мальчишеской выходке. — Но смотри, поэт, если, вернувшись, ты найдешь мое холодное тело, знай, что я погиб на посту.

— Ну? Что вы решили? — Ширвани обернулся к Эмилии.

— Трудно вот так, сразу. Я и сама не могу без... детишек! Привыкла. И к ним, и к вам. Я, наверно, смогу побыть здесь до вашего приезда. Но что скажут люди? Как это будет, право, выглядеть со стороны...

— Я перережу глотку каждому, кто посмеет сказать дурное слово. — Исламбек издал такой клич, что из детской пришел пал Генка. Окончательно смутившись, Эмилия убежала с мальчиком в детскую.

Ширвани и Исламбек переглянулись. Уже на вокзале, прощаясь, Ширвани незаметно вложил в руку Карабаглы расшитый бисером небольшой кисет.

— В наше время золото — лучшие деньги. Возьми. Этого вам хватит на случай, если я застряну.

Исламбек пытался отказываться, но Ширвани своим.

— И еще. Очень советую тебе. Присмотрись к Эмилии. Много ли ты встречал таких? И нежная, и смелая. Без всяких этих кривляний. Умница она, Исламбек. В красивых женщинах это — редкость. Неважно, что она не мусульманка.

— Ты что, сватать меня собрался?

Ширвани хмыкнул.

— Ну, всего тебе, друг мой, пламенный поэт. Не задерживайся в своем поместье, мюлькедар! — Исламбек улыбнулся. Они крепко обнялись. — Привози побольше стихов!

С отъездом Алигейдарбека Карабаглы стал бывать дома еще реже. Так, во всяком случае, казалось Эмилии. Если же и был свободен, целыми днями возился с детьми — мастерил им сабли, куклы, пистолеты. Впрочем, он беспрекословно ходил на базар, встречал и провожал Эмилию на работу, помогал по дому. Но друга ему явно не хватало.

Однажды Эмилия очень встревожилась, прождав Исламбека почти до утра. На рассвете, услышав тихий скрип двери, она выбежала навстречу в старенькой шали, бледная, большеглазая, с растрепанными волосами.

А он пришел не один. С ним были Аслан и еще двое рабочих, один из которых был ранен в руку. Она помогала делать перевязку, удивляясь тому, как легко и ловко движутся сильные руки Исламбека.

Потом он объяснил виновато:

— Извините, так получилось. Поспите немного перед работой, я напою ребят чаем.

Эмилия не знала, что и думать. Ей хотелось быть в курсе его дел, знать о нем больше. Где он пропадает, откуда знаком

ей этот весельчак Аслан, чем они занимаются? Конечно, она могла спросить, могла и сама узнать. Но подпольная работа научила ее не задавать лишних вопросов.

Помимо школы Эмилия сотрудничала в редакции «Бакинского рабочего». Она корректировала и правила статьи, готовила их к набору, писала свои материалы и еще успевала читать лекции в рабочем клубе. Часто приходилось брать работу домой и делать ее, когда все спали.

Странно у них складывались отношения. Со стороны можно было подумать, что в доме живет семья, связанная, если не супружескими, то, по крайней мере, родственными отношениями. Случалось, что они за день не обменивались и тремя фразами. Мог ли он знать, сколько волнений доставляли сдержанной, ровной и приветливой Эмилии его ночные отлучки? Она лишь тихо ворчала, когда он много курил или выходил без фуражки в ветреные дни.

Однажды поздно вечером Исламбек увидел в подъезде Генку. Мальчик кинулся к нему и, радостно обняв, повис на шее. А у самой двери, куда донес его Исламбек, он сердито спросил:

— Дядя Ислам, почему вы все время куда-то уходите? Тетя Миля знает как боится!

— Чего боится? Мышей?

— Нет, за вас боится. Один раз даже плакала. Думала, я не видел. Все время в окно смотрит. А как увидит вас, в нашу комнату бежит.

Исламбек потоптался на месте, потрепал Генку за волосы.

— Ишь ты, рыжик.

Эмилия Викторовна отдавала детям все свободное время. Читала, учила писать, занималась с ними немецким и французским. Когда Лизе стало лучше, она сшила ей нарядное платье, и по воскресеньям, к восторгу детей, все чаще ходила с ними на бульвар.

Откровенно говоря, Исламбек ее побанвался. Он давно знал, что любит ее. Знал и другое — у него нет ни малейшей надежды на взаимность. Потому он и дома старался бывать реже. Он вздрагивал, слыша ее смех, голос, терялся, когда она улыбалась.

После разговора с Генкой он долго не ложился. Ерунда, конечно. Ну, кто он такой? Ширвани, действительно, личность. Поэт милостью божьей.

Он давно понял, что тот давний разговор о расстреле был экзампом. Много раз, находясь в боевом охранении, он видел

ее на митингах рядом с Шаумяном и Джапаридзе. Она стенографировала речи на собраниях и митингах, готовила отчеты для большевистских газет. Однажды он слышал ее выступление среди рабочей молодежи в Черном городе. Как он волновался за нее. Господи, о чем она думает до полуночи, оживая его возвращения. Болван, эгоист...

Давно надо бы поговорить с ней. Но что он скажет? О своей работе говорить он не имеет права. Никому! Об этом его предупредили Джапаридзе и Тер-Габриэлян. Сейчас он возглавляет боевое звено, ходит на явки, получает листовки, литературу. Что же ей сказать? Ах, черт, ситуация...

Она тоже не ложилась. Он зашел на кухню, где она готовила ужин.

— Эмилия... Викторовна! Ради бога, извините, что я доставляю вам столько волнений. Но я... Как бы это объяснить... Что вы молчите? Я понимаю, вы сердитесь на меня и имеете на это право.

— Что вы, Исламбек, я на вас не в обиде. С чего вы взяли? Лучше берите чайник и пойдем в столовую пить чай. Да, не забудьте сахарницу.

Проклиная свое косноязычие, он взял, что полагалось, и пошел в комнату. Потом они сидели и мирно пили чай. Исламбек угрюмо молчал. Эмилия, незаметно поглядывая на него, терялась в догадках. Что с ним? Может, ему не по душе мое присутствие? Все-таки я русская. Пожалуй, зря я согласилась. Но Ширвани так просил. Господи, застыть можно от этого ледяного молчания. Нет, так нельзя.

Она отодвинула недопитый чай.

— Исламбек! Я ухожу. Так будет лучше для нас всех. Детей заберу позже. Вот договорюсь с хозяевами...

Исламбек, занятый собственными мыслями, кивнул. Потом до него дошел смысл ее слов...

— Что? Что вы сказали? Как ухожу? Куда?

Он так взглянул на нее, что сердце Эмилии забилося. Она почувствовала, что краснеет — сильно и неудержимо.

Исламбек смотрел на нее. Он должен, наконец, сказать... Губы пересохли. И вдруг он просто шагнул к ней, обнял за плечи.

— Я не умею говорить. Я могу воевать, могу защитить тебя от опасности. Я люблю тебя! Люблю и не знаю, что будет со мной...

Глаза Эмилии были совсем близко. Так близко, что он задохнулся. Она сказала:

— Ислам...

Исламбек прижал ее к себе. Наверно, ей было больно, но она улыбалась. Почему-то они оказались у раскрытого окна. Ветер с моря играл белым шелком занавески, кутая Эмилию в подвенечный наряд. Небосвод до самого горизонта был усыпан блестками звезд. Косым серпом висела над ними любопытная луна.

Они никому ничего не говорили. Просто им очень хотелось, чтоб всем вокруг было так же хорошо.

Первым догадался Аслан. Он долго и внимательно рассматривал Исламбека, потом хмыкнул.

— Послушай, бек. У тебя появились крылья. Ты не ходишь, а это самое... летаешь. Вот так.

Он приподнялся на цыпочки, раскинул руки и, мелко семеня, проплыл по комнате. На лице его сияла блаженная улыбка, глаза закатились.

Сначала не выдержал Исламбек, за ним прыснули товарищи. Словно пораженный смехом, Аслан застыл на месте и вдруг упал на колени перед Карабаглы.

— Умоляю вас, признайтесь. Любовь? За дачу лож показаний... Признайтесь, юноша!

Исламбек молча кивнул. Аслан поднялся и спросил серьезно:

— Я ее знаю?

Карабаглы снова кивнул. Аслан озадаченно прищурился.

— Кто же... Подожди, Ислам! Ну, брат, тебе можно только позавидовать!

Исламбек добро взглянул на товарища.

— Правильно! Завидуй.

Аслан выбежал и буквально через несколько минут вернулся, неся букет — полуоткрывшиеся бутоны алых и белых роз.

— Передай от меня Эмили и скажи, что я рад за вас. Дай лапу, черт! — Он крепко пожал руку Исламбека. Поздравили и ребята.

— Чтоб ваша любовь цвела вечно!

— Такое дело нужно отметить!

— Спасибо, друзья. Будет. Все будет.

Уложив детей спать, они потушили свет и забрались в глубокое кресло Ширвани. Эмилия прижалась щекой к лицу Исламбека, он крепко ее обнял.

— Скажи, Миля, за что ты меня любишь? Я все стараюсь и не могу понять.

— Вот за это как раз и люблю, что не можешь понять.

Она закинула руки и притянула к себе Ислама.

— Я люблю тебя и хочу, чтобы между нами все было открыто и честно. Таким я тебя узнала и не хочу разочаровываться. Где ты пропадаешь целыми днями? Я имею право это знать?

Исламбек улыбнулся и спрятал лицо в ее пышных волосах.

— Как хорошо! Ты имеешь право на все, дорогая. На все мои личные секреты, тайны, знакомства. Но то, о чем ты спрашиваешь, не моя тайна. Я уже говорил, что ты узнаешь, только позже. И потом: я ведь доверяю тебе и не спрашиваю, чем ты занимаешься после работы, где пропадаешь по вечерам.

— А мне нечего скрывать. Я — большевичка. И после школы сотрудничаю в «Бакинском рабочем».

Исламбек нежно ее поцеловал.

— Подожди! — Эмилия развела кольцо рук, встала и подошла к окну. — Недавно я ехала в Балаханы, в школу. В вагоне ко мне привязался какой-то подозрительный тип. Я сразу поняла, что он из охранки... Значит, за мной следят.

— Но «охранки» давно нет.

— Может быть. Но все равно встреча не была случайной.

Теперь поднялся и Исламбек.

— Ты рассказала товарищам? Там, у себя...

— Конечно. Послушай, Ислам, я все хочу спросить. Ты в какой-нибудь партии состоишь?

— Нет. Разве, что в партии Ширвани. — Исламбек улыбнулся.

— Жаль.

— Да кто меня примет, скажем, в твою партию? Пойми, я — бек, сын бека. Кто мне поверит у вас?

Эмилия подошла к Исламбеку и ласково коснулась его лба.

— Доверие партии нужно заслужить. Я тоже, милый, дочь потомственного дворянина. Покойный отец имел под Петербургом поместье.

— Ты... дворянка?

Она цеременно наклонила голову.

— Перед вами баронесса, урожденная Богданович.

Он удивленно вскинул брови.

— Откуда же у вас, госпожа баронесса, столь прогрессивные взгляды? — Он рассмеялся. — А ты хитрая. Помню, как ты тогда с петербургским расстрелом...

— Приходится быть осторожной. А кстати, что это за личные тайны? Женщина? — Она погрозила пальцем. — Смотри у меня. — Она сразу заметила, как помрачнел Исламбек.

— Ислам...

— Прости, Милечка. Надо было раньше рассказать тебе о Багире...

Они долго молчали. Эмилия сказала тихо и грустно

— Какая трагическая судьба. Страшно.

В передней звякнул колокольчик. Эмилия вздрогнула, сжала руку Исламбека.

— Поздно! Кто это может быть?

— Слышишь, три звонка и — с интервалом — четвертый. Значит, Аслан. Зажги, пожалуйста, свет, я открою.

Вошел безукоризненно одетый господин. Черная пара, лакированные ботинки, небрежно накинутый на плечи плащ, изящная трость в руках.

— Простите, Исламбек Карабаглы здесь проживает? — Он водрузил на нос пенсне.

— Да. Это я. Чем обязан?

— Простите. Вы что не узнали меня, бек? — Пенсне спало, сразу исчезли и брезгливые складки у рта.

— Боже, Аслан?! Ну и шу...

— Что, напугал? — Аслан довольно улыбался.

— Слушай. Твое дело — театр. Искренне говорю. У тебя природный талант, ослиная твоя голова! Тебя беречь надо.

— Бирочку нацепить на шею. Ничего, придет время, и я еще выйду на сцену в пьесах Шекспира, Горького, Ахундова...

— Ислам, что случилось? Здравствуйте... Ой, Аслан, это вы?

— Конечно, я! Только одежда Из проката. Бек передал вам мои поздравления?

— И чудесный букет. Спасибо вам, дорогой друг.

— Я желаю вам обоим... Вот такого счастья. — Он широко развел руки. — Дети спят? А я за тобой, Исламбек. Внизу фаятот. И нацепи все свои регалии, пригодится.

Эмилия беспомощно смотрела на них. Как ей не хотелось отпускать Ислама в такое время. И хотя бы знать: куда?

— Неужели это необходимо... ехать так поздно?

Исламбек взял ее руку, коснулся губами и ушел одеваться.

— Да не волнуйтесь вы, сестра. Он для меня ближе брата. Эх, есть идея. Жаль, что вы не можете часа на два оставить детей. Поехали бы с нами.

Эмилия не колебалась. Дети спокойно спят до утра, да и Али Гулу дома.

— Надолго?

— Не больше трех часов.

— Как мне одеться?

— Понаряднее.

— Я быстро. — Она побежала переодеваться. Аслан хищнически цокнул.

— Вот это жена!

Бряцающая шпорами, вошел Исламбек.

— Ты что? Зачем тебе Эмилия? Ей своих дел хватает. И потом... Она же ничего не знает.

— Не сердись, бек. На улицах беспокойно. Полно всякой шушеры да патрулей. Вдвоем мы можем привлечь внимание. А так... внимание переключится на даму. И не волнуйся. В случае чего, два таких боевика, как мы, стоят сотни. Я шкурой чувствую, что за мной следят чьи-то глаза. А засечь пока не могу.

— Этим и вызван маскарад?

— А то! — Он перевел разговор: — Не будь ты моим другом, я умчал бы Эмилию на край света.

Даже в тусклом свете лампы Эмилия выглядела очаровательно. Длинное вечернее платье подчеркивало стройность фигуры, шляпа с кокетливой вуалью придавала загадочность. Чуть удлиненное лицо, бархатистая кожа, мягко очерченный рот и тонкий аристократический носик, бездонные глаза...

— Нет, эта красавица пришла к нам прямо из Гюлистана! Теперь я представляю, так выглядят сказочные пери. Как бы боясь ослепнуть, Аслан закрыл лицо руками.

Эмилия покраснела и покосилась на Исламбека. Ему, жется, все это было не очень приятно.

— Будет вам, Аслан. Еще перехвалите.

— Это невозможно! Ну, с богом.

Они вышли из подъезда и огляделись. Улица была пустынной, только какой-то пьяный бред, определяя дорогу по стенке.

Небо в крупных бусинках звезд притягивало бездонной чернотой, от которой кружилась голова. Лимонная луна бросала ровный, но слабый свет. Не ярче горели и газовые фонари.

Исламбек посадил Эмилию в фаэтон с поднятым верхом, сел рядом. Аслан достал папиросу и принялся ощупывать карманы в поисках спичек. Он подошел к прохожему, все еще удерживающему стену от падения и попросил прикурить. В ответ тот запел. Аслан помог ему дотянуть музыкальную фразу и вскочил на подножку фаэтона.

— Сурен, поехали.

И уже усевшись, добавил:

— Он действительно пьян.

Фаэтон покатил по направлению к Манловскому театру. Где-то недалеко бухнул выстрел. Потом второй. Раздался пронзительный женский крик, задушенный чьей-то рукой. Исламбек и Аслан напряженно вслушивались. Теперь тишину нарушал лишь четкий стук копыт.

На повороте затусованные темнотой фигуры бросились к фаэтону.

— Стой! Стой, мать твою растак...

Исламбек высунулся из-под козырька фаэтона.

— Гуляйте, ребята, гуляйте!

В нем сразу узнали боевого офицера. К тому же рядом легла рука с тяжелым маузером. Все стало ясно, и фигуры исчезли. До явки добрались без приключений.

Экипаж свернул в тупичок и остановился возле одноэтажного дома. Сквозь плотную штору на окне просеивались крупинки света. Аслан кивнул в сторону низенькой двери.

— Здесь. Пошли.

Эмилия заметила, что кучер вытащил торбочки с сеном и подвязал их лошадям. Не распрягает. Значит, будет ждать.

Аслан почти бесшумно простучал паролем. Чуть скрипнув, дверь отворилась, они вошли в маленький дворик, сплошь увитый виноградником. Аслан задержался во дворе, их пригласили в дом.

В маленькой комнатке, ярко освещенной керосиновой лампой, их ждали двое. Эмилия вскрикнула. За столом, просматривая какие-то бумаги, сидели Алеша Джапаридзе и Тер-Габриелян. Приветливо поздоровавшись, Саак пригласил их сесть. Джапаридзе внимательно осмотрел обоих, словно изучал. Наконец встал и, улыбаясь, пожал руки.

— Что, поженились? Рад за вас. Только вместо свадебного подарка пока ответственнойшее задание. Для обоих. Если,

конечно, Эмилия и ты, Исламбек, не будете возражать. Можете посоветоваться. У вас есть несколько свободных минут. А мы с Сааком будем работать.

Они оба опять склонились над листом бумаги, что-то вычитывая и подчеркивая.

Эмилия посмотрела на Исламбека укоризненно.

— Что ж ты молчал, дорогой? Теперь мне понятны твои исчезновения. А я столько пережила.

— Мы с тобой квиты...

— Ишь, конспиратор! А вообще, молодец. Товарищ Алеша, мы согласны, — сказала Эмилия. Исламбек незаметно пожал ей руку.

Джапаридзе пригласил их к столу.

— Задание, как я уже говорил, сложное и чрезвычайно опасное. На днях в доме Тагиева должен состояться бал, на который придут все толстосумы города, знать, оппозиция, националисты, военные. Нам нужно быть в курсе всего, что там произойдет, и дальнейших планов контрреволюции. Мы долго думали, кому поручить эту операцию. Решили вам, Исламбек. Особенно ратует за вас Саак. Должен признать — не напрасно. По образцу вашей боевой десятки мы создаем дружины на предприятиях. Шаумян и Азизбеков просили передать вам благодарность за умелые действия во время расширенного заседания «Гуммет»... Так вот. Мы просмотрели ваши документы и решили их подкрепить. Завтра пойдете в союз безработных офицеров и встанете на учет. Вот вам справка о том, что после длительного пребывания в лазарете вы выписаны в чистую... В союзе найдете Подшибякина и передадите ему эту записку от Топчибашева.

Тер-Габриэлян, посасывая трубку, одобрительно кивнул.

— Молодец, Нариман! Уговорить Топчибашева, чтобы он ходатайствовал за кого-нибудь, кроме себя, трудное дело. А он сумел. Мы направляем вас прямо в логово врага. По рекомендации Подшибякина и Топчибашева вы должны пристроиться к самому градоначальнику Якову Смирнову.

Джапаридзе добавил:

— Прекратить все компрометирующие царского прапорщика и георгиевского кавалера связи! Вы, товарищ баронесса, пока забудьте о газете. Если потребуется что-то особо сложное, мы переправим вам материалы через Аслана. Так что переквалифицируйтесь в монархистов! Оба дворяне и так далее. Кстати, Исламбек, продумайте версию своих разногласий с отцом и братом, приемлемую для Подшибякина и Смир-

пова. Вот деньги на первое время, правда, немного, и документы... Если возникнет необходимость в срочной встрече, зайдите пообедать в «Дикую кошку» и, когда будет выступать Лизабет Дюпо, подойдите к ней с бокалом вина и скажите: «За один ваш поцелуй я отдам жизни!»

Исламбек был ошеломлен. Как, и Лизабет Дюпо? Непостижимо!

Глава XI. Бал в доме Тагисева

В доме на Горчаковской текла, казалось, обычная деловая жизнь. Но Али Марданбек правильно уловил желание хозяина. Банкет должен состояться во что бы то ни стало. И он не жалел усилий.

В ход пошла вся латынь, которую он с таким трудом усвоил в университете. «Терциум нон датур»¹, говаривал он, лично развозя приглашения наиболее именитым из приглашенных; «пэр фас эт невас»² — надо собрать всех в один круг, господа, объединить в один кулак, ибо «бис дат, кви цито дат»³.

Прежде всего, речь шла о его собственном положении председателя мусульманского национального совета. Далее, имея такого покровителя, он вполне мог рассчитывать на портфель министра иностранных дел. А это уже карьера. Воображение, опережая действительность, рисовало заманчивые поездки в Стамбул, Лондон, Париж...

И он с утра до позднего вечера носился по городу. Отпечатал и разослал тисненные золотом приглашительные билеты. Торговался с поставщиками свежей рыбы, икры, шампанского. Лично просматривал и заново составлял концертную программу. Инструктировал лакеев...

Конечно, в этой грандиозной пляске тысяч что-то перепало и ему. Но главное — весь город увидит его рядом с могучим Гаджи. Увидит и поймет, что политику делают не Мамед-Эмин и этот вечно брюзжащий Риза-бек, а он, Али Марданбек Топчибашев. Еще немного, и большевикам крышка. Тогда вспомнят, сколько он сделал для народа. Нужно будет расширить торговлю нефтью, хлопком, усилить приток золота!

¹ Третьего не даю.

² Правдами и неправдами.

³ Вдвойне дает тот, кто дает скоро.

Тогда и у него появится капитал. Баку станет вольным мусульманским городом. Дальше? Дальше посмотрим.

К назначенному часу мраморный вестибюль тагневского дворца сверкал. Мягкий ворс дорогих ковров. Сияние хрустальных люстр, повторенное в зеркалах. Швейцары в золоченных ливреях... Непривычные к этому блеску, по углам переминались с ноги на ногу кочи, готовые по знаку хозяина обнажить кинжал или пустить в ход маузер.

Сам Гаджи не утруждал себя заботами. Заложив руки за спину, чуть сутулясь, он неторопливо проходил по комнатам своего дворца. Встречал гостей Топчибашев. С неожиданной легкостью он скользил в толпе, расточая улыбки и комплименты. Небрежно, как фокусник, щелкал пальцами. Тотчас возникал слуга со стопкой коньяка на подносе. Он цедил ароматный напиток, оглядывая вестибюль с высоты второго этажа. С загадочным видом делал пометки в своей записной книжке. Кажется, он стал даже выше ростом в этот торжественный вечер.

Гаджи знал, что приглашенные по достоинству оценят прием. Именно ему отведена в этой игре роль козырного туза, и он решил одним широким жестом перетасовать всю эту колоду «валетов» и «королей», напуганных смутным временем.

Столы в Восточном и Малом залах ломились от закусок и напитков. Пора приглашать, но люди шли и шли. Важный мажордом, как в старину, объявлял чины, звания и титулы.

— Его сиятельство господин Шамси Асадуллаев с сыном!

Лицо Топчибашева просветлело. Он встретил поклоном чуть усталого, но по-прежнему важного Шамси. «Мне бы его миллионы. Я бы их не проигрывал в карты... Ладно, будет еще и на нашей улице праздник».

— Господин Ага Рагим Дадаш-заде...

Али Марданбек залпом опрокинул стопку коньяка, с восторгом поглядывая на белорозовую, вовсе спогшибательную сегодня Тонечку Фриденберг. Куда ему, адвокату, когда рядом с красавицей идет молодой миллионер, которому наплевать и на политику, и на это сборище... Только деньги. Может, больше всего ему, Топчибашеву, хотелось бы прожить жизнь так: иметь настоящее дело и ездить на настоящие заграничные курорты вместе с этой Тонечкой...

— Ризабек Селимбеков с супругой!

С ними появился и Мамед Эмин Расул-заде. Топчибашев вытер взмокший лоб; слуге, подлетавшему с очередной стопкой на подносе, сказал тихо:

— Исчезни, пока они пройдут!

Сняв шляпу и отдавая ее гардеробщику, Ризабек спесиво расправил сутулые плечи.

— Не понимаю, уважаемый Мамед Эмин, зачем старику весь этот спектакль?

Расул-заде провел щеточкой по редким рыжеватым волосам.

— Вы меня спрашиваете?

— А кого же, почтенный? Вам всегда известно все и вся.

— Я, видите ли, только председатель партии, а не поверенный Гаджи.

— Очень жалы!

— Отчего же? — съязвил Мамед Эмин. — Есть, говорят, человек, который на Гаджи влияет просто магически. Вы с ним не знакомы?

— Уверен, почтенный, что с таким человеком я никак буду знаком.

— Ну, кто не знает вашу скромность... Позвольте, однако, напомнить, что ваша супруга весьма близка с супругой Гаджи.

— Ах, эти женщины! Непостижимы, как мир. — Ризабек вдохнул, покачал головой. — Мне, например, редко доводится видеть мою Сону радостной. Она постоянно чем-то недовольна. — Ризабек подхватил Мамед Эмина под руку, увлек его в сторону от сияющей супруги. — Вчера ко мне появился кочи Маммед-Усейн и говорит... Короче, у него с какой-то дамой получился конфуз и его, видите ли, хбят упрятать за решетку. Он это называет конфузом! Хэ-хэ... За такой конфуз — решетка! Я ему ответил: что же ты по мелочам ко мне обращаешься? Другое дело, если бы ты десятка два армян укокошил. Тогда я пошел бы за тебя к самому окружному...

Заметив Топчибашева, Ризабек мгновенно подобрался и, едва кивнув, двинулся вместе с супругой прямо к Гаджи Зейналабдину.

Старик стоял и с таким видом рассматривал висевший на стене палан амбала, словно это был семейный герб. Увидев Ризабeka и идущих за ним Мамед Эмина и Сону-ханум, Тагиев шагнул им навстречу.

— Понимаете, почтенный Гаджи, — сказал Селимбеков, — я как раз спрашиваю Мамед Эмина, что это вы решили собрать весь цвет нашего общества? И знаете, что он ответил? Я не знаю! Нет, вы только подумайте, почтенный Гаджи! Не знает сам председатель мусульманской партии!

Появилась блестящая, словно витрина ювелирного магази-

на, жена Тагиева и увела Салимбекову в свой будуар. За ними исчез и Ризабек. Гаджи Зейналабдин, взяв Мамед Эмина за лацкан пиджака, сказал доверительно:

— Ай, дорогой, да не обижайся на него! Откуда этому рабу аллаха, который ничего не видит кроме своих тюльпанов, знать мысли старого Гаджи?

Расул-заде смолчал, хотя мог бы многое рассказать о личности безобидного «короля» цветов Ризабека. Они уединились в комнате, чтобы поговорить без свидетелей.

Подъезжали новые гости. Топчибашев продолжал делать пометки в блокноте, все чаще прикладывался к рюмке. Увлеченный ролью распорядителя, он не заметил, как рядом оказался Гаджи.

— Опять пьешь, негодяй? На тебя уже смотрят. Только попробуй испортить дело... — Он прищурился.

— Прости, мой ага!

— Ну что, приехали бывшие?

— Пока только господин Нагиев. Ваш... ваш...

— Ваш, ваш! Помолчал бы. У этого человека золота раза в три больше, чем ты вешишь с потрохами. Иди, встречай. Очень нужный человек. Понял?

— Слушаюсь, мой ага!

Топчибашев кинулся встречать легендарно скупого миллионера.

— Ай, Али Мардан, — ворчал тот, — что это вдруг придумал старый Гаджи? Не дает умереть спокойно! Э-эх!.. Фазтон надо искать, деньги платить. Разве напасешься? Не хотел ехать. Потом подумал: наш уважаемый Гаджи не чихнет даром. Значит, что-то есть.

— Стоит ли жалеть, уважаемый Ага Муса? Одно ваше слово, и я, не раздумывая, отдам вам все свое состояние.

Нагиев фыркнул.

— Что у тебя есть? Одни долги. Я миллионы имею, а дорожу каждой копеечкой. Потому что скопить миллион ох как трудно, сын мой! С неба деньги не сыпятся.

Нагиев всегда держался так, будто не подозревал, что над его феноменальной скупостью посмеивается весь город, что прозвали его бакинским гобсеком.

Несколько лет назад бандиты захватили Нагиева и пригрозили сжечь все его дома и фабрики, обесчестить жену и похитить сына, если он не заплатит сто тысяч рублей. Он заплатил. И отдавая шантажистам деньги, поставил лишь одно условие: молчать.

Да, постарел Нагиев. Особенно после смерти единственного сына.

Объявили новоприбывших. Гаджи вопросительн на Топчибашева.

— Бывшие полицмейстер и начальник жандармского управления, — поспешно пояснил Али Марданбек.

— Жаль, что бывшие. Живая собака лучше мертвого льва.

Последними явились бельгийцы и французы — управляющие нефтепромыслами и заводами.

В Восточном зале нарастал шум. Гости обмениваясь любезностями, усаживались и сразу же заводили деловые разговоры.

Военные обосновались в правом углу, меньшевики, эсеры, мусаватисты и дашнаки — сели напротив. Тагиев, заняв отдельный стол, в общем остался доволен. Али Марданбек ловко собрал нужных людей.

Однако генерала Соколовского, главного гостя, пока не было. Гаджи Зейналабдин дал знак известному хананде. Под звуки саза и кемаджи полилась мелодия шур теснифи¹. Гости умолкли, с наслаждением слушая певца.

Наконец со стороны Великокняжеской донесся цокот копыт. В сопровождении казачьего эскорта подъехали командующий гарнизоном генерал Соколовский и градоначальник Смирнов. Али Марданбек поспешил в вестибюль.

Появление в притихшем зале военного столь высокого ранга было полной неожиданностью для гостей. Шамси Асадудлаев и Ага Муса Нагиев многозначительно переглянулись.

— Помяните мое слово, Шамси. Старик что-то задумал. Он опять начнет трясти наши кошельки. Откуда их брать, деньги-то, дорогой?

— Вы правы. Старая лиса знает, что делает, — буркнул Шамси.

Градоначальника Якова Смирнова сопровождал офицер по особым поручениям прапорщик Карабаглы.

Соколовский церемонно поблагодарил Тагиева за приглашение, оркестр грянул торжественный марш. Генерал и сопровождающая его свита заняли стол рядом с хозяином. Тагиев первым поднял бокал. Стоявший рядом Топчибашев цветисто и витиевато переводил его на русский.

— Господа, наш покровитель и благодетель мусульман выражает вам свою благодарность за оказанную ему честь. Он

¹ Народный азербай

просит всех господ дворян, представителей общественных организаций, господ генералов и офицеров чувствовать себя в этом доме, как в своем, пить и есть без стеснения...

Тагиев в знак согласия кивал. Генерал, выпатив грудь, довольно улыбался.

Исламбек, зорко наблюдавший за происходящим, видел, что кочи Мамед Али держит наготове «нарзан»; то и дело подливая игристую воду в хрустальный бокал хозяина.

Гости, слегка закусив, соревновались теперь в изысканных тостах. В круг между столами вплыла под восточную музыку группа танцовщиц. Одна, покачивая бедрами, прошла так близко к Топчибашеву, что от пряного аромата ее гибкого, почти обнаженного тела у него закружилась голова.

— Блудный сын аллаха! Больше ни грамма. Чтoб был трезв, шайтан! Делай свое дело.

Али Марданбек поднялся и снова попросил внимания.

— Хозяин желает сказать еще несколько слов. — В зале почтительно умолкли. Не поднимаясь, Гаджи заговорил тихо, доверительно, как говорят в семье с самыми близкими. Али Марданбек теперь переводил точно, стараясь сохранить даже интонации хозяина.

— Дорогие мои гости, господа, беки, князья, господа генералы и офицеры! Я уже выразил удовлетворение тем, что вы сочли возможным разделить радость старика. Сегодня среди нас русские, армяне, грузины и мусульмане. Все мы — братья! У нас одна цель, одни помыслы. Мне, старику, жить осталось немного. И не собственная судьба беспокоит меня. Я вижу здесь молодых людей. И хотя сам я человек необразованный, но радуюсь тому, что мне удалось выучить и воспитать из них самых достойных врачей, инженеров, юристов...

Аллах всемогущ! Но никто не вечен. Я богат, господа, и все-таки забот у меня больше, чем золота. Я перестал бы себя уважать, забыв хоть на час о своем народе. Что такое наш мусульманин? Он доверчив, легко поддается соблазнам. Я сам мусульманин и бывает, по-старчески, ругаю своих единоверцев за их слабости. Но вы, дорогие мои гости, представляете цвет своих наций. Я вижу господ Саакова, Адамова, доктора Туманяна и знаю — эти господа способны возглавить свой народ и повести его за собой.

Он помолчал, собираясь с мыслями, отхлебнул «нарзан».

— Есть у нас в городе кучка бунтарей, сбивающих людей с толку своими разбойничьими речами. Не понимаю, господа, куда исчезла власть? Кто такие эти Шаумяны, Джапаридзе,

Азизбековы или этот... Фиолетов? Кто? Люди без стыда и совести, продавшиеся российским большевикам. К чему призывают они наш народ? К оружию! К уничтожению меня — старика, вас, почтенные беки. Всех нас. Они душат нас этими своими договорами. Что плохого мы сделали народу? Почему, спрошу вас, я, старый человек, проживший на своей земле семьдесят пять лет, должен ходить под охраной, ожидая, что кто-то придет и убьет меня?

Я построил фабрику, поселки, заводы, имею промысла, земли, банки, дома и гимназию... А театр? Для кого все это? Разве для меня? Для народа. Чтобы люди имели кусок хлеба, могли жить в моих домах, учиться в моей гимназии и ходить в мой театр. Не стану отрицать, у них нелегкая жизнь. Но у кого она сейчас легкая? Пора обезглавить дэва, дабы потом он не сожрал нас. Срубить все его головы и прижечь шеи перцем, чтобы новые не вырастали. Думаю, все меня понимаете? — Гости зааплодировали. — Не буду утомлять вас, но повторю... Мы обязаны сегодня думать о завтрашнем дне, иначе будет поздно.

Тагиев повернулся к генералу и обратился прямо к нему:

— Извините, ваше превосходительство, но долг повелевает спросить и вас. Почему вы не проявляете твердость? В Петрограде же решились! Нет войска? Дадим! Дивизию дадим. Пусть дикую, необученную, но дадим. Денег нет? Дадим! Слава аллаху, все, кому дороги честь и достоинство, готовы пойти на жертвы. Разве мы в чем-либо отказываем? Нет. А чего просим мы? Защитить нас от кучки бунтарей. Не понимаю, кому будет легче, если не станет меня, или, скажем, уважаемых Асадуллаева, Ага Мусы... Мне стало известно, что рабочие готовы начать забастовку. Бросить работу... Давайте решать, пока это еще возможно.

Он умолк и жадно глотнул воду. По залу прокатился гул. Поднялся градоначальник Яков Смирнов.

— Господа, я искренне уважаю почтенного Гаджи Зейнабдина и, присоединяясь к его глубоко выстраданной речи, просил бы здесь присутствующих членов исполкома общественных организаций прекратить анархические призывы с трибун. Ваша не всегда продуманная агитация подрывает власть. Посмотрите, во что превращается наш город! Очаг заразы. А насчет забастовки... Мы тоже готовимся. Но и вы не подрывайте власти!

— Не подрывать власть? — перебил Тагиев. — Ай, молодец! Ай, начальник города! Нам в спину суют нож, а мы их

ет и арестовывает людей. Его маузеристы нагоняют на людей такой страх, что в пору бежать куда глаза глядят. А куда бежать беднякам? Мусульманский совет тоже вооружается, тоже играет на национальных чувствах. А возьми русский совет во главе с моим благодетелем Подшибякиным. Это же гнездо монархистов. Эх, что говорить!

— А ты говори, говори...

— Да разве не ясно, что кадеты, эсеры и прочая сволочь разобьют и русских. И все — религия. Основная масса рабочих пока колеблется и неизвестно за кем пойдет. Нет, Эмилия, ты не вполне представляешь, что произойдет, если план Тагиева осуществится...

Они смотрели, как розовеет небо. На его фоне мрачным символом надвигающихся бедствий чернел вытянутый, прямоугольник тагиевской тюрьмы.

— Ну и лиса этот старик, — прервал молчание Исламбек. — На ладан дышит, а все за свои миллионы цепляется.

— Это ваши мусульмане возвели его в ранг пророка и земле. Интеллигенция даже объявила его прогрессивным.

— Можно подумать, что он мусульман-цепит, — зло сощурился Исламбек, вспомнив тост Тагиева. — Ему наплевать на всех, лишь бы больше золота! Куда ни кинь — везде его рука; он построил, он дал рабочим кусок хлеба. Дал... В мазутных колодцах гниют тартальщики. Строить школы, театры — и убивать в людях саму жизнь? Ясно одно: кто с ним, того он терпит и готов платить, кто против — без всяких сантиментов уберет с дороги. Вот тебе и пророк!

— Ты думаешь, один Тагиев такой?

В том-то и дело. Я видел, как горели глаза Ага Мусы и этого шулера Шамси. Тагиев трясется над каждой копеечкой, а на дивизию дал сто тысяч. Раздобылся, потому что беспокоится о собственной шкуре. Лучше отдать что-то, чем потратить все. Боюсь, что эта тюрьма скоро наполнится до отказа.

Он отвел Эмилию от окна.

— Давай-ка выпьем чаю, милая. Скоро идти.

Эмилия обняла Исламбека.

— Будь осторожен, прошу тебя. Я так боюсь. Ты слишком горяч. Не дай бог, что-то с тобой... Ты слышишь, Ислам! Родной...

Эмилия заглянула ему в лицо. Он уснул, сидя. Она укрыла его пледом.

Прошли всего сутки, а управление градоначальника стало похоже на военный штаб. За столом Смирнова сидел теперь сам генерал Соколовский — раздраженный, отупевший от бессонной ночи и чрезмерных возлияний.

Под карагачами и платанами губернаторского сада командующего ожидал эскадрон казаков. Ржали лошади, сповали курьеры, приносили на подпись документы.

Градоначальник вызвал Исламбека. Встретил в дверях, шепнул: «Постарайтесь произвести впечатление». И уже официально представил:

— Ваше превосходительство, прапорщик Карабаглы. Георгиевский кавалер, сын известного бека, офицер по особым поручениям. Рекомендован господином Подшибякиным. Думаю ему и поручить...

— Ну-ну, — генерал бесцеремонно разглядывал прапорщика. — Что ж, попробуем. Подойдите, голубчик. Подготовьте список с адресами наиболее активных большевиков. Срочно. Затем поручим вам еще одно деликатное дельце.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Если вы имеете в виду Шаумяна, Джапаридзе...

— Именно, прапорщик, — прервал генерал. — Только установить необходимо подлинное местожительство, чтобы изолировать без особого шума. Вы меня понимаете?

— Так точно.

— Тогда действуйте, голубчик.

Карабаглы вышел и, присев к своему столу, продиктовал машинистке распоряжение градоначальника. Все это время он мучительно искал способ предупредить.

К столу подошли двое. В одном Исламбек узнал усатого маузериста, которого не раз видел в городе. Другой — поручик с холемым лицом — нагло вато прищурился.

— Мы желаем, прапорщик, попасть к господину градоначальнику.

Исламбек ответил, почти не скрывая неприязни:

— Господин Смирнов занят, не принимает.

Усатый маузерист, вздернув брови, покачал опустил свою тяжелую лапу на маузер.

— Господин прапорщик, доложи начальство... Приехал князь Лалаев! Понимаешь?!

Руки машинистки застыли над клавишами. Лалаев усмехнулся. Исламбек никогда раньше не видел Лалаева, но знал,

что поручик слыл отчаянным кутилой и картежником. Не желая терять времени, он доложил.

— Пропустите, — поспешно распорядился градоначальник.

— Слышишь, Каро, в нас нуждаются, нас ждут, — бросил Лалаев спутнику. Но сказано это было явно для Исламбека.

Их появление встревожило Исламбека. «Отчего это, — подумал он, — Смирнов, который никого не принимает, сделал для них исключение? Может быть, их визит связан с готовящейся операцией? Списки большевиков... Неужели этими руками будут осуществлять убийства?»

— Господин Карабаглы, — проворковала секретарша. — О чем вы задумались? Диктуйте.

— Да, да! Пожалуйста. Степан Георгиевич Шаумян, улица Биржевая...

Дверь кабинета распахнулась. Смирнов, поманив Исламбека, отвел его в сторону.

— Господин Карабаглы, — он говорил свистящим шепотом. — Список передадите человеку по фамилии Буров. Он подойдет к вам в течение часа. Пусть уточнит, точно ли эти большевики проживают по названным адресам. И ничего больше, слышите. Никакого шума. Ясно?

— Не совсем, господин градоначальник.

— Ну и ну! Уж не думаете ли вы, голубчик, что «товарищи» будут представлены к награждению? Забыли банкет у Тагиева... — Он замаялся. — Мы, правда, официально ничего не обещали. Только подготовка. Исполнением пусть занимаются другие.

Исламбек понимающе улыбнулся.

— Хотелось бы уточнить одну деталь. Нужно ли включать в список Сако, Гайка и...

— Ни в коем случае! Эсеров, демократов и меньшевиков не трогать. С ними можно договориться. Только большевики.

— Слушаюсь.

Исламбек закурил и вернулся к скучающей секретарше. Она отложила зеркальце, кокетливо взбила пушистые рыж-волосы над узенькой полоской лба.

— Господин прапорщик, вы кажется расстроены? Не мешало бы развеяться. Как вы относитесь к женщинам?

Исламбек игриво причмокнул губами и вздохнул.

— Как нельзя лучше. Но к чему вы?

— Ах, я так. Просто у меня есть подруга Светлана Ермакова — жена морского офицера. Очень милая особа. Чудесно играет на гитаре, поет. А вам так нехватает развлечений.

— С великим удовольствием, Анна Сергеевна. Обожаю романсы, да еще под гитару. К сожалению, в ближайшие дни вряд ли. Сами понимаете, — он кивнул на дверь. — Разве что нам с вами в «Дикую кошку» закатиться, отметить начало совместной работы?

Освободились только в восьмом часу. Образцова спрятала машинку, перебрала бумаги и уселась ждать Исламбека. Прапорщик задерживался. Очень милый мальчик, думала она. Такой молодой, а позади фронт, госпиталь. Прямой взгляд, густые брови над темношоколадными глазами, чуть широковатый нос, умопомрачительной красоты усики, чудные зубы под алой полоской нецелованных губ. И волевой подбородок с соблазнительной щербинкой... Может, закрутить самой? Или все же уступить Светке? Она, бедненькая, томится в одиночестве. Ладно, вечер покажет.

Щелкнула дверь, из кабинета вышел Исламбек. По его взгляду Анна поняла: он боялся, что она уйдет. Эх, молодозелено... Она встала и взяла со стола сумочку.

— Я готова, господин прапорщик.

— Да-да! Сейчас... Я так рад, что вы меня подождали. — Он предупредительно распахнул дверь. — Прошу! Генерал велел взять его экипаж и проводить вас. Все-таки время позднее.

Кафе-шантан «Дикая кошка» выглядел точно так же. Дым, смрад, пьяные визги, хохот, аппетитные запахи. Метрдотель поспешил навстречу, предложил уютное место за колонной. Тебя не видно, а ты видишь всех. Отлично. Исламбек передал даме меню с картой вин, вытащил коробку «Дарданелл» и с удовольствием закурил. Теперь можно оглядеться. Кажется, знакомых нет. Это неплохо. Он незаметно взглянул на часы. Двадцать минут девятого. Дюпо появится в девять. Время еще есть.

— Дорогой Исламбек, вы разрешите обращаться к вам так? После работы, разумеется! — Получив согласие, она улыбнулась и продолжала: — Я заказала на нас обоих. Не хотела мешать, вы были заняты своими мыслями. Неприятности?

— Почему вы решили?

— Мне кажется, вы несколько возбуждены.
с генералом.

— О, вы — ясновидящая. Может, и судьбу предскажете?

— Пожалуйста. В хиромантии для меня нет тайн. Положите руку на стол. Раскройте ладонь. Так. Теперь смотрите мне прямо в глаза. Сосредоточьтесь на каком-нибудь эпизоде из вашей жизни. Я вижу вас в богатом доме. Много слуг. Похожий на вас мальчик. Видимо, брат. Да, вы близнецы. Между вами и остальными раздвигается пропасть. Из нее бьет багровое пламя. Я вижу фронт. Взрыв, появляется лицо девушки. Очень красивая. И опять трещина, только на сей раз заполненная до краев черными розами. Дайте мне вашу руку и не отводите взгляда. Вас ждет неординарная судьба, мой друг. Вы станете большим человеком, но впереди много горя. Вижу детей. Они не ваши, но занимают место в вашем сердце. А это кто? Опять женщина. Русская, необычайной красоты.

Образцова весело рассмеялась. Ей здесь нравилось. Даже внешне она естественно вписывалась в атмосферу этого зала.

Принесли в ведерке замороженное шампанское. Офицант выстрелил пробкой, разлил пенящийся напиток по бокалам. Анна подняла свой, улыбнулась одними глазами, шепнула: — За счастье! Вы очаровательны, мой дорогой. Но женщинам с вами будет трудно.

— Скажите, Анна, вы изучали мое досье, чтобы стать ясно-вещающей?

— Что вы, господин прапорщик, я действительный член тайного общества жрецов оккультных наук.

Щеки Образцовой пылали. Она смеялась весело и неудержимо.

— Вы, душечка, Исламбек, что привезли меня сюда. В этом шуме хоть на несколько часов забываешь о нашей серой жизни.

На эстраде приглушили свет, чтобы лучом высветить певицу. Длинное белое платье, затканное серебристой паутиной, глубокое декольте, вырезы по бокам, открывающие взору восхищенных мужчин две точеных ножки в серебряных туфельках. Образцова с любопытством наблюдала за лицом Исламбека, затем перевела взгляд на шансонетку. Грациозная, словно лилия, Дюпо пела какую-то веселую песенку, бросая в разные концы зала пленительные улыбки.

— Вот что значит француженка. И подать себя умеет, и влюбить. Бесподобная женщина, правда?

Гром аплодисментов подтвердил ее слова. Мужчины бросали к ногам Дюпо цветы, надрывались в криках «браво». Какой-то толстячок на кривых паучьих ножках подкатился к эстраде, вскарабкался и, схватив руку Дюпо, попытался на-

деть ей на палец кольцо. Рядом с ним неожиданно оказался офицер, в котором Исламбек узнал князя Лалаева. Поручик схватил толстяка за шиворот и без видимых усилий выкинул в зал. Зазвенела посуда, с грохотом опрокинулся стол, кто-то взвизгнул. Лалаев небрежно отряхнул руки и произнес с пафосом:

— Мадемуазель Дюпо — богиня, и я прошу... Прошу не осквернять ее грязными жирными лапами! — Князь опустился на одно колено и благоговейно поцеловал край платья Элизабет.

У портала, поигрывая маузером, стоял знакомый Исламбеку телохранитель. Задача усложнилась. Скандал с Лалаевым в планы Исламбека не входил, записки отпадали. Надо было срочно что-то придумать.

Пылающая Анна оглядела притихший зал и громко воскликнула:

— Оказывается, в зале ни одного мужчины!

Исламбек налил бокал шампанского, встал и, чеканя шаг, пошел к эстраде. Маузерист подобрался, будто барс, готовящийся к прыжку. В упор смотрел на Исламбека и Лалаева. Исламбек обернулся к залу и, подняв бокал, произнес:

— Уважаемые господа! Я обращаюсь к вам с той же просьбой. Поручик прав, красоту надо беречь. Мы счастливы, что именно в наш город залетела столь дивная птица. Счастливым будет тот мужчина, которому она скажет: люблю! Я хочу повторить слова Ширвани:

Исламбек

Велик Хайям, сказавший:

За один твой поцелуй
Я жизнь отдам!

— Ваше здоровье, Элизабет! — Он залпом осушил бокал и швырнул его на пол. Заиграла музыка.

Анна выскочила из-за столика навстречу Исламбеку. Так же твердо ступая, он вернулся на место.

Лалаев спрыгнул с эстрады и крикнул:

— Эй, Каро! Отнеси красноречивому адъютанту градоначальника бутылку шампанского... Это мой презент за его... м-м-м-...

Он не нашел подходящего слова, махнул рукой и небрежно развалился на стуле.

Дома Исламбека ожидала радость. За накрытым столом с Эмилией сидел Ширвани. Дети еще не спали. Они с визгом кинулись на шею Исламбеку.

— А что нам дядя Ширвани привез!

Эмилия, понимая желание друзей остаться вдвоем, увела детей.

Друзья молча смотрели друг на друга и улыбались. Крепко пожали руки. Обнялись. После обычного похлопывания по спине, Исламбек увидел вдруг, что Ширвани уже не смеется, плачет.

— Что случилось?

— Отец.

Поблекли и растворились в наплывающем свете звезды. Ночной воздух охладил раскалившиеся за день крыши, стены домов, асфальт. Утром Исламбека разбудил крик:

— Ста-ары ве-е-щ пакпа-ем!

Старьевщик ходил из дома в дом, стучался в квартиры, шупал и разглядывал поношенную одежду, долго торговался, сбивая цену. Обиженно уходил, чтобы вернуться через несколько секунд, если у хозяина первы окажутся крепкими. Кряхтя и постанывая, он выкладывал затертые медяки, двугривенные, в редких случаях серебряный полтинник. Запихивал добычу в бездонный заплатанный мешок и шел дальше. Дом за домом, этаж за этажом, квартира за квартирой.

— Стары вещ пакпаем!

Постучался он и в квартиру Ширвани. Али Гулу замахал на него руками.

— Иди ради бога, иди!

Но старик уперся и потребовал хозяйку, которая сама велела ему прийти.

— Такой красивый белый хазяйка...

Выглянула, кутаясь в пеньюар, заспанная Эмилия.

— Что случилось, Али Гулу?

— Да вот, ханум, пришел старывещик. Говорит, вы его звали. Врет он все. Ащи, гет!¹

— Хазыйка! Ты мне на базаре вчера сказал: «Приходи кы нам дамой, я тебе много старый вещь дам... Пасматри на лицо, выпомни. И давай, что ты хотела пиридавать мине!»

В голосе старика было что-то знакомое. Эмилия пристально всмотрелась. И вспомнила.

— Ах, извините, дан, я только проснулась. Все из головы вылетело. Я сейчас.

Минут через пять она вынесла несколько пар брюк, старые туфли и две неношенные рубашки. Старик жадно схватил вещи, перещупал их, подергал, посмотрел ткань на свет и предложил за все рубль, уверяя, что на этой куче он заработает лишь двадцать-тридцать копеек...

Вышел уже одетый Исламбек. Заметив офицера, старик низко-низко поклонился, быстро сунул вещи в мешок и исчез.

Вскоре донесся отдаленный крик:

— Пакпаем!..

Ехать на дачу в Мардакяны Тагнев отказался. Просьбы жены не помогли. Ее он отпустил, а сам остался в городе, ждать вестей. На душе было тревожно. Впервые ему пришлось выступать вместе с Нагиевым и Асадуллаевым. Всю жизнь эти зайцы прятались за его спиной, загребая жар из его костра. И сейчас, когда самому их существованию грозила гибель, они ни на что не могли решиться. Ему, старому Гаджи, приходится заниматься всеми делами. Будто ему нужно больше, чем остальным. Да у него, Тагнева, столько миллионов, что хватило бы на покупку города.

Что будет, если к власти придут большевики? Может, стоит попытаться наладить тайный контакт с Наримановым, Шаумяном или Азизбековым? Ему не так уж много нужно. Лишь бы не трогали. Остальных — пожалуйста. Когда и как угодно. Ему наплевать. На этом деле еще и подработать можно, если взяться за дело с умом...

Гаджи недоверчиво оглядел вошедшего Топчибашева.

— Скажи честно, Али Мардан! Твои предки кто были? Умные, богатые или эти... эриванские Топчибашевы?

— К чему вы, мой благодетель? — смешался адвокат. — Я к вам всегда с открытым сердцем...

¹ Г е т — уходи, пошел вон (азерб.).

— Попробовал бы иначе. Кто тебя заметил в гимназии и сделал человеком? Я. И считаются с тобой до тех пор, пока знают, что за тобой стою я.

— К эриванским Топчибашевым я не имею никакого отношения, — Али Марданбек вытер взмокший лоб. — Я из тифлисских. А мой отец действительно кончил жизнь в нужде.

— Вот об этом я и подумал, сынок. И знаешь почему?

— Нет, мой благодетель.

— Потому, что если старого Гаджи не станет, ты со своей семьей будешь нищенствовать. Да-да! Не думай, что ты известный адвокат, председатель совета и прочее. Ты человек Тагиева! И пока за тобой я, ты персона.

Тагиев прошелся по комнате.

— Но... Нариманов умнее тебя, и в этом наша беда.

— Доктор Нариманов убежденный идеалист.

— Ай! Оставь пустые слова. Думаешь, если я позову, он не придет? Только по-умному.

— Вы хотите, чтобы я организовал переговоры с доктором, помог вам встретиться? По-моему, он относится ко мне неплохо...

— Слава аллаху, иногда голова у тебя варит.

Топчибашев поморщился.

— Ладно-ладно. Рассказывай, что там у генералов.

— Человек, которого я устроил к градоначальнику, виделся со мной и рассказал, что у них все кипит. Уточняются адреса большевиков, днями будут санкционированы самые решительные меры, вплоть до...

— Нариманова не трогать. С ним нельзя как со всеми. И инженера Азизбекова тоже. Я человек деловой, знаю цену толковым людям. От них пользы в сто раз больше, чем от твоих политиканов. Если склонить их на нашу сторону...

— Я сейчас же дам указание.

— Дай сынок, дай. Поначалу я погорячился и назвал их имена. Вот что еще... Я против арестов. Собака не залает, потеряв голову. Тебе ясно? Не хочу стелить ковры под ноги Мусы, Шамси и прочих, чтоб им легко шагалось. Возьмись-ка, Али Мардан, за дело. Пообещай Нариманову и Мешади денег, пусть они отделятся, потихоньку отойдут от этих социалистов. Передай, что я согласен на многое. Или, может, есть смысл подождать, пока Хойские с турками возьмут Баку? В любом случае надо выиграть время. Сможешь?

— Постараюсь, мой благодетель.

Часов в двенадцать к Исламбеку заглянул Ширвани.

— Иду в редакцию. Хочу предложить цикл новых стихов. Исламбек представил Ширвани Образцовой.

— Познакомьтесь, Анна. Это мой друг — поэт Ширвани. Вам приходилось читать его стихи в переводах?

— О, да. Если не ошибаюсь, последний раз на страницах «Кавказского телеграфа». Такие нежные и глубокие стихи.

Исламбек дружески обнял поэта.

— Не думал, что ты так популярен.

— Какая там популярность. Просто попались под настроение и запомнились. Взгляни. То, что красным, вычеркнуто.

— У тебя тут сам черт ногу сломит. Ну-ка, Ислам, покажи. — На одной из страниц было приписано: «Просим передать, что все в порядке».

Образцова попросила:

— Исламбек! Прочтите что-нибудь. Мне не приходилось встречать живого поэта. Вы не против, господин Ширвани?

— Я буду польщен.

Исламбек слегка поклонился и прочел:

Мне страшно умереть
И жить так страшно!
Крутоворот свершился
Непонятный...
Как не заметил я,
Что речка вдруг превратилась
В бурный океан,
Который на гребне
Иль вознесет меня
Или утопит в бредовой игле!

Образцова просияла:

— Вы талант, господин Ширвани. Как это точно — «Мне страшно умереть и жить так страшно».

Ширвани вытащил часы, щелкнул крышкой чал головой.

— Ай-яй-яй! Я должен бежать на randevu с редактором. Рад был с вами познакомиться! Надеюсь, мы еще встретимся.

Образцова улыбнулась.

— Все зависит от господина прапорщик

— Ну, тогда все будет в порядке.

Когда он ушел, Образцова сказала задумчиво:

— Насколько сложен внутренний мир этого человека. Да,

чуть не забыла. Вот приказы. Можно отдавать на подпись. Вы зайдете или лучше мне?

— Я видел в каком настроении приехал Соколовский, поэтому не хочу подставлять вас под удар.

— Вот уж пустяки. Ну, ладно, идите. Рыцары!

Соколовский сидел в кресле градоначальника. Он внимательно посмотрел на прапорщика, потом перевел взгляд на Смирнова. Тот откашлялся, тронул усы, спросил, глядя в сторону:

— Господин Карабаглы, вы хорошо знаете Подшибякина?

— Нет. С ним больше знаком мой отец.

— А кто рекомендовал вас помимо отца?

— Топчибашев.

— А, прихлебатель Тагиева. Так-с. Значит вы с этой стороны к нам попали. Ну, это уже лучше.

Угрюмо молчавший генерал спросил:

— Когда вы передавали список Бурову, рядом никого не было?

— Пожалуй, нет. — Исламбек задумался. — Разве Образцова.

Генерал покачал головой.

— А может вы где-то проговорились об этой акции с большевиками?

— Это исключено, ваше превосходительство! — Я солдат.

Наступило молчание. Исламбек лихорадочно перебирал в памяти все, что могло его выдать.

— Понимаете, по всем адресам Бурова встретили рабочие пикеты. А у дома Шаумяна его узнали и намяли бока. Да еще как намяли. Хорошо не убили...

Соколовский немного оттаял и смотрел на Исламбека уже не так подозрительно.

— Зато Лалаев молодец. Пока рабочие охраняли своих вождей, он на Бибиэбатских промыслах поработал.

Градоначальник поморщился и потер виски.

— По-моему, он опять перестарался. Зачем нужно было убивать Салаева? Этого профсоюзника. Бьем из пушки по воробьям. А вы, голубчик, оставьте папку и идите. Приказы я потом передам...

Кончалось сухое, знойное лето. Тоскливо завывая, ветер рвал деревья, трепал порыжелый кустарник. Пыль забивалась

в рот и уши. Солнце словно провалилось в тартарары, бросая на землю оранжево-черные отблески. Было сумрачно и неуютно.

Ничего не замечая, Исламбек стоял у могилы Багиры. Чуть поодаль ждали Эмилия и Ширвани. Ветер терзал шляпу Эмилии, срывал плащ, осыпал песком черный сюртук поэта.

В этот день с утра они поехали к матери Багиры. Это было жутко. Сухопьякая, белая, как лушь, старушка смотрела на них застывшим взглядом. Она сидела на подстилке в самом темном углу комнаты. Она боялась света, боялась громкого голоса, шума улицы.

Чемберекентское кладбище, как и весь мир, делилось на две части: для бедных и для богатых. С одной стороны — склепы, зеленые кущи, глыбы мрамора, чугунные ограды и белая стена. За ней — редкая трава, осколки камней, маленькие надгробья. Исламбек с трудом нашел место. Вместе с Ширвани они прикатили камень, чтобы потом поставить памятник.

Потом они ушли. Ветер выл, бросал им вслед сорванную листву, мелкие острые камешки. Тяжело и густо пахло нефтью.

Глава XII. Забастовка

Все они были потрясены. Ширвани — особенно. Всю неделю он не выходил из своего кабинета. Утром и вечером старый Али Гулу приносил ему что-нибудь поесть.

Он знал, что не успокоится, пока не поймет смысл того, что произошло. Но для него, поэта, понять — значило выразить в словах. Теперь он понимал, как наивны были его прежние стихи, сверкающие ожерелья слов, идущие от Хайяма. Своего лица у него все еще не было, хотя за последние месяцы он начал что-то понимать.

Он привык мыслить образами. Однако Багира и Марджанхала были для него не просто образами. Он никогда не видел Багиру, только однажды — ее мать. Но ему казалось, что он знал их всегда. В собственные его ощущения странным образом вплелись чувства Исламбека — не только то, что тот рассказывал (рассказывал он сухо и скупой), но и то, что угадывал Ширвани. Эта личная трагедия Карабаглы была и трагедией мира. Мира разъятого, ослепленного борьбой страстей и жадно ищущего выхода. Зло должно быть уничтожено навсегда, чтобы не было на земле беззащитных и обездоленных, чтобы ни один человек не мог распоряжаться судьбой других.

27 Нас будит по утрам
И труд — свободный, вдохновенный
Нас вознесет
Во всей вселенной.

Эмилия тоже была осторожна в оценках. Ей правится. Насколько она знает, на Востоке так раньше не писали. Но она не критик, а к тому же не знает языка.

— Знаете, Ширвани, поэму надо показать Нариманову или Азизбекову. Пусть они прочтут ее в подлиннике и посоветуют, что с ней делать. Поезжайте прямо сейчас и не задерживайтесь. Я буду волноваться. По-моему, стихи очень актуальны именно сейчас... Скажу одно: вы добрый человек, Алигей-дарбек.

Ширвани поцеловал руку Эмили, быстро оделся и поехал к Нариманову в больницу.

Он нашел доктора в комитете «Гуммет». Там же были Шаумян, Азизбеков и Джаларидзе. Нариманов дружески пожал Ширвани руку и пригласил сесть.

— Не стану занимать вас светскими разговорами. Вижу, что пришли вы по делу. Сейчас попрошу, чтобы нам принесли чай, а потом мы вас выслушаем. Вы со всеми знакомы? Хорошо. Катя, — попросил он заглянувшую в кабинет девушку, — пожалуйста, устройте нам чай.

Девушка быстро и бесшумно внесла стаканы, чайник на подставке, блюдечко с мелко наколотым сахаром, разлила чай.

Теперь все смотрели на него, ждали. Ширвани поблел, схватил ртом воздух. Сказал чужим, ломким голосом:

— Извините, я прочту стихи.

Одно право народу дано.
До одури верить в аллаха.
На рассвете — намаз!
На закате — намаз!
Вместо хлеба — намаз!
Покорность, покорность
Поможет аллах.

Стыл чай в стаканах. Ширвани дочитал поэму до конца и глухо замолчал. Решалась судьба Ширвани — поэта. По-старому писать он уже не мог, а по-новому... Может быть, тоже не мог..

Первым нарушил молчание Азизбеков.

— В поэме много личного. Мне кажется, это только усиливает впечатление, делает ее по-настоящему достоверной, глубокой и, конечно, национальной.

Шаумян его поддержал.

— Вы не искали легких решений... товарищ Ширвани. Все это выстрадано. Я думаю, что поэму надо перевести на русский язык и опубликовать в наших изданиях. С предисловием и комментариями доктора Нариманова.

— Поддерживаю, — коротко сказал Нариманов.

Алигейдарбек плохо помнил, что было дальше. Он вышел, увидел пустой фаэтон, вскочил.

— В «Царство цветов».

В магазине Ширвани выбрал букет алых роз для Эмилии и три белокрасных гвоздики — в свой кабинет. Потом он зашел в магазин, взял шампанское и конфеты, назвал свой адрес...

Проводив его, Нариманов вернулся и сел к столу.

— Как быстро он вырос. И растет. Непрерывно.

— А если попросить его выступить перед рабочими во время стачки? Читает он прекрасно. — Джапаридзе взглянул на Шаумяна. — И вообще неплохо бы нам продумать, чем поддержать дух рабочих в эти тяжелые дни. У нас есть певцы, музыканты, поэты. Как вы?

Шаумян улыбнулся.

— Дело. Доверим эту работу Аслану.

— Вот ему-то как раз нельзя. У него задание.

— Тогда Кате. Нариман, как у нас с медикаментами, удовольствием, деньгами?

— Не очень блестяще. Все-таки не вовремя мы затеяли стачку. Надо бы хоть чуть повременить. Откровенно говоря, и особой пользы — разве что моральной — я от нее не предвижу.

— По сути так, — Шаумян сжал кулаки. — Но учти: народ доведен до накала всей этой игрой вокруг колдоговора. Взрыв все равно неизбежен. Отстраниться? Могут быть большие жертвы. Уж лучше организованная стачка. Моральная победа? По-моему, это совсем немало.

— Ты, разумеется, прав, Степан Георгиевич. Но придется нам туго. То немногое, что нам удалось собрать, надо еще успеть распределить по предприятиям.

Шаумян придвинул к себе бумагу.

— Попробуем предусмотреть все, что может нам угрожать в эти дни. Я предлагаю распределить членов бакинского комитета по районам, а общий контроль поручить Джапаридзе, как председателю стачкома. Как ты, Алеша?

— Согласен! Но при штабе стачкома необходима опера-

тивная группа. Вооруженная, готовая к любым неожиданностям.

— Это помимо вооруженных групп на местах? — уточнил Азизбеков. — Может, и есть резон. Будет у нас что-то вроде резерва.

В дверь постучались. Вошли Тер-Габриэлян и Мамедьяров. Сели к столу. Мамедьяров пощупал чайник.

— Вай! Я обрадовался. Думал нас здесь горячим напоят.

Нариманов кивнул и попросил Катю заменить чай.

— Ну что? Какие новости? — нетерпеливо спросил Джапаридзе.

Тер-Габриэлян бросил в рот кусочек сахара и блаженно грел руки, обхватив горячий стакан.

— Ветрище сорвался с моря — ужас! А днем солнышко грело. Ничего не скажешь, сентябрь.

Мамедьяров со вкусом выпил чай, обтер лицо платком.

— Не морочь людям голову, Саак! Рассказывай.

— Ладно, ладно! Раз в жизни человека потянуло на лирику, так они... — Саак посерьезнел. — Записка от Исламбека. Сообщает, что Соколовский и националисты уже получили сведения о готовящейся стачке. Формируются отряды боевиков общим составом до двух тысяч человек, вооруженных маузерами, обрезам и гранатами... Им разрешены любые акции, вплоть до открытого террора. Во главе поставлены Стелка Лалаев и «рябой кочи», о котором у Исламбека есть дополнительные сведения. Для срыва забастовки подбирают штрейхбрехеров.

Шаумян потер переносицу, сказал печально:

— Вот тебе и моральная победа...

Порыв ветра распахнул окно. В сумерках казалось, что деревья колышутся в каком-то колдовском танце. Дробно стучали по крыше камешки.

Работа продолжалась. Всех членов бюро городского комитета распределили по районам:

Балахано-Сабунчинский	— Фиолетов, Юсиф-заде, Сардаров.
Банлово-Биби-Эйбатский	— Джапаридзе, Мамедьяров, Басин.
Черно-Белогородский	— Тер-Габриэлян, Анашкин, Исрафилбеков.
Фабрика Тагиева	— Алиев, Эфендисев, Долинская.

Бинагады Шубайинский' — *Везиров, Бунилт-заде, Зевин.*
 Порт, пристань, мех. — *Мусабеков, Микоян, Ханейшвили.*
 мастерские
 Бакинскйй нефтепромыш- — *Азизбеков, Нариманов.*
 ленный

Начало забастовки было назначено на 27 сентября, в восемь утра.

Катя устала носить чайники с кипятком. Она давно кончала печатать и смотрела в окно. Ветер неожиданно утих. Черное бархатное небо было унижено крупными серебристыми звездами. Расходились поздно.

Уже направляясь к двери, Джапаридзе вспомнил:

— Слушай, Саак. Что это у Исламбека за дополнительные сведения о «рябом кочи»?

— Рябой кочи — неизвестно откуда появившийся бандит, он же «чопур Гафар». До сих пор он промышлял в уездах — грабил крестьян, не останавливался и перед убийством. Теперь его вызвали в город. Исламбек случайно слышал разговор в кабинете генерала. Вроде бы это прозвище турецкого офицера Эхтембея из свиты вождя младотурков Энвер-паши.

Шаумян возбужденно заходил по комнате. Сказал резко:

— Это точно? Необходимо досконально проверить и сообщить Владимиру Ильичу. Вы понимаете, товарищи, **какие** последствия может иметь появление в Азербайджане человека из ставки премьера и военного министра Турции. Здесь определенно просматривается заговор, Алеша! Надо проследить всю цепочку.

— Ты когда должен выехать в Петроград, Степан Георгиевич? — спросил Нариманов.

— Примерно десятого сентября.

— Статью в «Рабочий путь» закончил?

— Вчера. В дороге доработаю. Пятнадцатого сентября заседание ЦК, двадцать первого — так называемое Демократическое совещание, на котором я должен выступить от большевиков. Тоже будет борьба не из легких.

— Можно представить, — кивнул Нариманов.

Островки чахлой зелени на желтоватом суглинке — типичный апшеронский пейзаж. Вдали, у самой кромки горизонта, смутное марево. Там, должно быть, прохладно-солнечные

зайчики прыгают на волнах, ползают рыбацьи лодки. Здесь, над землей, в сухом и пыльном зное распято обугленное солнце. В лагунах не ощущается прибой, застывшая мертвая вода, серый песок, наросты соли. Тяжелая тишина. Все живое спряталось в щели, укрылось в тени валунов. Изредка мелькнет ящерица, проползет гюрза. Удушливо пахнет гарью.

Однообразен лес вышек. Лениво сгибают шеи журавликачалки, со стоном и свистом отхлебывая черную жидкость. На потрескавшейся от жары земле перевернутые чаши нефти, мазутные кляксы... Поблизости поселки нефтяников. Глинобитные домишки, хижины из саманного кирпича, землянки. Тяжелый воздух стелется над землей. Грязь, мусор, который некуда и некому убирать, гниющие отбросы, выгребные ямы.

В темных, наспех сколоченных клетушках пахнет нуждой и нефтью. У рабочих много детей. Это их беда, и их единственная отрада. Счастье, когда стайка ребятишек встречает главу семьи, радостно повизгивая и заглядывая в глаза. Потом скудная похлебка и кусок черного со жмыхом хлеба. Посасывая соленую, такую вкусную корочку, отец потихоньку молится за своих детей. Да пошлет им аллах удачу...

Так жили десятилетиями в Сабунчах, Сураханах, Биллово и Биби-Эйбате.

Единственная радость — фонтан. Мощный, веселый, с многоцветной сверкающей гривой. Обнаженные, перемазанные коричневым жиром люди, танцуя, хватаются за лопаты. А фонтан растет, поднимается все выше, подпирая свод неба, наполняя землю невиданным богатством. Черный дождь золота. Рабочие яростно копают отводы, чтобы не дать золоту убежать на чужой участок, в чужие амбары. От этого зависит курс акций: чем выше фонтан, чем больше разлито нефти вокруг, тем дороже участок.

В такие дни биржа сходила с ума, неистовствовали соседи, исподтишка разрушая земляные плотины. Ошалелые люди носились по конторам и банкам.

Нефть! Нефть! Нефть! Покупали, продавали, рвали.

Нефть уже заполнила и свои, и чужие кладовые, заползает в специально отрытый громадный котлован — резервуар. Фонтан не унимается. Дымчатая шапка его уходит под облака. Рычащая коричневая струя падает в яму, окутанная облаком золотистого тумана. На поверхности зыбко пузырится ажурная вышивка пены. В городе паника!

Громко радуются рабочие — может быть, им выпадет несколько рублей наградных. Тихо торжествует один из бакни-

ских королей: слепая земля дала ему не рубли, миллион. Самые богатые узнают новость по телеграфу. Они не сидят в закопченном, пыльном и жарком Баку. Они предпочитают жить за границей — в Париже, Венеции или Риме. В крайнем случае — Петербург. Они позволяют себе тратить в день столько, сколько хватило бы на безбедное существование в течение месяца сотням семей их рабочих.

А в Баку посажены управляющие — зубастые, зоркие, длиннорукие. Они выжмут все до капельки — через **муки**, море слез, тысячи крестов на кладбищах.

Нефть! Фонтан надежно упрятан в трубы. Скучный завтрак давно съеден. Утомительный день подходит к концу. Всхлипывают качалки. Усталость подкатывает к горлу. От приторного запаха нефти кружится голова, подташнивает. Из груди рвется кашель. Прыгает небо, усталый человек тихо опускается на землю.

Готовясь к забастовке, большевики провели на промыслах, заводах, фабриках, во всех промышленных районах митинги и собрания. Штаб стачечного комитета обсуждал сообщения с мест, распределял продовольствие, оружие, медикаменты, прикреплял медперсонал, распространял листовки.

Торжествующий Аслан привез, где-то экспроприировав, четыре полевых телефона фирмы «Эриксон». Это позволило наладить связь. Тер-Габриэлян, ведавший вопросами безопасности, внимательно следил за контрподготовкой промышленников и националистов. Появились меньшевики и эсеры. Левые, во главе с Везириным, примкнули к большевикам. Котел бурлил... Рабочие больше не желали ждать. Две тысячи рабочих фирмы «Т-ва бр. Нобель» потребовали немедленного роспуска органов временного правительства, создания вооруженных рабочих отрядов и введения рабочего контроля над производством и распределением, национализации главнейших отраслей промышленности...

Рабочие Балаханов приняли резолюцию:

«Ввиду того, что обнаглевшая буржуазия выступает с явно контрреволюционными целями, усиливая провокационную деятельность среди темных **масс**, мы единогласно постановили:

Требовать немедленной организации рабочей красной гвардии, независимой от исполнительного комитета общественных

организаций. Только в нашей гвардии мы видим надежную защиту революции и нашей свободе...»

Джапаридзе, Корганов, Азизбеков срочно выехали на конференцию солдат бакинского гарнизона. Нариманов и члены стачкома с тревогой ждали их возвращения. Вернулись они только вечером, предельно уставшие, но довольные.

Попросив чаю, они выложили на стол резолюцию солдатского митинга.

«А. Гарнизон признает, что рабочие, испробовав все доступные средства разрешения конфликта мирным путем, вынуждены прибегнуть к решительному средству борьбы — к забастовке. Таким образом, конференция солдат признает, что вся ответственность за дальнейшее возлагается на предпринимателей.

Постановляем: предоставить в распоряжение стачечного комитета и Исполнительного комитета совета рабочих и военных депутатов все чины бакинского гарнизона для проведения в жизнь организованной забастовки...

Послать к предпринимателям шесть представителей с требованием немедленно удовлетворить рабочих...»

Это был частный успех, который мог привести к выигрышу всего сражения. Солдаты приняли сторону забастовщиков.

Глава XIII. Начало

Двадцать седьмого сентября в восемь часов утра заревели гудки на промыслах, заводах, фабриках. Останавливались машины, станки-качалки, насосы. Гудки подхватили пароходы на рейде и паровозы на железной дороге, хотя комитет категорически запретил им участвовать в стачке.

Рабочие неспеша собирались у контор, вытирали ветошью руки, громко здоровались, доставали кисеты с табаком.

Настроение было приподнятое. Как-то сразу появились знамена и плакаты, у проходных встали дружинники с красными повязками. К десяти утра в распоряжение центрального стачкома прибыли грузовики с солдатами. Офицеры исчезли. Должности командиров заняли выборные. Получив задание, солдаты уезжали — охранять порядок.

В десять тридцать в центральный стачком прибыли представители краевого центра и краевого совета Кавказской армии. С обстановкой они были знакомы: 26 сентября присутствовали на стачечной конференции, где представители рабо-

чих комиссий утвердили всеобщую забастовку на нефтепромышленных и дочерних предприятиях.

В двенадцать часов бастующим было зачитано обращение центрального стачечного комитета.

«Товарищи! После переговоров, длившихся шесть месяцев, после бесконечных увиливаний и оттягиваний промышленники отвергли справедливые и минимальные требования служащих и рабочих... Они вынудили бакинский пролетариат прибегнуть к единственному своему оружию самозащиты...

Товарищи! Забастовка должна быть проведена нами планомерно, в полном порядке, без всяких эксцессов и отдельных выступлений.

Первое. Лишь те собрания могут иметь место, которые созываются центральным и районным стачкомами.

Второе. Исполнять лишь те распоряжения, которые исходят от тех же стачкомов.

Третье. В газете «Известия» и во всех других печатных социалистических изданиях будут ежедневно публиковаться все сведения, касающиеся забастовки и распоряжений центрального стачкома.

Четвертое. В экстренных случаях будут выпускаться особые извещения.

Пятое. Не вмешиваться в распоряжения стачкомов и милиции, оказывая им всяческое содействие.

Шестое. Слухам, распространяемым безответственными лицами, не верить, а таковых доставлять в ближайший стачком.

Седьмое. О конце забастовки товарищи будут оповещены особо.

Восьмое. В случае, если нефтепромышленники выразят желание пойти на уступки и вступить в переговоры, то стачком совместно с представителями краевого центра возобновит их. В случае выяснения серьезности их намерений центральный стачком созывает экстренное собрание по обсуждению означенного вопроса.

Итак, товарищи, дружно вперед!

Да здравствует организованная борьба пролетариата!»

Шестнадцать часов. На обычно оживленных улицах делового квартала тихо и пустынно. Разве что пробежит экономка из богатого дома, заскочит в продовольственный магазин и с тяжелой корзинкой торопится домой. На предприятиях спокойно. Из запасенных продуктов готовится обед. Погода прекрасная. Пока все идет нормально.

Двадцать часов тридцать минут. Стемнело. На улицах появились подозрительные личности. Генерал Соколовский прибыл в градоначальство. Сопровождающий его эскадрон в полном составе.

Двадцать два часа пятнадцать минут. Выстрелы. Грабят ювелира. К месту происшествия прибыли милиция и рабочий патруль. Никого не обнаружили. Ювелир избит до крови, плачет. Украдено много драгоценностей. Солдаты усилили охрану города.

29 сентября. Предприятия мертвы. Рабочие сохраняют революционный порядок. На фабрику Тагьева пытались проникнуть штрейхбрехеры в сопровождении группы маузеристов. Не удалось.

30 сентября, четырнадцать часов. Градоначальник Смирнов в сопровождении офицера по особым поручениям прибыл к генералу Соколовскому. Начали поступать продукты для забастовщиков от сочувствующих граждан города.

1 октября. Предприятия стоят. Обстреляны рабочие посты на промыслах в Балаханах. Убитых нет. Двое ранены. На провокации рабочие не отвечают. Голода нет, но рацион несколько сокращен.

Двадцать один час сорок минут. Все участники бала-совещания вновь собрались в доме Тагьева. Прибыли генерал Соколовский и градоначальник в сопровождении офицера-порученца.

2 октября, три часа пятнадцать минут. Погас свет в доме Тагьева. Гости бесшумно разъехались.

Девять утра. Продукты кончаются. На довольствии шестьдесят пять тысяч забастовщиков. Около одиннадцати в механические мастерские пыталась ворваться группа бандитов, вооруженных гранатами. Сначала им удалось потеснить рабочий патруль. На помощь прибыли солдаты и рабочие соседних предприятий. Есть раненые.

В пятнадцать часов тридцать минут в центральный стачком прибыла депутация промышленников.

Восемнадцать часов. Соглашение подписано.

3 октября. Одиннадцать часов. Шаумян телеграфирует в Петроград, в редакцию газеты «Рабочий путь»:

«Блестяще проведенная под руководством тов. Джапаридзе забастовка кончилась третьего октября полной победой. Коллективный договор подписан. Право контроля, приема и увольнения рабочих декретировано краевой властью. Конференция заводских комитетов, по предложению большевиков,

решила участвовать на съезде фабрично-заводских комитетов в Петрограде».

Бакинская стачка привлекла к себе внимание всей России. Отмечая ее роль, центральный комитет большевистской партии приветствовал «революционный пролетариат города Баку, в открытом бою победивший организованный капитал».

Глава XIV. Октябрь

Ленин негласно вернулся со станции Разлив. Развернулась подготовка к вооруженному восстанию в Питере. Из-за предательского заявления Зиновьева и Каменева пришлось срочно передвинуть сроки.

В Смольном создается штаб революции — военно-революционный комитет: Подвойский, Антонов-Овсеенко, Чудновский. Руководит подготовкой В. И. Ленин. Владимир Ильич с минуты на минуту должен прибыть в Смольный.

К институту подъезжают грузовики, набитые матросами, подходят батальоны революционных солдат, отряды рабочих. Одеты они пестро, но красная полоска на шапке. — обязательно. Кажется, вся Россия собралась у ярко пылающих костров Смольного...

На Неве покачивается «Аврора». Она должна дать сигнал к началу вооруженного восстания. Остается меньше двух часов. Резко похолодало, но люди не чувствуют холода. Распоряжение получено. Отряд за отрядом уходят в город, к Дворцовой площади.

Вызывающе поблескивают стекла в пышно иллюминированном Зимнем дворце. Юнкера в добротных шинелях пристроились за баррикадами из дровяных полениц. Терять уже нечего. Решается вопрос: или — или.

В Смольный прибыл загримированный Ленин. Даже в эти последние часы за ним охотятся филера. Они еще во что-то верят. Керенский — нет: переодетый в женское платье он на автомобиле бежит в Гатчину.

Часы истории отсчитывают последние секунды. Залп «Авроры», и тысячи глоток разнесли по Дворцовой площади яростное «...pp-a-a!» Под тяжестью людей разъезжаются литые ворота. Гремят винтовочные выстрелы, вышивают смертельные строчки пулеметы, глухо хлопают гранаты.

Люди рвутся вперед. Передние падают, их место занимают другие. Кажется, этот поток бесконечен. В баррикадах про-

ломы. Юнкера дрогнули, попятились, бросились врассыпную. Навстречу, от здания Зимнего, ливень огня. Это последняя опора режима — женский батальон смерти. Он не допустит позора! Но поздно — на плечах юнкеров врываются в Зимний рабочие отряды.

Словно вихрь — бушлаты, рабочие куртки, солдатские шинели — проносятся по бесконечным коридорам и комнатам бывшего царского.

В грязных сапогах, тельняшках, косоворотках. Варвары... Нет! Среди картин в золоченых багетах, каменных вакхов и гипсовых философов появился не варвар, хозяин. Отныне, в веки веков.

— Эй, кто здесь временные? Кончилось ваше время.

Еще тянет пороховой гарью, увозят арестованных министров, ищут товарищей. Но великое событие свершилось.

Эфир гудит, как потревоженный улей.

Вековые устои... свобода... демократия.

И одновременно: Всем! Всем! Всем! Революция победила. Вся власть Советам!

Раскаты октябрьского грома докатились и до Баку.

В приемную градоначальника мягко скользнул человек. Высокий, он вовсе не был замечен. Стандартные усики, маленькие, прикрытые веками глаза. Разделенные пробором черные волосы блестели, котелок он держал в руке. Серый костюм, белая манишка и лакированные туфли. Типичный фронт, каких много в городе...

Он окинул комнату быстрым взглядом, весь засветился улыбкой и бесшумно скользнул к Образцовой. Затем, словно фокусник, взмахнул рукой и достал из котелка толстую плитку шоколада в золотой обертке, миниатюрный флакончик духов.

— В знак моего особого уважения. — Поклонился и так уморительно дрыгнул ножкой, что Анна расхохоталась. — Скажите, мадам, градоначальник не справлялся о моем здоровье? Я убежден, он мечтает познакомиться со мной к нашему общему удовольствию. Не сомневаюсь, что вы поможете этой встрече.

Он сопровождал речь такими ужимками, поклонами и гримасами, что Образцова продолжала смеяться. Этот человек был ей симпатичен.

— Да кто вы, собственно, такой?

— Свободный предприниматель Фируз Мамедов, из Астрахани, мадам! Владелец передвижных торговых лавок. Мне необходимо получить разрешение на торговлю в вашем городе. По счастливой случайности я застрял здесь и, кажется, надолго. Что ж! Готов оказать городу услугу, торгуя **лучшими** в мире товарами. Разрешите на ушко? Только вам! **Ничего** в моих лавках не покупайте — старье, хлам. Все, что **захотите**, я достану вам экстра-класса. Уловили намеков? Чувствую, да. Вашу ручку...

Он приклеил звонкий поцелуй к запястью Образцовой. Она все еще улыбалась, когда в приемную вошел Исламбек.

— Здравствуйте, Аннушка! Наш задержался у генерала, а я...

Источая медовые улыбки, человек низко поклонился Карабаглы.

— Ваше превосходительство! Господин будущий генерал! Не сможете ли помочь мне разрешением?

Образцова прыснула, но под взглядом Исламбека сконфузилась и выбежала из комнаты. Человек выпрямился и показал глазами на пустой стул Образцовой. Исламбек покачал головой и быстро достал пакет. Посетитель мгновенно опустил его за подкладку котелка и сказал громко:

— Как же, господин офицер, с разрешением свободной торговли?

— Вам следует обратиться в исполнительный комитет.

Вернулась Анна. Сполоснув лицо водой, она **успокоилась**, но в глазах поблескивали искры смеха.

— Благодарю, господин офицер, за разъяснение. Дай бог вам счастья. А это, простите, детишкам.

Мелькнула шоколадка, и, прежде чем Исламбек успел возразить, свободный торговец исчез...

Анна, смешно надув губы, фыркнула:

— Боже, до чего забавный!

Глава XV. В Баку

Солнце блеклое, словно закутанное в тусклую паутину поздней осени. Пересохшие бурые листья похрустывают под ногами. Погода октябрьская. Дождь, ветер, солнце — все смешалось. Как быстро летят дни. Он привык к своей работе, научился хитрить, слерживать, взвешивать каждый шаг. И всё же чуть не сорвался, когда увидел, что «рябой кочи» со

своими бандитами сделал в рабочем поселке Мантайшевых. Он потянулся к кобуре... И поправил пояс.

В последнем донесении он сообщил, что сегодня ночью в армянскую церковь доставят оружие для Степки Лалаева. Генеральский подарок! Сто пятьдесят винтовок, десять ящиков с патронами, три — с гранатами, двенадцать маузеров и пулеметные ленты. Надо перехватить, пригодится. Но главное — другое известие, от которого заворочится весь муравейник.

Телеграфист только что принес шифровку, которую Исламбек прочел. Два дня назад в Петрограде Ленин провозгласил Советскую власть.

Исламбек шел по Цициановской к Куба-мейдану и улыбался. Небо ватное, шитое голубыми лоскутами. Возле афишной тумбы скамейка. Он присел. Благодать. Закрывать глаза и уснуть. В сознании одна мысль: в России свершилось.

Успел Аслан передать? Пожалуй, нет. А в штабе Соколовского уже знают. Можно себе представить, какая там паника. Сорвать забастовку не удалось — солдаты помогли рабочим. Авторитет большевиков сразу вырос неизмеримо. Теперь рабочие требуют перевыбора Совета депутатов, изгнания оппортунистов и соглашателей. Перед забастовкой приезжал из Петрограда министр труда Скобелев. Попытался урезонить рабочих, примирить с промышленниками. Собирались у Таганцова, потом у Тагиева... После забастовки приехал Гвоздилиня. Удивила Анна. Непонятно каким образом она слышала рассказ этого Гвоздева, нового министра труда, о том, как Джаридзе одной фразой перечеркнул все его усилия.

— Да-а... — Исламбек откинулся на спинку скамейки и глубоко вдыхал чистый холодноватый воздух. Сегодня они с Эмилией в гостях у Экков. Прибегала Ютта, отец просит зайти.

В сознание медленно входил шум города. Резкий звон конки, цокот копыт, плач ребенка, еще какой-то тихий переличатый звон...

У тумбы собрались люди. Чисто одетый господин с потускневшим красным бантиком в петлице громко объяснял:

— Разве вы понимаете, господа, что такое классовая борьба! Чтобы судить об этом, надо знать ход исторического процесса. Ему что? — Он показал на стоящего рядом рабочего. — Ему терять нечего. Вот и ляпает по углам ересь, глядишь, публика — она дура — начнет думать в нужном направлении...

Рабочий громко высморкался и сказал насмешливо:

— Будет видно, кто ляпает! Ежели я говорю, что надо душить контру, значит пора. Глядя: мое пузо к спине клеится, а твое за столбы цепляется. Сам ты дура, хотя и котелок на башке.

Старушка, стоявшая у скамейки, быстро перекрестилась.

— Говорила Акимовна, что грянет конец света, вот оно это светопреставление и есть...

— Что-то будет, — пролепетала блондинка под модной шляпкой.

Господин продолжал надрываться:

— Да ведь была революция. Понимать надо.

Рабочий зло кинул.

— Революция тогда начнется, когда вы эти ленточки снимете. А это еще не революция. Это пока так...

Хотелось дослушать, но время летело катастрофически быстро.

Кто-то говорил, что в лавчонке около Куба-мейдана есть симпатичные туфельки на Лизу. Исламбек не хотел, чтобы в это беспокойное время Эмилия шла на базар одна, а у девочки скоро день рождения. Он для того и ушел с работы пораньше, чтобы зайти эа подарком.

На углу Цициановской и Чадровой его чуть не сбил вывернувшийся из-за угла фаэтон. Он отскочил назад и вдруг услышал знакомый голос. Отец распекал кучера:

— Ай, эщек! Дурацкая твоя голова! Чуть моего собственного сына не раздавил! Офицера при градоначальнике! Понял? Проси прощения, ну-у... Изобью, как собаку. — Он встал во весь рост и спихнул кучера. Пряча глаза, тот подошел к Исламбеку и скороговоркой извинился. Отцу не понравилось, с пьяной пастойчивостью он заорал:

— На колени, шейтан! На колени.

Исламбек подошел к коляске, шепнул доверительно:

— Отец! Не привлекай внимания. Не те времена.

— Я, Мусабек Карабаглы, никого не боюсь, клянусь аллахом! Кого хочешь убью! Больно ты умный. Яйца кур не учат! Ладно. Наслышан о тебе. Хвалят начальники. Ты там баронессу какую-то подхватил. Говорят — красавица, и в России кое-что имеет... Хвалю. По части баб в меня пошел. А то нищенку ему захотелось... Понял теперь, кто прав. — Не замечая, как почернело лицо Исламбека, он плюхнулся на сиденье и крикнул:

— Гони, собачий сын! А ты приходи с женой к нам. Я простил тебя, Исламбек.

Лошади устало поволокли фаэтон по пыльной улице. Темнело.

После четырех часов заседания в зале нечем было дышать. Триста восемьдесят семь депутатов, около ста пятидесяти человек из промзавкомов, сочувствующие...

Зал был разделен невидимыми, но весьма ощутимыми политическими границами. Взрывались дашнаки, кричали до пены на губах меньшевики, истерически стучал кулаками Сако Саакян, теперь уже бывший председатель Совдепа, хватались за паганы мусаватисты. Разругались левые и правые эсеры. Спокойно вела себя лишь фракция большевиков.

К трибуне вышел депутат Джапаридзе.

— Товарищи! На прошлом заседании было поручено решить:

1. Как осуществить переход власти в руки Совета.
2. Продовольственный вопрос.

Битых четыре часа мы заседаем, а обсуждение не продвинулось ни на йоту. И это понятно: средствами, предложенными господином Саакяном, можно очертить круг, но отнюдь не выбраться из него...

Эсеры затопали, заулюлюкали, послышались реплика. Джапаридзе глянул в их сторону.

— Может, разрешите продолжить?

На сцену выскочил грузный Григорий Айолло. Придерживая одной рукой пенсне и воздев вторую кверху, он срывающимся от бешенства голосом завопил в зал:

— Господа депутаты! Извините— товарищи! От имени трех партий делаю заявление. Этими вопросами никто не уполномочивал заниматься большевиков. Чувствую, что сегодня, сейчас, они, — он ткнул пальцем в сторону Джапаридзе, — попытаются совершить акт морально-политического насилия над нами. Я предлагаю покинуть зал всем членам этих партий и другим солидаризирующимся.

Скрипят скамейки. Противники собираются подчеркнuto медленно — надевают шляпы, закуривают, топчутся на месте. Уходит часть меньшевиков, представители военных, несколько дашнаков, кадеты и эсеры. Группа левых эсеров во главе с Везириным осталась.

Джапарн лождался тишины, с-усмешкой кивнул вслед ушедшим.

— Бывало, и нередко, что наши предложения отвергались. Однако мы не уходили и не срывали заседаний Совета, избегали раскола среди рабочих и солдат. Мы думали, что так поступят и оборонцы. Но они не только отказались от совместной работы, но и провоцируют раскол. Это уже преступление! И все-таки, я уверен, рабочие и солдаты не пойдут за ними. Вот вам факт: восемьдесят четыре товарища — рабочие из группы социалистов-революционеров интернационалистов — остались с нами.

Вспыхнули аплодисменты.

— Разрешите слово?

По проходу шел крупный мужчина с резкими чертами лица. Это был Везилов, лидер левых эсеров, давний союзник большевиков.

— Ушли в тяжелый момент? Значит сами сложили полномочия депутатов. Мы, интернационалисты, всегда выступали в блоке с большевиками. Потому что считаем большевиков настоящими борцами за рабочее дело.

Среди мусаватистов поднялся некто в круглой овчинной папахе. Оперевшись на плечо соседа, вскочил на скамейку.

— Эй, продажная тварь! За сколько купил тебя вместе с твоей липовой партией? А еще считаешь себя мусульманином... — Он картинно согнул левую ногу, одной рукой уперся в пояс, второй расстегнул кобуру маузера. — Нужно говорить о нашем мусульманском государстве, а ты о чем? Хватит жить по чужой указке, какой бы длинной она ни была. Понял? А то пули не пожалеем.

— Заткнись, петух! — крикнул кто-то из интернационалистов. — Знаем, с чего голоса кукарекаешь. Уж не главного ли индюка речи?

Вскочил, скрипнув зубами, Мамед Эмин Расул-заде. За ним поднялись остальные мусаватисты. В руках у многих уже тяжелело оружие.

Поднялись и левые. Тяжело ступая, в зал сошел Везилов, за ним Джапаридзе. Придвинулись рабочие и солдаты. Везилов подошел прямо к Расул-заде.

— Ты для кого хотел революции? Для себя и еще для этого рябого болтуна? Ты же кричал об освобождении народа. И как ты его освобождаешь? Тайно формируя мусульманские полки! Для чего? И на чьи деньги? На собственные, которых у тебя никогда не было, или на деньги Тагиева и Нагиева?

Расулзаде, чувствуя неприязнь зала, развел руками:

— Нам не понять друг друга. Мы хотим самоопределения и не потерпим вмешательства большевиков, которые толкают вас, как доверчивых овец, в пасть волку.

Он решительно отстранил Везирова и пошел к выходу. За ним, оглядываясь, вышли остальные. Хлопнула дверь. Стало тихо. Джапаридзе спокойно пожал руку Везинову и вернулся на место.

На трибуну поднялся прапорщик Авакян, представитель бакинского гарнизона. Он слегка заикался.

— Я... я... бб-буду краток. Хочу нап-помнить конференции нашу резолюцию. Необходима срочная чистка командного состава, надежная охрана оруж-жейных с-складов и арсенала. И как можно с-скорее.

Его поддержали.

— Правильно говоришь, Авакян!

— Исчезает оружие, мы не знаем куда...

— Генерал темнит!

От фракции большевиков выступал Мешади Азизбеков.

— Генерал как раз не темнит, а действует почти открыто. На сегодняшнем заседании надо решить вопрос о власти. Прежде всего упразднить исполком общественных организаций — это государство в государстве. Для начала хотя бы лишить его политической власти. Пусть занимается хозяйственными делами.

Далее. Наша фракция полагает, что все вооруженные силы должны быть под контролем Совета. Никакое передвижение войск без согласия исполкома недопустимо. Чтобы осуществлять контроль, нам необходимы комиссары в воинских частях, в солдатских комитетах. То же самое с градоначальством и милицией...

— Особая трудность — снабжение продовольствием. В этом плане мы переживаем исключительно серьезный период. Возможны голодные бунты... Могут возникнуть затруднения и с деньгами. Следовательно, в банках мы тоже должны иметь своих комиссаров. Считаю, — он помолчал, — что нам нельзя ограничиваться полумерами. В данной обстановке это было бы равносильно поражению. Мародерам и спекулянтам надо дать почувствовать твердую руку новой власти. И прежде всего ограничить цены на хлеб. — В зале зааплодировали. — И вообще, что происходит? К примеру, председатель губернского продкомитета заявил, что если к ним направят представителя из числа товарищей социал-революционеров

или социал-демократов, то он их пошлет... туда-то и туда-то! Так вот, при таких порядках мы действительно окажемся по всем тем адресам, куда намерен послать нас председатель продкома...

Зал хохотал. Смеялись и депутаты, и сочувствующие, и даже работники театра, заглядывающие в двери.

— Если мы позволим с нами не считаться, вряд ли у нас что-то получится. Органы, ведающие продовольствием, нужно обновить. Уверен, мы всегда найдем пятьдесят-сто вагонов, груженных предметами первой необходимости, застрявшие на железной дороге. Продком должен о них знать, но почему-то знать не желает! До переворота Петроград и Москва испытывали острую нужду в хлебе. Они не получали даже нашего фунта. У них было три восьмых, даже четверть фунта...

Кто-то из зала крикнул: — Неправда!

Азизбеков усмехнулся и тронул бородку.

— Надо читать газеты и не только колонку происшествий, — в зале опять засмеялись. — Случалось, и четверти фунта не было. Проверили готовые к отправке вагоны. Там — под видом бумаги, металлов, тряпок — нашли хлеб, муку, крупы... Так-то!

Проект резолюции читал Шаумян.

— ...поставить задачу расширения власти Совета вплоть до передачи всей ее полноты в руки Совдепа. Расширенный совет высказывается за то, чтобы в случае контрреволюционных выступлений в бакинском районе или обострения положения в Баку, Совет объявил себя единственной властью.

Резолюция была принята большинством в двести восемьдесят восемь голосов. Против — семьдесят восемь. Двадцать один — воздержался.

Так закончилось это историческое заседание 31 октября 1917 года.

Последние дни декабря 1917 года были особенно тяжелыми. Лютый мороз сковал Петроград ледяными путами. Люди мерзли и на улицах, и в домах — не хватало топлива, электроэнергии, продуктов. Снежные завалы перегородили улицы. Казалось, город придавлен жутким и темным небом. Все ополчилось против молодой Советской власти — голод, холод, враги. Нужно было защищать революцию.

Декретом Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов была создана Всероссийская чрезвычайная комис-

сия — орган, которому суждено было стать карающим мечом республики.

Лампа тускло освещала большой стол, заваленный книгами, исписанной бумагой, папками. Дзержинский еще раз перелистал досье на нового сотрудника. Потом снял трубку телефона.

В дверь постучали. Вошел Петерс, за ним — высокий блондин во френче.

— Присаживайтесь, — Дзержинский прямо взглянул ему в лицо. — Заочно я с вами знаком. Судя по документам, можно обойтись без предисловий и перейти к делу. Ваше мнение, Яков Христофорович?

Петерс кивнул. Дзержинский вышел из-за стола, сел рядом.

— Данные у вас неплохие. Опыт подпольной работы, знание языков — все это пригодится. А как с тюркским, продвинулись?

— Товарищ все эти дни изучает язык и обычаи. Для практики познакомили его с несколькими коренными бакинцами, — ответил за молодого человека Петерс.

— Хорошо. Хочу спросить вас: ясно представляете, на что идете?

— Конечно, Феликс Эдмундович.

— Тогда конкретизируем. С момента, как вы перейдете рубеж, вас будут окружать отнюдь не друзья. Наша разведка молода, не хватает связей, опыта. Начинать приходится с азав. Учимся на ходу, у противника. В борьбе, которую ведет республика, огромную роль играет осведомленность. Вспомните Ганнибала. Своими победами он был во многом обязан людям, которые проникали в лагерь врага. Конечно, это глубокая древность, но ее уроки сохраняют свое значение и сегодня. Пока идет борьба, у нас должна быть сильная разведка. С этим согласен и Владимир Ильич. Но при одном условии — никакого авантюризма.

Сухой кашель заставил его встать, отвернуться. Петерс вздохнул. Дзержинский глотнул остывший чай, помолчал.

— Итак, о Кавказе. Обстановка там накалена до предела. Кавказ хотят превратить в цитадель национализма. Дашнаки мечтают о Великой Армении, мусаватисты — о мусульманском государстве. Первые ожидают помощи от англо-французской коалиции, вторые от Энвер-паши и Германии. При всем том руководители обеих партий начисто лишены принципов. Ради личной выгоды они предадут лозунги, свою партию, собственный народ. Их главный козырь элементарен — национальная рознь.

Ваша задача, — он минуту подумал, — дать кавказским товарищам точную и правдивую информацию. Учтите, что сегодня Закавказье пользуется особым вниманием иностранной разведки. В Баку и Тифлисе действует агентура англичан, французов, немцев, Энвер-пашн. И это не столько разведчики, сколько политики! Вам необходимо войти в эту среду и после акклиматизации передавать по условленным каналам всю необходимую информацию. Основной форпост — Баку. Там сейчас создан Совдеп с программой диктатуры пролетариата. Город дал революции много замечательных революционеров. Знаете о них?

— Я большевик, Феликс Эдмундович.

— И еще. Помощников не ждите, их придется искать самому. Вы знакомы с Ангелом? Это хорошо. Однако с контактами не спешите, только при необходимости. Первую явку получите у товарища Петерса.

— Ясно, Феликс Эдмундович.

— С деталями познакомит Яков Христофорович.

— Во время войны в Персию был введен русский экспедиционный корпус генерала Баратова. Он должен был прикрыть фланг британских войск, действовавших в Месопотамии. Недавно Совнарком принял постановление о выводе этих войск из Персии. Эвакуация уже началась. Но контрреволюционное офицерство, в частности, части Шкуро и Бичерахова, не разоружились. Их цель — захват Баку. Англичанам это только на руку. Они хотят использовать белогвардейские отряды. Вам следует быть на месте как можно скорее: нужны сведения о планах британского командования. Кроме того, там находится бывший вице-губернатор Симбирской губернии, он же бывший начальник пограничной стражи полковник Остен-Сакен. Есть сведения, что он готовит мятеж в Ленкорани. По прибытии в Баку вы встретитесь с Джапаридзе и Тер-Габриеляном. Они сами найдут вас. Попытайтесь нащупать англичан и французов в Баку. Как видите, заданий много, одно важнее другого.

— Документы подготовлены? — спросил Дзержинский.

— Да.

— Хорошо. — Усталое лицо председателя ВЧК осветила неожиданная улыбка. — Знаете легенду о Самсоне и Далиле?

— Конечно, Феликс Эдмундович.

Видя, что деловая часть разговора окончена, Петерс достал трубку, раскурял.

— Так вот, бойтесь Далил! Испытаний женщиной, случилось, не выдерживали самые сильные.

— Феликс Эдмундович!

— Ладно. Передавайте привет товарищам. — Дзержинский встал и протянул сухую горячую руку.

Дымя трубкой, Петерс подошел к окну.

— Не скажешь, что за окном пурга.

— Ничего, переживем и пургу. Все можно пережить, если веришь в жизнь, в людей. Совсем молодой человек, а какая биография...

Петерс с заметным акцентом прочел:

Нет, лучше с бурей силы мерить,
Последний мят борьбе отдать,
Чем выбраться на тихий берег
И раны горестно считать.

— Мицкевич? — Дзержинский оживился. — Любите?

— Конечно.

Глава XVI. Денстервиль

От жары негде было укрыться. В палатках душно, в баре скучно. Генерал Денстервиль мечтал о настоящем деле. До чертиков приелось это индийское пекло, которое не сулит ничего, кроме неприятностей. Правда, повстанцы не его дело.

Генерал покачивался в летнем шезлонге, укрытом в пальмовой роще позади бара. Это называется декабрь! В такой духоте — дышать и то лень. Он с наслаждением приложился к фляжке с прохладным виски. Хоть немного освежает...

В полупьяной дреме приятно было грезить. Сэр Антония Джонс Денстервиль считал себя достаточно ловким, чтобы участвовать в любом настоящем деле. Он любил в жизни крупные ставки, остроту, риск. Идти приходится чаще всего напролом, это ему простят — лишь бы финал хороший. Его называли «генерал-торпедо». Что ж, приятно...

Разбудил его капрал.

— Деша? Давно пора. — Генерал нетерпеливо откромсал верх конверта. — Так-так. Хорошо! А то застоялся. Эй, Голдсмит!

Из кустов вынырнул майор Томми Голдсмит. Судя по возбужденному лицу и неровно застегнутой рубашке, «инструктаж» индуски проходил успешно.

— Слушаю, генерал.

— Собирайтесь. Немедленно отбываем в Багдад.

— А как с новым агентом? — Майор ухмыльнулся.

— Куда мы ее хотели?

— В Афганистан.

— Хм! Знаете, Томми, мы подарим эту «Мата-Хари» восточному отделу. Пусть ценят нашу щедрость.

В Багдаде Денстервиля встретили и сразу повезли к командующему британскими оккупационными войсками генералу Поуэру Мурру.

В штабе их ждал человек в штатск Толстый, седоволосый, с пристальными карими глазами.

Разговор начал Мурр.

— Вот что, сэр Антони. Вам придется взять на себя одну щекотливую миссию. Прошу к карте. Нам необходимо, хотя бы частично, восстановить Кавказский фронт и удерживать, пока хватит сил. Желательно подольше. Вам предстоит собрать под свои знамена монархически настроенные части русского воинства. С вашими... э-э... способностями и энергией, вы сумеете организовать несколько локальных ударов по турецким подразделениям и привлечь внимание Энвер-паши и его штаба. Они будут вынуждены снять с нашего фронта какие-то силы и направить их против вас. Это облегчит нашу задачу. Вы меня поняли?

— Разумеется, господин генерал.

— Прекрасно. Затем вы отправитесь в Энзели и далее в Баку.

— Это большой риск. Там Советы!

Мурр усмехнулся.

— Советы... Но мы знаем вас, сэр Антони.

Польщенный Денстервиль покосился на тучного джентельмена, раскуривавшего трубку, и вдруг узнал его — Генри Детердинг, которого в лондонском свете окрестили «кавказским пленником». За пылкую любовь к кавказской нефти.

Теперь все понятно: и срочный вызов, и столь авантюрное поручение. До войны Детердинг держал в Баку своих людей — присматривался, исподволь скупал акции. Теперь эти планы под угрозой. Ставка на него, Антони Джонса. Есть резон подумать, ибо и ослу понятно, что на таком деле можно сделать миллионы.

Приняв его раздумья за колебание, Мурр усилил натиск.

— У нас немало друзей в Закавказье. И вы можете рассчитывать на их помощь. Даже если большевики продержатся год или два, борьбу за Кавказ мы не прекратим. Это, разу-

меется, конфиденциально. Собственно, я не уговариваю. Решайте сами.

Денстервиль закурил и отошел к вентилятору.

— Вы ничего не теряете, дорогой генерал, — сказал, наконец, Детердинг. — Просто ваш лондонский счет удвоится. Или утроится.

Вот когда Денстервилю стало жарко. Возможность стать миллионером!

— О кей, господа. Уговорили, но...

— Никаких «но», дорогой Антони! Кстати, вы знакомы с правами персов? — перебил Мурр.

— Листал когда-то «Гаджи-бабу из Исфагана». Помню, что курды грабители, и персы их основательно побиваются. Это нам на руку. — Генерал хитро улыбнулся. — Что касается русских... Они никогда не были... политиками. Сентиментальны и обожают выступать в роли спасителей.

— Все-таки не забывайте, Антони, что успех операции зависит от того, сумеете ли вы обойти русских. Но вы отважны и опытни...

Детердинг снял салфетку с подноса. Из ведерка выглядывала бутылка шампанского.

— За ваши успехи, генерал. И еще. В случае надобности можете обратиться в любое отделение имперских банков. Им даны инструкции.

Бокалы столкнулись в воздухе с серебристым протяжным звоном.

Людей для миссии Денстервиль отбирал с особой тщательностью. Целый караван фордов, двенадцать офицеров, писаря и бывший русский офицер-переводчик отбыли в Хамадан. Голдсмит в бронированном автомобиле выехал несколько раньше.

Дорога есть дорога. Жарко, неудобно, пыльно. От долгой езды в машине скорее устаешь, чем отдыхаешь. Хорошо, что рядом элегантный порученец, Адлен Моррис. С ней не соскучишься. Правда, в больших дозах утомляет и она.

В Хамадане Денстервиля ждали прибывшие из Тифлиса генерал Шор, консул Мак-Дауль и старые знакомые — управляющий отделением имперского банка Мак-Муррей с очаровательной супругой. За вечерним чаем обсудили план действий.

Первое — встреча с командиром русского экспедиционного

корпуса Баратовым и начальником штаба Уасточкиным. Договорились быстро. Игнорируя постановление Совнаркома о выводе Кавказской армии из Персии, они обещали генералу полную поддержку.

Вскоре в Багдаде получили шифровку:

«Хамадан прибыли благополучно. Баратов продал фураж, часть вооружения, продовольствие и прочее. Казачий отряд Бичерахова стоит Керманшахе. Договариваемся о плате. Надеюсь и на Шкуро. Баку направлены Голдсмит и Адлер Моррис. Гиляне хозяйничает Мирза Кучук-хан с пятью тысячами солдат. Платформа хана — Персия для персов. Вдохновители — Турция и Германия. Удалось завербовать в разведку десять русских офицеров. Группу возглавит барон-латыш. Подробности позже. Денстервиль».

Сорок три автомобиля британской военной миссии подходили к Энзели. Здесь Денстервиль собирался погрузиться на пароходы и плыть в Баку. Генерал со старшими офицерами ехал в пятом по счету форде, бронированном и утепленном. Сквозь стекло он недовольно поглядывал на бесконечный поток русских солдат, текущий на родину. Ах, если б их кинуть на большевиков. Колоссальная сила.

Словно угадав его мысли, кто-то из офицеров вслух:

— Полная дезорганизация. Говорят, у них нет командиров, а есть комитеты и комиссары. Офицеры без погон и шагают рядом с солдатами. Сумасшествие.

До Казвина, расположенного на дороге Энзели—Тегеран, добрались сравнительно благополучно. Дальше начались неприятности. Сначала в их сторону просто косились, бормоча ругательства. Потом полетели камни. Все это хамство надо было терпеть. Их цель — Баку.

Золота у генерала достаточно, возможность взять нефтяные промысла под свой контроль казалась реальной. Денстервиль позволил себе помечтать. Представилась гостиния Детердяга в загородном особняке, нетерпеливо ожидающие его, Антони Джонса, деловые люди.

Антони Джонс, мечтательно улыбаясь, плотнее укутался шинелью.

Моросил нудный дождь. Как зарядил после полудня, так и льет без остановки. То ли конец зимы, то ли уже весна. Бакинский февраль. Но и в дождь Торговая улица выглядела

оживленно... Человек в офицерской шинели, правда, без петлиц и погон, взглянул на часы. Ровно, четыре.

Он вошел в «Столичные номера». Попросив разрешения воспользоваться их телефоном, поговорил с кем-то по-французски. Затем, взглянув в зеркало на себя, а заодно и на улицу, снова вышел под дождь.

Через четверть часа человек сидел в зале синемаатографа «Ренессанс». Погас свет, под дребезжащие звуки старенького фортепиано замелькали на экране кадры фильма «Тайны Нью-Йорка».

Фильм был старый. Каждый в зале занимался своим делом: кто сосал карамель, кто жевал, многие целовались или спали. Человек занял крайнее место в десятом ряду. Сидевшая за ним дама в широкополой шляпе с вуалью коснулась его шинели.

А на экране одна жуткая история сменялась другой. Видимо фильм был ему знаком. Офицер зевнул и лениво двинулся к выходу. Дождь кончился. Офицер закурил и прошелся до конца Белятинской. Остановился у блестящей витрины «Бакалей». Кажется, ничего.

Прошел мимо двухэтажного дома, посматривая на занавески в окне второго этажа. Очень кстати заглялись фонари. Занавеси висели косо. Человек вернулся к парадному входу, поднялся по лестнице. Под вертушкой медного колокольчика висела табличка:

«Доктор АДАМ ФУКС.
Внутренние болезни».

Он дважды крутнул вертушку, услышал резкое звяканье. Выждал, крутнул еще раз. Цепочка лязгнула, в открывшейся щели возник глаз.

— Вам кого, сударь?

— Доктора Гаджикасимова.

— Простите, но здесь живет только доктор Фукс.

— Вы уверены?

— Еще бы, Фукс — это я.

— О, простите! Вы и в сердечных болезнях разбираетесь?

— Наверно, разбираюсь.

— Тогда я могу и к вам. У меня третий день болит сердце.

— Кто же вылечит больное сердце? — отозвался Фукс.

Дверь распахнулась.

— Да-да! С больным сердцем сейчас надо идти к могильщику. Ни лекарств, ни порядка, ни надежд. Хотя, может, и придет время, когда научатся оживлять и остановившееся

сердце. Разделись? Что ж вы стоите. Проходите и почувствуйте себя как дома, господин барон.

Перед хозяином стоял высокий молодой человек. Он вежливо поздоровался. И вдруг добавил, неожиданно осипшим голосом:

— Я очень хочу спать.

Так он и заснул прямо в кресле.

Поздно вечером, уже около одиннадцати, комиссар бывшего градоначальства вышел и, зябко поеживаясь, сел в служебный фаэтон.

— Скорей, Касым! Надо успеть к председателю.

— Так поздно, Саак Мирзоевич?

— Давай, давай.

Фаэтон покотился к Красноводской, где в здании бывшей гостиницы «Континенталь» размещался Баксовдеп.

Дождь лил с утра. Лошади неслись, разбрызгивая грязь. Сойдя у парадного подъезда, Тер-Габриелян одернул кожаную куртку, сказал кучеру:

— Я, наверно, задержусь. Ты заезжай во двор под навес. Передохни.

В коридоре было сумрачно, под стать погоде. Одинокая лампочка давала мало света. У кабинета председателя стояли на часах два молодых бойца. Узнав комиссара, они вытянулись и отдали честь.

— Здравствуйте, товарищи. Джапаридзе у себя?

— Конечно. Недавно спрашивал вас.

Саак Мирзоевич вошел в кабинет. Чуть мигая, горела настольная лампа под абажуром. Рядом, на всякий случай, поблескивала чисто вымытым стеклом керосиновая. Джапаридзе и Фиолетов, склонившись над бумагами, негромко переговаривались. Услышав стук двери, они одновременно подняли головы. Джапаридзе махнул карандашом, приглашая сесть.

— Подожди пару минут, Саак.

Тер-Габриелян кивнул и, уютно устроившись в большом потертом кресле, прикрыл глаза. Тихо, хорошо. Что-то жужжит. Дома у Саака, в Шуше, тоже так. Отец, когда шил, обязательно напевал. А шил он всегда — днем, вечером. Заработки, конечно, небольшие, а семья большая. В шестнадцать лет Саак уехал в Баку, устроился учеником мебельщика. Когда это было? Ну, да в 1902-м. В том же году он вступил в РСДРП, стал большевиком. Работа, учеба, забастовки, аресты.

Сколько было всего. Встречал Ленина на Финляндском вокзале. Первым привез в Баку Апрельские тезисы. Насколько успел записать...

Джапаридзе бросил карандаш на стол, устало разогнулся. Подошел к окну и раздвинул портьеры. Дождь, дождь... Капли скатывались по стеклу, свиваясь в замысловатые узоры. Темно-то как!

— Вань, а Вань! Подойди-ка сюда. — Он потеснился, давая место Фиолетову. — Надо, чтобы вечером всегда горел свет. Чтобы не было этой глухой бесконечной черноты... Чтобы не закрадывались в душу слабость и сомнения.

Иван прижался лбом к стеклу.

— Действительно, уныло.

— Наверно, мы еще доживем до времени, когда ночью улицы будут залиты голубым светом.

— Почему голубым?

— А бог его знает. Красиво... Будет как раннее утро.

— Правда, красиво. — Помолчали. Фиолетов сказал грустно: — К такой красоте да еще бы по кусочку хлеба с чаем.

— Да-а...

Они вернулись к столу, задумались.

— Ну, что, Алеша, пойду? Уже забыл, когда ночевал дома.

— И я тоже. Ладно, давай! Завтра собери всех предзавком и объясни ситуацию.

Фиолетов кивнул, прошел мимо Тер-Габриеляна и за дверь.

Джапаридзе сделал несколько резких движений, водой из графина смочил край полотенца и протер лицо. Обстановка обострена до предела. В городе брожение. Несознательная часть рабочих поддается на провокации. «Мусават» и «Дашнакцутюн» имеют свои вооруженные отряды. На улицах грабежи и бесчинства. В рядах нацотрядов много бандитов, настоящих «кочи», которые нападают на людей не только вечером, но и днем. Милиция не справляется. В результате напряжение растет. Пришлось создать бюро по борьбе с контрреволюцией.

Джапаридзе посмотрел на мирно посапывающего Тер-Габриеляна. Саак справится. Не человек, а камень. Какие воля и решимость у этого внешне спокойного и рассудительного человека...

Начинается самый настоящий голод. Хлеба из России все меньше. Там тоже голодают. Во что бы то ни стало надо дотянуть до нового урожая. Продразверстка приносит все меньше,

но и эти крохи даются с боем. Несколько раз Мешади выручал, привозил хлеб из районов. Удастся ли на этот раз?

Бурлит революция по всей республике. В Елизаветпольской губернии, где сосредоточены наиболее крупные поместья, пламенем охвачены все уезды. Крестьяне мстят за вековое угнетение, жгут усадьбы, отбирают имущество. Хотя агитацию за раздел помещичьей земли ведут большевики-гумметисты, движение во многом стихийно.

На заседании Совнаркома Шаумян сказал, что политическое положение в Баку чрезвычайно сложно. Это верно. Апшерон превратился в остров, почти отрезанный от страны, со всех сторон окруженный контрреволюцией.

Грузинские меньшевики создали сейм, объявили его парламентом всего Закавказья, дашнаки провозгласили создание великой Армении, мусаватисты решили строить свое государство по типу небольших стран Европы... Под всеми этими лозунгами идет межнациональная резня, война за каждый клочок земли. По настоянию грузинских меньшевиков объявлено, что Закавказье отделяется от РСФСР, чтобы строить свои «национальные государства» под опекой стран Антанты.

Джапаридзе глубоко задумался. Крупные морщины избороздили лоб. В беспощадном свете лампы волосы казались совсем седыми. Да, победа далась тяжело. Сколько требовалось сил, чтобы добиться роспуска Думы и этого... исполкома общественных организаций. Рабочие решительно высказались за Советскую власть. Но националисты и эсеры быстро перекрасились: «Мы — тоже». Часть солдат и рабочих им поверила. Вот и получилось, что в Совет попали эсеры, меньшевики, дашнаки, мусаватисты... Их оказалось даже больше, чем большевиков. Из надежных источников стало известно, что на заседании фракции правых Саакян сказал: «Мы должны идти во все учреждения и бороться с большевиками изнутри».

Джапаридзе вздохнул. Сосредоточить в своих руках власть пока не удастся. А тут еще на Северном Кавказе беспорядки, железная дорога перерезана. Осталось море, через Астрахань... И все-таки Россия, раздираемая голодом и войной, постоянно помогает. Недавно Шаумян запросил у Совнаркома РСФСР пятьдесят миллионов рублей для выплаты жалованья рабочим. И деньги были даны. В самое трудное для России время!

Джапаридзе встал, тяжело зашагал по кабинету. Нужна нефть! Нефтеналивные суда уходят почти ежедневно, но нужно отправлять больше, много больше...

— Саак, а Саак... — Он склонился над Тер-Габриеляном. — Вставай!

Тер-Габриелян открыл глаза, и будто не он спал, по-детски посапывая.

— Приступим?

Джапаридзе, скрывая улыбку, кивнул.

Давай.

Тер-Габриелян пригладил волосы, маленькими глотками выпил стакан воды. Достал из кармана листок бумаги с пометками.

— По порядку. Днями Деистервиль прибудет в Энзели. Субсидирует всю операцию Детердинг. Так что денег у генерала достаточно. У отходящих русских частей он скупил все, что можно: оружие, продовольствие, снаряжение. Ему удалось договориться с баратовскими офицерами. Это позволит ему занять позиции у нас под носом. В Баку действует его резидент некий «Артян».

— Проверили?

— Понятно, под этим именем никто не значится. Но есть три человека, относительно которых...

— Кто?

— Точных сведений нет. Все трое из оппозиции. Смотри. При царе они в три погибели гнулись. Революция дала им все. И что же? Рубят сук, на котором сидят.

— Ты читал телеграмму Владимира Ильича Шаумяну: советует быть гибче в дипломатии. Ясно?

— Кто знает, какой должна быть гибкость конкретно, применительно к ситуации. Может быть, нужны именно крайние меры!

— Ну-ну. Как стал контрразведчиком, так на крайние меры его потянуло! Нет, брат. Поверь, Ленин точнейшим образом оценивает ситуацию и строго выбирает слова. Хорошо, что мы послали в Энзели Вацека. Надо передать приказ ему и предревкома Челепину: арестовать Деистервиля со всей его свитой и выслать к...

— Подальше.

— Именно. — Оба рассмеялись. Приказ передай медленно.

— Хорошо. Продолжу. В Керманшахе застрял крупный отряд казаков войскового старшины Лазаря Бичерахова и чуть поменьше — отряд черносотенного атамана Шкуро. Они что-то явно замышляют. Генерал, видимо, намерен их использовать.

Джапаридзе насторожился.

— Слушай, Саак. Как ты думаешь, не направил ли Денстервиль сюда своих парламентаров? Я имею в виду правых эсеров, меньшевиков, кадетов. Если да, то они должны выйти на явки. Необходимо накрыть с полчиным и визитеров, и сами явки.

Тер-Габриелян кивнул, сделал пометку в блокноте.

— Продумаем и гостевой вариант. Консулу Мак-Доннелю представили супружескую пару — Томаса и Адлен Дэвис. Может, они и есть? Мы взяли их под наблюдение.

— Ну и?

— Пока ничего. Разве что попытка сблизиться с четой Ермаковых.

— Депутат Совдепа?

— Точно. Жена, Светлана Докучаева, дворянка. Отец был близок с французским и английским консулами.

— Интересно. А что они сделали для сближения?

— Якобы случайно встретили Ермакову в магазине, предложили купить перстень. Она обрадовалась. Поехали на квартиру Ермаковых. Правда, мужа не было, англичане долго не задерживались.

— Да-а...

— Понимаешь, Алеша, нам не хватает опыта. Люди есть талантливые, а профессиональных навыков мало. Правда, растут быстро. А такие, как Исламбек и Аслан?..

— Где они сейчас?

— Исламбек попал ко мне в подчинение по градоначальству. Поддерживаем отношения сугубо официальные. Аслан сопровождает Шаумяна в Тифлис.

— Что-то Степан задерживается, а время тревожное.

Джапаридзе поискал папирос, их не оказалось. Пришлось свернуть махорку.

— Сейчас многое зависит от того, как ты расставишь людей. Сил у нас маловато. Умом надо брать, хитростью. Не подавлять, а предупреждать заговоры. Всякий «шум» работает против нас, на руку меньшевикам и эсерам. Кого хочешь во главе конного отряда?

— Исламбека. Секретить его дальше нет смысла.

— Та-ак... Конечно, человек себя зарекомендовал. Но не рано?

— Я за него ручаюсь, несмотря на твое и мое «но».

— А что у тебя за «но»?

— Получено сообщение, что в Баку находится мусаватский

эmissар, разведчик и провокатор. Связник бакинских миллионеров и елизаветпольской шайки.

— Кто?

— Теймурбек Карабаглы.

— Брат?

— Мало того. Точная копия. Страшная личность, уйму людей погубил.

— А что Исламбек?

— Рвется. Я ему запретил даже думать о встрече с братом. Пока особой опасности нет. Пусть встречается, мы за ним присмотрим.

— Ладно. Смотри в оба. Частных ошибок сейчас не бывает. От любой оплошности могут пострадать все. Еще что-нибудь?

— Пришли двое из старой сыскной полиции. Хотят у нас работать. Мы и раньше встречались. Кажется, стоит...

— А вот на кажется, — перебил Джапаридзе, — у нас с тобой права нет. Уверен, что можешь сделать из них преданных делу людей? Тогда бери. Смотри, светает. Опять домой не попали. Давай вздремнем хоть часок в креслах.

Глава XVII. Человек

Комитеты мусульманского нацсовета и «Гуммета» помещались в здании Исмаилие, построенном Мусой Нагиевым на Николаевской, рядом с женской гимназией Тагиева. Встречая Нариманова, Али Марданбек подчеркнуто с ним раскланивался. Но выполнять поручение старого Гаджи не решался.

Адвоката и доктора связывали воспоминания: оба они в юношеские годы пользовались «поддержкой» Тагиева. Потом, однако, их дороги круто разошлись. Адвокат стал поверенным беков и мюлькедаров, доктор пошел работать в больницу. Топчибашев чувствовал себя с Наримановым стесненно — этого странного чувства он в себе не понимал.

Но приказ всемогущего Гаджи для него закон. Вопреки ожиданиям, Нариманов принял Али Марданбека миролюбиво и даже с улыбкой.

Ни на одном из своих процессов присяжный поверенный Топчибашев не был так красноречив, как в эти первые минуты разговора. «Вы не можете отказать человеку в такой малости, как встреча. Человеку, в сердце которого занимает такое место. Это было бы негуманно. Он стар, может быть, эта встреча будет последней».

Нариманов спокойно выслушал и сказал, что напишет

Гаджи Зейналабдину лично. Осторожно прикрывая за собой дверь, Али Марданбек остро ощутил нелепость своего визита. Сердце ныло в предчувствии неприятностей.

Усилием воли он заставил себя думать о чем-нибудь веселом. И когда на следующий день он вошел в кабинет Тагиева, настроение у него было почти нормальное. Он выдержал раздраженный взгляд хозяина и сказал:

— Доктор Нариманов выслушал меня с интересом. Ваш благородный порыв тронул его, вряд ли ответа придется ждать долго.

Тагиев, заложив руки за спину, прошелся по ковру. Остановился перед Али Марданбеком, недобро усмехнулся.

— «С интересом», «благородный порыв», — передразнил он. — Знаешь, сколько ума надо иметь, чтобы доказать что-нибудь Нариманбеку? Знаешь... Сам все знаешь. Я уже потом подумал, что разговор лучше было поручить Мамед Эмину. Ничего, подождем.

В одном Топчибашев не ошибся. Через неделю Исламбек, затянутый в черную кожанку, вошел в кабинет Тагиева и протянул ему письмо.

Перебирая четки, Гаджи долго всматривался в лицо гостя, в странную кожаную фуражку. Похоже, узнал.

— Что, сынок, и ты к большевикам подался?

Исламбек простодушно развел руками.

— Почтенный Гаджи, сейчас все люди, любящие свой народ, ведут борьбу за лучшую жизнь. Плохо живет народ. Очень плохо!

— Ай-яй-яй! — Гаджи погладил седую голову. — И это говорит сын почтенного Мусабек? Постой, ведь у Мусабек есть еще один сын. И он ушел к большевикам?

— Вы кого имеете в виду?

— Того, — махнул рукой Гаджи, — кто приезжал ко мне с градоначальником.

— С градоначальником к вам приезжал я.

— Ты?

— Да, я. А тот другой... не я! Простите. Честь имею.

Исламбек ушел, а Тагиев все еще стоял у стола, задумавшись, разглядывая пакет.

— Слышал настоящего мусульманина? — неожиданно закричал он на телохранителя. — Видел, какие у него глаза? Запомни, тупоголовый! Однажды придет к нам вот такой парень и зарежет всех нас.

Мамед Али рванулся к двери.

— Позвольте, ага, я мигом уложу этого сопляка!

— Не позволю! Даже если он меня убьет. Ты зачем живешь? Жрать, спать, да девчонок насиловать. Не маши руками, не мельница. Мне, Гаджи Зейналабдину, этот мальчишка швырнул слова в лицо и ушел. Ай, какой молодец! А ты — уложу... И заруби себе на носу. То, что можно один раз, другой раз нельзя. Никому. Ты меня понял? Я рад за тебя, Мамед Али. А теперь позови этого болтуна.

Мамед Али исчез и вскоре вернулся с Топчибашевым.

— Ну, адвокат, прочитай, что пишет доктор.

Гаджи, сгорбившись, медленно поплелся к топчану. Тяжело оперся на подушки и сказал тихо:

— Читай, дитя греха.

Топчибашев попробовал оскорбиться. Но старик смотрел сурово. Адвокат быстро распечатал пакет, откашлялся.

«Почтенный *Гаджи Зейналабдин!*

Прошу извинения за долгое молчание. Работы у меня много и не было возможности для серьезных раздумий над тем, что сообщил мне от Вашего имени Али Марданбек.

Когда-то, в тяжелые годы моей жизни, Вы помогли мне, за что я искренне благодарен Вам по сей день. Как дань уважения и личной признательности, примите мою откровенность.

Вам нужен я, но без моих убеждений. Вы учили все, кроме одного. Мы с вами хотим разного. Я хочу свободы и счастья для всех людей. Вы... Вы говорите, что политика Вас не интересует. Но Вы — миллионер и понимаете, что революция направлена и против Вас. Я знаю, что от природы Вы не злой человек и любите показать свою доброту. Но откуда у Вас такая возможность? Разве своим трудом Вы оплатили все, что сделали для города?

Мне не хотелось бы касаться личного. Но разве не Вы на съезде учителей назвали меня нахлебником, попрекали каждой копейкой, затраченной на мое образование? С этого момента Вы освободили меня от всех личных обязательств.

Но дело не в этом. Не знаю, веруете ли вы в душе хоть в какого-нибудь бога? Сомневаюсь, и все же хочу напомнить, что кровопролитие во имя зла чуждо и корану! Если в городе повторится пятый год, все будут знать, кто повинен в этом. Шовинизм, мой бывший благодетель, великий грех.

Со своей стороны позволю дать Вам один совет. Не цепляйтесь за свои капиталы, за свою власть. Много ли нужно пожилому человеку...

Желаю Вам всего доброго.

Н. Нариманов»

Али Марданбек вытер платком взмокший лоб.

— Вот вам, пожалуйста, ответ. Еще и угрожает...

Тагнев сказал, не поднимая тонких желтоватых век:

— Уходи, Али Мардан. Письмо сожги. Или нет, оставь. Скажи, чтоб никто не беспокоил.

Уже у двери Али Марданбек услышал стук. Незаметно обернулся. Брошенные гневной рукой скользили по паркету янтарные четки.

Глава XVIII. Шамхорская бойня

Степан Шаумян и Аслан приехали на вокзал за минуту до отхода поезда. Последние дни были особенно трудными. Установили контроль над банками, телеграфом и телефонной сетью, сегодня с утра заседал комитет. Обсуждали, кого направить в уезды для работы среди крестьян. Пора было всерьез заняться аграрным вопросом. Решили послать шестерых, во главе с Азизбековым.

И в это тяжелое время пришлось ехать в Тифлис, борьба обострялась не только в Баку, по всему Закавказью.

Простуженно чихая, паровоз заревел и устало шаркнул колесами. По составу прошел скрип, лягнули буфера, и лениво потащились назад пристанционные постройки. Постепенно колеса оживились, бойче застучали по рельсам. Привычная дорожная песня.

— Слушайте, Аслан, неужто Саак Мирзоевич не нашел вам дела посерьезнее, чем сопровождать меня? Вернусь, поговорим в комитете, почему в такой момент разбрасывается людьми. Да еще самыми опытными.

Тер-Габриелян предупреждал Аслана цессы. Аслан схитрил.

— Степан Георгиевич, не заставляйте меня раскрывать служебную тайну. Вы ошибаетесь, если думаете, что я получил задание охранять вас. Это как раз не главное. У меня совсем другое поручение.

Шаумян рассеянно кивнул. Все его мысли были в Тифлисе. Как получилось, что грузинские меньшевики сумели опередить Кавказский краевой комитет — тифлисских большевиков? Захватили огромные запасы оружия в безалаберно и даже вредительно плохо охраняемом арсенале. Два дня настоящего сражения, которое выиграли меньшевики. Все правительственные учреждения — почта, телеграф, банк, казначей-

ство — захвачены и охраняются усиленными нарядами контр-революционных народогвардейцев. У главного телеграфа — баррикады, дворец, где заседает меньшевистско-эсеровское правительство, окружен пушками и пулеметами. Не секрет, что Жордания и Гегечкори предатели. Им захотелось государства для себя. Стоило вспыхнуть пожару, как налетели консулы и представители иностранных миссий. Нашлись и советчики. Каждый широко открывает карман — берите, дорогой, потом вернете. А втихомолку мешки готовят... Как бы не так! Но упустить арсенал, позволить разгром большевистских редакций, арест сотрудников и видных членов партии...

Шаумян скрипнул зубами. Обидно, очень обидно! С таким трудом завоевывали каждый миллиметр власти и сразу отдали... километры. Ладно, спать, — сказал он себе. — В дороге надо отдохнуть. Если позволят обстоятельства.

— Аслан, вздремну немного!

— Конечно, Степан Георгиевич. Последние дни я только и делал, что отсыпался.

Шаумян уже спал. Впервые Аслан видел его лицо так близко. Скульптурное лицо — мягкое и волевое. Шапка темнокаштановых непокорных волос, тонкое лицо, усы, бородка. По лицу спящего и сейчас пробегают тени. И спит беспокойно.

Они заняли купе 1-го класса. Пассажиров в вагоне было немного. Больше ехало в третьем. Там действительно кого только не было. Крестьяне, мелкие торговцы, подозрительные типы с оттопыренными карманами. Мешки, набитые хурджины, плетенки.

На всякий случай Аслан закрыл дверь на крючок. На одной из станций дверь дернулась, в щелочку просунулась узкая полоска железа. Кто-то пытался скинуть крючок. Аслан прижал стержень к косяку и согнул под прямым углом. Вытащить железку без шума уже не удастся. За дверью приглушенно выругались, потом шаги удалились.

За окном сгущалась темнота. Поезд шел медленнее. Вагоны постукивали, скрипели, раскачивались. Паровоз пыхнул еще раз-другой и замер. По насыпи бежали люди. Видимо, торопились на посадку.

Аслан незаметно выглянул. Почти прямо против купе стояли трое и посматривали в их сторону. Надо быть настороже.

Поезд, наконец, вздрогнул и пополз. Вагон опять закачался, как на волнах. Шаумян проснулся, несколько мгновений лежал не шевелясь, рывком опустил ноги на пол и сел. Движение рукой, волосы почти причесаны.

— Вы что, Аслан, не хотите вздремнуть?

— Пока нет. Собственно я дремал. Такая колыбель, к наша, укачает не хуже матери. Хотите чаю?

— Разносили?

— Кому да, кому нет. Но вам сейчас принесут.

Аслан резко открыл дверь, надвинул папаху на лоб. Он был в одежде зажиточного крестьянина.

— Эй, как там тебя! — зычно гаркнул он. — Чаю господину, и быстро!

Он встал у двери, раздвинув ноги и уперев руки в бока. Высунулся проводник, увидел нахмуренное лицо Аслана и спрятался обратно. Минуты через две он принес на подносе четыре стакана чая. Поклонившись Аслану, вошел в купе, еще ниже поклонился «господину».

— Есть сахар, булочки, — шепнул он. — Если изволите, принесу.

Присаживаясь к столу, Аслан милостиво кивнул.

— Изволим! Что есть, неси.

Проводник заулыбался и послушно вышел. Шаумян недовольно покачал головой.

— Зачем вы так, Аслан?

— Есть на то причины, Степан Георгиевич. И боюсь, точно серьезные.

В дверях стоял проводник с кусочками сахара на подносе, за его спиной — те трое. Один из них с трудом жевал булку, в руках у другого — головка сахара. Третий — верзила с густыми усами и маузером на боку, — небрежно толкнув проводника, шагнул в купе.

Начищенные сапоги, синие галифе со следами лампас, пестрая рубашка поверх брюк, через плечо на ремешке — растегнутая коробка маузера... Он кинул в рот целую пригоршню мелко наколотого сахара и смачно захрустел. Тяжелый взгляд скользнул по одному, по другому, задержался на черном портфеле. Сглотнув сахар, он схватил стоящий на столике стакан и одним глотком осушил его.

Рука, опускавшая стакан, на секунду повисла в воздухе, Аслан мгновенно поймал ее и рывком вывернул. Верзила заорал. Маузер перешел к Аслану. Он уперся ногой в маячивший перед ним зад верзилы и пихнул его в коридор. Кто там упал, он не видел, но на всякий случай спустил курок. Хлестнул выстрел, Вскрикнула женщина.

Аслан выпрыгнул наружу. Верзила лежал на полу, притворяясь мертвым. Второй так и застыл с куском булки в зубах.

Третий тянул из-под тулуна оружие. В дверях появился Шаумян. Вдвоем они обезоружили бандитов и заперли их в соседнем пустом купе. Все произошло так быстро, что пассажиры ничего не поняли.

Минут через пять они снова сидели за столиком. Проводник принес свежий чай, коробочку с сахаром, булочки. Подумав, Аслан вытащил из кармана полушубка сверток: кусок мяса, полбулки хлеба, сыр, несколько луковиц.

— Запасся на всякий случай, — пояснил он.

Пригласили к чаю проводника. Тот изумленно поглядывал на Аслана.

— Вай, аллах! Настоящий пехлеван, — восхитился проводник, но от угощения отказался.

— Скажите, почтенный, — спросил Степан Георгиевич, — вы сами в Баку живете?

— Конечно. На Персидской улице. У меня домик маленький, старый. Вот-вот упадет. А семья, слава аллаху, одиннадцать человек. Все рты раскрывают, только успевай. Эх, жизнь... Пятьдесят один год прожил — ни одного светлого дня. Вечная нужда, вечная нищета. Двоих уже небо взяло, остальные сейчас с голода лухнут. Достану немножко муки, жена булочек испечет, чурек. В поезде продам, что-нибудь привезу. Здесь дешевле бывает.

— Скажи, дан, ты ведь рабочий. С кем ты, в какой партии?

Проводник непонимающе посмотрел на Аслана.

— Не знаешь, что такое партия? Ну, допустим, есть большевики, меньшевики, эсеры, мусават, дашнаки. Слышал?

Проводник кивнул.

— Кто их знает, от кого толку больше. Все хорошие и все плохие.

— Это как? — не понял Аслан.

— Просто. Власти меняются, речи одна другой слаще. Вприкуску пить, сахару не нужно. А у нас, как был зад неприкрытым, так и остался. Голодаем еще больше. А ты что, партийный?

— Из большевиков я.

Шаумян в разговор не вмешивался, слушал. Проводник выглядит стариком, одет в старенькую чистую форму. Слова его вовсе не лишены смысла. Правда, судит он со своей колокольни. Но как иначе, если на руках столько голодных ртов?

— Большевики: это. какие? — полюбопытствовал проводник.

— Ну, Нариманов.

— Нариманов хороший человек. Доктор.

— Азизбеков.

— Слышал его. Правильно говорит, дельно. Он разве большевик? Инженер он!

— Одно другому не мешает. А про Шаумяна слышал? — Аслан хитро стрельнул глазами.

— Он армянин.

— Ну и что?

— Слышал я, что он только для хороших хочет. Разделить Баку хочет...

— Да ты что, отец? Откуда такие слова взял?

— За что купил, за то и продаю. Говорили, будто он подкуплен. Только не помню кем, — старик перешел на доверительный шепот. — И еще у них в России главный есть, тоже армянин. Ленин. Немецкий шпион! Сам молла говорил недавно в Таза-пир.

Шаумян расхохотался. Смеялся он так весело и заразительно, что испугавшийся поначалу старик придвинулся к Аслану, а потом осмелел и тоже хихикнул. Потом сильнее, и раскашлялся долгим сухим смехом. С трудом успокоился, взял со столика свой стакан с чаем, подтолкнул Аслана плечом.

— А чего он смеялся?

— Кто? Шаумян?

— Вай!

Стакан выпал из рук и разлетелся вдребезги. Старик, дрожа, достал из кармана выдавший виды платок и кинулся вытирать туфли Шаумяна. Тот поднял проводника и усадил его рядом.

— Что с вами?

— Он сказал... Он сказал, что вы и есть тот Шаумян!

— Он правду сказал.

— Вай!

Старик привстал и испуганно оглядел Степана Георгиевича.

— Может, ты и армянин, но не Шаумян, — он успокоился и вдруг рассмеялся. — Хитрец. Ха-ха-ха! Шаумян он не такой. Он другой совсем. Ха-ха-ха. Ну и шутник! — Он покачал головой и пошел за венником, прислушиваясь к тому, что делается в купе, где заперты бандиты... Что-то подозрительно тихо, из щели несет свежим ночным воздухом. Неладно что-то. Старик вызвал Аслана, шепнул ему на ухо. Аслан взял наган,

— Вы куда? — остановил его Шаумян.

— Старик уверяет, что наши «визитеры» сбежали.

— Пойдемте, — Степан Георгиевич вытащил из кучи отобранного оружия маузер.

Купе было пусто. В выбитое окно со свистом врвался ветер.

Аслан расстроился.

— Надо было связать.

Они вернулись к себе, прикрутили фонарь и легли не раздеваясь. Поезд шел без остановок, укачивало. Степан Георгиевич повернулся на бок и скинул туфли.

— Аслан, если не хотите спать, расскажите о себе.

— А что рассказывать, Степан Георгиевич? Пока в моей жизни не было ничего интересного.

— И все-таки.

— Отец был простым крестьянином, а меня хотел вывести в люди. Дома отказывал себе во всем, чтобы молла научил меня читать, писать, считать. Потом отец решил перебраться в Баку. В селении почти все отбирали беки, думал, что в городе будет полегче. Мне было девять лет. Распродали все и приехали в Баку. Отец устроился на промысел в Балаханах, жили в семейном бараке.

Вам не надо объяснять, что это такое. Страшно вспомнить! Вечные скандалы, грязь, пьянство, болезни, смерти... Мать и сестра умерли, мы остались с отцом. Он стал пить, я бродил по городу. Как-то в Маиловском театре понадобился мальчишка-курьер. Я попался под руку. Спал за кулисами. И любил театр. Актеры обращались со мной ласково: учили русскому и немного по-французски, дарили конфеты, приносили из дома одежду, костюмерша перешивала ее на меня. Я не пропускал ни одного спектакля, многие роли знал наизусть, страстно мечтал когда-нибудь сыграть на этой сцене настоящую роль.

Однажды заболел мальчик, который исполнял роль маленького принца в дурацкой мелодраме. Нужно было искать замену или возвращать зрителям деньги. Я пошел к режиссеру и прочел перед ним наизусть всю роль. Он был потрясен. Через десять минут меня загримировали, нарядили, припудрили и вытолкнули на сцену... Не помню, что и как я играл в тот вечер. Наверно, не так уж плохо — зрители хлопали, а директор после спектакля подарил мне шоколад.

И пошло. Меня учили носить костюмы, танцевать, драться на шпагах. А главное — читать и любить книги. Роли мне по-

ручали разные, но почти все я играл с упоением. Наверно, потому мне многое давалось легко: я схватывал образ целиком — мысли, костюм, походку. Так пролетело восемь счастливых лет. Отец приходил домой все реже, а однажды пропал. Я нашел его уже на кладбище. Тогда мне уже платили деньги, и я снимал небольшую комнатку на Чадровой. Играл и продолжал учиться играть по-настоящему. Мне придумали псевдоним: А. Крылатов. Однажды я репетировал роль Ромео. Джульетту должна была играть совсем юная актриса. Она приехала к нам из Ростова. Тонкая, трепетная, добрая. Мы встретились и решили не разлучаться...

И тут война. Я, как дурак, сам ушел на фронт. Уже в окопах узнал, что у меня родилась дочка. Тамилла. Дальше... Фронт — смерти, фронт — госпиталь. В армии заново передумал всю свою жизнь. Повезло — встретился с настоящими людьми, вступил в партию. В конце шестнадцатого года заболела жена. Я приехал поздно, застал одну дочь. — Аслан умоляю.

Шаумян тоже помолчал, спросил:

— Где она сейчас, дочь?

— У старшей сестры в Шемахе... Получил задание комитета, дезертировал и попал к Тер-Габриеляну. Остальное вы знаете.

Часов в десять утра их разбудила артиллерийская канонада. Поезд стоял. За дверью слышался взволнованный голос проводника. Аслан вскочил, скинул крючок и открыл дверь. Вбежал проводник — бледный, с трясущимися губами.

— Вай, аллах! Что стало с людьми. Нет бога для них. Их наказывает собственная жестокость.

— Что случилось? — спросил Аслан.

— Разве не слышите? Это из пушек стреляют по эшелонам русских солдат, возвращающихся на родину. Из земли кровь сочится. Они убивают нашу землю...

Шаумян уже бежал по насыпи. Аслан прыгнул за ним. Взрывы приближались. Когда они добрались до станционных строений, все было кончено. Развороченные теплушки, изуродованные тела, обрывки шинелей, оружие...

Дальше их не пропустили. Подходы охраняли какие-то люди с винтовками.

Шаумян подошел к одному.

— Кто командует этой?...

— А тебе что? Ты кто такой? Эй, Мамед-ага! Отведи их в штаб, пусть разберутся.

Шаумяна и Аслана окружили. Пожилой человек в череске на ходу обернулся, крикнул повелительно:

— Пока я их отведу, соберите оружие.

Шаумян шагал молча, глубоко засунув руки в карманы пальто. Их привели к двухэтажному серому зданию. У стены прямо на корточках сидели люди.

В комнате, куда их ввели, сидели трое. Военный — в широчайших галифе и двое штатских — в добротных костюмах и барашковых папахах. Увидев Шаумяна, один из штатских вскочил и заметно побледнел.

— Господин Шаумян! Почему вы здесь? — Он досада махнул рукой охране.

— Кто руководит этой гнусной бойней? Кто ответит за злодеяние? До чего вы докатились! До уничтожения беззащитных солдат...

— Извините, господин председатель. Мы действуем по приказу Закавказского комиссариата. Вот телеграмма. Читайте.

Шаумян, с трудом сдерживаясь, взял листок бумаги.

«Краевой центр Совета постановил: всем Советам принять меры к изъятию оружия у отходящих эшелонов. О каждом случае доводить до сведения краевого центра... Председатель Жордания».

Шаумян скомкал телеграмму и швырнул ее на стол.

— Это подлое предательство интересов революции и рабочего класса. Вы разоружаете революционно настроенных солдат, готовых с оружием в руках защищать свою родину. Я категорически протестую против этого варварства. Где телеграф?

— А зачем вам?

— Я хочу отправить телеграмму господину Жордания.

— По-моему, поздно, — улыбнулся человек во френче. — Разоружение идет по всей линии — в районах Хачмаза, Джульфы, Акстафы и прочих станций. Боюсь, вы опоздали.

— Не надо блудословить. Кто из нас опоздал, решит история.

— Она уже решила. Ее пишем мы, мусаватисты.

— И меньшевики, — вставил другой.

— Вы не пишете ее, а заливаете кровью.

Дверь с треском отворилась. Вошел офицер, сказал бужденно.

— Ну и намолотили! Скажите спасибо, что на помощь

меньшевики прислали бронепоезд. Видали, как я их выкуривал...

Человек во френче издевательски представил:

— Знакомьтесь, командир бронепоезда крайсовета.

— Вы мне дадите возможность связаться с Жордания или с Баку? — повторил Шаумян.

— Не стоит волноваться, господин председатель Совдепа. Вы передохните здесь, на втором этаже, а мы сами свяжемся с кем надобно.

Человек во френче вытащил наган и положил его перед собой. Аслан прыгнул к столу и схватил его. Достал из кармана второй.

— Предлагаю не шуметь. Эти куколки стреляют сами, пугливые. Эй, ты! Руки на стол. Подержите, Степан Георгиевич. — Он подошел к офицеру и забрал у него оружие. — Слушайте меня внимательно. Я сажусь здесь, на стул. Читаю газету. Степан Георгиевич сядет с другой стороны и прикроет наган шляпой. Смотрите, как мы подчиняемся вашему комиссариату... Теперь отошлите весь сброд. — Он резко сменил интонацию, голос зазвучал твердо и жестко. — Предупреждать не буду. А какой я стрелок, узнаете по дороге на тот свет. Все, зовите!

Аслан сел так, чтобы видеть и противников, и дверь. Чуть в стороне устроился Шаумян, положив на колени шляпу.

Человек во френче бешено гаркнул:

— Эй! Мамед-ага! — Появился знакомый конвоир в черкеске. — Забирай людей и к вокзалу. Нужно быстро собрать оружие и расчистить пути. Скоро подойдут следующие эшелоны.

За окном кто-то прокричал слова команды. Послышался топот, лязг оружия. Аслан выждал минуту, пятясь дошел до двери, прислушался. Быстро приоткрыл дверь. Наганом сдвинул шапку к затылку.

— Смотри, бандиты, а подчиняться умеют. Пойдемте, Степан Георгиевич. — Они вышли из комнаты. Дверь открывалась во внутрь. Аслан нашел палку и просунул ее в ручку двери. — Так будет надежнее.

Они пошли к вокзалу.

— Знаете, Аслан, для чего это затеяно? Они вооружены национальные полки.

Их догнал фаэтон. Из него выскочил в черном пальто с каракулевым воротником.

— Господин Шаумян, господин Шаумян! Здравствуйте. Мне уже все рассказали. Я ужасно огорчен происшедшим.

— А вы кто? — удивился Степан Георгиевич.

— Я? Председатель совета Елизаветпольского блока.

— Уже — блок?

— Вполне естественно. Так вот, по вопросу этих эшелонов. К нам поступили сведения, что солдаты готовились напасть на город, и мы просто вынуждены были защищаться.

— Даже бронепоезд вызвали? Сейчас ожидается новый эшелон?

— Как вам сказать...

— Значит — да. — Шаумян задумался. — Так вы говорите, все это в порядке самозащиты?

Председатель кивнул.

— А если я гарантирую вам, что мирно, без всяких эксцессов доведу эшелоны до Баку?..

Господин, явно не ожидавший подобного хода, замялся.

— Видите ли, но эшелон уже задержан...

— Я, однако, попытаюсь.

Шаумян почти бегом направился к вокзалу. Целый час они пытались прорваться к эшелону, но все ходы и выходы были блокированы. Они обошли цепь и двинулись к водокачке, где паровоз набирал воду. Во что бы то ни стало надо было попасть к солдатам. Шаумян хотел поговорить с машинистом, но паровоз охранялся.

Рывкнула пушка. Частым грохотом сыпанули пулеметы. На сей раз разгорелся настоящий бой. Видимо, в остановленном эшелоне солдаты успели подготовиться.

Они сделали еще одну петлю и на окружном пути столкнулись со знакомым проводником. С ним был еще кто-то, в форменной фуражке. Старик укоризненно покачал головой.

— Зачем не сказал, что ты настоящий Шаумян? Э-эх! Знакомьтесь, это мой друг Аро. Тоже большевик.

Железнодорожник сказал быстро:

— Нужно проскочить в армянскую часть города, найти комитет большевиков. Вас ищут по всей территории станции. Он вас проведет мимо депо. — Машинист обнял проводника за плечи. — Насчет эшелона... Постараемся помочь. Мы их перехватили до станции и предупредили. Воду набирает один паровоз, второй остался. Ровно в час наш человек перекинет стрелку на бакинский путь, и эшелон прорвется с боем. Идите, товарищи. Оставаться вам здесь нельзя...

Пришлось на неделю задержаться в Елизаветполе. Все эти

ни Шаумян встречался с большевиками, выступал на рабочих собраниях, разоблачая политику Закавказского комиссариата. Он знал, что два эшелона прорвались в Баку. Но многие солдаты погибли. Меньшевики и мусависты собрали богатый урожай — 15 тысяч винтовок, 70 пулеметов, 20 орудий.

Нужно было двигаться дальше, на Тифлис. Прямой дороги не было. Оставалось одно — преодолеть южную часть горной цепи. Это был опасный маршрут, но другой возможности не было. Проводники нашлись. 12 января группа Шаумяна тронулась в путь. Дорога заняла почти десять дней.

В заснеженном Петрограде Совпарком обсуждал положение на Кавказе. С докладом выступил Сталин. Решено было назначить Шаумяна Чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа, в его распоряжение выделили 500 тысяч рублей. Мандат СНК и деньги нужно было срочно доставить Шаумяну в Тифлис. Но как преодолеть обширную территорию, контролируемую белогвардейцами?

И на другом совете, у Дзержинского, ответственное задание решили поручить Симону Аршаковичу Тер-Петросяну, Камо. Он немедленно выехал из Петрограда.

22 января Степан Георгиевич Шаумян приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Тер-Габриелян вызвал Исламбека в свой кабинет и, го помедлив, сказал:

— Пришло время менять должность, Исламбек. Тебе поручается в кратчайший срок создать боевой конный отряд для охраны порядка в городе. — Он прошелся из угла в угол. — Людей побери надежных и смелых. Прежде всего из красногвардейцев. Свяжись с Гамидом Султановым из штаба Красной Гвардии. Он поможет.

— Это невозможно, Саак Мирзоевич. — Исламбек покачал головой. — Мой брат... И кто мне поверит? За беком боины не пойдут.

— Пойдут. Мы все тебе верим. Брат... Челуха! Сам себе верь, в дело свое верь, ясно?

Исламбек молчал. Саак опустил руку на его мягко:

— Знаем, что ты бек. Знаем, что твой брат негодяй. Но тебе верим. Большое дело тебе поручено.

— Понимаю.

— Ну ладно. — Он сел рядом. — Как Эмилия? Уже работает?

— Да. Сдала статью о порте.

— А ребяташки?

— Без присмотра. Ютта забегает покормить. Или Ширва. Он теперь пропадает в «Гуммет».

— Ничего, дорогой Ислам, потерпи до победы. Наоткрываем тогда детских садов, школ... Эх, брат, какая жизнь будет.

Постучавшись, в кабинет вошла Образцова.

— Саак Мирзоевич, письмо.

Образцова понимающе улыбнулась Исламбеку и вы Тер-Габриелян распечатал пакет и углубился в чтение.

Из Тифлиса Аслан сообщал, что в Гори и Кутаиси восстали воинские части. Арестовали меньшевиков, разогнали милицию и захватили оружие. Однако против них брошены крупные отряды с артиллерией и броневиками. В Тифлисе официально объявлено об открытии Закавказского сейма, лжепарламента, куда вошли меньшевики, мусаватисты, дашнаки, эсеры, кадеты, словом весь «букет». Этим спектаклем хотят ввести трудящихся в заблуждение, закрепить отторжение Закавказья от Советской России. Сообщение было очень важное, нужно было немедленно доложить Алеше.

— Когда возвращаются наши? — спросил Исламбек.

— Кто?

— Степан Георгиевич и Аслан.

— Наверно, скоро. Трудные там дела, дорогой Исламбек.

Тем временем события в Тифлисе развивались. Когда Шаумян объявил в газете о данных ему полномочиях, Закавказский комиссариат потребовал, чтобы он в двадцать четыре часа покинул город. Иначе ему угрожает арест.

В тот же день в Александровском саду состоялся грандиозный митинг. Рабочие протестовали против запрещения ряда газет, ареста большевиков. На демонстрантов были брошены войска с пулеметами.

Шаумян выступал в железнодорожных мастерских. Это спасло его от ареста. Однако оставаться дальше на легальном положении было опасно.

Аслан должен был непременно встретиться с глубоко заговоренным товарищем. Ему сообщили пароль и место встречи — вторая аллея Губернаторского сада. Ежедневно, меняя одежду, он усаживался на скамейке в саду и ставил рядом цилиндр. Никто не появлялся. Только на пятый день он

заметил пару; статный немецкий офицер с белокурой дамой. Они сели напротив, и офицер остановил взгляд на Аслане. Достал коробку папирос, открыл. Видимо, коробка оказалась пустой, он небрежно швырнул ее в кусты.

В кармане у Аслана была пачка бакинских папирос «Интеллигент». Долг курильщика... Чуть припадая на плохо сгибающуюся ногу, он подошел к офицеру и протянул пачку. Тот, немного удивившись, поблагодарил, достал папиросу. Выпустив облако дыма, офицер показал большой палец.

— О-о! Зеер гут! — Они поднялись. Немец и Аслан раскладывались, и парочка направилась к выходу. Только через полчаса Аслан позволил себе достать коробку.

Среди сообщений были очень интересные. Скажем, телеграмма американского консула Смита государственному секретарю США.

«Премьер-министр Закавказья утверждает, что если немедленно правительство не получит 60 миллионов рублей, власть может перейти к большевикам. Это было бы величайшим несчастьем. Если заем будет дан, я полагаю, что смогу обеспечить разоружение революционно настроенных солдат, возвращающихся с турецкого фронта...»

Даже Аслану на миг изменило спокойствие. Теперь понятны истоки шамхорской трагедии.

Под давлением германо-турецких агентов руководители сейма торопились провозгласить независимость Закавказья. Было ясно, за чей счет готовится соглашение. Турки и меньшевики готовы были преодолеть разногласия, чтобы организовать совместный «крестовый» поход против революционного Баку. Это устраивало и мусаватистов.

Аслан вспомнил слова Шаумяна на митинге железнодорожников.

«Объявив войну пролетарскому Баку, они отдают Закавказье в кабалу такому хищнику, как Германия. Ее привлекают огромные сырьевые запасы и в особенности наша нефть...»

Аслан знал, что скоро в Тифлис прибывает представитель верховного командования Германии генерал фон Кресс, Денстервиль собирается в Энзели... Аслан позавидовал офицеру. Ему нравилась работа профессионального разведчика.

После собрания в железнодорожных мастерских Аслан подошел к Степану Георгиевичу. В городе похальные обыски, разгромлена типография крайкома партии, многие видные большевики схвачены. Получена санкция на арест Шаумяна.

— Надо уезжать, Степан Георгиевич, — поддержал член крайкома. — Мы ушли в подполье.

Шаумян задумался. Меньшевики бросили пролетариату открытый вызов. Только теперь он понял, насколько своевременным было решение о переводе в Баку Краевого революционного совета Кавказской армии.

По улицам города патрулировали наряды, разъезжали казаки. Искали Шаумяна. Какого-то человека, похожего на него, вытащили из трамвая и застрелили.

Было ясно, что уехать не так просто. Добравшись до квартиры знакомых, Шаумян попросил бритву. Через несколько минут в комнате стоял совершенно другой человек: молодой, подтянутый, с выражением легкой скуки в глубоких карих глазах. Аслан восторженно хлопнул в ладоши.

— Ну, Степан Георгиевич, вас не узнать.

Они натянули шинели, перекинули через плечо винтовки, принесенные рабочими, одели повязки. Теперь можно было уходить. Выбрались через боковую калитку. Шли по улицам, придирчиво проверяя документы. Надо было добраться до товарного двора железной дороги. Оттуда отходили последние солдатские эшелоны, не подчинившиеся приказу Закавказского комиссариата.

Уже на станции, в солдатском ревкоме, Степан Георгиевич узнал, что в Хачмассе были обстреляны и разграблены одиннадцатые эшелоны. Повторилась шамхорская трагедия.

Последние три эшелона, отходившие из Тифлиса, решили оборудовать на маневр бронепоездов. На открытых платформах установили пушки, окружили их железными бортиками; в теплушках прорубили щели для пулеметов и винтовок; вдоль вагонов уложили тросовые мостки — держась за них, можно было ходить по всей «территории» обороняющихся составов. Был уточнен маршрут, взяты запасы воды, угля. Ночью, без ведома начальства, железнодорожники дали зелёный свет...

Первая попытка — задержать эшелоны у станции Дала — кончилась провалом. Революционно настроенные солдаты дали решительный отпор бекско-ханским отрядам. В ответ на стрельбу рывкнули пушки, застрочили пулеметы и винтовки. Заранее подготовленная группа спустилась в прорубленные люки и быстро разобрала завал. Не обошлось, конечно, без жертв, но мусависты потеряли больше, разжиться оружием им не удалось. Урок запомнился. Поезд благополучно прибыл в Баку.

Аслан немедленно поскал к Тер-Габриеляну. Шаумян с группой солдат направился в Баксовдеп. Он уже знал, что вместо него председателем избрали Алешу Джапаридзе. Здесь и проходило заседание исполкома.

Два красногвардейца преградили путь Шаумяну.

— Стой, солдат. Во-первых, пропуск. Во-вторых, там идет заседание.

Шаумян не сразу сообразил, в чем дело.

— Неужели не узнаете? Я же Шаумян.

Солдаты оторопели.

— А где борода? Нет, солдат, шутки

— Пришлось сбрить.

Шедшие с ним солдаты поддержали.

— Да, Шаумян это, не сомневайтесь.

Из кабинета вышел Авакян, посмотрелся, воскликнул радостно:

— Степан Георгиевич! В-вы... Ну и ну... — Часовые смутись. — Да что вы, Чрезвычайного комиссара... Пропустить!

Заседание подходило к концу. Несмотря на распахнутые форточки, дым стоял коромыслом. Шаумян остановился у двери. Никто не обратил на него внимания. Голосовалась резолюция. Взметнулся лес рук. Шаумян попросил слова для справки. Услышав голос, Джапаридзе поднял голову. Вскочил. Они обнялись. Сразу стало шумно. Степан Георгиевич шел, пожимая руки. Только сейчас, среди друзей, он почувствовал, как устал. Хорошо, что он уже дома. В Баку.

Часть II. МЯТЕЖ

Глава I. Исламбек приходит на помощь

Странное создалось положение. Вся административная власть в городе принадлежала Баксовдепу, то есть большевикам. Но полновластными хозяевами в городе они не были. Параллельно существовали армянские и азербайджанские националистические организации со своими вооруженными отрядами.

Это не могло не вызывать беспокойства. Нужно было наращивать силы. Бакинский комитет партии поручил это важное дело краевому комитету Кавказской военно-революционной армии, который занимался набором и подготовкой командных

кадров, разработкой планов тактических занятий. Спешно формировались подразделения Красной Гвардии в Балаханово-Сабунчинском, Банлово-Биби-Эйбатском, Черно-Белогородском и других районах. Скоро численность гвардии достигла 3500 человек.

Однако готовилась и буржуазия. В городе почти открыто проводилось обучение аскеров, собранных из деклассированных элементов. Формировалась «Дикая дивизия», штаб которой в Елизаветполе возглавил генерал Халилбек Талышханов.

Узнав об этом, большевики сделали ответный ход. Корганов от имени ВРК призвал рабочих активнее вступать в ряды Красной Гвардии. Шаумян обратился в Москву с просьбой ассигновать дополнительно десять миллионов рублей на укрепление вооруженных сил.

В начале февраля в Баку прибыл Чрезвычайный комиссар по делам Средней Азии Кобозев. Он привез больше тридцати миллионов рублей и приказ по Московскому округу об отправке в Баку военного отряда, аэропланов, бронемашин, винтовок. В сельских районах Бакинской губернии стали организовываться крестьянские отряды Красной Гвардии.

Однако обстановка все осложнялась. Выполняя распоряжение Совдепа, Исламбек сколачивал свой особый конный отряд по борьбе с контрреволюцией. Основное ядро отряда составляли рабочие: русские, мусульмане, армяне, евреи, грузины. Жили дружно. Бойцы занимались теорией, обучались верховой езде, стрельбе, рукопашному бою. Еще не вполне сформированный отряд не раз уходил на задания.

Иногда появлялся Аслан. Бойцы его обожали. Готовы были до утра слушать его рассказы; подражая ему, пробовали маскироваться, выбивать оружие из рук противника. По просьбе Карабаглы Аслана назначили помощником командира. Но Саак предупредил: должность — только на время пауз между заданиями.

Под казармы отряда Совдеп отвел деловой двор в рай Банлово, недалеко от судоремонтного завода.

В начале марта Исламбеку доложили, что у ворот его ожидают старик и какая-то женщина в чадре. Еще издали он всмотрелся. Как будто незнакомы.

— Господин. — Старик низко поклонился. — Мы Выслушайте, если можно.

Исламбек пригласил обоих в комнатушку, наспех переделанную в кабинет. Старик чинно уселся на табуретку, жен-

щина нерешительно стянула с головы чадру. «Господи, — чуть не вскрикнул Исламбек, — Хумар!»

Девушка выросла и похорошела. Лицо округлилось, ярче проступали полукруги бровей, радостно поблескивали черные глаза.

В суматохе этих месяцев он совсем забыл о спасенной и девочке. Девочке? Ишь ты, какая красавица!

А мы ждали вас, сынок. Думали, порадуется наш дом, — заговорил Мешади Алескер. — Неладно тогда у тюрьмы получилось. Что делать, в этой проклятой жизни перестаешь верить в людскую доброту. Да благословит вас аллах.

Исламбек свернул самокрутку и протянул кисет старику.

— Нашла вас Хумар, — вздохнул Мешади Алескер. — Узнала чей вы сын, имя... Дочь у меня упрямая. Идем, говорит, к нему. Он поможет. Вот и пришли. Сами знаете, как живем. Один пустой казан да тень от забора. Мучаемся. Хумар уже шестнадцать. Взрослая. Я подумал, может и вправду пойти к вам. Один раз спасли от позора, может и сейчас не откажете...

Исламбек насторожился.

— Село дрожит от страха, — неторопливо продолжал старик. — Шабан Алибек промотал свои деньги, теперь собрал шайку головорезов, возвращается на рассвете. С добычей... Пьют, дерутся, горланят. Покоя нет. Сидим и ждем, когда ворвутся в дом, заберут последнюю корову, оставят без куска хлеба. Прошел слух, что Шабан Али похищает девушек. Беда! Говорят, что состоит на службе у большевиков и выполняет приказы самого... как его — Шамияна.

— Мерзавец! — не сдержался Исламбек. Хумар тихо прибавила:

— Прошлой ночью Ибрагимбек на коне кружил под нашими окнами. Звал отца. Мать вышла к калитке. Он говорит: — Готовьте дочь, ночью приеду.

— Кто такой Ибрагимбек?

— Брат Шабан Алибека.

— Решил я совсем уйти из села, — сказал старик. — Весь день с детьми, коровой и скрабом ползли по проселкам. Добрались до Балаханов. Там у меня тесть. Стар, правда, но все еще работает на промысле. Он и показал дорогу к вам. Говорит, хороший господин.

— Монх подруг Шаргию и Гюльзар бандиты увезли, — вздохнула Хумар. — Говорят, Шабан Али напал на Говсаны, Зыря, дошел до Кала. А один из его шайки позавчера хвастал,

что на днях их банда пойдет на как й-то Ерменикенд. Так приказал, говорит, Баксовдеп.

Исламбек встал, походил по кабинету, остановился против Мешади Алескера.

— Скажите, чем вам помочь?

— Не знаю. Я могу делать любую работу. Складчиком работал. У меня и гвоздь не пропадет.

— Сколько же вам лет?

— Наверно, пятьдесят. Хумар немножко грамотная — писать, читать может.

— Хорошо, Мешади Алескер. Возьму вас в отряд, будете вести хозяйство. Устраивает?

— Меня в отряд? Не знаю, как и благодарить вас, господин. — Он низко склонил голову.

— А Хумар... — Она покраснела. — Сможешь работать в лазарете, ухаживать за ранеными?

— Не знаю. Наверно, трудно...

— Ничего, научишься. А я попрошу, чтоб тебе помогли.

— Хорошо, господин.

— И еще. Запомните, у нас нет господ, есть товарищи.

В комнату быстро вошел седой плотный человек в кожаной куртке. Старик поднялся.

— Сидите, сидите, граждане, — махнул рукой вошедший. Он отвел Исламбека в сторону. Это был Тер-Габриелян. — Готовь отряд, дорогой. В городе снова тревожно.

— Мы готовы. А что случилось?

— Кто они? — вместо ответа спросил Саак.

— Старые знакомые. Имеют сведения о Шабан Алибеке. Может, поговорите.

— Да-да, интересно. Послушаем.

Исламбек попросил старика повторить рассказ. Слушал Саак молча, кивал. Потом Исламбек провел Мешади Алескера и Хумар во двор, вручил им ключи от амбара и выделил в казарме две комнаты.

— Можете пока поселиться всей семьей.

Мешади Алескер не находил слов. Он обошел погладил стены, заглянул в окна.

— Неужто мы будем тут жить, Хумар?

— Да, отец.

— И семью перевезем?

— Да, отец.

— И корову пригоним?

— Как скажешь, отец.

Освободившись, Исламбек заглянул к ним. Мешади Алескер встретил его низкими поклонами. Исламбек сказал недовольно.

— Слушайте меня, Мешади-киши. Мы с вами теперь люди военные. Нужно не кланяться, а точно выполнять приказы.

— Баш уста.

— Так вот. Вы должны позаботиться, чтобы в конюшнях был порядок, лошади накормлены, почищены. Заведите строгий учет. У вас будет бричка для доставки фуража. Хумар... пусть пока помогает вам. Привезете жену, пусть она поможет на кухне. Да... — он достал деньги. — Это на переезд. Наймите арбу и перевезите семью. А ты, Хумар, скоро пойдешь на курсы.

— Хорошо, господин.

— Опять господин? Ладно, привыкнешь. — Он улыбнулся, пожал руку Мешади Алескеру, кивнул девушке и вышел.

Старик воздел руки в молитве. Он благодарил аллаха за то, что всевышний смиростивился и наконец-то послал ему доброго человека.

Глава II. От ворот — поворот

Над городом стыла безлунная холодная ночь, когда на окраине Энзели появились первые английские форды; Антони Денстервиль благополучно довел свою «миссию». Нигде не останавливаясь, машины въехали в просторный двор таможи.

Таможенный чиновник Василий Кондратьевич, явно ожидавший гостей, торопливо сбежал по ступенькам и услужливо распахнул дверцу первой машины.

Вряд ли, однако, приезд англичан был ему по душе. Выдавали руки — дрожащие, какие-то слишком суетливые. Это не укрылось от глаз Денстервиля. Пользуясь испытанным средством, он достал из кожаного бумажника пачку английских купюр.

Таможенник, принимая, изогнулся в поклоне. Генерал подмигнул и весело рассмеялся.

— Это не рашен рубль... инглиш стерлинг. Золото!

Василий Кондратьевич не ответил и жестом пригласил генерала в дом.

Пока англичане устраивались на ночлег, таможенник успел

сообщить Денстервилю новость. Только что из Баку в Энзели прибыл красновардейский отряд.

— Наверняка, ваше превосходительство, нагрянут сюда. Не знаю, что придумать. Порт охраняется. Ни одно судно не выйдет в море без их ведома.

Вот это сюрприз! Улыбка сползла с лица генерала. Он так спешил, так старался, чтобы визит был неожиданным. Кто же предупредил? Кто... О цели «автопробега» знало лишь несколько доверенных людей.

Впервые Денстервиль ощутил смутное беспокойство. Где-то ошибка. Но где? Когда? Миссия отлично организована. В трудном переходе техника ни разу не отказала. Что будет, если блестяще задуманная операция полетит к чертям? Провала ему не простят. Во что бы то ни стало нужно выйти в море. Добраться до Баку. Там будет легче...

Скрестив на груди руки, Денстервиль ходил из угла в угол, вслушиваясь в звуки за дверью. Мозг работал четко, из множества вариантов выбирая спасительный. Чувствуя, что его знобит, генерал накинул на плечи шинель. «Виски бы сейчас. Это от усталости. Лечь и выспаться. Самое верное решение часто приходит во сне». Он прилег на кровать с медными шишками, не забыв брезгливо накинуть на подушку свое пологенце.

Едва из-за края горизонта высунулся краешек золотистого солнца, у дома таможенника появился матрос. Здоровешный, перекрещенный пулеметными лентами, с гранатами у пояса. Его вид вызвал у Василия Кондратьевича такой страх, что, не помня себя, он вбежал в спальню к жене и тяжело плюхнулся на кровать.

— Погиб, слышишь? Погиб. Вызывают в ревком. Это конец. Вот. Пакет прислали.

Женщина лениво приоткрыла синие глаза, насмешливо оглядела мужа.

— Ох и дурень же ты, сударь мой! Что за пакет? Небось не прочел даже кому, зачем. А ну, дай. — Пухлая рука с ямочкой на локте легко выдернула пакет. — У-у... Дура! Чай грамотный. Не тебе это. Генералу.

Таможенник, еще не веря, жадно проснял.

— Верно, душенька, верно! А я-то; я-то... Ясно же сказано «Его Превосходительству господину генералу Ден-стер-вилю!» Может, и обойдется, а? Мы, так сказать, ни при чем. Кто я? Обыкновенный чиновник. Не мог возразить. А они сила.

Пусть и разбираются. — Вытряхивая из табачи крошки, он вытер взмокший лоб.

— Старая песня, — женщина потянулась. — Сколько дал-то Его превосходительство? Не прогадал, дружок? Вот как получит твой генерал по шапке. Ступай, снеси приглашение.

— Как же я пойду, голубушка? Спят ведь они.

— Спят? Не на отдых приехали. Разбуди, коли власть приказала. Ну иди, иди. — Она зевнула. — Мне чего-то куличи подгоревшие снились. К добру ли?

Денстервиль не спал. Чисто выбритый и одетый, он стоял у окна, рассматривая энзелийский порт. На смуглом энергичном лице генерала играла улыбка.

Стук в дверь его не удивил. Полагая, что кто-то из офицеров, генерал крикнул по-английски:

— Come in!¹

Василий Кондратьевич вошел, бормоча извинения. Генерал оценил ситуацию мгновенно. Взял пакет, кивком отпустил таможенника.

Он не спешил. Мысли его все еще были заняты планами. Прочитав послание, он потемнел от гнева. По дому разнесся его бас:

— Капитана Саундерса ко мне. Быстро!

Вбежавший офицер щелкнул каблуками. Размахивая письмом, генерал шагнул ему навстречу. Выругался.

— Эти большевистские собаки забываются. Мне, генералу Великой Британии, они посмели прислать «по-вест-ку»! Допрос. Вы понимаете, капитан, что это такое?

— Мой генерал, — осторожно заметил Саундерс. — Мы в Энзели, и нас не так уж много. Здесь командует ревком. Радио, телеграф, порт, суда — все в их руках. С этим приходится считаться.

Слова капитана подействовали отрезвляюще. Денстерви успокоился как-то сразу.

— Вы полагаете, следует сходить?

— Так подсказывает благоразумие.

Генерал подумал.

— Пожалуй. Но обидно. Столько пройти и вдруг... Однако вы правы, Саундерс. Нас слишком мало. А то бы научил эту солдатню. Пойдете со мной.

Ревком помещался неподалеку от порта, так что дорога заняла всего несколько минут. Еще издали Денстервиль уви-

¹ Войдите! (англ.),

дел двух матросов, охранявших вход. Они были вооружены карабинами и на шутовское замечание генерала по поводу их «грозного вида» никак не реагировали. Они знали, что Челепин и приехавший комиссар ждут английского генерала.

В кабинет предревкома Денстервиль вошел торжественно, как на дипломатический прием. Предревкома Челепин и комиссар из Баку Иван Вацек встретили гостя вежливо. В комнате находился и переводчик. Денстервиль сел, закинул ногу на ногу и, закулив сигару, небрежно толкнул свой портсигар на середину стола.

После короткой паузы стороны обменялись обычными любезностями. Затем Челепин представил Денстервилю комиссара. Слово это генерал понял и без перевода. Он благодушно улыбнулся.

— О, да. Комиссарь, комиссарь!

— Мы интересуемся, с какой целью господин генерал пожаловал в Энзели?

— Это... вопрос?

— Как будет угодно, генерал.

Денстервиль замялся. Он совсем не хотел обострять отношения. Предпочтительнее обойти острые углы.

— Господину комиссару, вероятно, известно, что Россия является союзницей Великобритании в войне с Германией?

— Ошибаетесь, генерал. Та Россия, о которой вы говорите, прекратила свое существование 25 октября 1917 года. А Советская Россия не признана Англией и, стало быть, не связана с ней никакими договорами.

— Но, комиссар, международная обстановка. Турецко-германские войска готовят захват Баку. Мы вынуждены...

— Я вынужден, генерал, напомнить вам, что в Баку существует Советская власть, которая, как мне известно, за помощью к Англии не обращалась. А с Германией заключен Брест-Литовский договор. Война окончена.

— Но Тифлис...

— Извините, генерал. Тифлис не Баку. В Тифлис вам надо следовать иным маршрутом. — Вацек поднялся и, помедлив, добавил: — Господин генерал, я уполномочен сообщить вам, что в течение двадцати четырех часов вы должны покинуть Энзели.

Генерал сломал сигару. Он понимал, что с этим неговорчивым комиссаром дипломатия не поможет. И все же он попытался.

— Простите, но я должен возразить. Я возглавляю миссию

Великобритании, которая до сих пор признает законным лишь бывшее правительство России. Кроме того, позволю себе напомнить, что мы находимся на территории Персии. Поэтому я вправе не принять ваш ультиматум.

Вацек пожал плечами. Жест этот задел Денстервиля: ведут себя терпеливые взрослые с неразумными детьми.

— Вам хорошо известно, генерал, что Энзели по договору настоящее время принадлежит Советской России. Вы, как, впрочем, и все в этом городе, должны подчиняться ревкому. Мы предлагаем вам покинуть Энзели добровольно.

— А если я... не подчинюсь? Я должен связаться со своим командованием. Это потребует времени...

— Исключено. — Вацек встал. — Вы сами, господин генерал, вынуждаете меня говорить иначе. Извольте. Если в течение двадцати четырех часов ваша миссия не покинет город, я отдам распоряжение подразделениям Красной Гвардии обезоружить вас и взять под стражу! Выбирайте.

Денстервиль величественно поднялся.

— Вы хотите арестовать меня, комиссар? Меня, генерала британской армии!

— У таможи уже размещен отряд Красной Гвардии, готовый выполнить приказ ревкома.

— Вот как! А вы не подумали, что своими действиями вызовете международный скандал?

— Причиной скандала явитесь вы, генерал. Кто вторгся на нашу территорию и нарушил суверенитет Советской республики? Полагаю, продолжать этот разговор бессмысленно.

Генерал выпрямился. Он был взбешен и тщетно пытался это скрыть.

— Что ж, комиссар. Надеюсь, мы еще встретимся.

Не прощаясь, он вышел из кабинета. Саундерс, поклонившись, последовал за ним.

В машине генерал поостыл.

— Что, Джон, этот комиссар — настоящий мужчина, а? Он бросил мне перчатку. Я принимаю вызов. Теперь все дело во времени. Думаю, что пообещал ему встречу не напрасно.

Капитан молчал. Он понимал, что шеф хорохорится. Хорошая мина при плохой игре. Денстервиль угадал его мысли.

— Хорошо. Пока один ноль в пользу комиссара. Дайте команду — мы выезжаем в Хамадан. Надо успеть, пока штаб Баратова там.

Саундерс кивнул. Не прошло и часа, как сорок два форда

и броневомобиль покинули Энзети. Заметив колонну, Челепин распахнул окно и подозвал Вацека.

— Бежит, Иван Прокофьевич, тикает английский генер. Вот тебе и не последняя встреча.

Он звонко рассмеялся. Вацек покачал головой.

— Бежать-то он бежит, да надолго ли? Генерал Денстервиль не из тех, кто просто так складывает оружие. Он еще вернется. Если мы не удержим власть... Понимаешь, Челепин?

Глава III. Настоящие друзья

Ютта пришла к Эмилини сразу после полудня. Молча прижалась к подруге. Лицо бледное, осунувшееся.

— Что с тобой, девочка?

— Это ужасно! Ты помнишь Жаппи?

— Конечно. Ты говорила, что его контузило. Но он поправится.

— О, Эмми, нет! Он умер.

— Господи, сколько нелепых смертей...

Подруги молча обнялись.

— Знаешь, Ютта, — вырвалось у Эмилини, — у меня самой на сердце тревожно. Генка становится непонятным. Вертится в отряде Ислама, просился на операции. Необычайно ранняя зрелость. Для своих тринадцати лет он поразительно восприимчив. Ислама почти не вижу. Боюсь, случайная бандитская пуля...

— Ты его так любишь, Эмми?

— Да, очень, — просто сказала Эмилини. — Понимаешь, он совершенно непредсказуем. С ним и я стала какая-то другая. Мне вдруг захотелось быть женщиной. Для него. Чтоб он заметил мою новую прическу, платье, улыбку, снова и снова говорил мне о своей любви. Мне хочется быть для него самой красивой!

— Ты и есть самая красивая, Эмми.

— Глупенькая. Я же говорю, он непредсказуем. Целеустремлен до жестокости, мягок, как ребенок. Только не объясняй, что мы с ним разные. Мы отлично ладим. Спорим, кричим до хрипоты, ругаемся. А потом слушаем стихи Ширвани. Я ужасно боюсь потерять Ислама. И потом... Скоро я стану матерью.

— Ты? — Ютта бросилась к подруге и снова обняла ее.

как-то по-другому — осторожно. — Ой, какая ты счастливая! Я тебе завидую. А Ислам знает?

— Пока нет.

— Почему? Это же нечестно, Эмми!

— Знаю. И все-таки не решаюсь сказать. Он возвращается выжатый, как лимон. Зачем прибавлять ему волнений...

— Ой, какая ты глупая, Эмми! Ты просто обязана ему сказать. Для него этого будет радость. Имей в виду, если ты не скажешь, скажу я.

Эмилия погладила подругу по голове.

— И нас ты совсем забросила, вся ушла в газету. Мама даже обижена. А папа после вашего визита прожужжал нам уши с твоим Исламбеком: и какие у него трезвые взгляды, и какой он порядочный...

— Ютта, милая, ты-то знаешь, как я занята. Скажи, пусть не обижается. Мы зайдем.

Распахнулась дверь, и в комнату ворвался Генка. Его возбужденное лицо горело.

— Ой, тетя Миля! Я был на митинге... — Генка сорвал шапку, пригладил взъерошенные волосы. — В городе такое творится. На базаре торговцы орут, ничего не хотят продавать. Ну, я покрутился, хотел домой бежать. Тут Рахман! В старом нашем дворе жил. Газеты продает. Я увидел его и вспомнил... — Мочки ушей у Генки стали пунцовыми, но глаза смотрели прямо. — И у него мамы нет. А тут отец пропал. Нашли недавно, а он пожом зарезанный.

— Пока Рахман рассказывал, газеты-то лежали. Он заплакал, совсем как маленький. — Генка нахмурился. — Говорит, не успею продать, с чем домой приду? Дома бабка старая да двое малышей. Вы не сердитесь на меня, тетя Миля... Я отдал ему все деньги. Ну те, что на базар дали.

— И не заметили мы, как ты вырос. Хорошо сделал. Только прошу тебя, когда уходишь в город, не забывай о нас с Лизой. Ты мужчина, должен заботиться о нас.

— Буду, — солидно пообещал Генка. — Я помог Рахману продать газеты и хотел идти домой. А тут какие-то типы кричали, что большевиков надо распять и установить в городе порядок.

— И ты не утерпел, — догадалась Ютта.

— А чего они! Болтают, будто из-за большевиков нет хлеба, и даже погоды плохие.

— И ты?.. — заметила Эмилия.

— Я им сказал, что вот из-за таких буржуев у

хлеба и людей хороших убивают. Тут один толстяк в шапке подскочил ко мне и схватил за ухо. Крутит, а я терплю... Он злится, шипит, что я большевистское отродье... Я и крикнул, что мой отец самый главный красный командир. Толстяк сразу отпустил ухо и спросил: «Ты что, сын Шаумяна? — Нет, — ответил я, — Исламбека Карабаглы». У него даже лицо кривое стало. Шейтан, говорит, какой ты сын Карабаглы, если в тебе ничего восточного... Будет во мне восточное, правда, мама?

У Генки вдруг мелко-мелко задрожали плечи. Он уткнулся в плечо Эмилии и тихо заплакал.

— Родной! — Эмилия гладила его волосы. — Ты мой сын, а Исламбек — твой отец. И ты прав, что стараешься походить на него. Таким отцом можно гордиться.

Генка поднял голову и дрожащим голосом попросил:

— Скажи отцу, пусть он возьмет меня с собой. Я хочу ему помогать.

— Вместе отца попросим. А пока ты ни в какие сборища не лезь.

— А как? Они будут ругать Ленина, а я — молчи.

— Нужно реально оценивать свои силы.

— Быть трусом?

— Нет. Но оценивать свои силы должен уметь каждый настоящий полководец. Ленин был и в эмиграции, и в ссылке, и скрывался. Только когда почувствовал, что есть возможность победить, дал сигнал к вооруженному восстанию. А пока... марш мыть руки — и за стол. Потом проводишь Ютту Теофиловну.

Генка убежал на кухню. Донесся визг Лизы. Ютта, прислушиваясь, покачала головой.

— Взрослый, а какой еще в сущности мальчишка. Веял времени. Тяжело тебе с ними? Хоть помогают?

— Конечно! Я живу как барыня. Домом ведает Али Гулу и ребята с ним. Вечерами Ширвани занимается с детьми. Учит их французскому. Кстати, у Генки редкие способности. А что дома?

— Родственники понаехали, все больше незваные. Вчера отец рассказывал, что в Тифлисе готовят наступление на Баку. Немцы и турки прут. Что же будет?

— Плохо будет. Потому и сердце болит.

Хлопнула дверь. Раздались быстрые шаги, в комнату просунулось улыбающееся лицо Ширвани.

— Не помешает поэт при дружеской беседе?

Ютта мгновенно парировала:

— О нет, дорогой поэт! «Входи и лиру сладкозвучную ты с собою прихвати...»

А Ширвани шутливо продолжил:

— «Вечерний час, веселый день и сердцу нет покоя. Пряшла весна, пришла любовь, да сердцу будет больно!» — Он рассмеялся и прибавил удовлетворенно: — Я и не знал, что в этой скромной обители так хорошо знают стихи Ширвани.

— Не только знают, но и любят, — захлопала в ладоши Ютта. — И если вы почитаете нам новые стихи, я останусь у вас, Эмилия. Только домой позвоню.

Конечно, оставайся. Исламбек то:

А вот и он... — объявил Алигейдарбек.

Эмилия выскочила в коридор. Через полчаса все сидели за большим круглым столом. Давно они не собирались вместе.

Обед по нынешним временам был роскошный: гороховый суп, пайковая селедка и полторы картошки на каждого. Зато зелени вдоволь: ранний лук, киндза.

После обеда Исламбек и Ширвани вышли на балкон покурить.

— В магазине то только плохие папиросы, слабые, — сказал Ширвани.

Я давно перешел на махорочку. Аслан из Гянджи привез для отряда. Хороша махорочка. Как у тебя дела в газете?

— Ничего. На днях едем в села. Повезем литературу.

— В уездах тяжело. Крестьяне восстают. Жгут поместья, собираются в отряды. Чего стоит Кытыр Мамед! Молодец. Побольше бы нам таких.

Ширвани взгрустнулось.

— Соскучился по своей ребятне. Как они там? Четвертую неделю нет писем.

— Обстановка такая. Вот что, друг мой. Ты в селениях не чень-то отделийся от группы. И возвращайся поскорее.

На балкон вышла Ютта.

— О чем шепчетесь, комиссары?

— Да вот, жениха тебе подбираем, — пошутил Исламбек.

— Зря! Еще не родился мой жених. Я ведь некрасивая.

— Ну-ну... Мы тебе такого найдем, — Ширвани пообещал так твердо, что Ютта рассмеялась.

Какого же?

— Умного, благородного. Настоящего мужчину.

— Эх, Ширвани... Были бы вы холостым, я бы сама вас похитила.

— А ты лохищай, — посоветовал Исламбек. — Емү по ко-
рану разрешено иметь пять жен.

— Ах, нет. Требуется человек, который будет безраз-
лично принадлежать мне.

— Тебе?

— Да. И чтоб он... В общем, придется подождать, пок-
ваш сын родится, Исламбек.

— Ну, этого ждать долго.

— Думаешь? — Ширвани взглянул на Исламбека и пере-
вел взгляд на Ютту. — Пойдемте в комнаты. Холодно.

Глава IV. Гонцы Катыра

Когда приехал срочно вызванный Тер-Габриелян, у Джа-
паридзе сидели Азизбеков и два крестьянина-азербайджанца.
Поздоровались. В кабинет внесли большой чайник с кипятком,
стаканчики и сахар.

— Прошу, уважаемые гости, — пригласил Джапаридзе.
Азизбеков разлил по стаканам заварку, добавил кипятку. За-
пахло чаем.

Крестьянин постарше осторожно взял кусочек сахара, по-
ложил в рот, причмокнул.

— Наши дети забыли, что такое сахар.

— Да и наши не очень помнят, — усмехнулся Азизбеков. —
Председатель держит немного для почетных гостей. Пыль в
глаза пускает...

Все засмеялись. Чайник выпили быстро. И сразу присту-
пили к делу.

Азизбеков представил гостей.

— Товарищи из партизанского отряда Катыр Мамеда. В
январе я был у них. Наладили связь. Помогаем литературой,
оружием, припасами, немного людьми.

— Правильно говорит Мешадибек, — подтвердил старший.

— Сколько сейчас в отряде? — спросил Джапаридзе.

— Около четырех сотен, — ответил тот, что моложе.

— А может, и больше, — сказал старший. — Народу при-
ходит много, со всего уезда. Только Катыр хитрый: Он так
просто не берет. Проверяет в деле.

— Молодец, — кивнул Саак.

— Конечно, молодец. У нас в отряде порядок. Землю по-
делили. Бека выгнали, в его доме школу устроили. Дети учат-
ся, играют. Только с едой плохо. Бек все спрятал. Нам

бы до нового урожая продержаться... Но о нас не беспокойтесь. Днями идем в поход. Потрясем ханов, так еще и вам поможем. Катыр сказал, найдешь Азизбекова, проси динамитом помочь; гранатами, газет прислать и грамотных людей. Недельки на две.

— Что ж, — оживился Джапаридзе. — Людей мы уже собираем, динамит Саак выделит, недавно конфисковали у эсеров. С газетами товарищ Азизбеков поможет. А вот гранаты... Где же вам достать гранаты?

Он повертел ручку телефона.

— Алло, центральный штаб, Джапаридзе. Товарища Корганова, пожалуйста. Хорошо, жду. Григорий, здравствуй. Хочу у тебя кое-что выпросить. Можно ли разжиться хоть небольшой партией гранат? Ящика три-четыре. Устроит? — Он скосил глаза в сторону гонцов Катыр Мамеда. Те поспешно закивали. — Устроит. Спасибо! Ты не забыл? Вечером у Шаумяна. Да-да! Ну, есть. До вечера.

Джапаридзе устало потер лоб.

— Кажется, все ваши просьбы удовлетворили. Теперь скажите, как у вас там. Вы же из самой глубины крестьянского Кавказа. Сможете?

— Почему нет? Мы у Катыра разведчики, — похвалился младший. — Первыми идем, все замечаем, потом докладываем...

— Помолчи. Дай сказать старшему. Положение в деревнях страшное. Голод, холод, нищета. Беки и ханы все забирают. Кочни развелось — тысячи. Чуть что, жгут, режут. Ездили жаловаться в революционный комиссариат, да нищета и сейчас не в почете... Выгнали гонцов и новый оброк назначили. Все передали в ведение земельных комитетов, а там помещики. И опять надо арендовать землю у беков, гнуть спину, отдавать все. Это называется ре-фо-рма.

— А аллах смотрит на все и молчит, — он неожиданно рубанул по столу рукой. — Где справедливость? У меня дочь украли, сына плетями избили. Я поехал искать хлеб. Вернулся, а дома... Чем так жить, лучше умереть. Вот в январе крестьяне из Юхары-Айыплы разбили помещиков Карабековых, разгромили имение русского князя Голицына...

— Правду говоришь, Ахмед. Ой, как правильно говоришь. Сил нет терпеть. В России, рассказывают, фарман есть. Ленин все земли раздал беднякам. Бесплатно. Так?

— Все уезды кипят. Правда, ханы и беки тоже объединяются, мусависты силы конят, бандитов учат, готовятся. Еще из Грузии меньшевики на нашу голову...

Он помолчал.

— Слава аллаху, Мешади приехал, добрый
Нужду нашу понимает.

— Это когда с Айдынбековыми. и Сардаровым ездили,
гали организовать комитеты, — напомнил Азизбеков.

Старший заметил:

— Не удержали победу. Как птица, вспорхнула и улетела.
Беки объединяются, а мы спорим — землю делим. Да и вы,
городские, мало помогаете.

— Вы правы, друзья. Но сейчас и у нас в городе такое
творится...

Раздался телефонный звонок. Джапаридзе снял трубку.

— Нариман? Не узнал тебя, богатым будешь. Здесь, у меня.
Конечно! До вечера...

— Звонил доктор Нариманов и просил заглянуть к нему в
«Гуммет». Он познакомит вас с группой, которая поедет в
уезды. А сейчас поговорите с товарищем Тер-Габриеляном. Он
вам посоветует, как довести оружие.

Глава V. Они могли рассчитаться

Вход в ресторан «Тилипучури», на углу Молоканской и
Большой Морской, ярко освещен. Здесь вечерами собирается
избранная публика: Подкатывают автомобили и фаэтоны на
специальных мягких рессорах. Швейцар автоматически рас-
пахивает дверь и кланяется, покачивая окладистой бородой.
Сквозь открытую дверь выплескивается на серую от дождя
улицу бравурная музыка. На несколько секунд становится
светлее.

Предприимчивый хозяин ресторана Шалико сам встречал
гостей, а особо почетных провожал до заказанного столика.
«Тилипучури» славился изысканной кухней и высокими цена-
ми. Соперники кусали локти, гадая, где этот шустрый грузин
достает сверхдефицитные продукты. Злые языки уверяли, буд-
то Шалико связан с контрабандистами.

Особое внимание хозяин уделял сегодня столику у распис-
ной арки. За ним сидели трое: Степка Лалаев, очаровательная
Лизабет Дюпо из «Дикой кошки» и Теймурбек Карабаглы.

Поразительно, думал Шалико, как ей удалось свести за
одним столом таких врагов. Впрочем, в этой мадемуазель
Дюпо все загадочно. Говорят, что никто из завсегдатаев
«Дикой кошки» не может похвастаться ее благосклонностью.

Рассказывают забавные истории о соперничестве городских кавалеров, ловких маневрах и длительной осаде. Дюпо слегка кокетничала, никого особо не выделяя и удерживая на расстоянии самых назойливых поклонников. Однако к Теймурбеку и Степке она явно благоволила. Это остановило многих. Не хотелось превращаться в мишень для этого сумасшедшего Лалаева или стать врагом мстительного Теймурбека, который становится все более значительной фигурой в определенных кругах.

Как опытный дипломат, Дюпо лавировала между двумя поклонниками. Оставаясь с Теймурбеком, она позволяла ему целовать руки. А на более серьезные предложения отвечала шуткой.

— Не надо торопиться, дорогой. Я буду вашей, когда Баку не будет большевик.

Лалаева же она уверяла, что до встречи с ним была тайно помолвлена с Теймурбеком и не решается нарушить слово. Слегка подведенные зеленоватые глаза смотрели так нежно, что Лалаев, сдерживаясь, скрипел зубами. Случалось, что он на миг срывался, и тогда Лизабет, мурлыча самые нежные, нежные слова, позволяла ему на мгновение обнять себя. И тут же мягко высказывала из слабеющих рук.

— Дорогой Стьопа, — говорила она, касаясь его лица нежной ладошкой, — надо совсем немного ждать, совсем немного. Жизнь сама швырнет Тимурбека в сторону. Тогда мы будем двое... О, мой Стьопа!

Удерживая около себя двух таких кавалеров, Лизабет Дюпо не упускала при этом случая побывать у английского консула Мак-Доннелля, на званом вечере у французов, на концертах засезжих гастролеров. Все успевала эта необыкновенная и непонятная мадемуазель...

Стол, за которым они сидели в этот вечер, был сервирован на шесть персон. Лалаев ждал своего приятеля — маузериста Каро. Тот обещал привезти на ужин прима-балерину приезжего варьете и дочь капитана первого ранга Светлану Доку-

«Пусть француженка видит, — думал он, — что Степка Лалаев не лыком шит. Есть и кроме нее красавицы».

Однако время шло, а гости не появлялись. Лалаев с наигранной веселостью поднимал один бокал за другим. Изрядно выпивший Теймурбек мрачно косился на соседа. Сегодня ему досталось. По плану мусульманского национального совета утром из Елизаветполя прибыл штаб Дикой дивизии. Переезд

готовился в строжайшей тайне, однако прямо на вокзале весь состав штаба был арестован — их явно ждали. Лишь чудом Теймурбеку удалось бежать. За вокзалом, в глухом тупике, его настиг брат. «Все, пропал. Этот не выпустит», — подумал Теймурбек, выхватывая маузер.

Брат подошел так близко, что оружие коснулось его кожи. Теймурбек видел как пульсирует на лбу темная жилка, слышал дыхание. В неподвижных зрачках Исламбека прыгало его отражение. Вспомнил: так было, так уже было. В детстве, когда они цеплялись руками и ногами, сдвигали лбы, Теймурбек видел эту жилку и свое лицо в зрачках брата. Испуганная бабушка Назлы кричала: «Кыш! Кыш! Петухи! Поберегите силы для врагов». Разнимая, бабка щедро сыпала подзатыльники. Исламбек первым разжимал руки, и это почему-то безумно злило Теймурбека. Отпускал, будто подарок делал. Помнил ли это Исламбек?..

Они стояли друг против друга в глухом тупике. Преимущество было у Теймурбека — маузер на взводе. Пора, как нец, рассчитаться за все. Одно движение пальца...

— Ну, — услышал он спокойный голос брата. — Стреляй. За твоей спиной стена, я не могу убить тебя в мышеловке. — Он чуть отступил и пристально взглянул на Теймурбека. — Стреляй. Тебе хорошо заплатят в твоей мусаватской банде. Я помню, как ты орал на митинге: «Пусть придут немцы, французы, турки, только бы уничтожить большевиков». Неделию назад ты расстрелял семью железнодорожного обходчика. Жену и четверых детей. Молчишь? Я знал, что ты не сможешь убить меня. Потому что ты трус. Трус и ничтожество.

Он протянул руку, спокойно взял маузер и отбросил в сторону, Теймурбек молчал.

— Я мог бы убить тебя раньше, в спину, когда ты бежал. Но ты был моим братом, Теймурбек. Был, понимаешь.

Исламбек повернулся и пошел к вокзалу.

— Стой! — Теймурбек прицелился. Брат на мгновение обернулся и пошел дальше. Шел он так спокойно, будто своей рукой вытряхнул патроны из маузера.

И он не выстрелил. Даже теперь, сквозь пьяный угар, виделось лицо брата: темные глаза, жилка на лбу. Что теперь осталось между ними, кроме ненависти? Кто кому подарил жизнь? Неотвязная эта мысль мешала ему ответить Лалаеву, подонку, кичившемуся родительским золотом.

Искоса поглядывая на них из-под длинных ресниц, Дюло сравнивала. Одни как грозовая туча. Другой — сияет, остриг,

почти всегда неудачно, рассказывает небылицы. При этом он совсем не так прост. Лалаев наполнил рюмки коньяком, подмигнул ей, обратился к Теймурбеку:

— Брось злиться, приятель. Смотри на жизнь веселее. Мудрец сказал: мы приходим в мир на время. Поэтому пей, гуляй, бери, что нравится. Рано или поздно всех нас ждет одно — двухметровая вечная квартира...

Глаза Степки смеялись, хотя он яростно ненавидел мусульман, а этого молодчика особенно. Он не забыл, как двенадцать лет назад, во время резни, толпа фанатиков ворвалась в дом отца — Балабека Лалаева. Задушила его, убила красавицу мать. Он поклялся тогда отомстить. Невыполненная эта клятва жгла ему душу. Он давно убрал бы Теймурбека, но чувствовал, что тогда потеряет французенку. Надо как-то иначе. Унизить. Напоть что-ли до скотского состояния. Пусть мадемуазель повеселится, скажет свое милое «фи!».

— Выпьем, приятель, за наших родных братьев, дай бог им счастья! Прошу вас, мадемуазель Ли.

Теймурбек дернулся, резко отодвинул рюмку.

— У меня нет брата. Для меня он умер, князь. Понятно?

— Ах, это ты о комиссаре? Вспомнил, вспомнил... Страшный человек. Приходилось встречаться. Раньше служил градоначальнику, теперь Шаумяну.

Теймурбек грохнул кулаком по столу. Звякнули и повалились рюмки.

— Он хотел меня арестовать. Меня, Теймурбеска, родного брата. Понимаешь?

— Это да! Вы, между прочим, похожи. Сразу не различишь. Слушай, а вдруг ты комиссар? А Теймурбек где-то там, — он небрежно кивнул в сторону.

Дюпо вмешалась мгновенно.

— О, Стьопа, зачем вы так? У Господин Тимурбек мягки волос и эта красивый родинка... Он без борода... — Она рассмеялась и тут же в страхе прикрыла глаза. — Арестовать родной брат. Ужасно. У нас во Франси брат брата почет. О, мон дье!

Теймурбек прищурился, тяж над сияющим
Лалаевым.

— Я — бек. Он мне брат, тоже бек, а перебежал к этим нищим гяурам. Также... революционер. Имя отца опозорил, честь семьи. Такой позор смыывают кровью.

— Э-э, сейчас вся жизнь такая, — успокаивая его и еще больше презирая, усмехнулся Степка. — Люди забыли о род-

стве, чести. Веру потеряли. Стоит ли расстраиваться, Теймурбек? Рядом с очаровательной Ли. Мы должны пить и веселиться. Успокойся и забудь, бек...

— Правильно, надо веселить, Тимур. — Она погладила его по плечу и шепнула в ухо: — Мой дорогой, потом. Здесь публик, некрасиво.

Теймурбек потер виски. От усталости и пьянки голова раскалывалась.

— Ладно, Ли, дорогая. — Он залпом выпил рюмку и сразу же налил другую.

Лалаев не стал пить.

— Пойду закажу музыку.

— О да, месье Стьопа. Мерси!

Через минуту запела скрипка. Зал притих. Ни Лалаев, ни Теймурбек не знали, конечно, почему француженка, королева шантана, так слушала эту музыку. Старинная эта мелодия «Плач Израиля», которую играл старик-еврей, напомнила ей многое. Последний аккорд еще висел в воздухе, когда к их столику подошел мужчина в форме без погон. На груди сверкали два золотых Георгия. Он шелкнул каблуками.

— Имею честь...

Лалаев поднялся и вежливо ответил на поклон. Мадемуазель Дюпо бросила быстрый взгляд.

— Буду счастлив, господа, если позволите занять место за вашим столом. Разрешите представиться, барон Альберт Паулс.

Лалаев широким жестом указал на свободный стул.

— Прошу.

— Благодарю вас.

— Месье барон, очевидно, издалека? — улыбнулась Дюпо, вопросительно взглянув на гостя.

— Из России, мадемуазель. Из самой, как говорится, России. Но уже побывал и в Тифлисе.

— О, месье барон, это должно быть очень интересно. Красная Россия нас всех волновать... Господин барон, вы говорите французский язык?

— О да, мадемуазель.

— Как прекрасно. Я уже давно не слышал свой родной язык.

Они обменялись несколькими незначительными фразами.

— Как хорошо вы говорите! — Дюпо даже в ладоши захлопала. Теймурбек насупился, Степка снова наполнил рюмки.

— Господа! Мадемуазель Ли! Я хочу предложить тост за

приятное знакомство. — Он не оставил намерения напоить Теймурбека. Появление нового человека лишь подхлестнуло его.

— Я хотел бы внести ясность, господа, — заговорил барон. — Мадемуазель назвала Россию «красной». Возьму на себя смелость заявить, что это всего лишь прискорбный эпизод в истории государства. Наши друзья французы, англичане и немцы не позволят задуть цивилизацию. Деникин и Колчак собирают силы. Мы еще станем свидетелями крестового похода, господа.

— Браво, браво, месье барон!

— Скоро и у нас в Баку грянет, — хвастливо заявил Теймурбек. — Мы не будем ждать русских. Наведём порядок сами. Так повелевает аллах!

Степке не понравилась откровенность Теймурбек. Он перебил.

— Не придавайте значения воинственности моего приятеля, барон. Сквозь рюмку все видится в розовом свете. Будем лучше пить и веселиться. Большевики сильны, пока их поддерживает народ. Кстати, твой брат...

Теймурбек вспыхнул.

— Богом прошу, поручик! Не напоминай о нем.

— Извини, друг! Вообще, не будем говорить о нем. За столом, по-моему, это не принято.

— Нет уж, — завелся Теймурбек. — Раз начал, продолжим. Мне не ясно одно. Откуда тебе, приятель, известно, что большевики пользуются поддержкой народа? Это агитация.

Мадемуазель Дюпо мягко коснулась его руки.

— Подожди, Ли. Пусть Лалаев объяснит.

— Что ж тут объяснять? — все еще отшучивался Лалаев. — Я читаю газеты.

— Ну, конечно. Все газеты редактируются армянами.

Лалаев недобро хохотнул.

— Кстати, бек. Мой родной брат Сергей Лалаев, кавалер орденов святой Анны и Георгиевского креста, офицер, служит в армии национального совета.

— Князь! — Теймурбек медленно поднялся.

— Да, бек! — Лалаев тоже встал.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что сказал.

— Хорошо. — Теймурбек покачнулся. — Я сделаю все

чтобы таких памеков больше не было. Извини покидаем вас.

Мадемуазель Ли покорно встала, метнув на Лалаева обиженный взгляд. Ей явно не хотелось уходить. Лалаев и сам жалел, что все так нелепо кончилось. Гордость, однако, не позволяла ему остановить Теймурбека. Уходила и женщина, ради которой все это было затеяно.

— Самодовольный фанатик, — проворчал он. — Сплошное бахвальство. Здесь не Елизаветполь. Здесь Баку. Таких как он... А черт, давайте выпьем, барон!

— С удовольствием, князь! Но я хотел спросить...

— Валийте.

— Разве вы не друзья с господином Теймурбеком?

— Вы шутите, барон? Я Степан Балабекович Лалаев — потомок старинного княжеского рода, а он... Мальчишка! Сын бедного помещика, но корчит из себя турецкого султана. Едемте, барон, со мной. Я отвезу вас в очаровательную компанию.

Исламбек вернулся домой в середине дня. Прямо на коне въехал во двор, бросил уздечку довольному Генке и, прыгая через ступеньки, вбежал на второй этаж.

Эмилия испуганно бросилась навстречу. Четыре. Так рано он никогда не возвращался. Но еще больше поразило ее лицо Исламбека — сияющие глаза, лихо сдвинутая на затылок фуражка.

Он потащил Эмилию в гостинную.

— Миля, дорогая!

— Господи! Что-нибудь случилось?

— Случилось! — Он подхватил ее на руки, закружил по комнате. — Случилось! Я так рад...

Эмилия вырвалась, заглянула ему в лицо: не заболел ли?

— Что с тобой. Может, ты выпил, Ислам? Хотя нет, что я боляю.

Исламбек взял в ладони ее лицо, поцеловал в глаза.

— Конечно, я пьяный, сумасшедший. А ты — притворщица. Не понимаешь? Тогда пусть слышат все. — Он распахнул окно и крикнул: — У меня бу-у-удет сы-ы-ын!

Во дворе заржал конь. Эмилия заплакала.

— Прости, дорогой... Я все не решалась... Кто же тебе сказал?

— Представь себе, не знаю. Какая-то особа позвонила прямо в кабинет товарища Саака и вызвала меня к телефону.

— Ютта? Бессовестная.

— Конечно, я догадался. — Он сел рядом и долго молча разглядывал Эмилию. — Я понимаю, дорогая. Только больше ничего от меня не скрывай. Ничего. — Он улыбнулся. — А как мы назовем нашего сына?

— А как ты хочешь?

— Поладом. Пусть он будет крепким, как сталь. Согласна?

— Конечно. А вдруг родится не сын?

— Да-а, — задумчиво протянул он. — Ты права. Может, и не сын. Как говорится, на все воля аллаха. Ладно, согласен. Пусть будет дочка.

— Если будет девочка, назовем ее Гюля... На нашем языке это цветок, верно?

— Спасибо, родная. А ты потом, Ну... Не разлюбишь меня?

Эмилия рассмеялась, взъерошила его волосы и убежала на кухню. После отъезда Ширвани им ни разу не удалось пообедать вместе. Дети с Али Гулу ушли в синематограф, Исламбек прилег на тахту. Эмилия устроилась рядом. Он поймал кончик ее косы и приладил к своей бороде.

— Только не волнуйся. Мне придется на несколько дней съездить за город. — Он сказал и почувствовал, что Эмилия сжалась. — Нужно. Банда свирепствует. Отлично вооружены. И не только грабят, лезут в политику. Терпеть дальше нельзя.

Эмилия заставила себя улыбнуться. Что она могла сказать? Она большевик, она женщина...

— Все понимаю, Ислам. Мы будем тебя ждать, очень ждать. Помни, теперь у тебя большая семья, понимаешь, большая?..

Глава VI. Неожиданный визит

Закат полыхал в небе багровым облаком. У ворот дома Ширвани остановился фаэтон. Из него выпорхнула мамзель Дюпо в роскошной шляпе и манто, небрежно брошенном на плечи. Через минуту в гостиную влетел Генка.

— К нам приехала мамзель. Спрашивает комиссара Карабаглы.

Эмилия взглянула на Исламбека.

— Что еще на мамзель?

— Ну, француженка... Мамзель, понимаете?

Исламбек встал, одернул гимнастерку.

— Прими, пожалуйста, гостью. Я сейчас.

Распространяя тонкий аромат духов, Дюпо прошла в гостиную. Исламбек, конечно, ее узнал. Здесь в обстановке обычной комнаты она была еще прекраснее. Мягкий овал лица, светлая кожа, зеленовато-золотистые глаза — все в ней, как в картинах старых мастеров, было закончено и гармонично. Исламбек нахмурился, чувствуя, что краснеет под взглядом Эмили. Впрочем, она тут же взяла себя в руки — извинилась и вышла.

Дюпо небрежно опустилась в кресло, придвинутое Исламбеком.

— Мерси! — Она говорила, путая русские слова с французскими. — Месье, Исламбек, Я... э... ваш брат Тимурбек... Он приказал мне. Он сказал, что ну-ужно тет-а-тет. Он говорил, что это-о важн-о-о. Я решил помогать месье Тимурбек. Он человек каприза. Сейчас все люди много несчастны, а в душе все равно... надежда. Судьба человек есть э, как таинства, который сразу не-е можно угадать. Ви поняль, я не хочу бить игрушка в руки дурак и невежда.

Она явно пыталась объяснить что-то важное. Исламбек вслушивался, стараясь понять. Зачем она приехала? Послана братом? Или тут что-то другое? Саак тогда не договорил. Пароль она передала. А может, она ничего и не подозревала, просто действовали через нее?

— Простите, мадемуазель, я не понимаю.

— Силь ву пле... Не подумайте, что это хит-рость... Я искренний человек. Я близкий друг Тимурбека и имею поручение. Я принесла вам письмо.

Она достала из сумочки конверт. Письмо было написано рукой брата. Читая, Исламбек все больше хмурился, резко обозначались морщины на лбу и в углах губ.

«Каждый из нас потерял брата, — писал Теймурбек. — Между нами пропасть. Ты растоптал честь нашей семьи. Твои друзья комиссары виновны в том, что наш дом разрушен, а родители лишены крова. Ты хочешь лишить меня будущего. Это дает мне право встретиться с тобой для открытого мужского разговора. Может, аллах и простит тебе грехи. Но двум сыновьям Кара Мусы не жить под одним небом. Или ты, или я. Я хочу, чтобы мы встретились завтра в 9 утра у Волчьих ворот. Я буду один и желал бы видеть тебя одного, ибо честь нашей семьи касается только нас. Если ты не придешь, я застрелю десять первых, кто попадется на глаза. Пусть аллах рассудит, кому из нас жить.

Теймурбек»

Француженка смотрела на него. Он скомкал письмо, сказал равнодушно: «Ну и дурак!» Дюпо весело защелкала.

— Он вам предлагает пати де плезир э... увеселительни прогулка. Я понимаю, что он э... бестакти... большой ребенок.

Исламбек прошелся из угла в угол и, остановившись против гостыи, спросил прямо:

— Он вас любит?

— Да, месье. Очен.

— Жалы

— Кого?

— Вас, мадемуазель. Вы любите подлеца. Понимаете, леца?

— Мне это... Я знаю... — Она хотела подняться..

Исламбек остановил ее.

— Что вы знаете? Что-о?

— Все, месье Исламбек.

— Вы, мадемуазель, могли выбрать более достойного человека.

Она едва заметно улыбнулась.

— У каждой человек, месье комиссар, есть свой... Это здесь, — она приложила руку к груди.

— Что вы хотите сказать? — Он резко пододвинул кресло и сел рядом.

— Ви болшевик. Ваш работа вместе с господин Тер-Габриелян и потому... Потому ви должен быть умница. Я должна бил сделать этот визит. Я буду сказать Тимурбек, что ви уехал на э... куда-то. Работа. Дуэл никакой не должен быть. Прощайт, месье Исламбек. Ви мне очен понравилс.

— Прощайте, мадемуазель.

Эмилия застала его в тяжелом раздумье.

— Что случилось? Что-нибудь важное?

— Ты знаешь, Миля, кто она?

— Нет.

Он подвел ее к окну. Дюпо что-то сердито объясняла извозчику.

— Знакомая Теймурбека и... Впрочем, ладно. Извини, Миля. Мне нужно срочно в Совдеп. — У двери он обернулся. — Я люблю тебя, милая. Ты это помни всегда. Только тебя.

Пришла весна. Холодная, серая, с частыми дождя и ветрами, но все равно весна. Хорохорились воробьи на улицах, лезла трава в садах и скверах.

Исламбек метался по городу в поисках Тер-Габриеляна. Нужно срочно показать Сааку письмо. Идти на встречу с братом — верх идиотизма. Не идти... А как тогда десять ни в чем неповинных людей? Как назло, все в разъезде: Джапаридзе, Нариманов, Азизбеков...

Саак нашел его сам. Поздно вечером подкатил на автомобиле. Заметив удивление Исламбека, усмехнулся.

— Постановлениями рабочкомов реквизировано у частного сектора. Фирмы поделались с нами по-братски. Уступили автомобили, телефоны и другие средства связи... Что с тобой, дорогой? А ну, садись.

Саак встревожился.

— Что-нибудь дома?

Карабаглы покачал головой и протянул письмо.

— Дикость. Сам принес?

— Нет. Прислал с Дюпо из «Дикой кошки».

— А-а... И что она по поводу этого? — Саак кивнул на кверт.

— Не советует. Обещала что я уехал службы.

— А что? Это идея. За Теймурбеком установлено наблюдение. Мы следим за каждым его шагом. Неужто ты думаешь, мы позволим ему убивать? Ладно. Возьми себя в руки и поговорим о деле.

— Мне жалко эту... мадемуазель.

— Это уже напрасно. Как она тебе ск

— У каждого есть свой долг.

— Умница она, мадемуазель Дюпо. Исполняет свой долг. Исполни и ты, дорогой. — Тер-Габриелян поднялся, обошел вокруг стола, сел рядом. — Знаешь, что сказал Алеша? Баку — маленький оазис революции, окруженный со всех сторон контрой. Мало выжить, надо расширить оазис на все Закавказье. Как твой отряд, готов?

— Конечно. А что, в операции участвует только мой отряд?

— Гм! По нынешним временам твой отряд — сила. Целый эскадрон.

— Эс-к... дрон!.. В эскадроне свыше ста сабель, а у нас еле пятьдесят наберется.

— Ничего. Зато каждая стоит двух вражеских. Давай свери часы. Так. Завтра ровно в девять утра у Совдепа. Отряд в полной боевой.

— Понятно, Саак Мирзоевич. Давно ждем этого часа.

— Отлично. — Оба встали. Тер-Габриелян сказал вдруг: —

Светлая голова у твоей жены. Читал ее статью в «Бакрабочем»: «Удел женщины не только кастрюли, стирка, дети. Мы можем все, что могут мужчины». Вот так-то. Передавай привет от меня.

Мысль о предстоящей операции мешала уснуть. Рук не было, но Эмилия так удобно пристроилась на его плече, он боялся двинуться.

— Ислам, — прошептала она, — мы плывем на каком-то дивном корабле. Он весь в белоснежных парусах. Летит как птица. Флаг с золотистым солнцем, вокруг синие-синие волны. Раньше я любила Бетховена, Моцарта. Сейчас предпочитаю Шопена. Слышишь? Мы летим по волнам, а вокруг голубая музыка. Это, наверно, счастье... Боже, как хочется простого человеческого счастья. Чтоб не было слез, криков, убийств, болезней, только цветы и улыбки. Ислам! Я хочу, чтобы наш сын был похож на тебя.

Исламбеку показалось, что она плачет. Он осторожно взял ее руку и поднес к губам.

— Не знаю, какого бога благодарить за то, что встретил тебя...

— Тс-с... Это я благодарю кого-то там, наверху, за встречу с тобой. — Они долго молчали, потом Исламбек попросил:

— Расскажи о заседании. Драка была?

— Не то слово. Особенно после выступлений Нариманова и Шаумяна. В зале словно с ума посходили. Когда Степан Георгиевич сказал о своих полномочиях, холерный Гайк истерически заорал: «Наместник Ленина граф Шаумян!» Степан Георгиевич, конечно, не остался в долгу! «Только в вашем положении политического трупа, Гайк, можно придумать такое. Не подражайте Савинкову, Гайк».

Исламбек улыбнулся.

— Представляю его настроение.

— Еще бы. Зал взорвался. Потом разошелся Садовский. Нет, мол, на Кавказе Советской власти. Вы ее узурпировали. Каждая нация хочет самоопределиваться, у каждой нации свои задачи.

— Мерзавец.

— Ты знаешь, сбить Шаумяна трудно. Он спокойно объяснял, что Баксовдеп избран рабочими и является оплотом Советской власти на Кавказе. Недалек день, когда поднимутся Грузия, Армения и весь Азербайджан. Что творилось в зале! Алеша долго не мог добиться тишины. Тогда на трибуну поднялся Нариманов.

— О, его-то они боятся. Ненавидят, но боятся.

— Ты прав. Доктор выразил удовлетворение по поводу того, что в зале присутствуют Топчибашев, Сафнкюрдский, Расул-заде, Тер-Каджарянц и, следовательно, есть возможность побеседовать публично и откровенно. Затем он сказал, что некоторые из сидящих здесь распространяют провокационные слухи о том, что Ленин — агент Германии, а Шаумян дашнак. И тут же задал вопрос правым: скажите, товарищ Гюльдаханян, состоит ли в вашей партии Степан Георгиевич? Зал замер. Гюльдаханян встал и громко заявил, что Шаумян большевик. Никто и не пикнул.

Нариманов продолжал.

— Надо обладать мужеством, чтобы выйти к трибуне и открыто сказать: я, мол, представляю Тагнева, получаю у него жалованье, или я — монархист. Тогда все стало бы ясно. У нас, говорит, все имеют право голоса — русские, мусульмане, армяне, евреи. Никто никого не тянет насильно в большевики. Но кто бы ты ни был: дашнак, мусаватист, эсер или меньшевик, ты должен честно бороться за свои идеи, а не заниматься фарисейством.

— Понимаешь, зал слушал его предельно внимательно. И тут он прямо спросил: кто хочет, чтобы в Баку пришли турки, немцы, англичане? Если в зале есть такие, пусть встанут и обоснуют свою идею, а не обманывают народ. Пусть помнят, что гнев народа может быть страшен. — Эмилия помолчала. — Я рассказываю, конечно, только самое главное. Но выступление доктора было потрясающим. Таким, как Топчибашев, Сафнкюрдский, Гюльдаханян, Расул-заде ничего не оставалось... Они встали и сделали вид, что демонстративно покидают зал.

— Пошли докладывать хозяевам, — усмехнулся Исламбек, — как Нариманов расправился с ними. Но они вернутся. Их надо бить не словами, а оружием.

— Ты почти повторил слова Азизбекова.

— Все эти заседания, как говорит Аслан, лишь пролог к жестоким боям.

— Я это чувствую, и мне страшно за тебя, детей.

— Ничего, мы выстоим.

Они уснули, когда сквозь шторы пробивался рассвет.

Глава VII. Тучи сгущаются

Центр Мардакян начинался за высокой каменной стеной летней резиденции Гаджи Зейналабдина. Скромный двух-

этажный дом был не менее удобен, чем дворец на Горчаковской. Для него, Гаджи Зейналабдина, дача была не просто райским уголком, удаленным от городской жары и суеты. Здесь назначались тайные аудиенции, важные советы, а то и светские приемы пужных людей.

И все же старика тянуло порой в глухую тишину угловой комнаты — к предрасветному щебету птиц в густой листве карагачей. Рядом шевелилось море, терпко пахло влажным песком и солоноватым ветром. Бесшумно входил слуга, ставил стакан крепкого индийского чая, помедлив несколько секунд в ожидании приказаний, удалялся.

Гаджи молчал. В его бесстрастных глазах время остановилось, трудно было понять, что радует и что тревожит старика, о чем он думает под сухое пощелкивание четок.

Мусаватисты, уверенные в поддержке турок и немцев, решили перенести штаб в Баку, в здание Исмаилие. Но группа, возглавляемая генералом Талышхановым, была прямо на вокзале арестована красногвардейцами.

Помощь пришла неожиданно. Нариманов, приняв несколько депутатов, уговорил Джапаридзе освободить генерала из-под стражи. Тагиева это заинтересовало чрезвычайно. Начало перелома? Правда, Халилбек обещал, что не будет заниматься военными делами и уйдет в отставку. Однако Нариманов и Джапаридзе отнюдь не простаки. Они наверняка знают, где обосновался генерал и чем он занимается. Тем более, что сюда, на дачу, частенько приезжают вооруженные люди: и по одному, и группами.

Тагев не ошибся. Тер-Габриелян, получив сообщение, сразу же доложил Нариманову и Джапаридзе о подозрительной возне в Мардакянах.

— И давно это началось? — спросил Джапаридзе.

— Визиты резко участились в первых числах марта.

— Чего же вы ждете? Немедленно опечатайте дом Гаджи Тагиева и поставьте охрану. Пора этому старому дьяволу понять, что в Баку Советская власть. Азизбекова надо нацелить на эти мусаватские сборища в Мардакянах. И еще, генацвале. Поручи Аслану выяснить — и как можно скорее — с чем связано это оживление. Говорят, брат Исламбека получил повышение — дали ему поручика и состоит он теперь при Тагееве.

— Подумаешь! Могут сделать его и полковником. Погоньиные же дешевые.

— Ладно, действуй. Боюсь, что сейчас не до шуток.

Выйдя из кабинета, Тер-Габриелян закрыл глаза. Вторы

сутки без сна. Если ночью он выполнял обязанности комиссара по борьбе с контрреволюцией, то сейчас его ждали люди, пришедшие на прием к комиссару по нефти, ее добыче, вывозу и реализации. В спокойные минуты Джапаридзе шутил: «Ты брат, почти бог! Одни в двух лицах, и в каких лицах...»

Ранним мартовским утром 1918 года Теймурбек подкатил к дому на Биржевой. Лизабет Дюпо крайне удивилась неожиданному визиту, а еще больше — непривычной одежде.

— Тимур... Это вы? — Она всплеснула руками. — Что это? Фрак, шляпа? Маскарад? Объясните.

Против обыкновения, Теймурбек был совершенно трезв и, видимо, озабочен. Он отказался от приглашения разделить с ней утренний кофе, даже не заметил ее новой прически.

— Ли, дорогая, я на минутку. Спешу. Зашел проститься. Еду в Петровск.

— Почему Петровск, или? — Она кокетливо погрозила ему пальцем.

— Пожалуйста, не спрашивай, — поморщился он. — И поменьше бывай в городе. В ресторан не ходи, не надо.

— Тимур, это что, конец жизнь? Война? Почему такой странность, таинственность?

— Прошу тебя, Ли, не надо. Помни, что я люблю тебя и обязательно вернусь.

— Тимур, — она взяла его руку, прижала к груди, едва прикрытой шелком пеньюара. — Ви меня не любить, если не верите мое сердце.

— Ну как ты можешь, Ли? Я мужчина, и у меня есть мужские дела, о которых нельзя болтать с красивыми женщинами.

— Я буду мучить себя. Ви хочет так? Что ж, не надо. Ви мне не доверяете. — Она опустила его руку. — Пардон, Тимур. Я для вас никто. Просто шансонье. — Она бессильно припала к дверям. На лице ее отразилось такое горе, что Теймурбек порывисто обнял Лизабет за плечи и прижал к себе. Увидел слезинки в ее глазах, почувствовал теплоту руки.

— Ну хорошо, хорошо. Ты меня погубишь, Ли, — страстно целуя ее, заговорил он. — Слушай... Только это тайна. Я еду не гулять. Специальное задание генерала. Скоро из Петровска в Баку прибудет целая армия горцев. В городе будет опасно. Сиди дома, Ли. Скоро весь этот кошмар кончится. И ты переедешь ко мне, мы поженимся. О небо, неужели это сбудет-ся? — Он зарылся лицом в кружева.

— Да-да, Тимур. Мерси. Я рада, ошень рада бить ваша сена... Скоро вы приедете?

— Дня через три-четыре. Если тебе что-нибудь будет нужно, пошли человека на Персидскую, дом 20. Пусть спросит поручика Али Асадуллаева. Ясно?

— Хорошо, милый. Я буду ждать. Только Петровск без шалость. Я знаю вас...

— Кроме тебя мне никто не нужен, — польщенно улыбнулся Теймурбек. — Ты одна. Я еду к нмаму, понимаешь?

— Кёс кесе нмам?

— Ну это поп, молла, святой. А приеду, — уже спокойно договорил он, — кончим все это, и я заберу тебя из «Дикой кошки».

— Куда? К дикий котенок? — она лукаво улыбнулась и прижалась к его щеке. — Идите, Тимур. Я верю вам, дорогой.

Едва за ним закрылась дверь, с лица Дюпо сошла улыбка. Встав за портьерой, она наблюдала за отъезжающим фэетом. Было восемь утра. Дюпо позвонила поверенному, попросила прислать за ней автомобиль и стала одеваться. Через полчаса, когда под окнами простуженно засипел клаксон, Дюпо вышла. Села рядом с шофером, сказала по-французски:

— К господину...

В то же утро в селении Нардаран разыгрались события куда более драматические. Банда Шабан Алибека возвратилась с очередного грабежа. На просторном бекском дворе делили добычу, жадно перебирая скатанные паласы, женские шали, посуду, оружие. Сюда же согнали краденых баранов. Сам Шабан Алибек закрылся в своей комнате с гонцом из Мардакян. Младший его брат Ибрагимбек, взяв с собой трех бандитов, поскакал на окраину села.

Деревня будто вымерла, затаившись за глинобитными стенами. Ни голосов, ни тендирного дымка. Даже собаки таякали опасливо, чувствуя страх хозяев.

Осадив вороного жеребца перед покосившейся лачугой Мешади Алескера, Ибрагимбек кивнул одному из сопровождавших.

— Э-эй, Салман, чтоб тебя бык забодал. Вместе с Агали приведите мне красавицу. Только без всяких... Как шахню. Понятно говорю?

— Очень понятно, ага.

Двое пошли к калитке. Ибрагимбек, гордо выпрямившись, гарцевал перед домом.

— Что вы там возитесь, шайтаны? — нетерпеливо крикнул он.

Салман вышел и растерянно развел руками.

— Не гневайтесь, мой ага. В доме ни души.

— Проклятие! Ушли скоты. Знали, что меня нет. Ну, и чего... От Ибрагимбека еще никто не уходил. Посмотри-к Салман, есть там где-нибудь керосин?

— Есть, мой ага. И керосин, и солома, — забормотал кочи, радуясь, что легко отделался.

— Облей двери, окна, порог. Пусть хорошо горит проклятая развалина. Скорее.

Сдерживая коня, Ибрагимбек подождал, пока старый домишко рухнул. Только потом бандиты вскочили в седла и понеслись в другой конец села. Даже в эти минуты никто из соседей не вышел, не выглянул. Лишь старый, в рыжих подпалинах пес Алескера тоскливо выл, кружа у пожарища.

Шабан Алибек был сыном полицейского пристава Муршудбека Заманова, погибшего в 1905 году. Сегодня ему как раз исполнилось тридцать лет. Этот большой день он отметил налетом на селение Мамедли. Хорошая досталась добыча — почти сто баранов, дюжина коров, десяток лошадей и три девушки. Их пока заперли на втором этаже бекского дома.

Закончив разговор с гонцом Мусульманского совета, бек хлопнул в ладоши и велел слуге подать чай и сладости. Через боковую дверь другой слуга ввел девушку и посадил ее на стул посреди комнаты. Совсем ребенок, она куталась в чадру и дрожала от страха.

— Видите. Мы не только подрываем авторитет большевиков, — повернулся бек к гонцу, — но и восстанавливаем добрые мусульманские традиции, хе-хе. Взгляните на эту красавицу... Ее лицо как луна. Настоящее украшение дома. Ну-ка, уберите чадру, покажите гостю.

Слуга выполнил приказание, и гонец зачмокал губами от удовольствия.

— Может, бек уступит эту прелесть, а?

— Нет, дорогой гость, — Шабан Алибек покачал головой. — Дело не в том, что ты мало заплатишь. Будь наш торг вчера, я, наверно, уступил бы. Но сейчас, после вашего сообщения, я решил отдать ее в дар брату. Он пойдет на неверных, ему и награда.

— Понимаю, бек,

— Но у меня есть и другие. Девственницы. Утихнет немного, приежай, бери любую. Аллах свидетель, Шабан Алибек не жадный.

Гонец молча наклонил голову в знак согласия. Вошел Ибрагимбек. Взглянул на девушку, сидевшую с непокрытой головой, и насупился.

Старший брат рассмеялся.

— Чего надулся? Увидел-таки раньше времени, шайтан. Не беда, брат. Эта красавица — мой дар тебе. А пока садись. Девушку увели. Ибрагимбек сел на мягкий ковер.

— Сколько у нас всадников?

— Шестьдесят, брат.

— Хорошо. Сколько фургонов?

— Пять.

— Пулеметы не растеряли?

— Немного растеряли, брат. Этой почвы

— Красный флаг приготовил?

— Да.

— Слушай, Ибрагим. Завтра вечером возьмешь пятьдесят всадников, три фургона и двинешься на армянское селение, что на окраине города. Отряд поведешь мимо Кюрдаханов, Фатман, обойдешь Дигях. Никуда не сворачивай, чтоб не попасть в западню. Выбери два-три дома побогаче, почисть как следует, отправь на тот свет человек десять. Остальные дома подожги. Все это с грохотом. И чтоб проклятые армяне видели свой красный флаг.

— Понимаю, брат.

— В ближайшие дни, слава аллаху, начнем наступление. Пора кончать с неверными. Пусть вернутся добрые старые порядки.

— Понятно.

— Смотри, не зарывайся. Я твой характер знаю. Девочек не трогай. Вернешься, возьмешь себе красавицу.

— Благодарю, брат.

— Коней подбери хороших. Дорога длинная. Пока никому ни слова. Объяснишь на месте... Понял?

— Да; ага.

— Тогда ступай,

День выдался на диво ясный и теплый. Конный отряд выстроился на плацу перед казармой. Серый в яблоках жеребец, на котором сидел Исламбек, нетерпеливо перебирал нога-

ми, ожидая команды. Притаившись за оградой, Хумар восхищенно следила за своим спасителем. Ничего не могла с собой поделать. Только бы слышать его голос, звук его шагов.

Исламбек негромко скомандовал. Отряд тронулся. За всадниками двинулся фаэтон с обрезанным верхом и пулеметом, глядевшим назад. Слабое подобие тачанки.

Точно в девять отряд был у гостиницы «Континенталь». Исламбек поднялся к Тер-Габриеляну.

— Отряд к выполнению задания готов, — четко отпортировал он и отдал честь.

Тер-Габриелян пожал ему руку и подвел к столу.

— Шабан Алибек совсем обнаглел. Прошлой ночью его банда совершила налет на русских переселенцев за Амнирджапанами. И что придумали, сволочи! Прикрываются красным знаменем. Дальше терпеть разбой нельзя. Ваша задача — полностью уничтожить банду. Ясно?

— Так точно.

— Выступайте.

По Большой Морской, Телефонной и другим центральным улицам отряд двигался неторопливой рысью. Но сразу за черной городской больницей перешел в галоп.

Из окон домов всадников провожали тревожные взгляды. Вовсю заработала телефонная станция: не успевала соединять абонентов. Обменивались мнениями иностранные консулы. Забили тревогу в национальных советах. Почти сразу выехал из города и Топчибашев. От завтрака его оторвал телефонный звонок. И теперь он мучительно пытался вспомнить, кому принадлежит этот знакомый женский голос.

— Господин Али Марданбек? Говорит человек, которому вы можете доверять. Это очень важно. Кому-то стало известно, что в Петровске находится ваш эmissар и что отряд Шабан Алибека действует от имени вашего комитета. Против него направлен отряд Карабаглы. Срочно предупредите ваших друзей.

Топчибашев так растерялся, что не успел ответить. На другом конце провода сразу же повесили трубку. «Можете доверять... Это очень важно... Предупредите ваших друзей». А вдруг провокация?

Отряд Исламбека добрался до дороги, которая вела из Маштагов в Мардакяны. Здесь командир собирался сделать привал. И как раз в это время вдали поднялось облако пыли. Навстречу всаднику Исламбек выслал пять бойцов. Заметив их, незнакомец осадил коня и повернул обратно. Однако уйти

ему не удалось. Его доставили к командиру. Как будто ничего подозрительного — крестьянская чоха, папаха, кишжал. Но сытый жеребец, какого не могло быть у бедняка, сразу привлек внимание.

— Откуда скачешь?

— Из Маштагов, господин.

— Куда?

— В Шувеляны, господин.

— Что делал в Маштагах?

— Гостил у тестя.

— А лошадь чья?

— Моя, господин. Отцовская.

— Что ж, мы тоже в Маштаги. Поедем вместе, вы кто твой тесть и откуда у вас такая дорогая лошадь.

В это время к Исламбеку подошел боец.

— Командир, — сказал он, — это же поручик из штаба Дикой дивизии. Тогда я задержал его на вокзале. Видно сбежал. У-у, контра.

Незнакомец презрительно вскинул голову.

— Да, я поручик, — гордо сказал он. — Что вам угодно?

Исламбек сжал зубы, взглянул в наглые глаза и приказал:

— Расстрелять.

С поручика мгновенно слетела спесь. Он побледнел.

— Не лишайте меня жизни, господин. Я всего лишь солдат. Что мне прикажут...

— Расстрелять, — резко оборвал Исламбек.

— Подождите. Могу вам сообщить важные сведения. Я знаю, вы едете к Шабан Алибеку. Зря. Сегодня ночью...

— Отставить расстрел. Ну-ка, поручик, рассказывайте. Показания будем записывать. Чтобы все официально.

Пленный рассказывал о Шабан Алибеке и о штабе в Мардакянах. Помощник командира Давид Подольский быстро записывал. Показания поручик подписал спокойно. Ему связали руки и усадили в бывший фазтон, предупредив, что если обнаружится обман, его расстреляют.

Отряд повернул и двинулся прямо к селению Дигях. К ночи добрались до небольшого озера, вдоль которого тянулась проселочная дорога. Устроили привал. Всухомятку поужинали и легли.

...Ибрагимбек поднял своих на закате. К наступлению темноты они были уже в десяти верстах от Нардарана. Бывшие воры, конокрады, насильники и убийцы, они начисто свободны были от таких сложных чувств, как жалость или стыд. В этом

была их сила. Они могли спокойно зарезать человека из-за пары баранов или кольца. Кровавые драки внутри банды мало волновали бека. Местный молла Зульфи крепко внушил бандитам, что скоро большевики закуют их в кандалы и отправят на остров, где все сдохнет с голоду.

В темноте бандиты ехали медленной рысью, боялись сбиться с пути. В дозор Ибрагимбек послал самых отчаянных и ловких. Но предстоящее дело никого не волновало. Уверенные, что сопротивления не будет, бандиты заранее подсчитывали добычу.

— Как думаешь, хороший сорвем куш?

— Брось! Что говорил бек? >Кечь дома неверных, добычу не брать. Ты его знаешь... Не прощает.

— Вот уж никогда не поверю, чтобы Ибрагимбек свое упустил. Возьмет, что по душе придется. Наверно, и нам перепадет. Я утром был здесь. Присмотрел один дом. Девочек там... По двору лошади ходят. Пять коров. Глянь, Агали, что это там темнеет?

Ночь — глаз выколи.

— Э-э... Ветер кусты шевелит. Что, мерещится?

— Может, подъедем? Вроде ветра нет.

— Брось. Запретил бек съезжать с дороги. Каждое дерево проверять — жизни не хватит.

Сзади слышалось фыркание лошадей.

— Что я говорил? Ибрагимбек догоняет. Давай скорее.

Но Ибрагимбек, поравнявшись с ними, настороженно натянул поводья.

— Сто-ой! Здесь что-то есть.

Всадники сгрудились, наезжая друг на друга. Бек первым двинулся к кустам. Но не проехал он и ста метров, как застрочил пулемет. Заржали кони. Не оборачиваясь, Ибрагимбек угадал, что его люди мчатся прочь. Сила банды была и ее слабость.

— Скоты! Каждый только о своей шкуре... — Бек пришло коня, но тот рванулся из-под него куда-то в небо, и большие красные звезды, ослепительно сверкая, поплыли перед глазами.

Пулеметные очереди косили банду. Повернув, она рванулась назад, но навстречу мчались конники Исламбека. Бой был коротким. Через полчаса десяток бандитов со связанными руками посадили в фургон, в два других — погрузили раненых. Труп Ибрагимбека положили отдельно. И только тут

спохватились, что пленный поручик нечеловек. Искать его в темноте было бессмысленно.

К полудню отряд Исламбека появился на Станиславской и проследовал вдоль бульвара к зданию Градоначальства, где теперь размещалась комиссия по охране города.

В тот же день председатель Баксовдепа Джапаридзе поднял по тревоге конницу гарнизона. Два взвода кавалерии под командованием Гамиды Султанова и Габышева двинулись к селению Нардаран. Разбойничье гнездо было уничтожено. Только кем-то предупрежденный Шабан Алибек успел скрыться. Дом его крестьяне сожгли — даже те, кого бек оставил без крова, жить в его доме не пожелали.

Три дня в комиссию по охране города вызывали потерпевших и возвращали имущество. Баксовдеп опубликовал сообщение о том, что банда Алибека действовала по указанию Мусульманского национального совета.

Али Марданбека пригласили к Тер-Габриеляну. Разговор велся в присутствии Джапаридзе, Нариманова, Гамиды Султанова, Мешади Азизбекова и Исламбека Карабаглы. Топчибашев изворачивался, как мог, пытаясь доказать, что Мусульманский совет не имеет ни малейшего отношения к набегам. Однако Азизбеков прочел письменные показания поручика Шукюр бека.

Али Марданбек смик. Он еще пробовал возмущаться, когда была произнесена его фамилия. Потом сел и долго вытирал платком мокрое лицо, косясь на кожаную куртку Исламбека.

Тер-Габриелян встал и сказал жестко:

— Если вы, господин Топчибашев, немедленно не прекратите своей преступной деятельности — я имею в виду не только вас лично, но весь состав нацсовета — мы будем вынуждены принять крайние меры, передав дело Военно-Революционному трибуналу. Кончиться это может печально...

Домой Топчибашев вернулся разбитым. Выпил стопку коньяка, доплелся до телефона. Разговор был долгим. Али Марданбек все больше закипал.

— Как вам будет угодно... Но избавьте меня от экспериментов. Мы теряем престиж, губим людей, вызываем недовольство мусульман. Да-да, мусульман! И все потому, что принимаются непродуманные, авантюристические решения. Это я

заявляю категорически. И прошу, генерал, все ваши действия и дальнейшем согласовывать с нацсоветом.

В тот же вечер Аслан сообщил из Мардакян о том, что по приказу Халилбека Талышханова поручник, давший показания, расстрелян.

Глава VIII. Маузеристы

По дороге домой Степка Лалаев скрипел зубами и бился головой о верх фаятона. Противный вкус во рту, бездарно убитый вечер, глупая ссора с этим заносчивым ублюдком Теймурбеком.

— Хозяева города! — бессвязно бормотал он. — Где вы были, вшивые амбалы, когда мой отец зарабатывал миллионы? Ничего-ничего... Степка еще скажет. За убийство отца с матерью...

В его гостиной четверо дружков играли в покер, поочередно прикладываясь к бутылке. Это безмятежное веселье, да еще сальный куплет, пропетый в его честь, окончательно взбесили Степку.

Пинком опрокинув стол, он расшвырял по комнате мятые ассигнации и карты, разбил о стену бутылку. Маузеристы Каро и Костя жались к стене, завидуя тем двум, что успели выскочить.

— В карты играете? Зажрались, мать вашу... Вместо того, чтобы мстить. И я с вами... Такой же сукин сын!

— Наверно, бабу увел этот самый... Теймурбек, — шепнул Каро. — Пусть перебесится. Потом плакать будет и успокоится.

— Кому мстить, князь, дорогой? Ты только скаж пожалеем. — Костя согнулся над креслом.

— Болван! — взревел Степка. — Тем, кто убил моего дорогого отца, мою красавицу мать.

— Дарагой Стъепа, — вмешался Каро, — почему горячишься, сейчас такое время...

— Плевал я на время! Собирай, Каро, ребят... Мы еще посмотрим.

Уронив голову на плечо Кости, он разрыдался. Друзья, переглянувшись, облегченно вздохнули. Кажется, обошлось.

Два дня спустя по городу поползли слухи, будто с наступлением темноты шайка маузеристов совершает налеты на дома мусульман. Никто толком не знал, кто эти грабители, откуда они и какие преследуют цели. Вскоре, однако, город был потрясен всерьез: маузеристы ограбили дом известного деятеля Искендербека Рамазанова, похитили и убили его семнадцатилетнюю дочь. Очередной разбой бандиты учинили на Чадровой: был убит купец Герайбек Муслимов, его молодая жена избита в кровь.

Топчибашев собрал мусульманский нацсовет, и не скрывая злорадства, направил жалобу Нариманову. Он требовал привести в городе порядок, чтобы «не допустить повторения событий 1905 года».

Факты были тревожны. Нариман поехал в городской комитет партии.

Шаумян выслушал его, прочел жалобу. Взглянул Джапаридзе.

— Дождались?

— Дождались. — Джапаридзе поднялся. — Сначала мусульмане под красным флагом грабили русских и армян, теперь армяне нападают на мусульман. Закрывать все эти контрреволюционные нацсоветы как можно быстрее!

Степан Георгиевич покачал головой.

— Легко сказать. Наши враги только и ждут такого подарка. Шутка ли? Советы топчут демократию. Нет, это не мера, Алеша. Наша политика должна быть гибкой.

— Обратите внимание, товарищи, — вмешался Азизбеков, — впечатление такое, что банду направляет не нацсовет, а частное лицо. Взгляните на список пострадавших. Похоже, что основная цель — грабеж.

Джапаридзе позвонил Тер-Габриеляну.

— Понск организовать немедленно... — закончил он.

— Вы здесь? — В комнату заглянул Везиров. — Приехал из уезда и никого не могу найти. Что случилось? Наверно, случаи ночного бандитизма?

— И ты уже знаешь? — удивился Джапаридзе.

— Заехал в штаб, к Гамиду Султанову. Они тоже волнуются.

— А как в селе? — спросил Нариманов. — Сколько ты бы там?

— Почти месяц. В селах ждут, когда мы, наконец, утрясем

свои дела в Баку и возьмемся за губернию. Контрреволюция свирепствует. Особенно в Елизаветпольском уезде.

— М-да... — протянул Шаумян. — У нас тоже не сладко. Что еще, Алеша?

— Есть любопытная новость. Дашнаки пытались блокироваться с мусавистами. Больше месяца разговаривали, но к соглашению не пришли. Мусульманский нацсовет не хочет делить власть.

— Это приятно, — улыбнулся Нариманов и потер руки. — По всему чувствуется, что скоро будет жарко. Что скажет председатель? Достаточно ли у нас сил?

— Свыше пяти тысяч.

— Точнее, шесть — поправил Азизбеков.

— Негусто. Дашнаки, эсеры, меньшевики могут выставить раза в два больше. А если еще скооперируются и получат подкрепление из провинции, будет и в десять раз больше, — резко сказал Джатаридзе. — Мне кажется, надо пересмотреть расстановку партийных кадров. Что-то здесь не так. Авторитетнейшие коммунисты, любимцы трудящихся ушли в соворганы и фактически оторваны от рабочих районов. Да и мы теперь бываем там редко. Конечно, дел хватает. Но агитация была и остается важнейшей нашей работой. Посмотрите, как агитируют враги.

— Я много думал об этом, — сказал Шаумян. — Но сейчас трудно заниматься перестановками. Да и все это не просто. Во главе советских органов тоже ведь должны быть партийцы, которым народ доверяет. В одном ты прав — городской комитет партии нужно укрепить. Вплотную заняться продовольствием.

Азизбеков поддержал.

— Абсолютно верно. Продовольственный кризис — главная карта оппозиции. Уже сейчас мы выдаем по карточкам вместо хлеба орехи и семечки. Хвала Катыр Мамеду! — я привез шестьдесят мешков хлеба. Но это капля в море. А хлеб ведь есть! Нужно только забрать его у беков.

— Ширвани остался в уезде? — спросил Нариманов.

— Да. Стихи его очень оживляют газету. Поэт он способный и нужный.

— В селениях его полюбили, — подтвердил Везиров. — Наши газеты доходят туда с опозданием, и все равно их зачитывают до дыр. Живое слово — как меч.

Зазвонил телефон. Ближе всех к нему сидел Везиров. Он и снял трубку.

— Кто? Здравствуй, Саак. Да, здесь. Передаю. Алеша...
Джанаридзе подошел к телефону:

— Слушаю. Волнения? Среди рабочих! Хорошо. Мы
час выезжаем. Да, все.

Джанаридзе осторожно повесил трубку. Грустно улыбнулся.

— Вот так! В мастерских волнения. Хозяева опять снизили зарплату. Поехали, выясним на месте.

Исламбек понимал, что новое задание требует прежде всего терпения и осторожности. Домыслы и соображения ничего не решают, нужны факты.

Разделив отряд на группы, он разместил их в мусульманских кварталах. Но две прошедшие ночи ничего не дали. Грабежи прекратились так же внезапно, как начались. Это настораживало. Неужели кто-то предупредил? Но кто? Какие-то подозрения у него были. Пока он не хотел говорить о них даже с Сааком.

На третий день ему удалось урвать час. Он поехал в редакцию. Эмilia сидела в корректорской, правила пахнущие типографской краской полосы. Она не заметила, как он присел рядом и тихонько положил на край стола большое золотистое яблоко.

— Добрый вечер, Миля. — Эмilia вздрогнула, карандаш замер в руке. — Ислам, ты? — Она поцеловала его в лоб. — Боже, за кого я вышла замуж...

— За самого надежного в мире человека.

— Не знаю, когда и где этот человек спит и ест, он вообще.

— Ест. У нас в казарме. Главнос, как ты себя чувствуешь? Как наши ребята?

— Лиза хозяйничает, Генка гоняет по городу. С каким-то дружком продают нашу газету. Вечерами рассказывает городские сплетни и ждет тебя. Хочет помогать большевикам. Да, чуть не забыла. Вчера какой-то крестьянин принес продукты. От Ширвани.

— И письмо есть? — оживился Исламбек.

— Вот письма нет... Мне страшно за тебя, Ислам. По городу ползут слухи. Шабан Алибек поклялся отомстить тебе за брата.

А я клянусь мстить им всем за вас всех! За муки народные, за подлость, за жестокость... Только сейчас заметил, как смешно торчат у тебя волосы над ушами. Ты похожа на тушканчика. Черт! Даже обнять тебя не могу. Редакция все-таки...

— Можешь, можешь. — Я сама тебя обниму. — Она прижалась к Исламбеку, медленно подняла глаза. Он увидел в них такую любовь и тоску, что сердце защемило.

— Очень прошу, не засиживайся здесь. Выбирайся пока светло и, пожалуйста, не ходи пешком. Бери извозчика, а Генка пусть встречает. На ночь крепче запирайте ворота и двери. Предупреди Али Гулу.

Старые настенные часы прохрипели четыре раза. Исламбек виновато взглянул на жену.

— Иди, милый. Я понимаю. Будь осторожен.

— Постараюсь, родная. — Уже уходя, он вспомнил. — Знаешь, кого к нам в отряд прислали сестрой милосердия? В жизни не догадаешься. Ютту.

— Вот молодец. Репнилась.

— Я побежал. Но ты стала еще красивее.

— Иди. Мне вредно плакать. И не прощайся. Не хочу.

Он уходил, чувствуя ее взгляд. Она стояла, прижавшись к стеклу. Он заставил себя не оборачиваться и все равно видел ее кричащие от боли глаза и эти пушистые пряди...

Ютту встретила в отряде Хумар. На правах хозяйки пропела по казарме, показала санитарную часть. Все было хорошо, пока она не заметила, как дружески повенькая разговаривает с командиром. Два дня все валилось у нее из рук. Наконец, она не выдержала. Путая русские слова с азербайджанскими и мучительно краснея, она спросила Ютту:

— Ты любишь господина Исламбека?

Ютта широко раскрыла глаза.

— Ты что? Вот чудачка.

— А почему нет? Он хороший человек. Ты не знаешь. Никто не знает. Он спас меня, никому не говорила, тебе расскажу. Хочешь? Только никому. Поклянись хлебом!

Умирая от любопытства, Ютта поклялась. Сбиваясь и минутно краснея, девушка рассказала события той злополучной ночи.

— Вот такой человек господин Исламбек. — Хумар увидела в окно Исламбека и кинулась к двери.

— Подожди, Хумар. Ты спросила, люблю ли я Исламбека? Понимаешь, — она искала слова попроще, — я его уважаю, очень уважаю. Но любить его нельзя. У него есть жена.

Хумар вздрогнула.

— Жена? Как жена? У него нет жены...

— Есть, Хумар, — мягко сказала Ютта. — Жену зовут Эмплия Викторовна. Мы с ней подружки, понимаешь?

— Понимаю, — прошептала девушка, низко опустив голову.

Вошел Исламбек. Хумар скользнула мимо него во двор.

— Что с ней? — Он рассеянно потрогал стерилизатор, который Ютта успела раздобыть.

— Кажется, я допустила ошибку, командир. Я сказала Хумар, что у вас есть жена.

— Ну и что?

— Девушка очень расстроилась. А до этого все выясняла — люблю ли я вас.

Думая о своем, Исламбек машинально кивнул.

— Влюблена? Это хорошо. Но главное сейчас не это. Может быть, вас ждет ночью боевое крещение. Приготовьте все, что нужно, и побольше бинтов и йода.

— Хорошо, товарищ командир. Не беспокойтесь.

Карабаглы кивнул и вышел. Во дворе он еще раз столкнулся с Хумар. Она шла, низко опустив голову.

— В кого это она влюблена? Подожди, — он даже задержал шаг. — Кажется, Ютта сказала, что в меня. Этого еще не хватало...

Утром, вернувшись с патрулирования, Исламбек заглянул к Мешади Алескеру, чтобы поговорить с Хумар. Ее не оказалось, еще вчера вечером она с сестрой уехала в Балаханы.

— Зачем? Почему вы еепустили? — строго спросил Мешади Алескера.

Отец пожал плечами.

— Сам не понимаю. Говорит, хочу учиться в школе. Плакала... Может, правильно. Кто их сейчас поймет, молодых. Больше нашего знают.

В полдень Исламбека вызвали в комиссию по охране города. В кабинете Тер-Габриеляна сидел Сухарцев. Показав на кресло, Саак пододвинул пачку папирос.

— Слушай. Точно установлено, что грабежи организовал Степка Лалаев со своими маузеристами. Сегодня ночью он скрылся. Будто знает, негодяй, что твои ребята за ним охотятся.

— Это и меня беспокоит. Кто же мог предупредить? — нахмурился Карабаглы.

— Разве мало предателей? — отозвался Сухарцев.

— С этим разберемся, — перебил Тер-Габриелян. — Наш человек пользуется доверием маузеристов из отряда Лалаева. Сейчас там верховодит некий Каро. Знаешь?

— Имел честь. Пока веселится...

— Даст бог, недолго ему веселиться, — вспыхнул Саак. — Этой ночью они готовят налет на дом Асланбека Имамалиева. Если это удастся, будет большой скандал. Асланбек — член мусаватской фракции Баксовдепа. Понятно?

— Понятно, товарищ Саак.

— В таком случае сегодня же ночью...

— Вай, аллах, вай, аллах, — причитала жена Асланбека. — С тех пор как в доме поставили этот проклятый звонок с трубкой, покоя нет. Только прилег человек отдохнуть...

Она вошла в гостиную. Асланбек сидел в кресле у висящего на стене телефона. Трубка болталась на проводе.

— Асланбек, ай киши, что с тобой?

— Где дочь? — вместо ответа крикнул он.

Несмотря на свой солидный возраст, он порывисто вскочил. Его тряс приступ астматического кашля. Ничего не объясняя, он хрипел:

— Дочь! Где дочь!

Руки рвали ворот, крутили пуговицы. По багровому лицу текли слезы.

— Дома девочка. Дома, азизим. Позволь доктора вызвать.

— Собирайся. Быстрее. Уезжайте в селение к родственникам. Твой брат проводит. Быстрее, говорю. Я потом, потом. — Он снова закашлялся.

Разве мог Асланбек сказать, что звонок был из комитета «Гуммет», что говорил с ним, купцом Асланбеком, сам доктор Нариманов. Посоветовал немедленно увезти из дома жену и дочь, а самому приехать в «Гуммет». Непонятно и страшно. Что плохого он сделал этой новой власти...

От Нариманова Асланбек вернулся расстроенным. Доктор принял его любезно, успокаивал. Не зря о нем говорят хорошо, хоть и большевик. Но что будет с ним и с его семьей?

А на Каменистой уже замирала жизнь. Как обычно, гасили слабые оготки керосиновых ламп, наглухо закрывали ворота. Даже когда в тишине отчетливо зацокали лошадиные копыта и три больших фазтона остановились у двухэтажного дома Асланбека, ни одно окно не открылось. На тротуар выпали люди, вооруженные маузерами. Один из них — толстый, в папаче, с короткой, обмотанной шарфом шеей — осмотрелся. Не заметив ничего подозрительного, махнул рукой.

— Начинай!

Подожли к воротам, ловко отодвинули внутреннюю щеколду и бесшумно скользнули во двор.

— Все тихо, Каро, — сказал один. — Купец, наверно и слуги дрыхнут.

— Дуйте на второй этаж. Если что, дадите знать, выручит. Мы пойдем за вами через минуту.

Двое маузеристов скрылись в доме. Ничто не нарушало ночной тишины. Оставив еще двоих у фаэтонов, Каро повел группу. Сверху донеслось приглушенное хрипенье. Каро появился. Чья-то рука сжала горло, он задохнулся.

Шайку обезоружили без единого выстрела. Связанного Каро с кляпом во рту усадили в фаэтон и увезли на допрос к следователю Чрезвычайной следственной комиссии Бехбуту Шахтагинскому. В ту же ночь Каро расстреляли. Остальных грабителей отправили в баиловскую тюрьму.

Утром, когда Асланбек, поругивая слугу, вышел к ожидавшему его фаэтону, лавочник Дадаш, двадцать лет торгующий керосином на Каменистой, подергал себя за длинный хрящеватый нос и спросил:

— Вроде у твоих ворот был шум ночью?

— А, — махнул рукой Асланбек, — отправлял семью в селение. Шерсть поехали покупать. Приданое для дочери. Сам знаешь, если женщине что взбредет...

Двадцатого марта вернулся из Шемахи Лалаев. Узнав об аресте маузеристов, он страшно возмутился и отправил угрожающее послание прямо комиссару Тер-Габриеляну:

«Господин Тер-Габриелян, — писал он. — Мне известно, что вы не только советский градоначальник, но и комиссар по борьбе с так называемой контрреволюцией. Я хочу, чтобы вы знали — князь Лалаев плюет на политику и на все ваши партии. Мне известно, что вы расправились с моими людьми и ищите меня. Но я скорее пушу себе пулю в лоб, чем дамся вам живым. Вы армянин, и я тоже. Пусть вы большевик, а я уже никто. Но тогда, как армянин у армянина, я спрашиваю: кого мне винить в том, что в 1905 году в собственном доме на Шемахишке был убит мой отец Балабек Лалаев, который всю свою жизнь делал людям только добро? Кто повинен в том, что была убита моя мать, ожидавшая ребенка?

Вы не заметили, что мои люди мстят только бекам и только тем, кто повинен в этом? Где же справедливость? Вы, армянин, взяли под защиту ярого националиста Асланбека

Имамалнева. Князь Степан Лалаев не боится ни тюрьмы, ни сумы. За мою смерть отомстят товарищи, честные армяне.

Вы ловите людей, которые с оружием в руках защищают свое достоинство. Но чем вы объясните, что Исмаилхан Зиятханов беспрепятственно движется на Шемаху? Он уже сжег два селения, оставил сотни людей без крова и без средств к существованию. Где же тогда, я спрашиваю, ваша справедливость? Если вы не остановите Зиятханова, я превращу в пепел большую часть Шемахи. Это обещаю вам я — князь Степан Лалаев».

Тер-Габриелян нашел письмо в ящике своего письменного стола. Прочитав, он аккуратно вложил его в голубой конверт и вызвал секретаря.

— Как попал этот конверт в мой ящик? — Он испытующе посмотрел на густо напудренное лицо Анны Образцовой.

Она пожала плечами.

— Час назад приходил какой-то командир. Такой, знаете, с коротенькой бородкой и шрамом на левой щеке. Спрашивал вас. Я сказала, что вы в Бакинском Совете. Он объяснил, что привез пакет от Гамида Султанова и попросил разрешения войти в ваш кабинет при мне и положить конверт в ящик стола. Вот и все. Что-нибудь случилось?

Тер-Габриелян так улыбнулся, что Образцовой стало не по себе.

— Говорите, он был с бородкой и шрамом на левой щеке

— Да, товарищ комиссар.

— Высокий, плечистый?

— Да-да...

— Знаете, кто это был? Тот самый Степка Лалаев, которого мы ищем. Мало того, что он свободно прошел в наше здание. Он еще был у меня в кабинете. Да, как вы смели... — Саак сдержался. — Извините... Попрошу пригласить ко мне немедленно товарищей Сухарцева, Авакяна и Исламбека Карабаглы.

Когда секретарша вышла, он поднял трубку телефона и долго говорил с Джапаридзе.

Комиссар городской милиции Сухарцев, военный комендант города Авакян и Исламбек приехали через полчаса. Тер-Габриелян вытащил письмо Лалаева и, нетерпеливо шагая по кабинету, ждал пока они прочтут.

— Я только что говорил с Джапаридзе и Шаумяном. Поразительная наглость. Где твоя милиция, Сухарцев! Учитесь

маршировать под музыку? — Он прищурился на Авакяна. — А твои военные дозоры и патрули предпочитают ночью спать?

На Исламбека он не взглянул вообще, это было выражением обиды почти личной.

— Авантюрист свободно разъезжает из Баку в Шемаху и обратно. Открыто провоцирует конфликты. — Он шлепнул рукой по письму. — Собственноручно расписался, подлец. А мы хлопаем глазами. Вот приказ товарища Джапаридзе. Арестовать Лалаева и предать его суду военно-революционного трибунала. Ясно? Как — думайте сами. План операции доложите через час. Идите.

Уходя, Исламбек заметил сдвинутые к стене стулья. Восемь врозь, пять впритык. И кипа старых газет. Вот где спит Саак. Когда спит...

Едва за комиссарами закрылась дверь, Анна Образцова заперла бумаги в сейф и попросила курьера заменить ее у телефона. Пробежав Губернаторский сад, она оглянулась и юркнула в подъезд. На втором этаже отдышалась, ощупью отыскала кнопку звонка. Дверь открыла молодая женщина с водянистыми голубоватыми глазами. От нее пахло луком и кухонным чадом.

— Ой, Аннушка, каким ветром? Заходите, голубушка, — запела, шаркая ногами в стоптанных мужских туфлях.

Образцова, не ответив, привалилась спиной к двери.

— Он здесь?

— Да, отдыхает.

— Через час будет поздно. Передайте, он должен исчезнуть. Немедленно. Иначе... Я не могу задерживаться. До свиданья.

— Что вы, Анна? — засуетилась хозяйка.

Через десять минут Образцова сидела на своем обычном месте.

Вечер и ночь милиционеры, патрули и конники Исламбека прочесывали город. Проверили все гостиницы, рестораны, кафе-шантан, сомнительные дома. Лалаева не нашли.

Тер-Габриелян, Сухарцев и Исламбек до девяти утра выслушивали донесения. Саак нервно ходил по кабинету, вытягивая за собой шлейф табачного дыма. На улице моросил вялый дождь. Саак хрустнул пальцами и обернулся к Исламбеку.

— Что доложим председателю Совдепа? Что упустили политического бандита, провоцирующего межнациональную резню? Так!

— А что, если сообщить Шемахинскому ревкому о планах Лалаева? Попытаемся как-то нейтрализовать опасность, — не очень уверенно предложил Сухарцев.

— Как сообщим? Конного пошлем? Или голубя пустим?

— Можно дать телеграмму.

— Конечно. Оповестить всех, в том числе сообщников Лалаева.

Прямо в бурке, с которой стекала вода, вошел в кабинет военный комендант Батдасар Авакян. Коренастый, длиннорукый, какой-то нескладный, стараясь не ступать грязными сапогами по дорожке, прошел к столу Тер-Габриеляна.

— Лалаева не ищите. Вчера под вечер уехал в Шемаху. Брат его, Павел, был у меня.

— Это точно? — Саак обжег папирсой пальцы и схватился за мочку уха.

Авакян махнул рукой.

— Клялся. Говорит, что Степан решил отсидеться в Шемахе. Как ни странно, этот анархист заявил, что готов драться на нашей стороне против Зиатханова. Вот его письмо к товарищу Алеше.

— Гм! — усмехнулся Тер-Габриелян. — Защитник пашелся. За что он будет воевать? За винные погреба и шикарных женщин... Прохвост. Ну что ж... Придется докладывать Джапаридзе.

— Да, Саак, — вспомнил Авакян. — Вот еще что... В комиссии у вас работает какая-то дама. Есть данные, что путается с анархистами. Думаю, она и предупредила Лалаева.

— Вот как... Кто она? — встрепенулся Сухарцев. На худом, нездоровом лице вспыхнул румянец.

— Не знаю, Прюмет не сообщили. Сказали только, что русская.

— В комиссии и в бюро у нас более пятнадцати русских женщин. Ин-те-рес-но, — задумчиво протянул Саак. — Это по твоей части, товарищ Сухарцев, — дамы... Ну-ну, шучу. Факт надо тщательно проверить.

Пора было звонить Джапаридзе. После разговора с председателем лицо Тер-Габриеляна стало еще мрачнее. Новостей было много, и одна хуже другой. Некий Имам Гоцинский собирает правоверных горцев в сводный отряд, где их муштруют бывшие офицеры. Татиев, Асадуллаев и Нагиев, недовольные мусульманским пацсоветом, решили действовать сами. В Мардакянах формируются части Дикой дивизии. В дальних селениях их эмиссары вооружают крестьян. Конный полк Халилбека из отряда Гоцинского двинулся на Дербент...

Глава IX. В Ленкорани

Барон Паулис выделялся даже в уличной толчеи Тебриза. Его это, впрочем, мало беспокоило: в кармане лежал паспорт на имя французского коммерсанта месье Жореса.

Хотя Тебриз он знал только по справочникам, ориентировался он в городе вполне сносно. Его интересовали исторические памятники, быт, настроение людей. Надолго, однако, его не хватило. Очень скоро барон оказался в Хамадане.

Здесь было меньше истории, зато больше британских солдат, чувствующих себя в городе, как дома. Тут размещался и штаб баратовского корпуса, который фактически перестал существовать.

После краткого знакомства с историческими местами барон перешел к изучению местных ресторанов. В одном из них месье Жорес встретил офицера из окружения атамана Шкуро. Удивительный человек! Неизвестно, что его больше мучило: неумное желание говорить или неутолимая жажда. Опрокидывая бокал за бокалом, неизвестно кем наполняемые, он рассказывал обо всем сразу: о своей не очень удачной карьере, любовных приключениях, службе, товарищах и еще о делах, которые месье Жоресу не обязательно было знать.

Барон оказался неутолимым путешественником. За несколько дней он побывал в Керманшахе, Казвине и уже в новом качестве — штабс-капитана — прибыл в Энзели. Здесь, наконец, он решил отдохнуть и снял номер в местной гостинице.

Следующее утро началось с неожиданности. Едва месье принял ванну и побрился, как в дверь громко постучали.

Накинув халат, он приоткрыл дверь и в изумлении вытаращил глаза. Перед ним стояли два красногвардейца, оснащенных всеми видами пехотного оружия.

— Вы барон Паулис?

— Несомненно. А в чем дело, господа?

— Мы должны вас препроводить в ревком. Одевайтесь, мы ждем. — Вслед за ним они прошли в комнату. Тянуть не имело смысла. Через несколько минут месье Жорес, ныне штабс-капитан барон Паулис, был готов.

О чем беседовали с ним в ревкоме на протяжении целого часа, никто не знал. Но штабс-капитану было предложено немедленно покинуть Энзели. Он не стал спорить и первым же пароходом отбыл в уездный городок Ленкорань. Он не пошел

в ревком на регистрацию, а снял лучший номер в небольшой гостинице.

Несколько дней он отсиживался в номере, отдыхал. Потом решил пройтись по улицам. Небольшая тучка вылила на город ушаты воды и растаяла. Проглянул чисто вымытый желток вечернего солнца.

Барон знал: тот, кто на Кавказе хочет узнать новости, должен отправиться в чайхану. Посидев там часа два и потолкавшись в лавчонках, он узнал то небольшое, что стоило знать в этом захолустье.

Власть в городе принадлежала красным. Но было сомнительно, что они ее удержат. Фанатичный Гаджи Шейх Мухтар Али оглы Амбаранский с братом собирали в окрестных селах со странными названиями Моллы Ятага, Дегадан, Келемби, Деруз всех, кто умел стрелять, и готовились к походу на Ленкорань. Еще говорили, что на правом берегу Астары беки сколачивают отряды талышей, собираясь захватить Мугань.

По пути в гостиницу барон завернул в кабачок, где обычно собирались русские офицеры. Посетителей было не густо. Несколько лавочников, окруженных хихикающими девицами, и группа офицеров, которые откровенно скучали.

За угловым столиком сидел молодой корнет. Барон понимающе покачал головой: на столе не было ничего, кроме бутылки вина. Барон подошел и поклонился. Корнет пытался подняться, но Паулс небрежным жестом остановил его.

— Сидите, сударь, сидите! Не против? — Он взялся за спинку стула.

— Если вас не смущает мое общество...

— Отчего же. — Паулс достал серебряный портсигар. — Прошу.

— Благодарю, — корнет взял папиросу, с наслаждением затянулся. Спросил с хмельной фамильярностью: — Недавно здесь, господин штабс-капитан? А мне осточертел этот бордель; одно развлечение — вино и карты. В пух и прах проигрался, хоть пулю в лоб. Позвольте дать совет: не увлекайтесь. — И вдруг спросил тоскливо: — Не знаете, что там в России?

— Все так же. Без перемен.

— Я из смоленских дворян. Уже шестой год корнет. Загнав в эти кавказские тропики, сидишь тут и ни черта не знаешь. Одно благо: лазурного неба, лимонов и шлюх навалом. — Он вдруг скверно выругался сквозь зубы. — Вы поосторожнее.

Можно чего хочешь заполучить. Поняли? — Он зло посмотрел на штабс-капитана. — Вы простите, из каких?

— Барон Альберт Паулис. Из Риги.

— Весьма польщен-с, господин барон. А я, с вашего позволения, Рыбников Иван Семенович. Скажу вам, сударь, родился я в имении, где рыб сроду не бывало, а вот извольте Рыбников. Смешно, да? Кстати, в нашем городишке есть и еще барон. Бывший, так сказать, начальник гарнизона — полковник Остен-Сакен.

— Да что вы? — удивился Паулис.

— Да-с. А вы что, знакомы?

— Нет, но наслышан. Говорят баронесса очаровательна.

Корнет расхохотался и взъерошил волосы.

— А вы шутник, штабс-капитан! Очаровательна? Красавица! Остроумна, кокетлива и главное темперамента. Последнее, так сказать, антр ну.

Паулис подозвал официанта.

— Бутылку коньяка получше и закуску по вашему усмотрению.

— Слушаюсь, сударь. А если коньяка нет?

— Тогда вина. Но уж... — Барон кинул на поднос ассигнацию. Официант согнулся в поклоне и мгновенно исчез.

Корнет не потерял еще способности краснеть.

— Право, барон, я недостоин.... Отблагодарить вас мне нечем. Я Робинзон после кораблекрушения.

— Ах, мелочи. В такой глухомани встретить интеллигентного человека... За это грех не выпить. Так вы говорите, что баронесса...

— Баронесса? Ха-ха. Говорят, Распутин называл ее... Ха-ха-ха! О ней анекдоты ходят. Извольте, один. Как-то Распутин с пьяной компанией кутил в московском «Яре». Узнав об этом, Шурочка Остен-Сакен сделала все, чтобы пробиться к нему. Исповедаться, так сказать, облегчить душу. «Святой старец» оказался к ее грехам весьма снисходителен. Получив отпущение старых грехов, баронесса тут же завела новый. Прослышав о сопернице, императрица, понятно, рассвирепела. И заставила батюшку-царя отправить барона подальше — сначала в Симбирск, а затем сюда. Такие вот дела.

К концу ужина корнету стало казаться, что со штабс-капитаном его связывает долгая и прочная дружба.

— А я не прочь познакомиться с этой легендарной баронессой. Однако понимаю, как это трудно. — Паулис игриво подмигнул.

— Да бог с вами! Баронесса обожает новы
Постараюсь устроить вам рандеву.

— Но полковник...

— Не извольте беспокоиться. Мне, штабисту... — Паулис недоверчиво улыбнулся. — Думаете, пьян? Полно вам, барон. Слово офицера. Где вы остановились?

— В гостинице. Десятый номер.

— Превосходно. Это и будет мой подарок вам. Разрешите откланяться? Завтра в полдень.

— В таком случае, надеюсь, мы с вами еще встретимся.

— Уговор дороже денег.

На следующий день к гостинице подкатил кабриолет, запряженный парой породистых лошадей. На тротуар, изящно придерживая платья, сошли две дамы. Одну из них барон узнал сразу. Это была Шурочка Остен-Сакен, некогда блиставшая в петербургском обществе.

— Господи, — прошептал Паулис. — А корнет, оказывается, стоит куда большего, чем я думал.

Он подошел к зеркалу, поправил волосы, пригладил бородку. В дверь постучали. Паулис принял позу человека, никак не ожидавшего гостей.

— Да-да, входите...

На пороге стояла та, о которой барон столько слышал в Москве и Петербурге. Честно говоря, она того стоила. Всепрощающего Остен-Сакена, пожалуй, можно понять...

— Прошу вас, сударыня... Совершенно неожиданная радость. И от этого — особенно приятная.

— Здравствуйте. — Она вошла. За ней следовала молодая женщина, очевидно, горничная.

Паулис поспешно придвинул кресло.

— Сударыня, если вы...

— Барон Паулис?

— К вашим услугам, сударыня.

Она кивнула горничной, та вышла. Баронесса подошла к окну, взглянула на улицу.

— Барон...

— Слушаю вас.

— Да-да, слушайте. Я баронесса Остен-Сакен. — Она сказала это без жеманства, но с достоинством. — В нашем гарнизоне есть один забавный корнет. Сегодня поутру он явился ко мне и сообщил, что в гостинице остановился земляк моего мужа. И еще он предложил пари, что у меня не хватит смелости нанести вам визит. Я приняла пари... — Она не спускала

с Паулиса глаз. — Не скрою, сударь, мне самой любопытно. Здесь так редко встретишься с интересными людьми.

— Разрешите принять это за комплимент, сударыня, и позвольте распорядиться. Хотя бы фрукты и... сладкое.

— Пожалуйста, барон.

В оживленной беседе они не заметили, как летит время. Шурочка не привыкла скрывать свои желания и, смеясь, все чаще откидывала голову, покусывая сухие, жаркие губы...

Двумя днями позднее на Ленкорань был совершен налет. К счастью, случайно задержавшийся в порту пароход «Александр Жандр» открыл из пушек огонь по наступавшим. Атака захлебнулась. В этот момент с фланга ударил гарнизонный отряд.

Объединенные части офицеров и исламистов бежали. Бежал и полковник Константин Остен-Сакен со своей красавицей женой. Устало откинувшись на подушки, Шурочка дремала. Барон старался ее не тревожить. Сегодня он проиграл, но его это не волновало. Он еще отыграется, впереди много ставок.

Остатки мятежников бежали в горы. Их представитель появился в Баку поздно ночью двадцать пятого марта. На конспиративной квартире состоялась его встреча с Али Асадуллаевым и Теймурбеком Карабаглы. Коротко рассказав о неудаче, он потребовал срочной помощи.

Через несколько дней с парохода «Александр Жандр» сошел человек в черном пальто и мягкой фетровой шляпе. Быстро пересек Петровскую площадь, вышел на Александровскую набережную. Уже не спеша, свернул на Старополицейскую. Доктор Фукс радушно встретил приезжего, велел подать кофе, а сам подошел к телефону.

— Голубушка, прошу градоначальника...

— Гражданин, называйте абонентов правильно, — проворчала трубка. — Градоначальство упразднено. Может вам, комиссара? Соединяю.

— Комиссара нет, — ответил женский голос. — Уехал в Баксовдеп к товарищу Джапаридзе.

— Простите за беспокойство.

Доктор Фукс еще раз прокрутил ручку и попросил соединить его с председателем Баксовдепа. Разговор был коротким. Потирая руки, Фукс вернулся к гостю.

Вскоре к дому подкатил фаэтон. Из него вышел человек в хорошо сшитом темнокоричневом пальто, модной шляпе и красных штиблетах. Только близкий знакомый узнал бы в

этом человеке Тер-Габриеляна. Он велел кучеру ждать его у дома Дадашева и, небрежно помахивая тростью, вошел в подъезд.

Как все здесь знакомо. Сколько раз — еще до революции — он встречался с людьми на квартире доктора Фукса. Течет время, люди рождаются и умирают. А этот дом вечен.

Дверь была приоткрыта, его ждали. Он пожал руку хозяину и не задерживаясь прошел в узкую, как пенал, комнату. Все правильно: окно выходит в маленький дворик с двумя калитками. Гость встал навстречу, они обнялись.

— Ты просто молодец. В Москву мы сообщили. Теперь я слушаю.

Они сели в кресла по обе стороны журнального столика. Достали папиросы, закурили.

— Первое сообщение прискорбное. Барон Альберт Паулис, к сожалению, погиб во время мятежа.

— Жаль, неплохой был человек, — с веселой грустью сказал Саак. Оба рассмеялись. Постоянное напряжение, в котором они жили, на время оставило их.

— Куришь много, Артур Янович.

Так странно было слышать собственное имя. Тысячу лет назад он беседовал с Дзержинским. Потом Баку, Тифлис, путешествие с четой Девис, Степка Лалаев, Персия, офицеры... Он погасил недокуренную папиросу.

— Вот что, товарищ Саак... Видимо, в Баку скоро будет не по весеннему жарко. Готовится мятеж. Силы значительные — два полка Дикой дивизии генерала Талышханова окопались где-то у вас под носом (Тер-Габриелян кивнул). Кроме того, отряд кочи и бандитов под командованием Чопур-Гафара, турецкого офицера. Настоящего имени, к сожалению, узнать не удалось.

— Эхтембей. Зверь, не человек.

— Да, я слышал: подл, хитер и довольно популярен в определенных кругах. Далее. Со стороны Шемахи должна подойти конница Знатханова, от Елизаветполя уже движутся части Магалова. В резерве — Остен-Сакен, бежавший в Тифлис. Он намерен вернуться в Ленкорань и попробовать взять реванш. Елизаветполь наводнен агентами Нурн-Паши, в Шемахе началась резня. Степка Лалаев и Знатханов.

— Ясно, — протянул Тер-Габриелян. — Почти ясно. Будет нелегко. В Шемаху мы уже отправили регулярные части. А вот как с мятежом... Сегодня собираем расширенное бюро горкома. Все резервы подскребем. Насколько я знаю, мусават

тисты и дашнаки не нашли общего языка. Вопрос в том, на чьей стороне будут дашнаки, когда начнется наступление. Сведения ценные и своевременные. Куда сейчас?

— В Тифлис, потом вероятно в Россию. Кстати, займитесь Арартяном. Думаю, Ангел поможет. Не откладывайте. Арартяну известны планы англичан. Попытайтесь засечь его на встрече с консулом Мак-Доннелем.

В дверь тихо постучали. Фукс напомнил:

— Уже пять. Пора.

Пурнис поднялся.

— Благодарю, доктор. Ну что, Саак Мирзоевич, пожелаю вам держаться. Может, когда-нибудь встретимся и скажем: «Мы сделали, что могли; кто может, пусть сделает лучше».

— Спасибо, Артур Янович. Как давно я не читал Цицерона.

Глава X. Бой на «Эвелине»

В «Дикой кошке» по-прежнему было многолюдно. Завсегдатаи этого заведения мало интересовались происходящим. Что такое эта нудная политика рядом с обворожительной Дюпо? В «Черной Софье» она была просто божественна. Дело не только в вокале. Песня превращалась у нее в спектакль. А ее знаменитая улыбка? Каждый из ее поклонников принимал эту улыбку на свой счет.

Никто не видел ее потом, когда рыжий парик сползал с головы, и певица с посеревшим лицом неподвижно лежала на диване в гримоуборной. В эти недолгие минуты, отдыхая от пьяного угара, криков, чада, надоедливых поклонников, она особенно остро тосковала по единственному на свете человеку, который был ей нужен. Он всегда рядом и всегда далеко. Даже если он был в трех шагах, она не имела на него права. Со дна вышитой стеклярусом сумочки она доставала маленького фарфорового медвежонка — подарок, давно превратившийся в талисман...

Третий час шло совместное заседание президиума Бакинского Совета и бюро Бакинского комитета партии. Глаза слезились от усталости, но Джапаридзе не отрывался от карты Бакинской губернии, над которой сидел Азизбеков. Красным карандашом он отчерчивал населенные пункты и дороги, ведущие к Баку.

Эти красные пятна казались Алеше язычками пламени, которые рвутся к городу.

Напряжение нарастает и внутри. Только что стало извест-

но, что в «Исмаилие» под прикрытием почти перебрался штаб Дикой дивизии. Вот оно — честное слово генерала Талышханова. А как он клялся, что выходит из игры. Уверял, что все ему надоело, что он мечтает об одном — отдохнуть.

Джапаридзе прикрыл глаза ладонью, заставив себя сосредоточиться на том, что говорит Азизбеков.

— ... В отряде Исмаилхана Зиатханова шестьсот сабель. Внушительная сила. Он прошел от Елизаветполя до Шемахинского уезда. Сжег селения Заргаран, Сенч, Керкенч, угнал скот. Никого не щадит. Вырезают даже стариков, женщин, детей. Отпор дали лишь матрасинцы, Зиатханову пришлось совершить обход. По пути, в селении Мюджи, где около пяти-сот дворов мусульман и ширванских евреев, он устроил настоящую бойню. Сотни жителей загнали в дома и амбары, сожгли. Заживо. Кто уцелел, бежал в Джангинский лес и в направлении Баку. Но бандиты настигли беженцев в Джейран-Кечмезе, окружили и перерезали. Исмаилхан сумел ворваться в Шемаху, расправившись с небольшим отрядом красногвардейцев и активистов. Склады оружия и продовольствия разграблены. Город залит кровью.

Джапаридзе молчал, хотя все в нем кипело. Он понимал, к чему это приведет.

— В результате двухдневных боев, — продолжал Азизбеков, — партизанский отряд Татевоса Амирова разгромил банду. Партизаны, потерявшие в бою много людей, в ряде случаев не смогли остановить маузеристов Степки Лалаева, объявившего «великое возмездие». Жертвами бесчинств лалаевской банды стало мусульманское население Шемахи. Телеграфист, передавший приказ об аресте Лалаева, оказался предателем и вместе с князем скрылся в горах... — Азизбеков помолчал и закончил: — Пришло время, когда мы должны использовать власть, и там, где это необходимо, принять самые крутые меры. Всякое промедление, всякая нерешительность грозит потерей тысяч и тысяч людей.

— Не горячись, — остановил его Нариманов. — События в Шемахе слишком серьезны, чтобы рубить сплеча. Можно ли, к примеру, ставить на одну доску Исмаилхана и Лалаева? Зиатханов — убежденный враг, умный и жестокий. Степка рядом с ним — мелкий авантюрист. И в отношении Амирова надо быть объективным. Не следует забывать, что именно его отряд наголову разбил Зиатханова. Далее, я, как член Бакинского комитета партии, обязан спросить: все ли мы делаем для предотвращения гражданской войны в Баку?

Нужно, чтобы все понимали: Хойские, Топчибашевы, Зияхановы и другие — это еще не азербайджанский народ. Так же, как Тер-Микаелян, Туманян, Тер-Каджарянц или тот же Степка Лалаев не представляют нации. Что сделано для разъяснения этой очевидной истины?..

Нариманов хотел еще что-то сказать, но зазвонил телефон. Все молчали, прислушиваясь к коротким ответам Джапаридзе.

— Ясно, товарищ Авакян. Принимайте меры. Сейчас будем в штабе. — Он положил трубку. — Мусаватисты подняли мятеж. Конный отряд, возглавляемый поручиком Асадуллаевым; при поддержке пехоты захватил девятнадцатую пристань и пароход «Эвелину». Товарищ Саак, немедленно направьте на место отряд Исламбека. Пристань и «Эвелину» необходимо отбить. Установите наблюдение в местах предполагаемых явок... Нариман, направьте агитаторов в районы и на предприятия. Нужна решительная и действенная пропаганда, чтобы отбить наступление контрреволюции. Товарищ Басин, вы займитесь морскими делами. Свяжитесь с Али-Байрамовым, Роговым и Губановым. Товарищ Фиолетов, за вами рабочее ополчение. Готовьте отряды. Товарищи Аракелян и Саакян. Вы несете персональную ответственность за поддержание порядка в армянских кварталах. Мы с товарищем Азизбековым едем в штаб Красной Гвардии. Степан Георгиевич там. Все, товарищи.

Он распахнул окно, прислушался: со стороны моря доносилась беспорядочная стрельба. Быстро натягивая куртки, пальто, шапки, члены президиума Совдепа выходили из кабинета, садились в автомобили и фаэтоны.

За час до того на девятнадцатой пристани все было спокойно. У причала медленно покачивался пароход «Эвелина», совершавший регулярные рейсы в Ленкорань. Объявили посадку, пассажиры ринулись к трапам. Началась давка. Каждый старался занять удобное место на палубе. Два немолодых красногвардейца, сидевшие на порожних бочках, с любопытством наблюдали за толкотней. Трап прогибался под тяжестью людей, чемоданов, мешков.

Никто не заметил, как на пристани появились вооруженные солдаты. Даже появление конного отряда не насторожило красногвардейцев: всадники неторопливо двигались к пароходу со стороны персидского причала. Впереди на сытых жеребцах, негромко переговариваясь, гарцевали Али Асадуллаев и Теймурбек Карабаглы.

Не обращая внимания на ругань пассажиров,

въехали прямо на пристань и сосредоточились у грузового трапа. Пешие солдаты, оттеснив пассажиров, заняли трап и полезли на палубу. Возмущенные крики, брань, плач женщин привлекли внимание капитана. Он поднялся на мостик.

Потомственный моряк Кафар Саламов пользовался авторитетом не только на «Эвелине». Его знали и уважали на всем Каспии. С первого взгляда он оценил ситуацию. Подозвал боцмана Бутыру.

— «Эвелина» не выйдет в море.

— Понял, капитан.

— Быстрее.

Саламов подошел к грузовому трапу, где распоряжался всадник на арабском жеребце. Капитан, знакомый с отцом Асадуллаева, сразу понял, кто перед ним. И однако решительно преградил ему путь.

— Я протестую, господин офицер. Категорически требую вывести солдат. «Эвелина» — пассажирское судно и для перевозки военных грузов не предназначено.

— Что? Как вы смеете? — заорал поручик. — Забыли, кто я? Могу напомнить. Я — Али Асадуллаев, сын Шамси Асадуллаева, владельца «Эвелины».

Саламов взял коня под уздцы.

— Ваш отец не вам, а мне поручил командование. Так что за судно и за порядок на нем отвечаю я. Представьте мне распоряжение властей о передаче «Эвелины» военным, и я немедленно высажу пассажиров.

— Вы что, сумасшедший, капитан? Уйдите, или я велю вас арестовать. — Поручик угрожающе взмахнул нагайкой.

— Сожалею, господин поручик, но вы ведете себя недостойно. Стреляйте, если у вас не дрогнет рука. Стреляйте в капитана за то, что он выполняет свой долг.

Саламов старался выиграть время. Он надеялся, что вот-вот появится патруль. И потом минуты, которые он тянул сейчас в бесполезном споре с поручиком, нужны были боцману.

Подъехавший Теймурбек выхватил из кобуры маузер, прицелился.

— Уйди с дороги, проклятый большевик, или я всажу пулю в твой упрямый лоб. — Он спустил крючок, но Асадуллаев успел толкнуть его руку. Грохнул выстрел. В толпе кто-то вскрикнул, громко заплакали, запричитали женщины.

— Прекратите, Теймурбек, — прошипел поручик. — Сейчас не время будоражить толпу. Арестуйте его и закройте в каюте. Ясно? Дальше вы сами... И не теряйте времени.

Отдав распоряжение, поручик съехал на причал. По знаку Теймурбека солдаты схватили капитана, поволокли в каюту. Дверь захлопнулась. Перед ней встали часовые. Гремя оружием, солдаты полезли на палубу.

Бутыра действовал быстро. Шепнув несколько слов механику, он выбрался из машинного отделения и по веревке, благо стемнело, перебрался на пирс. Кинулся к Сухарцеву, которого хорошо знал. Но уже на Биржевой мимо него пронеслись фаэтоны с пулеметами. За ними бежали красногвардейцы. Бутыра с трудом отдышался, закрутил трубку и повернул обратно, к пристани.

Выстрелы слышали в казарме как раз в тот момент, когда раздался звонок Тер-Габриеляна. В течение нескольких минут отряд был поднят по тревоге. Исламбеку казалось, что люди движутся нестерпимо медленно. Опять Теймурбек! Какой будет эта вторая встреча с братом? Никаких родственных чувств было в его душе.

По палубе «Эвелины» металась пассажирка, пытаюсь хоть куда-то спрятаться. Оставаться на захваченном солдатами пароходе было страшно, но и сойти на пристань никто не решился. Молоденькая девушка растерянно бегала по палубе, звала мать. Чадра сползла с головы, открыв детское личико. Навстречу ей кинулся здоровенный солдат, схватил девушку в охапку и с хохотом поволок к шлюпке.

Девушка зубами вцепилась ему в руку. Солдат взвыл от боли и уронил ее. Простоволосая, в изодранном платье она толкнула какую-то дверь и очутилась в радиорубке. Радист, молодой паренек, что-то лихорадочно выстукивал. Он не успел ничего спросить. В рубку ворвался разъяренный солдат, ударом свалил девушку. Крик захлебнулся в огромной лодонии...

Не раздумывая, радист схватил молоток и нанес удар. Солдат обмяк, из оскаленного рта поползла тонкая струйка крови. Девушка вскочила, бросилась к двери. Радист заслонил выход. — Йох-йох, баджи¹. Нельзя. Там стреляют. Понимаешь?

Она кивнула, стыдливо отвела глаза.

— Сиди здесь. Дверь не закрывай. — Он достал из ящика револьвер и выскользнул на палубу.

Нет, она не могла оставаться здесь, рядом с этим мертвым телом. Она осторожно выглянула — где-то стреляли, звали на помощь раненые. Она добежала до спасательной шлюпки и

¹ Нет-нет, сестра (азерб.).

укрылась брезентом, оставив маленькую щелочку, чтобы деть этого смелого парня.

Радист взлетел на капитанский мостик и сразу упал. Здесь было небезопасно, зато великолепно просматривались и палуба, и освещенная пристань. У трапа гарцевал всадник. Кричал, размахивал маузером. Радист прицелился. Звук выстрела потонул в общем шуме. С головы всадника слетела папаха. Он выругался, схватился за маузер. Радист выстрелил еще раз. Пуля попала в левое плечо.

— Я ранен, поручик, — крикнул Теймурбек Асадуллаеву. — Я ранен... Слышите?

— Перевяжите рану и отправляйтесь в штаб. Пусть пришлют подкрепления. Иначе нам не удержать пароход.

Теймурбека это вполне устраивало. Открытый бой не для него, он контрразведчик. Только он рванул коня, как радист выстрелил в третий раз. Конь упал на передние ноги. Теймурбек вылетел из седла, подмяв под себя раненую руку. Вскрикнув от дикой боли, он с трудом поднялся и прихрамывая потащился вдоль берега.

Уже стемнело, когда он добрался до Набережной. Шагнул в парадное — в полусотне метров промчался конный отряд Исламбека.

Чуть раньше Петровскую площадь заняла рота красногвардейцев и залегла на подступах к пристани. Оттуда палили без передышки. Избегая кровопролития, командир роты решил начать переговоры о прекращении огня. Четверо красногвардейцев с белым флагом направились в сторону мятежников. Увидев парламентаров, поручик Асадуллаев вскинул пистолет.

— Огонь по гуярам! Никаких переговоров с большевиками. Огоны!

Грохнул нестройный залп. Трое упали сразу. Белый флаг колыхнулся в воздухе и исчез — раненый боец упал. С моря ударил луч прожектора: обшарил берег, Петровскую площадь, уперся в пристань. Асадуллаев огляделся. Корабль приближался со стороны военного порта. «Ардаган», — определил он. — Ничего, огня открывать он не станет. На «Эвелине» пассажиры...

— Огоны! — заорал он, подбадривая себя. — Ни минуты передышки гуярам. Держитесь. Уже идет помощь из Крепости...

Он не знал, что потерявший коня Теймурбек пробирается к Крепости, прячась по задворкам.

Радист, заметив, что «Ардаган» близко, смело выск

палубу. Двумя выстрелами радист снял часовых у капитанской каюты. Вбежал в каюту, перерезал веревки. Расправив затекшие плечи, Кафар Саламов прежде всего выругался, виртуозно используя обороты всех трех известных ему языков.

— Надо отойти от берега. Обруби концы. Я — в машинное отделение. Сейчас устроим этим мерзавцам...

В пылу боя мусаватисты на пристани забыли о пароходе. Асадуллаев не столько увидел, сколько почувствовал: что-то изменилось. «Эвелина» отходила от причала.

— Сволочи! — Всю обойму своего маузера он разрядил в пароход. В эту минуту на пристань ворвались конники Исламбека. Мусаватисты сбились в кучу. Одни, бросая оружие, поднимали руки, другие кидались в воду. Два пушечных выстрела с «Ардагана» прекратили сопротивление. Поручик рванулся в сторону.

Исламбек налетел на него и вздыбил к

— Где Теймурбек?

— Не извольте беспокоиться, бек, — ответил Асадуллаев с иронией. — Ваш брат скоро прибудет. Вы сможете скрестить шпаги. А саблю уберите, я сдаюсь. Ваша взяла.

— Мерзавец! — выругался Исламбек. Обернулся к мощнику.

— Доставьте бандита к товарищу Сааку. Живым. Ясно?

— Так точно, командир.

Оставшиеся на пристани мусаватисты сдались. Прожектора «Ардагана», освещая берег, помогали красногвардейцам разоружать мятежников. Команда «Эвелины» обезоружила солдат сама. Пароход повернул к причалу.

После полуночи стрельба прекратилась. На пристань обрушилась тишина. По площади, прижимаясь к домам, двигались какие-то тени. Стонали раненые, слышалась приглушенная брань. Подрагивали огоньки керосиновых фонарей. Жители искали близких среди убитых и раненых.

Теймурбек кое-как добрался до караван-сарая. Обнаружив чужого осла, взобрался на него, бормоча проклятия, и погнал в глубину Крепости. Казалось, эти проклятые улочки никогда не кончатся. Успеть. Уже видно здание Исмаилие. В штабе можно будет получить помощь, свежего коня и вернуться к «Эвелине». Тогда держитесь гуяры, красная сволочь! Только бы никто не увидел его на этой жалкой скотине. Ругаясь, он сполз с осла...

О, как ему дорог Исмаилие. В вестибюле и коридорах суетятся, как обычно, чиновники и военные. Теймурбек вошел

к командующему без стука. Он ждал вопросов и сочувствия. Однако Топчибашев и Расул-заде встретили его хмуро. Только в глазах генерала Теймурбек уловил жалость.

— Садитесь, сын мой, — генерал кивнул на кресло. — Мы уже знаем, что бой проигран. Наши доблестные аскеры разоружены и взяты в плен. Арестован и сын почтенного Шамси Асадуллаева.

Теймурбек вскочил.

— Разоружены? — вырвалось у него. — Но я... — Он умолк и тяжело устоялся на генерала.

— Да, поручик. Наши солдаты разоружены и взяты в плен. Разгром учинил ваш милейший брат. Не понимаю, господа, — Генерал картинно оперся руками о край стола. — Бек, сын почтенного человека... И где? У красных. Удивительнейший, необъяснимый парадокс.

— Он. Опять он, — глухо прошептал Теймурбек. Губы его побелели.

— Вот именно, он. И вы тоже могли бы попасть в его руки, если бы... Вы ранены, поручик? Мужайтесь! Аллах милостив к своим детям.

— Но, генерал, я прибыл за подкреплением. По приказу поручика Асадуллаева...

— А где они, эти подкрепления? — раздраженно спросил Расул-заде. — Где? Их нет. Все придется начинать сначала. Снова собирать силы и вооружаться. Лучше вооружаться. Чтобы не проигрывать так позорно. Мы оскандалились, господа. Потеряли людей, оружие. Большевики и дашнаки завтра же поднимут вой. Вы слышите, генерал?

Генерал небрежно пожал плечами. Отвел поручика к окну, сказал нетромо:

— Вы должны, сын мой, немедленно ехать в мусульманские Кишлы. Разуштите моллу Мирзу. Он приготовил человек тридцать-сорок. Немного, но... Нужно захватить тюрьму, освободить наших людей и прижать армян. Разумеется, от имени Советской власти. Исходя из обстановки, можете стрелять и в русских, и в мусульман. Чем больше шума, тем лучше. Кстати, вы понимаете, как отразится на вашем будущем родство с этим комиссаром. Пока он стоит у вас на пути...

— Я его убью. Клянусь аллахом!

— Вам виднее, поручик, — генерал улыбнулся, сверкнув золотыми коронками. — Все, что связано с вашим братом, дело вашей чести.

— Разрешите исполнять, ваше превосходительство?

— Желаю успеха, сын мой. Помните, я вам верю. Не подведите старика. Я ценю давнюю дружбу с вашим отцом Кара Мусабеком. Уверен, вы окажетесь достойным сыном. Коня возьмите во дворе, у коменданта. Я распоряжусь.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Ступайте.

Теймурбек вышел, заметно прихрамывая.

Всю ночь по проселочным дорогам скакали гонцы штаба Дикой дивизии, развозя приказы о мобилизации...

После кровавых событий у девятнадцатой пристани оставаться в здании Исмаилие было нельзя. Доктор Нариманов думал об этом и раньше, но совсем не было времени.

Теперь пришлось его выкронить. К зданию подъехали два грузовика и несколько фаэтонов. Члены комитета «Гуммет» занялись погрузкой.

Мамед Эмин и Али Марданбек, стоя за занавесом у огромного окна, наблюдали как социалисты покидают Исмаилие. Али Марданбек ухмыльнулся:

— Как вы думаете, уважаемый Мамед Эмин, что собирается делать доктор Нариманов?

Расул-заде пожал плечами.

— По-моему, готовится дать нам бой. Очень жаль, что порядочный мусульманин, интеллигент и светлая голова, он упорно не желает видеть, куда дует ветер.

— Вы считаете, что он дует в нужном для нас направлении? — спросил Топчибашев иронически.

Расул-заде неприязненно покосился на коллегу.

— Если господин Али Марданбек думает, что силы Гоцинского, дивизия Талышханова, полк Зиятханова, турки и наши преданные мусульмане слабее, чем большевики и дашнаки, тогда доктор Нариманов прав.

— Не знаю, господин Мамед Эмин, чем кончится наша борьба. Вы убеждены, что мы победим. Ваши слова как звон колокола. Но обстоятельства, увы...

Собеседники смолкли. В кабинет бодро вошел генерал Талышханов. Он был гладко выбрит, подтянут, как-то неестественно весел.

— Господа, наши люди мобилизованы и готовы хоть сейчас выступить за святое дело. Господин Гаджи прислал из Мардакян сердечный привет и просил передать, что аллах с нами. Однако вам бы не мешало, господа, пойти в их большевист-

ский совет и потребовать возвращения оружия. Шестьсот винтовок и почти пять тысяч патронов оченьгодились бы.

— Хорошо, генерал, — ответил Топчибашев сдержанно. — Ваши пожелания мы непременно примем к сведению.

— Благодарю вас, господин Али Мардапбек.

Глава XI. Смутяны

Над высоким минаретом Таза-Пир провисло серое небо. Молла Махмуд Аббас степенно поднялся по узенькой винтовой лесенке на минарет, обвел равнодушным взглядом скопище плоскокрыших домов, грязные улочки. Пора было начинать. Он воздел к небу руки, и гортанные тягучие звуки молитвы поплыли над спящим кварталом.

— Я ал-ла-ху Акпер... Рахмани-Рахим...

Захлопали калитки, вереницы понурых людей потянулись к мечети.

Когда отряд Исламбека Карабаглы рысью выехал с Персидской, до мечети уже было трудно добраться. Верующие запруднили все переулки, все подступы к Таза-Пиру. Правда, они расступались перед конниками, но, увидев красные банты и повязки, обрывали молитву, громко проклиная иноверцев. Разогнать толпу Исламбек не решался.

Молла продолжал взывать к небу. Глухо и покорно вторили ему мусульмане.

— Ва-аллах Мухаммед...

Наконец, молитва окончилась. Стало тихо. Молла, провожаемый тысячами глаз, спустился с минарета на нижнюю площадку мечети. Здесь он снова воздел руки к небу, провел ладонью по морщинистым щекам и белой бороде.

— Братья мои, мусульмане, — начал он скорбно, — сыны всемогущего аллаха! На мою долю выпала горькая участь донести до ваших ушей печальную весть. Да разразится гром и сгорят дома иноверцев. Многие из вас еще не знают о страшной ночи, которая унесла в вечность души рабов аллаха, ваших братьев. Горе высушило мои слезы и нет у меня слов, чтоб рассказать о мучениях погибших братьев... Большевики и армяне хотят, чтобы захлебнулись в крови дети наши, жены и матери. Чтобы они умерли с голоду. Можем ли мы это позволить? Нет, братья мои. Мы должны встать на защиту корана, спасти мусульманский народ от большевизма...

Такой откровенной наглости Исламбек не ожидал. «Вот

артист. Все рассчитано. Знает, где закатить глаза, в каком месте пустить слезу, когда перейти на шепот. Кто из мусульман не встанет на защиту корана? Как хитро, со знанием душ верующих действует белобородый, пробуждая в темных людях злобное, мстительное, жестокое...»

Махмуд Аббас сделал секундную передышку. Исламбек воспользовался.

— Братья-мусульмане!

Толпа дрогнула, люди обернулись к всаднику в кожанке.

— Братья-мусульмане! — еще раз повторил Исламбек.

Теперь обернулся и молла. Он увидел суровое лицо, всадников с винтовками и решил выждать.

— Я такой же мусульманин, как и вы. Но я большевик. Вы хорошо знаете доктора Нариманова, Мешадибека Азизбекова, Гамида Султанова, Мир Гасана Везирова и многих других. Их вскормили азербайджанские матери. Но они тоже большевики. Это значит, что они готовы отдать жизнь за бедняков. За то, чтобы вы и ваши дети не знали голода, не гнули бы спину за гроши, росли сытыми и счастливыми...

Почтенный молла, взывая к аллаху, мешает много лжи с кусочком правды. Могу ли я, как мусульманин, равнодушно слушать прикрытую именем аллаха ложь? Он зовет вас защищать мусульман от большевиков. Но разве большевики идут против мусульман? Разве большевики имеют земли, отары овец, миллионы рублей, фабрики, заводы и промысла? Нет! Разве большевики мучают мусульман? Конечно, нет! Молла говорит о коране. Но разве в коране записано, чтобы мы убивали друг друга? Если молла не хочет говорить правду, то правду скажу я...

Махмуд Аббас воздел руки к небу. Но неож закрычали:

— Ты говорил все утро. Пусть он тоже скажет.

— Не надо. Он все равно соврет.

— А у тебя что, башка саманом набита? Не отличить правду от лжи...

— Чья льется кровь?

— Говори, большевик!

— Не слушайте, братья! Он лжет. Гяур. Красный...

Но остановить Исламбека было трудно. Он подъехал ближе. Толпа расступилась. Два красногвардейца, чернобровые мусульмане в пышных папахах с маузерами, держались рядом.

— Тиш-е-е! Я Исламбек Карабаглы, сын Кара Мусабека. — Толпа возбужденно загудела. — Граждане города

должны хорошо знать его. Стало быть, я мусульманин. Настоящий! Я — беки! И тем не менее большевик. Почему? Потому, что только среди них я нашел настоящую правду. Разве у большевиков есть миллионеры? Азизбеков и Нариманов могли стать богатыми людьми. Но не захотели. Зачем одному человеку много денег? Если ты сыт, обут, одет, твои дети учатся? Если дома чисто и никакой нужды? Нам хватает рубля, а Тагиеву миллион не хватает. Он что, больше меня ест? Или больше работает? Нет, работаете вы, а имеете одни долги. Правильно?

— Правильно!

— Хотите знать, что произошло вчера ночью? Сын миллионера Шамси Асадуллаева собрал триста аскеров и хотел ехать в Ленкорань, расстрелять там рабочую бедноту, чтоб вернуть власть ханам, бекам и мюлькедарам. Мы им этого не разрешили. Тогда мусаватисты открыли огонь по безоружным солдатам, которые шли к ним с белым флагом. Это было сделано по приказу Али Асадуллаева и моего родного брата Теймурбека Карабаглы.

Взгляните сюда. Вот они большевистские аскеры. Они все мусульмане. В руках у них оружие. А почему? Потому, что они охраняют ваш покой, покой бедняков. Так?

— Так, — откликнулись в толпе.

— Я как комиссар, именем Советской власти приказываю всем мирно разойтись по домам. Молла совершает тяжкий грех, обманывая вас. Ему за это хорошо платят. Дома вас ждет кусок черствого хлеба. А у моллы во дворе готовится плов. Правоверные! Идите с миром домой и подумайте. Хотя многие здесь с оружием, я верю вам. Один бедняк не должен убивать другого бедняка только потому, что этого захотел мюлькедар...

Толпа яростно зашумела,
расходиться.

Глава XII. Делегаты

Город лихорадило. Нападение мусаватского отряда Али Асадуллаева на девятнадцатую пристань послужило сигналом. Национальные советы, мечети, церковь — все было пущено в ход, чтобы опорочить большевиков.

В эти дни нефтепромышленник Тагианосов давал званый обед в своем доме на углу Биржевой и Большой Морской.

Обходя накрытые столы, он прикидывал, как рассадить гостей в соответствии с их чинами, богатством, личными отношениями.

К подъезду Совдепа подкатили два фазтона. Вышли Расул-заде и Топчибашев. Дежурные красногвардейцы неприятно оглядели прибывших. Тут же появился комендант — рабочий с красной повязкой на рукаве и револьвером у пояса.

— Вам куда, господа?

Расул-заде, шедший впереди, вспыхнул и пустил вперед Топчибашева.

— Какие же мы господа! — воскликнул Али Марданбек. — Мы делегаты мусульманских демократов. Нам необходимо видеть товарища Джапаридзе по важному вопросу. Будьте любезны...

Комендант прошел к телефону и крутнул ручку.

Джапаридзе, беседовавший с Коргановым, Наримановым и Авакяном, не удивился. Прикрыв трубку ладонью, он шепнул:

— Не сомневался, что господа нанесут нам визит вежливости. — И уже в трубку: — Пропустите.

Меньше всего Расул-заде и Топчибашев ожидали встретить здесь, у предсовдепа, доктора Нариманова. Но отступить было поздно. Видимо, они договорились заранее — Али Марданбек начал первым. На сей раз он обошелся без обычных дипломатических отступлений и лишь поглядывал на Нариманова, стараясь понять, как реагирует он на их визит.

— Прошлой ночью, гос... гражданин председатель, ваши люди — кавалеристы Исламбека Карабаглы — совершили нападение на «Эвелину», перебили и взяли в плен наших аскеров, а также оружие мусульманского совета... Кроме того, арестован сын уважаемого Шамси Асадуллаева, чьи заслуги известны. — Подперев ладонью подбородок, Джапаридзе слушал, поражаясь тому, какие обтекаемые слова находит Топчибашев для описания кровавых событий. — Разумеется, мы явились сюда с самыми мирными намерениями...

Джапаридзе встал.

— Если я правильно понял: вы хотели бы получить оружие, которое конфисковано нами?

— Да-да, это необходимо, — кивнул Топчибашев.

— Вы считаете, что большевики поступили незаконно? Оказывается, это вы предлагали нам мир, а мы вам войну.

— Нет... Не совсем так. Войны вы нам, конечно, не объявляли. И вообще, мы не уполномочены обсуждать этот вопрос. Хотя я мог бы напомнить, что в городе и в селениях разгора-

ются страсти, и мусульманское население расценивает происшедшие события, как... Как, скажем, покушение на свободу мирных граждан.

— Население или вы, господин Топчибашев?

— Нет-нет, не я, — сказал он поспешно. — Но было бы лучше успокоить людей.

Джапаридзе спросил простодушно:

— А как вы считаете, доктор?

Топчибашев и Расул-заде насторожились. Они предпочли бы не вступать в дискуссию с Наримановым. Подчеркнутое спокойствие доктора ничего хорошего не предвещало.

Негромкий, суховатый голос Нариманова прозвучал так, что Али Марданбеку стало не по себе.

— Давайте откровенно, господа. Мы хотим услышать от вас, зачем взвод кавалерии Али Асадуллаева и двести аскеров из Дикой дивизии пытались захватить «Эвелину» и с какой целью стреляли в пассажиров? Не для успокоения ли страстей, как вы изволили заметить? А может быть, для войны с Советской властью в Ленкорани? Я жду ясного ответа.

Топчибашев достал платок — он всегда покрывался потом, когда нервничал. Мамед Эмин проклинал себя за согласие ехать в этот Баксовдеп.

— Уважаемый Нариманбек, — мягко возразил Топчибашев, — мое общественное положение, к сожалению, лишает меня возможности дискутировать с вами. Вы, конечно, понимаете, что каждый из нас выполняет свой долг.

— Ну, уважаемый Али Марданбек, ваш долг особого рода, и плата за него тоже будет особой. Провоцировать одурманенных религией людей, сеять национальную рознь, сознательно толкать народ в пропасть гражданской войны...

— Вы заблуждаетесь.

— Увы, нет! Сегодня мы лишний раз в этом убедились. Вам не хуже, чем мне, известно, что мусульманский совет с помощью моллы пытался натравить бедный люд нагорной части на своих братьев. У Таза-Пира... Да-да.

— У вас нет оснований утверждать это, господин Нариманов, — вмешался в разговор Мамед Эмин. Он чувствовал, что Топчибашев может вконец испортить и без того сомнительное дело, за которое они взялись.

Нариманов живо обернулся к Расул-заде.

— А какие еще вам нужны основания, господин Мамед Эмин? Здесь же не следственная комиссия, а кабинет председателя Баксовдепа. Мне хотелось бы услышать объяснение

действий генерала Талышханова, пытавшегося переправить роту Дикой дивизии в Ленкорань. Кстати, спросите заодно генерала, где слово чести, которое он давал товарищу Джапаридзе.

— Мы пришли к вам не спорить, а просить о возвращении оружия национального совета.

В глазах Нариманова промелькнула усмешка. Он повертел в руках карандаш.

— Итак, господин Расул-заде не нашел ответа. Не стану настаивать. Ладно, мы пойдем навстречу господам демократам. Оружие, изъятое у солдат Дикой дивизии, будет возвращено через комитет «Гуммет»... трудящимся мусульманам.

К вечеру город разделился на зоны. Вокруг церкви Святого Фаддея и Варфоломея группировались вооруженные дашнаки. Они же заняли гостиницы «Метрополь» и «Европу». В мусульманской части города начали рыть окопы, вывозили детей, женщин, стариков.

Ольгинская и Великокняжеская контролировались красногвардейцами. В здании «Астории» — центральном штабе Красной Гвардии — срочно формировались боевые отряды из передовых, революционно настроенных рабочих. Получив задание, они тут же уходили на посты. В Черном городе усилили охрану нефтеперегонных заводов. В Сабунчах, Балаханах и Раманах спешно создавались отряды самообороны для защиты промыслов.

Площадь Свободы стала опорным пунктом. Сюда собирались все, кому была дорога свобода, завоеванная революцией. Приходили партийцы-дружинники, рабочие заводов и фабрик, служащие, студенты...

Между тем к подъезду дома Тагнаносова подъезжали экипажи. Казалось, волнение, охватившее город, абсолютно не затронуло гостей нефтепромышленника. В зале, окна которого были завешены плотной набивной тканью, гремел духовой оркестр, вальсировали пары. Говорили о весне, о модах, кокетничали, разбирали по косточкам супругов Девис и Лизабет Дюпо, которую сопровождал французский поверенный. В чудесном, смело декольтированном костюме, она была очаровательна. Ее без конца приглашали. Но Лизабет отказывала, смягчая отказ виноватой улыбкой.

— Пардон, месье. Этот вечер я не танцуй. Этот вечер господин французский посоль...

Тагнаносов, поглаживая холеную бородку, сделал знак музыкантам. Оркестр, микшируя звук, постепенно умолк.

— Дамы и господа! Прошу к столу.

Дирижер в военном мундире вновь взмахнул палочкой. Гости продефилировали под марш в банкетный зал к изысканно сервированному столу. Лакеи разливали по бокалам шампанское. Слово попросил Аршак Иванович Дастаков, богатый нефтепромышленник. Озабоченно оглядев присутствующих, он с неудовольствием покосился на кокетливо щебечущую Лизабет Дюпо.

— Думаю, господа, что разумные люди не осудят нас за то, что в такое тяжелое время мы собрались за этим столом. К счастью, сегодня среди нас нет мусульман, и я могу говорить откровенно. Мне не хочется преувеличивать опасность, но то, что нас ожидает, действительно страшно. Страшно потому, что никакая сила сейчас не способна противостоять большевистскому яду, проникающему в среду и мирных армян, и религиозных мусульман. У нас, — он помедлил, — нет выбора. Пусть они лучше бьют друг друга, чем нас. Многое будет зависеть от нашей дальновидности, гибкости. Если увидим, что побеждают мусульмане, надо помогать большевикам. Не будем придаваться иллюзиям. Придя к власти, мусульмане вырежут всех. Хочу обратиться к господам Тер-Каджарянцу, Гюльдаханяну и Аветисову. Нет ли резона поторопить господина английский консула с приглашением английских войск?

В зале стало очень тихо. Потом посыпались тосты.

Тер-Каджарянец, полковник Воскресенский, полковник Аветисов, консул Мак-Доннелль, Девис как-будто старались перещеголять друг друга в красноречии. Тосты, одни пышнее другого, славили «цвет общества», смелых сынов и красивых женщин армянского народа, его великое прошлое и прекрасное будущее...

Лизабет Дюпо, что-то нашептывая таявшему от удовольствия спутнику, лениво слушала ораторов. Как только стали подниматься из-за стола, она побледнела, сжала виски и попросила ее проводить.

В самый разгар веселья в зал ворвались грозная россыпь пулеметных очередей, гул далеких взрывов. Испуганно взвизгнув, дамы бросились по углам, путаясь в длинных шлейфах. Мужчины погасили свет и осторожно выглядывали в окна. Не потерял присутствия духа, пожалуй, лишь полковник Аветисов. Он негромко распорядился, чтобы офицеры немедленно отправились в свои подразделения и ждали указаний. Гайк Тер-Каджарянец и полковник Воскресенский вернулись в гостиницу «Европа».

Лизабет Дюпо со своим именитым спутником поехала в консульство. Едва добравшись до кабинета, Лизабет позволила.

— Доктор, вы? Мне нехорошо. Жду вас дома.

— Хорошо, деточка. Скоро буду.

Глава XIII. Допрос

Шахтактинский захлопнул серую папку, на которой чья-то рука размашисто вывела: «Дело «Эвелины». Прикрутив лампу, распахнул окно. В пропахшую табакон и керосиновым чадом комнату ворвался мартовский ветер. Он нес с собой запахи весны, моря, только что прошедшего дождя.

Бехбуд закрыл глаза и с наслаждением подставил лицо ветру. Он любил эту пору — время цветения первых абрикосовых деревьев, шумного птичьего гомона под карнизамн крыш, ярких базаров. Пройтись бы по бульвару, полюбоваться на женщин. Но разве уйдешь, когда на столе лежит эта невзрачная — и такая серьезная — папка...

Несмотря на молодость, многое успел Бехбуд Шахтактинский, первый азербайджанский следователь. Состоял в «Гуммет», вел пропаганду среди рабочих, выполнял особые задания, постигая суровую науку конспирации, учился сложному следственному искусству — спокойно говорить с самыми разными людьми: откровенными, изворотливыми, наглыми...

Именно так — вызывающе нагло — вел себя поручик Алп Асадуллаев. Он наотрез отказался давать показания. Не помог и приехавший Тер-Габриелян.

Еще раз глубоко вдохнув весенний воздух, Шахтактинский захлопнул окно и попросил доставить арестованного Асадуллаева. Избалованный сынок Шамси, не ожидая разрешения, плюхнулся на стул. Бехбуд терпеливо перебирал бумаги, ожидая пока поручику надоест изображать оскорбленную добродетель. Ну вот, кажется, надоело: подобрав ноги, он с любопытством поглядывает на бумаги.

— Итак, — Шахтактинский отложил папку. — Мы встречаемся в третий раз. И я убеждаюсь, поручик, что вы недооцениваете своего положения. На вашем месте я бы задумался.

— Извините, господин следователь, но мне плевать на ваши советы, — поручик презрительно оттопырил нижнюю губу. — Бек, изменивший своим предкам, для меня ноль.

— Вы правы, Асадуллаев, я из семьи потомственных беков,

я у меня, скажем прямо, больше оснований считать себя дворянином. А чем вы кичитесь? Тем, что вас воспитывали бонны, что могли до полудня валяться в постели, а слуги в это время чистили вам сапоги? Если желаете всерьез, давайте разберемся. Мы подняли архив бывшего градоначальника Григория Мартынова и узнали много такого, о чем вы и не подозреваете. Кто ваш отец? Он, правда, не таскал на палане тяжестей, но все свое состояние сколотил, мошенничая, плутуя в карты, приторговывая наркотиками. Вот собственно и все. Ни происхождения, ни образования, ни капиталов. Вам такая биография кажется доблестной? Правда, ваш отец не играл в патриотизм, как это делаете вы, поручик. Особого интереса вы для нас не представляете. Но вот дела, в которых вам довелось принимать участие...

— Господин Шахтактинский, вы зря тратите красноречие. Никаких показаний я давать не буду.

— На что-то рассчитываете?

— Только на себя, господин следователь. Я арестован с поличным. Отправляйте в тюрьму, там будет видно.

— Что ж, Асадуллаев, вы правы. — Шахтактинский, — оттуда действительно будет виднее.

Асадуллаев, обескураженный покладистостью следователя, настороженно прищурился.

Дверь открылась внезапно. Вошли Джапаридзе и Тер-Габриелян.

— Та-ак, — Алеша с любопытством взглянул на Асадуллаева и, чуть улыбаясь, представился: — Председатель Бакинского Совета Джапаридзе.

Арестованный вздрогнул и хотел встать. Алеша остановил его.

— Сидите. Я могу с вами говорить и так, господин Асадуллаев.

— Не возражаю, — ответил арестованный, но поднялся.

— Вот и познакомились. Чувствуется, вы человек воспитанный. Не могу понять, отчего комиссар Тер-Габриелян и следователь Шахтактинский вами недовольны. Садитесь, пожалуйста.

Не сводя глаз с человека, о котором так много слышал, арестованный боком присел на стул.

— Итак, вы поручик Али Шамсиевич Асадуллаев, сын почтенного гражданина, о котором так убедительно говорил нам Али Марданбек Топчибашев. Что ж, прекрасно. — Вошла Екатерина Сергеевна Долгунская, помощник и секретарь Бех-

буда. Открыла журнал, готовясь протоколировать. — Продолжим. Вы пытались отплыть в Ленкорань, имея приказ командующего Халилбека Талышханова. Это ясно. Известно и то, что вы очень спешили, зная, что «Александр Жандр» нанес весьма ощутимый урон мятежникам Ленкорань.

— Если вам это известно, — прервал арестованный, — что же тогда желает узнать господин Шахтахтинский?

— А он вам не объяснил? Странно. Придется мне, с вашего согласия, исправить ошибку товарища.

— Я слушаю вас.

— Скажите, пожалуйста, вы выполняли распоряжен штаба Дикой дивизии и партии Мусават?

— Не отрицаю.

— И наверно, мусульманского совета?

— Разумеется. Я мусульманин и не из тех, кто... — Он прикусил губу и умолк.

— Значит, вы должны знать их ближние цели, не так ли?

— Да, кое-что мне известно, но...

Шахтахтинский, внимательно следивший за ходом допроса, сделал два вывода. Во-первых, Асадуллаев не желал давать показания именно ему, «предателю». Во-вторых, на него явно действует личность Джапаридзе, которого вынуждены уважать даже враги.

— Та-ак. Екатерина Сергеевна, пожалуйста, подробно зафиксируйте наш разговор с господином Асадуллаевым. Полагаю, что сын Шамси не захочет портить отношений с предсоведа. Это было бы неблагоприятно.

Поручик насторожился. Такая система допроса выводила из равновесия, мешала сосредоточиться. Джапаридзе умело и быстро подводил его к какому-то важному признанию. Странная психологическая дуэль между человеком, прошедшим через десятки допросов, и поручиком, который о жизни ничего толком не знал.

Джапаридзе требовал четких ответов, вынуждая Асадуллаева говорить только «да» или «нет». Поручик начал ощущать усталость.

— Вы знакомы с Теймурбеком Карабаглы, сотрудником мусаватской контрразведки?

— Да.

— А с его любовницей мадемуазель Дюпо?

— Да.

— Стало быть, вы состоите в тайном сговоре с французами и англичанами?

— Нет-нет! Не может быть. Я ненавижу англичан и французов. Они посягают на мою родину. Мы не отдадим им Азербайджан.

— Понимаю вас. Однако трудно объяснить, почему третьего дня вас видели в ресторане «Гранд-Отель» в компании Теймурбека, мадемуазель Дюпо и супругов Девис, вернувшихся из Тифлиса.

— Как из Тифлиса? — Асадуллаев широко раскрыл глаза.

— А что — из Персии?

— Н-не знаю... Н-нет.

— Вот это уже нечестно, господин поручик. Вы, сын одного из лидеров национальной буржуазии, делите хлеб-соль с англичанами и не знаете даже кто они, откуда и почему прибыли. Право, я был о вас лучшего мнения. А ведь эти люди — агенты генерала Денстервиля, который собирается овладеть, прежде всего, богатствами вашего отца. Да-да. Нефтепромыслами Шамси Асадуллаева. И об этом успел даже телеграфировать в Багдад.

Асадуллаев наигранно рассмеялся.

— Господин Джапаридзе, я не ребенок. Вы пользуетесь запрещенными приемами.

— Вот уж нет. Мне кажется, я вправе требовать кое-какой откровенности. Я же делюсь тем, что знаю. За Девисами стоит генерал Денстервиль, за ним сам Генри Детердинг. Вам знакомо это имя? Ну, тем более. Ему нужна только нефть. Теперь попытаемся говорить откровенно. Знаете, что в Баку есть явки английских шпионов?

— Нет.

— Допустим. Адрес — Персидская, дом 20, вам известен?

— Да.

— Явка мусаватской контрразведки?

— Н-нет.

— Будем считать — да, поскольку ее уже нет. Понимаете? Вам остается только сказать, где сейчас Ровшенбей, сколько турецких и германских офицеров прибыло в Баку.

— Не знаю.

— Вы не знакомы с Ровшенбеем?

— Знаком.

— Где склад оружия Дикой дивизии?

— Не знаю.

— Как не знаете? Может, его уже нет, склада с оружием? Тогда мы сообщим об этом в «Известиях»?

— А я этого не сказал. — Поручик покосился на стенографистку.

— Ах, не сказали? Значит, есть. Хорошо. Может, добавьте — где? Не знаете. Местонахождение Ровшенбея и других, конечно, вам тоже неизвестно?

— Ну, может, знаю.

— Уже лучше. Кстати, правда, что Дик к выступлению?

— Я не могу отвечать на такой вопрос. Я — мусульманин. Эта дивизия должна защищать мой народ.

— Если мы, ссылаясь на ваше признание, сделаем официальное сообщение в мусульманских газетах о том, что Дикая дивизия — блеф, что Тагиев и...

— Это неправда. Есть дивизия. И она готова. — Он опомнился. — Больше я ничего не скажу. Я не предатель своего народа. — Он метнул взгляд в сторону Шахтахтинского.

Джапаридзе кивнул.

— Конечно, Асадуллаев, вы не предатель своего народа. Вы нам не сказали, что Ровшенбей в Баку, что Дикая дивизия плохо вооружена, что вы не собираетесь уничтожить большевиков...

— Я так не говорил.

— А как? Наоборот?

Поручика трясло от бешенства.

— Что вы от меня хотите? Я никого не выдам.

— Да вы уже выдали все, что могли, дорогой господин Асадуллаев. Советую вам скорее вспомнить остальное. Иначе ваше дело будет немедленно передано в ревтрибунал. Полагаю, о приговоре вы догадываетесь...

Асадуллаев дрожащими пальцами взял папиросу и забыл прикурить.

— Вы хотите меня расстрелять?

— А как вы думаете? Вопреки всем международным нормам, вы расстреляли четырех парламентариев. Об этом диком зверстве знает весь город. Доктор Нариманов посвятил ему заседание «Гуммета», Мешади Азизбеков имел двухчасовую беседу с Шамси Асадуллаевым — вашим отцом, да-да. Если он или его второй сын примут участие в авантюрах, рабочие промысла утопят их обоих в цистерне с мазутом. Боюсь, что даже мы не сумеем их спасти.

— Но это самоуправство. Этого не может быть!

— Чего не может быть, господин Асадуллаев? Рабочие сейчас сила. Ну, ладно. Вы, наверно, устали. Благодарю за

откровенность. Вы подтвердили все, о чем мы только догадывались.

— Я ничего вам не говорил! Ничего!

— Идите, подумайте. Вы нам больше не нужны.

Конвоир толкнул арестованного к двери.

— Господин Джапаридзе, не расстреливайте меня. Я прошу...

— Подумаем. Идите.

Алеша тяжело вздохнул, обернулся к Тер-Габриеляну и Шахтахтинскому.

— Наввно, да? Трудно вести допрос, не имея на руках доказательств. Хорошо, что истеричен, не шибко умен и трусоват. Итак, мятеж готовится. Остается выяснить дислокацию мусаватских частей. Силы их мы не знаем. Откуда будет нанесен первый удар по городу, тоже неизвестно. Надо бы узнать, где спрятано оружие. И обязательно — слышишь, Саак, обязательно — выявите явку англичан, о которых докладывал барон. А кто такой Арартян?

— Сергей Арсеньевич Тер-Газарян. Он уже под наблюдением.

— Ладно. Дом Тагнева экспроприрован?

— Да, товарищ Джапаридзе.

— А вы, Бехбуд, лишите Асадуллаева передач и отправьте его до суда в тагневскую тюрьму. Стеречь усиленно. Не забывайте про папины миллионы. Есть и у нас люди, которые не устоят перед золотом, особенно если его будут швырять полными пригоршнями.

— Понятно, товарищ Джапаридзе.

— Я еду в Совет, мне надо связаться с Коргановы. До свиданья, товарищи.

Саак и Бехбуд смотрели, как Джапаридзе вышел, автомобиль...

— Да-а, — задумчиво протянул Тер-Габриелян. — Час от часу не легче. Они готовятся. Но и мы не спим. Вчера Исламбек произнес такую речь у Таза-Пир, что молла от страха заперся в мечети... К Чемберленду стянуто около трехсот аскеров Дикой дивизии. Меры мы принимаем, но пока еще недостаточные. Нужно перекрыть все вокзалы, все выезды из города. Извини, я должен бежать.

— Конечно, Саак Мирзоевич. Я тоже чертовски устал. Может, удастся поспать часок.

Едва Тер-Габриелян вышел, как следователь уронил голову на стол.

Глава XIV. Убийца

В отсутствие Исламбека хозяином дома оставался Генка. Это было нелегко: с утра выстоять в очереди за хлебом, сбежать на базар, накормить сестренку. Обычно он возвращался до ухода Эмили и выкладывал кучу новостей, он уже неплохо ориентировался в хаосе городской политической жизни... Была у него и еще одна забота: несмотря на запрет, Генка тайно провожал ее до самой работы.

Генка хорошо помнил давний разговор с Исламбеком.

— Проводи меня, Геннадий, — как-то попросил он. Вышли. В подъезде Исламбек присел на ступеньки, закурил, незаметно разглядывая свечкой стоявшего перед ним мальчишку. «Сейчас за папироску разгон устроит, — подумал Генка. — Один раз только попробовал, и то тетя Эмилия учуяла». Он вздохнул, сел рядом.

— Вырос ты, сын. И штаны короткие. Достается тебе, да? Видел, какую ты корзину ташил с базара. Мне бы помочь тебе, но сейчас не могу. Не получается.

— Знаю, отец. Контру ловить — не семечки лузгать, — солидно кивнул Генка.

— Мать занимается с вами?

— Еще как. Каждый день по арифметике, таблицу спрашивает. Про Колумба из географии, это как он Америку открыл. Да я уже сам читаю. Когда мать, — он с удовольствием выговорил это слово, — возится, я ей вслух читаю про этого... Робинзона Крузо.

— Какого Робинзона?

— Ну, который один на острове. Корабль потонул... Другой бы с голоду помер, честное слово. А этот все сам. Сильным оказался, как настоящий большевик.

— Ишь ты, Робинзон Крузо — большевик! Интересн Только вот большевики тоже разные бывают.

— Я знаю. Это мама думает, что я маленький. — Генку прорвало, он захлебывался от радости, что наконец-то получился у него настоящий мужской разговор с Исламбеком. — Она сама как маленькая, тараканов бонтя. А я все знаю.

— Ну-ну, — Исламбек смущенно мял папиросу. — А что нездорова она, знаешь? Ей и по лестнице трудно ходить...

— Ясно, ребеночек у нее будет, — просто сказал мальчик. И доверительно зашептал: — Шьет и прячет. Чепчики всякие... Исламбек рассмеялся.

— Ну вот, Геннадий. Ты, оказывается, все знаешь. Так что

не давай ей носить ничего тяжелого. Нельзя! И вечером выпускай. Так и скажи — я запретил.

— Да разве она послушает.

— А ты поостороже. — Исламбек вздохнул невесело. — Него мне больше просить, понимаешь? Ты теперь хозяин в доме. Мужчина. Береги ее.

Генка сказал тихо:

— Понятно.

Исламбек поднялся.

— Ты действительно стал большим. Вот телефон. Если меня не будет, попроси Ютту. Она пойдет. Ну, мне пора.

Через минуту он сидел в седле. Застоявшийся конь нетерпеливо бил копытами, кося на Генку синим глазом.

— А за папиросы, если узнаю, уши надеру. — Исламбек прищипил коня.

Несколько дней спустя Гена, чуть не плача, уговаривал Эмилию не ходить в редакцию. Только что на его глазах какие-то люди с пистолетами избили и увели с собой немолодого продавца газет только за то, что он обозвал мусавистом хулигана, который вырвал у него газеты.

— Мама, не ходите! Отец не велел. Сказал, чтоб я так и передал. Мама! — Он цеплялся за ее пальто, тянул за платок, Эмилия смеялась, легонько шлепая мальчика по рукам. И ушла, все-таки ушла. Генка выскочил следом, шел за ней до самой редакции, все просил вернуться.

— Не волнуйся, родной, — успокаивала его Эмилия. — Я скоро, честное слово. Ты беги домой, а то Лиза одна. Ну, дурачок, не задерживай. — Она нагнулась и крепко поцеловала его в лоб.

Генка помчался домой, бросился к телефону, один за другим называя номера, нацарапанные на стене, под аппаратом. И тот номер, что Исламбек заставил выучить наизусть. Наконец подошла Ютта. Выслушав Генку, она что-то проворчала и велела не выходить из дому.

Эмилия с головой ушла в работу: кипа статей, которые нужно было срочно отредактировать, таяла медленно. И тут зазвонил телефон. Она замерла, услышав сквозь гул и треск голос Ширвани. Он весело кричал в трубку всякую чепуху. Она смеялась. Ширвани был для нее сразу и отцом, и братом.

— Выбирайся, я сейчас иду за тобой. — Ширвани повесил трубку.

Поспешно сдав выправленные гранки,

коридор, чуть не сбив молодого корреспондента Валию Соколова.

— Ой, Валет, милый, извините, — она улыбнулась юноше. — Лечу как на пожар. Который час? Шесты! Боже, как я засиделась.

Ширвани торопливо шел ей навстречу. Он поздоровел, лицо обветрилось, глаза смотрели прямо и жестко.

Эмилия подхватила его под руку и потащила вперед.

— Идемте скорее, Ширвани. Я сегодня опоздала. — Она шла быстро, тяжело опираясь на руку спутника. С трудом приноравливаясь к ее шагу, Ширвани рассказывал обо всем понемногу — о дорожных приключениях, случайных знакомых, семье.

Они прошли Чадровую и Татарскую, обогнули Михайловскую больницу и двинулись к Шемахинке. Здесь Ширвани чуть придержал Эмилию, дорога шла в гору. Она тяжело дышала, на лбу выступили капельки пота.

— Ну, как вы тут без меня? Ничего не случилось?

— Все в порядке. Просто за детей волнуюсь, одни дома. А я задержалась, время так бежит... Я обещала Исламбеку эти дни не выходить. Но утром позвонили с работы...

Показался дом Лалаева, разрезавший клином две улицы, против него громада тагиевской тюрьмы.

— Ну вот, уже почти дома. Еще сотня шагов, — весело говорила Эмилия. Ей трудно было идти, но она все быстрее тянула за собой Ширвани.

— Как там ваши ребята, Али Гейдар?

— Ребятам в деревне привольно. Но я обещал, как только все наладится, привезти их сюда. Они мечтают познакомиться с Генкой и Лизой.

— Правильно. Генка мужиком стал. Самостоятельный. Сейчас придем, он нас крепким чаем напоит. Как-то особенно заваривает, по рецепту Ислама. Он еще не знает, что вы приехали, нет? Вот это сюрприз будет! Мы его разыграем, ладно?

Ширвани отвечал и думал: «Он в ней не ошибся. Хорошая жена, настоящий друг. И красивая. Даже в старом пальто. Чужих детей растит. И первенца ждет. Ни жалоб, ни унынья. В глазах ожидание чуда. Такие глаза бывают только у очень счастливых людей...»

Они шли уже вдоль дома Лалаева. Эмилия вдруг остановилась, прижала к груди руку в перчатке и тяжело привалилась к плечу спутника. Ей не хватало воздуха, и она жадно

ловила его приоткрытым ртом. Ширвани обнял ее за плечи, поддерживая почти на весу.

— Отдышитесь. Нельзя же так.

Она кивнула и благодарно прикрыла глаза. Был тот тихий закатный час, когда в окнах высоких домов еще полыхают последние оранжевые лучи солнца, а в узких улочках сгущается сумеречная синева.

Эмилия подняла голову и выпрямилась.

— Вон Генка на балконе. Еще несколько шагов...

Ширвани взглянул. Мальчик бегал вдоль перил, что-то кричал, размахивая шапкой. Ширвани улыбнулся и приветственно поднял руку. Они медленно двинулись.

Откуда-то сверху донеслось лошадиное ржанье, тяжелая дробь копыт, лихое гиканье. Улица мгновенно опустела. Эмилия судорожно вцепилась в руку Ширвани.

— Это он...

— Кто? — спросил Ширвани.

— Теймурбек! Видели. Он смотрит на меня.

Ширвани понял и заслонил Эмилию. Пронзительный мальчишеский голос, срываясь на визг, несясь с балкона.

— Тетя Эмилия! Скорее, скорее... Ма-а-ма!

— Идемте, Эмилия. В любой двор.

— Не могу. Что-то с ногами. — Она тяжело привалилась к стене.

Теймурбек услышал крик и осадил коня. Улица была пустынна, только какой-то человек пытался увести женщину. Крикнув «Вперед, я догоню», он подъехал к кромке тротуара. Эмилия выпрямилась, цепляясь руками за стену.

— А-а-а... Эмилия? Вот и встретились, — крикнул он, помахивая нагайкой. — Большевичка проклятая! Так это из-за тебя Исламбек предал нас... — Он выхватил из кобуры маузер.

— Оста-но-витесь! — крикнул Ширвани, загородив ее. — Вы же видите, она беременна. Остановитесь!

Вытащив ногу из стремени, Теймурбек ударом сапога отшвырнул его к стене. Ширвани упал, ударившись головой о выступ.

— У моего отца, — заорал Карабаглы, — не будет внука от предателя. Получай, стерва!

Грохнул выстрел. Схватившись за грудь, Эмилия медленно сползла на тротуар.

Теймурбек прищипорил коня и умчался к тюрьме, где орудовала его банда.

Ширвани подполз к Эмилини, приподняв ее голову. Она силилась что-то сказать, но глаза тускнели. На губах выступила розовая пена, руки дергались. Глухо и страшно выл Генка.

С частью своего отряда Исламбек патрулировал верхнюю часть Татарской улицы. Как будто все здесь было тихо. Он свернул к дому, взглянуть на Эмилину, детей. Недоброй тишиной повеяло от наглухо закрытых ворот, вросших в землю плоскокрыших домишек. Лишь в редких окнах тускло светились огоньки керосиновых ламп.

Подремывал в седле Аслан Калантаров. Приоткрыл глазнул на небо, затянутое тучами, сказал тоскливо:

— Странно. На этой улице всегда шум, сквозь торгашей бездельников не протолкаешься... А тут — ни души.

— Ничего удивительного, люди напуганы. Доедем до Совдспа и на отдых. Устали ребята.

— Твоими бы устами... — вздохнул Аслан. — Глаза слипаются, вот-вот свалюсь.

После трех бессонных ночей люди едва держались в седлах. Каждый, как и командир, мечтал хотя бы на пару часов прилечь. Внезапно с разных сторон затрещали выстрелы. Грохнула пушка. Отряд остановился. Исламбек протер глаза.

— Что за чертовщина, Аслан? Где стреляют? Не понимаю. Бойцы зашумели. Сонливость как рукой сняло.

— По-моему, около тагиевской, — Аслан смешно вытянул шею, прислушиваясь. — Точно. У тюрьмы.

Лошади с ходу взяли галопом. До тюрьмы оставалось два квартала, когда из-за домов началась беспорядочная стрельба. Аслан вскрикнул, схватился за плечо. Хрипя, упала лошадь, кто-то застонал.

Взбешенный Исламбек выхватил саблю.

— Братья, вперед! За кровь товарищей! За свободу!

Огонь усилился. Судя по частоте стрельбы, врагов было не менее полусотни. Однако стремительная атака конников застала их врасплох. Лошади сшибали бандитов, загоняя их в подворотни, а тех, кому удавалось увернуться, настигали клинки. В течение получаса группа, обстрелявшая отряд, перестала существовать. Лишь изредка темнота огрызалась одиночными выстрелами, да истошно лаяли собаки.

— Сколько людей потеряли? — шепотом спросил Исламбек у Аслана.

— Точно не знаю. Человек восемь-десять, наверно.

Подобрали раненых. В надежде на отдых всадники торопили коней. Но у Парапета, скошенный выстрелом из темноты, упал еще один боец. Развернувшись, конники прочесали все кругом. Никого не нашли. Исламбек повел поредевший отряд к Совдепу...

Глава XV. Чопур-Гафар

Никто толком не знал, как появился в Сураханах этот верзила с тупым рябоватым лицом и заметно косившими глазами. Шла война. Люди появлялись и исчезали. Рябой пришел к нефтепромышленнику Карахану Мухтарову с письмом от Селимбекова. Мухтаров, напуганный недавней стычкой с рабочими, взял его в личную охрану. Вскоре одно имя «кочи Гафара» приводило сельчан в трепет. Некоторые утверждали, что он незаконнорожденный сын бека, другие, что это просто бродячий лезгин из Дербента...

Кочи ничего не стоило пристрелить человека просто потому, что ему не понравилось его лицо. Кличка «Чопур»¹ пристала к нему прочно. Как-то, напившись до одурения, Гафар пристал в караван-сарай к какому-то крестьянину, требуя объяснений. Крестьянин, не имевший понятия об этом прозвище, сдержанно посоветовал Гафару проспать. Озверевший бандит рукояткой пистолета разбил ему череп, тяжело ранил двух рабочих.

Прибежавший на крики городской с трудом обезоружил чопура, и тогда толпа избила его до потери сознания. Чопур-Гафара доставили в полицейский участок и водворили в камеру. Узнав о происшедшем, Карахан кинулся к приставу. Однако пристав, напуганный волнениями на промыслах, просьбу Мухтарова отклонил. Не подействовал даже туго набитый бумажник. Через месяц пристав сместили. Исчез и Чопур-Гафар. Говорили разное: что он сослан в Сибирь, казнен...

На самом деле все было проще. Гафар бежал из-под стражи с помощью своего покровителя Селимбекова. При большом желании полиция, конечно, могла бы найти беглеца. Он особенно и не прятался, разгуливая во главе банды отпетых головорезов. Но полиции было не до него.

¹ Рябой (азерб.).

И вдруг тот, кого называли Чопур-Гафаром, открыто появился в Мардакянах в форме юсттегмена. Знали его теперь Хамид Эхтембей. Турецкий разведчик из отряда Нури, засланный в Баку в четырнадцатом году, больше не считал пужным скрывать свое подлинное имя. В Мардакяны он приехал в сопровождении дюжины вооруженных горцев. Здесь и состоялась трогательная встреча Карахана с его бывшим телохранителем.

— Как поживаете, дорогой бек? — Приезжий вылез из автомобиля и подошел к изумленному Мухтарову.

— Плохо, Гафар... Э... Эхтембей. Врагу не пожелаю. Разорили большевики, всю душу вытрясли. — Карахан заметно постарел, утратил лоск, холеные подкрашенные усыки нелепо торчали над запавшим стариковским ртом. Он грустно усмехнулся. — Приходится на базар самому ходить, чтобы сберечь копейку. А ваша звезда, говорят, в зените. Аллах в помощь. Прошу ко мне на стакан чаю. Нам есть что вспомнить, дорогой.

Бывший телохранитель согласился, хотя и без особого энтузиазма. Отказывать Мухтарову было неудобно, в свое время «хозяин» сделал для него немало.

За высокими каменными стенами жила семья Карахана — три жены и трое детей. Старшей жене не было и сорока, а морщины уже избороздили ее лицо. Она и была матерью всех детей, две младших жены — двадцати и шестнадцати лет — были еще сами похожи на детей. С ними на даче жил только старый садовник.

Прихлебывая душистый чай, Эхтембей рассказал, что его, офицера турецкой армии, прикомандировали к горскому кавалерийскому полку и прислали сюда, на помощь братьям: Что касается сураханского промысла, то не стоит беспокоиться. Скоро все встанет на свои места.

Слушая, Карахан до того растрогался, что нарушил вековой обычай: позвал жен и велел им поклониться гостю, поблагодарить его за визит.

— Ты, Тарлан, — обратился он к старшей жене, — помнишь господина и ты, Джейран, тоже. Вот Зейнаб, — он кивнул на младшую, которая не смела поднять головы при хозяине, — его не знает... Можешь открыть лицо и взглянуть на него. Он явился посланцем самого аллаха и наверно вернет в наш дом благополучие и счастье. Ну? Открой же лицо!

Чопур-Гафар успел заметить лишь испуганные, недоверчи-

вые глаза девочки. Жены исчезли так же быстро, как появились.

Гость не стал засиживаться. Тепло попрощался с хозяином, намекнул, что умеет помнить добро, при случае отблагодарит... Через несколько дней он уже командовал отрядом в семьдесят вооруженных головорезов. Первым подвигом Чопур-Гафара был внезапный налет на беюкшорский лагерь турецких военнопленных. Перебив стражу, он увел солдат и офицеров в Мардакяны. Здесь их быстро вооружили, посадили на коней. С наступлением сумерек эскадрон конницы двинулся на Сураханы.

Налет на мирный поселок, охраняемый небольшим отрядом Красной Гвардии и милицей, был внезапным и жестоким. Чопур-Гафар мстил сураханцам за прошлое — за презрение, за обидную кличку, за все. Пылали дома, рыдали женщины и дети, гибли люди. Захватив активистов и партийцев, Чопур расстрелял их собственноручно. Вихрем носился он в отблесках пламени, взбадривая дикими криками свой эскадрон. Они «освобождали» народ от большевиков и шовинцев...

К полуночи в разных местах поселка темнели пепелища. Люди, лишённые всего, искали спасения в мечети, в храме огнепоклонников, в караван-сараях, у соседей. Но и там настигали их сабли «освободителей».

Покончив с Сураханами, Гафар двинулся на Сабунчи. Небо было беззвездным. Сыпал теплый весенний дождь, но земля оставалась сухой, она жадно впитывала влагу. Эхтембей был уверен, что завеса дождя скроет его подход к центру нефтяной промышленности. План турецкого офицера был прост: захватить Сабунчи, Балаханы, Забрат и Раманы, оторвав от Баку промысла. И затем двинуться на город.

Это было наивно. Неожиданным могло быть лишь первое нападение — на Сураханы. Уже через несколько часов штаб Красной Гвардии поднял по тревоге красногвардейцев, рабочих и ополченцев. Под руководством Мамеда Мамедьярова, Бунната Сардарова, Баба Али Алиева создавались местные отряды самообороны. Им было поручено перехватить и задержать Эхтембея.

С тех пор, как Хумар приехала в Балаханы, прошло немного дней. Но ей казалось, что прошла вечность. В городе остался человек, к которому она тянулась всем сердцем. Дед

заставил ее снова надеть чадру, строго-настрого запретил высовывать нос из женской половины.

Дед по натуре был крут и мирился только с одним — с книгами. Работа на промысле научила его понимать, что книги нужны. Вечером он любил послушать, как читает внучка; пощелкивая четками, с удовольствием следил, как бегают по страницам ее маленький пальчик. Многих слов она не понимала, некоторые даже не могла прочесть. Но дед считал ее чуть ли не моллой.

Вечером дед куда-то ушел. Сказал перед уходом: сиди смирно, чужие люди рыщут по улицам, того и гляди сотворят подлость, шакалы. Бабушка уснула рано. Хумар долго ворочалась на жестком тюфячке, прислушиваясь к ночным шорохам.

Она думала о дедушке, об отце, оставшемся в городе, и, конечно, о командире, который мчал ее на коне сквозь выстрелы. В его сильных руках Хумар совсем не чувствовала страха, потому что пули отскакивали от него, а под ее щекой гулко стучало его бесстрашное сердце... Выстрелы все громче, все ближе. Хумар проснулась. Стреляли где-то рядом. Она вскочила с постели, прильнула к окну — ничего. Только холодное мерцание звезд, проглянувших сквозь гущу туч.

А стрельба все усиливалась. Грохнуло, пламя взрыва осветило убогую посуду на полках. Хумар стало страшно. Она подбежала к бабушке, прижалась к ней всем телом.

— Бисмиллах¹, — сонно бормотала спящая. — Кто это? Кто?

Откинула тяжелое одеяло, не открывая глаз, свескла с тюфяка сухонькие ноги, привычно щупая шлепанцы.

— Это я, нене², Хумар. Неужели не слышишь? Проснись. Стреляют. Дед... — несвязано бормотала Хумар.

— Ай, аллах, — бабушка сразу проснулась, ощупью отыскала керосиновую лампу. Тускло засветился огонек.

— Что же это делается? — Бабушка прошлепала на веранду, спустилась во двор, где рвался с цепи Шайтан. Собака радостно взвизгнула.

На веранде застучали сапоги. Хумар сразу узнала шаги деда, его сухое покашливание. Бабка вдруг запричитала, заохала:

— Чтоб им тошно было, чтоб они сгорели в святом имени...

¹ Господи, боже мой (азерб.).

² Бабушка (азерб.).

Дед ввалился в комнату, держа на весу перехваченную тряпкой руку. Взглянул на спящих внуков, не обращая внимания на плач жены, ушел в конец веранды, где для него была приготовлена постель. Отдышавшись, беззлбно прикрикнул на бабу:

— Замолчи ты, старая! Что толку от воплей? Иди спать.

Дед вытащил из-под чохы и поставил в угол берданку, с помощью внуки прилег на матрац. Хумар стянула с него грязные сапоги.

— Дай-ка попить.

Он пил долго, хмуро поглядывая на внуку. В жидкой клочковатой бороде блестели капли дождя, на скуле темнела свежая ссадина.

— Кто это тебя? — шептала Хумар, под жилистые, желтые ступни старика.

— Иди и ты спать, внучка. Ночью сказки не рассказ. Скоро петухи запоют. Иди.

— А ты не сказку, ты правду рассказывай. — По тому, как беспокойно ворочался дед, Хумар поняла: больше всего ему хочется сейчас поговорить. Она тихонько погладила забишто-ванную руку.

— Ладно. Слушай.

Пошли мы сначала к промыслу Асадуллаева. Люди предупредили, что кто-то хочет поджечь нефть. Сначала не поверили, а потом... Застукали на месте трех негодяев. Баба Али здорово сказал.

— Кто, дедушка?

— Баба Али, «алтыбармаг», у него на одной руке шесть пальцев. Отчаянный человек. Говорит, что эти люди.. шпи-оны.

Хумар рассмеялась.

— Ох, дедушка, надо говорить не ши-пи-оны, а шпионы.

— Ишь ты, грамотная. Как ни называй, все равно. Привели их в контору. Смотрим, один старый знакомый — бывший городской. А двое, шайтан бы их побрал, чужие. И языка толком не знают. Не успели с ними разобраться, пришел приказ наладить оборону. Ну и началось... Ты же слышала, чего еще надо.

— Слышала, да не видела.

— Слава аллаху, что не видела. Чопур-Гафар из джеенде-ма¹ пришел со своей бандой. Человек пятьсот. Да и нас тоже

¹ Д ж е с с и д е м — а д (азерб.).

немало. Поднялись все. И так встретили, что жарко стало. Мы стреляли, в нас стреляли. В меня, как видишь, попали.

— А что с рукой, дедушка?

— Э-э, чепуха. Царапнуло немного. Зато «алтыбармаг» молодец. Я сам видел, как он из нагана стрелял. Пуля оторвала Чопур-Гафару ухо. Как буйвол заревел и бросился бегать. И эти его — за ним. Мамедьяров-командир сказал, что вовсе он не Гафар, а турок. Забыл имя.

Дед еще что-то говорил, но Хумар уже слушала вполуха, ее мысли были в городе, где родители, Исламбек.

— В другое время Гафар сделал бы все, что хотел. А сейчас рабочий не тот, может за себя постоять. Если б не голод, совсем хорошо было бы... Ладно, иди спать, внучка. Посмотрим, что будет дальше.

С тяжелым чувством подъехал Исламбек к зданию Временного революционного комитета. Сколько товарищей погибло. Габиб, последний, совсем мальчишка. Веселый, пел хорошо. Девушку сватать собрался. И вот, не допел. Смерть каждого, как удар в спину. Боль, которая никогда не пройдет.

У парадного подъезда увидел ребят, патрулировавших в другом конце города. У Давида Подольского был забинтован лоб. Исламбек спешил и подошел к нему.

— Что с тобой, брат?

— Беда, командир, — Давид понуро опустил голову. — У Волчьих ворот напоролись на засаду. Не менее батальона. Едва ноги унесли. Девять бойцов оставили. Даже похоронить не могли.

Исламбек оглядел пасмурные лица бойцов.

— И нам досталось, десять человек потеряли. Ах собаки! Страшное дело религия. Но головы не вешать, держаться. Давид Подольский тихо шепнул:

— Командир, вас ищет Саак. Велел зайти, как только появиться.

— Что-нибудь случилось?

Подольский пожал плечами.

Тер-Габриеляна он нашел в кабинете председателя ВРК Сухарцева. Увидев его, Саак прервал разговор, быстро подошел. Говорил он каким-то непривычно мягким голосом.

— С ног сбились, ищем тебя повсюду. Где пропадал?

— Не спрашивайте, комиссар, — Исламбек тяжело опустился на стул. — Попали в засаду на Верхне-Татарской, у

мельницы Даглы Мирзы. Ребят потеряли. — Он помолчал, вытащил пачку папирос, закурил. — Думаю, откуда силы у людей берутся. Сутки с коней не слезали.

Сухарцев незаметно кивнул Тер-Габриеляну.

Саак взъерошил седеющий ежик, придвинул стул поближе.

— Не знаю, дорогой, как сказать тебе... Не умею я такое говорить друзьям.

Исламбек напрягся, выпрямил плечи, не сводя с комиссара глаз.

— Что случилось? Да, не смотрите вы на меня так. Черт знает, что в голову лезет. Прямо как в почетном карауле надо мной вздыхаете.

— Исламбек, твой брат... — Саак прошелся вокруг стола, держа руки глубоко в карманах куртки.

— Что брат?

— Час назад он с шайкой бандитов совершил налет на тагиевскую, перебил стражу и освободил арестованных. В том числе и твоего Али Асадуллаева... Это не все, дорогой. Выстрелом из маузера он тяжело ранил Эмилию Викторовну.

Исламбек вскочил, вцепился в край стола. Саак никогда не видел, чтобы так белели пальцы.

— Эмилия... О, черт. Не уберег.

Саак опустил руку на плечо.

— Она еще жива, Ислам. В Черногородской больнице. Там доктор Нариманов. Он сделает все, что возможно. Ты поезжай.

Слова Саака доходили до Исламбека как сквозь вату. Он долго стоял, потом вдруг бросился к двери, чуть не сбив с ног входившего Авакяна. Тот возмутился.

— Оставь, Багдасар, — сказал Тер-Габриелян. — Теймурбек застрелил его жену.

Во дворе уже знали о том, что произошло. Тяжело молчал Аслан. Неделию назад она уговаривала его жениться, смеялась, обещала найти невесту. Исламбек прошел сквозь строй — все расступились — вскочил в седло. Аслан последовал за ним.

Два всадника промчались по Молоканской, свернули к Черногородскому мосту. Исламбек все прищипывал коня.

«Может быть Эмилии уже нет. Но Саак сказал, что она жива. Только бы услышать ее голос. Сказать ей: родная, самая родная. Божке! Только бы она выжила. Говорят, Нариманов творит чудеса. Сотвори чудо, доктор. Сотвори!»

Они влетели во двор больницы. Бросили коней, отмахиваясь от белых халатов, взбежали на второй этаж. Освещен-

ная изнутри стеклянная дверь операционной была заперта. У Исламбека подкосились ноги. Значит, все. Эмилиин пост. Он прислонился к прохладному стеклу двери. Аслан припал ухом к дверной скважине.

— Разговаривают, звенит посуда. Клянусь, не все еще потеряно. Сам Нариманов делает. — Исламбек молчал. — Постой. Кто-то идет. Наверно, врач... — Аслан выпрямился.

Дверь распахнулась. На пороге появился хирург, руки нервно комкали марлевую маску, болтавшуюся поверх воротника. На белоснежном халате алело пятно. За ним вышел Нариманов. Исламбек отступил, зажмурился, ослепленный, раздавленный этим все заслонившим пятном. Донесся глуховатый голос доктора Нариманова.

— Крепись, комиссар. Сделали все, что могли. Мерзавец, стрелял в упор. Разорвана аорта. Возьми... — Из тьмы, застилавшей глаза, возникла рука, в ладонь Исламбека лег теплый кусочек свинца.

Не замечая протестующих сестру и санитарку, он прошел в операционную, откинул простыню.

— Вот и все... Вот и все, — стучало в голове. Аслан взглянул и выбежал в коридор. Осторожно погладив влажный, уже холодеющий лоб с прилипшей прядью золотистых волос, Исламбек поцеловал удивленно приоткрытые губы Эмилиин.

— Вот и все, любимая. Вот и все.

Глава XVI. Мятаж

Мусаватисты развязали гражданскую войну. Мардакяны, Маштаги, Чемберекенд, Салаханы, Сураханы, Кишлы, Крепость, здание Исманили стали опорными пунктами мятежников. Банды Али Асадуллаева, Теймурбека, Эхтембея и других главарей получили пополнение: сотни уголовников были освобождены из тагневской тюрьмы. Уголовники изошрялись в пытках, грабили и убивали. Пылали дома. С особой жестокостью бандиты обрушились на селения, посмеявшие разделить бекские земли.

Бакинский комитет партии большевиков и Баксовдеп теперь располагали точными сведениями. Нужно было принимать решительные меры. Но военная власть в городе была рассредоточена. Следовало немедленно собрать все силы в единый кулак.

Ни для кого уже не было секретом, что дашнаки и эсеры

пытались пайти общий язык с мусаватистами. Но потерпели неудачу: уверенные в успехе мусаватисты не желали делить победу с «союзниками».

Баксовдеп созвал Чрезвычайное заседание, в котором приняли участие почти все политические партии и профессиональные союзы. Рабочие были готовы защищать революцию, требовали укрепить Красную Гвардию, бюро по борьбе с контрреволюцией. Решался вопрос жизни и смерти, сохранения Советской власти в Баку.

— Товарищи! — Джапаридзе поднялся, в зале наступила тишина. — Наши враги выступили открыто. Это мятеж. Иначе не назовешь переезд штаба Дикой дивизии в Баку, события в Ленкорани, на Мугани и в Шемахе, вступление банд Гоцинского в Петровск, захват хлеба, посланного трудящимся Баку, нападение на «Эвелину». Это, товарищи, открытое посягательство на пролетарскую революцию.

Мы обязаны защищать революцию всеми силами, которыми располагаем. Нам брошен вызов, и мы вынуждены принять его. Решено организовать в Баку и его районах единый Комитет революционной обороны. Каждый, кто в состоянии держать оружие, должен встать на защиту революции. Мы дадим отпор преступным элементам и призываем всех трудящихся и сознательную интеллигенцию — русских, мусульман, армян, людей всех национальностей — не поддаваться провокациям.

Из зала крикнули:

— Мы гарантируем нейтралитет.

В первом ряду встал Азизбеков, усмехнулся.

— Нейтралитет? Проще говоря, это значит: нас не трогай, и мы не тронем, а затронешь — убежим. Революция нуждается в защите, а не в нейтралитете. Если я не ошибаюсь, выкрик раздался в стане «Дашнакцутюн», которой не удалось торговаться с мусаватистами. Это позорно для демократов и революционеров. Позорно торговать жизнью тысяч людей. Товарищ Джапаридзе, прошу направить меня на самый трудный участок.

— Красноречие... Это и мы можем, — бросил кто-то рядом.

— Тихо, товарищи, тихо. Ваша просьба, товарищ Азизбеков, будет учтена, — спокойно сказал Джапаридзе. — Президиум Баксовдепа и Бакинский комитет партии предлагают кандидатуры членов Комитета революционной обороны. Слово предоставляется председателю Военно-революционного комитета Кавказской армии товарищу Корганову.

Григорий Корганов прошел к трибуне.

— Степан Шаумян. Есть необходимость представлять? Нет! Алеша Джапаридзе...

В Комитет революционной обороны Баку и его районов были избраны Григорий Корганов, Иван Сухарцев, Нариман Нариманов, а также Сако Саакян и Сергей Мелик-Иолчан. Представительство националистических организаций отвергнуто.

Снова встал Джапаридзе.

— Остаются избранные товарищи, остальных прошу разойтись по местам. Действовать согласно плану, который в течение двух часов будет вручен всем, кого это касается. Хочу предупредить Абрама Гюльдахяна, Айолло и особенно Амазаспа, что при попытке извратить решения комитета и заняться сведением счетов, виновные будут преданы суду революционного трибунала. Я думаю, ясно?

Через четверть часа все члены комитета собрались в кабинете Джапаридзе. Было разработано несколько вариантов обороны города, заслушаны мнения Корганова и Сухарцева, люди распределены по оборонительным участкам. Самые опасные направления закрепили за Джапаридзе, Азизбековым, Шаумяном, Фиолетовым, Наримановым. Комитет подготовил проект воззвания, Шаумян тут же его отредактировал и отправил в типографию. К часу почти члены комитета Революционной обороны разъехались по местам.

— Оказывается, мы враги мусульман. Мы! — Прочитав воззвание КРО, Топчибашев наигранно засмеялся. — Как вам это нравится? Мы натравливаем народ на свою же интеллигенцию. Тут большевики явно перегнули. — Он взглянул на угрюмо молчавшего Расул-заде. — Вы чего насупились?

Мамед Эмин, покусывая ус, не ответил.

— Ну, как хотите, — обиженно засопел Топчибашев. — Помоему, оснований для плохого настроения пока нет.

— Вот именно, пока — буркнул, наконец, Расул-заде.

Последнее время отношения лидеров «Мусавата» и «Национального совета» стали особенно напряженными. Они то доверяли друг другу, то замыкались в себе. Большая политическая игра, которую они начали, могла привести к краху.

Честно говоря, на успех они не очень рассчитывали. Понятно, такие тузы, как Тагнев или Нагнев, спокойно удержат за границу. Со своими капиталами они не пропадут и там. Но кто-то ведь будет расплачиваться.

Мамед Эмин завидовал этому толстокожему Али Марданбеку, который не способен задумываться всерьез. Бросается, очертя голову. Может, на войне это хорошо, а в политике нужен холодный рассудок. И еще корчит из себя аристократа... Это почему-то особенно бесило Мамед Эмина.

«Я — бек, я — бек! А Тагиеву, небось, все места вылизал до блеска, забыв о своей гордости. Собственно, что это? Сейчас, к сожалению, мы с этим болтуном единомышленники. Лучше уж такой, как он, чем Хойские или Хасмамедовы».

— Что вы молчите? — снова не выдержал Топчибашев. — Вы можете не уважать меня, но мое общественное положение...

— А что, положение гарантирует вам гениальность или успех? Я бы на вашем месте не спешил. Неизвестно еще, как повернутся дела, бек! — закончил Мамед Эмин иронически.

— Вот что! Вы не верите в нашу победу. Да у нас целая армия. Скоро еще и турки подойдут. К ним послана делегация. А три тысячи горцев Гоцинского? Они уже в пути.

— Что вы заладили — армия, армия... Какая к черту армия, если в ней бандиты, воры и кочни. Им плевать на наши идеи, на национальное достоинство. Они идут с нами лишь потому, что мы разрешили грабежи и насилие. От этой мысли меня трясет. Пока у нас нет духовного знамени, символа, движения, поверьте, обречено.

— И это говорит лидер партии! — патетически воскликнул Топчибашев. — У нас под ружьем десять тысяч аскеров. Десять! А будет больше. Надо только раз победить в открытом бою.

— А победим? — спокойно спросил Расул-заде.

— Слушайте! Вы, наверно, и сбежать способны, — презрительно протянул Али Марданбек.

— Бежать? Куда? В этом смысле у нас с вами, Али Марданбек, положение одинаковое. — Топчибашев молчал, но Мамед Эмин и не ждал ответа. — После того, что произошло с «Эвелинкой», я очень сомневаюсь в стратегических талантах Талышханова.

Теперь программа... У большевиков все ясно — земля, хлеб, свобода, мир. Вот почему народ валит к ним. А что предлагаем мы? Ни-че-го. И потом... У большевиков, как известно, шесть тысяч солдат, артиллерия, флот... Учтите — флот. Матросы — христиане, вряд ли их привлечет Золотой полумесяц... Добавьте «Дашнакцутюн», этих шансонеток, которые крутят пируэты. Не договорившись с нами, они в конечном счете пой-

дут против нас. А ведь можно было бы договориться... Но разве ислам дозволит?

— Гм! Лучшего агитатора, чем вы, Мамед Эмин, большевикам не сыскать, честное слово. Может, вы их агент, а? — невесело пошутил он. — Думаете, я сам не понимаю... Давайте прекратим этот разговор. А насчет армян вы правы. Надо было создать видимость. А что, если?..

— Поздно.

— Почему?

— Большевики обошли нас. Присмотритесь к составу комитета обороны — Саакян, Мелик-Йолчан. Вот это дипломаты! А кто во главе! В нагорной части Нариманов и Азизбеков. За Азизбековым бедняки табуном ходят. Э-э! А мы надеемся на моллу и кочи.

Топчибашев нахмурился.

— Позвольте дать вам совет, дорогой Мамед Эмин. Никогда и нигде не говорите об этом. Вы — лидер партии, ее мозг. Наша задача — продержаться несколько дней. Любой ценой. Пока подойдут подкрепления. А что придут, можете не сомневаться. Вы видите, какая паника в городе? Специальный комитет создали, потому что знают: мы — сила. Я приглашу генерала, обсудим положение. Не возражаете?

Мамед Эмин вяло кивнул.

Генерал Талышханов был настроен оптимистически. Переступив порог, он с достоинством провел рукой по пышным усам и тут же принялся восторженно комментировать последние сообщения.

— Господа, вы чем-то обеспокоены? Ай-яй-яй... Мы захватили уже более половины города. Мои аскеры превосходно знают свое дело. Паника дала прекрасные всходы. Армянский национальный совет растерян. Хэ-хэ-хэ... Испугались! Конный татарский полк на подходе, войска Зиятханова и князя Вахтанга тоже спешат. Два батальона пехоты и эскадрон кавалерии движутся к нам из Мардакян. На нашей стороне сотни монархически настроенных офицеров. Что же вас смущает, господа?

Генерал Талышханов чуточку преувеличивал. В городе шли уличные бои. Мятежникам приходилось вводить в бой все новые и новые отряды. Пламя пожаров зловеще трепетало над крышами. Стреляли отовсюду: с крыш, из окон, из подворотен. Трудно было понять, где кто и в кого. Стопы обожжен-

ных, крики раненых, гул и треск рушившихся домов наводнили ужас.

Особенно сильная паника охватила Крепость. Кто-то распустил слух, что там началась жестокая расправа с немусульманским населением. Отряд Красной Гвардии установил на крышах домов Цицианова и Красильникова пулеметы и вел обстрел Шемахинских ворот и Караван-сарая, где засела банда кочи.

Другой отряд окружил вокзал, куда должны были прибыть из Елизаветполя мусаватские аскеры. После короткой перестрелки красногвардейцы захватили в плен роту.

По приказу Комитета революционной обороны в Сальянские казармы прибыли Корганов и Фиолетов. Там никого не оказалось. Солдаты толпились у церкви. Какой-то штабс-капитан сидел кричал прямо с лестницы:

— Солдаты! Большевики, играющие в революцию, отвлекают нас от священной защиты отечества. Призывают стрелять в мусульман. Сеют хаос и братоубийство. Во имя чего мы пойдем на смерть? Ради кучки бунтовщиков, захвативших власть? Дудки. По приказу командования...

— Какого командования? — спросили из задних рядов.

— Командования полка, граждане... товарищи...

— Ишь ты. И гра-а-ждане уже, да и товарищи. Припекло, ядрена мать, — пробасил солдат в первом ряду.

— Вестимо, что припекло, стал быть. А когда мусульмане палили в наших, так это было в законе что ль?

— Солдаты, — гнул свое оратор, — вы должны соблюдать революционный порядок. По приказу командования...

— Правильно, — улыбающийся Фиолетов оказался рядом с офицером и, перехватив вскинутую в призыве руку, спросил насмешливо: — Что же вы, господин штабс-капитан, не ответили? Солдаты интересуются: от имени какого командования вы митингуете?

— А вы кто такой? — взвизгнул офицер.

— Вот дура! — хохотнули солдаты. — Дык это ж сам Ванюшка Фиолетов. Власть.

Офицер схватился за оружие, но Фиолетов так сжал его руку, что капитана выгнуло дугой. Солдаты хохотали.

— Чистый цирк. Фиолетов наш, рабочий. Не тебе с ним тягаться. Дура царская.

Вышел вперед Григорий Корганов — стройный, подтянутый, в военной форме без погон, на фуражке красная звездочка.

— Именем Ревкомитета обороны и Ревкома Кавказской Красной Армии вы арестованы. — Корганов обернулся к солдатам. — Уведите его и запирайте, чтоб не сбежал.

Штабс-капитана увели.

— Дорогие товарищи, солдаты! Я к вам от Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Скажите, кого среди вас больше — рабочих или крестьян?

— Крестьяне мы.

— А что-нибудь о Ленине знаете?

— А як же... Знаем! Та вин с Украины, тилько вин фамилию сменив.

Солдаты опять рассмеялись.

— Ну, Микола, даешь! Да, Ленин он, Илыч! Рассейский мужик. Здоровый. Как Муромец.

Корганов улыбнулся — знают.

— По декрету Советской власти, подписанному Лениным, вы получили свободу. Вам отдана земля, много веков принадлежавшая помещикам. Неужели же вы снова пойдете воевать за помещиков, против Ленина? Позвольте Николая Кровавого заменить каким-нибудь беком или ханом? Комитет обороны и Ревком Кавказской Красной Армии поручили мне повести вас, товарищи, на защиту свободы. Решайте! Поможете или в казармах отсиживаетесь?

Повисло молчание.

— Что молчите? — спросил Фиолетов.

— А чего говорить?

— Значит говорить не о чем?

Вперед выступил солдат.

— Ста-а-новисы! За Ленина! За свободу! Командуй, Ван Мы с вами.

Батальон мгновенно построился в колонну. Ночь была темной. Редкие звезды едва освещали дорогу. Фиолетов и Корганов шли впереди.

Почти в то же время у здания Ревкома, где заседал Комитет революционной обороны, осадили коней Исламбек и Аслан. В коридоре столкнулись с Джапаридзе. Он задержал Исламбека и отвел в сторону.

— Все знаю, — сказал негромко. — Зачем тебе слова? Верь одному: твоя боль — наша боль. — Он заглянул в глаза. — А жить-то надо. Дело, за которое она боролась, в опасности. Как дети?

— Плохо. Лиза ревет, а Генка застыл весь, молчит. Ширвани я оставил с ними.

— Сейчас мы решаем важный вопрос. Отпустить тебя? Отряд поведет Аслан.

Исламбек молча взглянул на Джапаридзе. Тот понял.

— Хорошо, дорогой. Пойдем.

Просторная комната была ярко освещена. В воздухе колыхались густые облака табачного дыма. Над нарисованным от руки планом Баку стояли Гамид Султанов, Зевин, Нариманов, Азизбеков, Тер-Габриелли, военспекцы из ВРК. Оглянувшись на стук двери, Султанов продолжал доклад.

— Обстановка — хуже некуда. В Мардакянах — база вражеской дивизии. Маштаги. Сураханы, Кишлы в опасности. С севера приближается дагестанский полк Гоцинского, уже под Хурдаланом... Нагорная часть — Чемберекенд, Персидская, Шемахинка — у противника. Районы Кемур-майда, Мельницы, Татарской, Параллельных, Похлу-Дере также вышли из-под нашего контроля. Захвачена и Крепость. У нас пока Набережная, часть Баилово, Губернаторский сад, Великокняжеская, Ольгинская, армянский район, Петровская площадь, Черный и Белый город. Мы не можем ждать, когда нас передают, как котят в мешке. Если товарищу Шаумяну удастся перехватить флот, а Корганову увлечь солдат... Тогда что ж, засучим рукава. В первую очередь — Крепосты!

Нариманов подошел к Джапаридзе.

— Нейтралитет армянского нацсовета поколеблен. Надо привлечь на помощь их вооруженные силы. Микоян, Сако Саакян и другие товарищи берут это на себя. Я настаиваю на решительном наступлении, пока не подошли вражеские подкрепления. Расчет на прорыв, плюс эффект неожиданности...

Его поддержал Азизбеков. Как всегда, он был предельно четок, возражать ему было трудно.

— Как комиссар Нагорной части города, я знаю обстановку. Мусаватисты меньше всего ждут нашего наступления. Предлагаю Нагорную часть взять в кольцо, нанести удары одновременно по Чемберекендской, Персидской и Шемахинке. Выгнать мятежников за Волчьи ворота и там разоружить. Место удобное — открытое. Конечно, без артиллерии задачу решить трудно. Я сделал расчет. Посмотрите.

Азизбеков протянул Алеше густо исписанный лист. Джапаридзе и Нариманов пробежали его глазами, передали военспецам.

— Хорошо, товарищ Азизбеков, — кивнул Джапаридзе. — Кто еще хочет?

Нариманов тяжело вздохнул.

— А может, начать с Крепости? Вокруг нее уже сосредоточены отряды Мамедьярова, Вацека, Султанова, Амирова и Микояна. Зачем давать врагу передышку? Там их штаб. Надо срубить голову.

— Доктор прав, — кивнул Джапаридзе. — Предложение стоит обдумать. Что предлагаете вы, Саак?

— Думаю, что Похлу-Дере и Татарскую следует брать силами солдат, сосредоточенных у вокзала. Что касается банд кочи, с ними справится Исламбек. Опыта у него достаточно. Как, товарищ Карабаглы?

Исламбек, стоявший у окна, вздрогнул.

— Я готов.

— Договорились, — заключил Джапаридзе. — Сейчас должен подъехать Степан Георгиевич, мы согласуем с ним планы. А пока, товарищи, прошу к карте. Еще раз взвесим наши возможности.

У парадного подъезда гостиницы «Метрополь» фэзтон замедлил ход. Человек в пальто и котелке быстро вскочил на подножку. Это был доктор Гайк Тер-Микаэлян. Он сел поудобнее, поправил пенсне, спросил негромко:

— Что в вашем КРО?

— Все в порядке, слава богу. Я командирован для переговоров с вами о боевом содружестве.

— Отлично. Раз послали в национальный совет, стало быть поедом. Только не в армянский, а в мусульманский, к господину Топчибашеву.

Собеседник нахмурился.

— Вы шутите, доктор?

— Нисколько.

— В таком случае, я вам не попутчик.

— Отчего же?

— Не забывайте... Я...

— Милый мой политик, — улыбнулся Тер-Микаэлян. — Я и на секунду не позволю себе забыть, что вы, Мелик-Йолчан, политический деятель, член КРО, заведующий финансами и т. д. Но господин Али Марданбек всего этого не знает, да и вообще не знаком с вами.

— Это неважно. Меня может заметить кто-то другой. Вы плохо знаете большевиков, если думаете, что в штабе мусульман нет их людей. Так что остановите на утлу, я выйду.

— Не стоит так волноваться. Выходите и в гостинице. Я постараюсь все уладить сам.

Мелик-Йолчан, подняв воротник пальто, вернулся в гостиницу, фаятон покати́л к Исмаилие.

Тер-Микаэляна приняли Топчибашев, Расул-заде и генерал Талышханов.

— Мой визит к вам, — заговорил представитель армянского нацсовета, — продиктован крайней необходимостью. Вы прекрасно понимаете, что наш совет ничего общего с красными не имеет и иметь не может. И все-таки забота о нашем народе, о простых людях и покое в городе побуждает меня обратиться к вам. Думаю, что сегодня не до междоусобиц. На минуту представьте себе, что может принести городу резня. Наш совет, взвесив все, решил вступить с вами в переговоры. Наши лидеры ждут вас в «Метрополе».

Али Марданбек задумчиво резной подлокотник кресла. Ответил Талышханов:

— Дорогой доктор, мы расцениваем ваш визит, как благородный шаг к нормализации отношений. Вы обеспокоены, но, аллах свидетель, и мы озабочены положением в городе. Разве мы желаем кровопролития? Советы вынудили нас защищаться, напав на «Эвелину». Ваш приезд позволяет надеяться на благоприятный исход борьбы с большевизмом. По нашим расчетам, Советская власть падет не позже завтрашнего дня. Да-да, завтрашнего! И если армянский совет готов на союз с нами, мы согласны. Однако я должен оговорить некоторые условия. В будущем правительстве вы сможете рассчитывать не более, чем на два министерских портфеля...

— Видите ли, генерал, — холодно возразил доктор, — я не уполномочен решать вопрос о количестве министерских портфелей. Боюсь, если мы сегодня не найдем общего языка, завтра будет поздно.

— Отчего же?

— Дело в том, что небезызвестный Сако Саакян, ныне член КРО, сумел убедить кое-кого из членов армянского совета. Наша партия должна безотлагательно решить, с кем ей быть завтра. Учитывая, что многие помнят события пятого года, мы не вправе ждать. Нейтралитет не устраивает рядовых избирателей. Среди нашего народа тоже действуют большевистские агитаторы.

— Я понял, доктор, — прервал Али Марданбек. — В полночь наша делегация прибудет в «Метрополь». Прошу обеспечить ее безопасность.

Тер-Микаэлян поднялся.

— Можете не беспокоиться, господа. Отряды у гостиницы будут предупреждены.

Ровно в полночь от Исмаилие отъехали четыре фазтона. Возглавлял делегацию лидер мусульманского нацсовета Али Марданбек.

Едва пересекли Базарную, как навстречу хлестнули пулеметные очереди. Били в упор, прямо с крыши пассажа Калантарова. Лошади испуганно шарахнулись, одна из них рухнула на колени. Экипаж перевернулся. Кто-то дико закричал. Намертво сцепив зубы, Топчибашев помог кучеру повернуть лошадей. Вернулось два экипажа.

В кабинете Тер-Габриеляна затрещал телефон. Саак рыком снял трубку.

— Да, Аслан, слушаю. Понятно. Раненых нет? Ну, ладно.

Он поспешил к Джапаридзе.

— Все в порядке. Союз не состоялся, пулеметчики «Дашнакцутюна» обстреляли делегацию мусавата.

— Значит, хотели сговориться. Видишь, Мелик-Йолчан сказал правду. А почему он это сделал?

— Чувствует зыбкость позиции националистов. Поступили сообщения из штаба. Топчибашев и Талышханов в бешенстве. Подозревают обман. Тер-Микаэлян лезет вон из кожи, доказывая, что переговоры сорваны большевиками.

— Верят ему?

— Нет. Али Марданбек назвал его провокатором, обложил последними словами и пригрозил...

— Очень хорошо! — сказал Джапаридзе. — С двуручниками так и надо. И я могу тебя обрадовать. Сако тоже прижал своих. Не знаю, как ему удалось, но они выступают на нашей стороне. Начинаем наступление. Что это? — Джапаридзе кинулся к окну и рывком распахнул. — Смотри, кажется, «Ардаган» подходит. Точно! Пушки направлены на Крепость.

Грохнуло корабельное орудие. Не чувствуя холода мартовской ночи, они по пояс высунулись в окно.

— Понимаешь, Саак Мирзоевич, теперь у нас десять тысяч штыков. Десять тысяч. И «Ардаган». Это сила.

Уличные бои шли уже по всему городу. Комиссары во главе с Шаумяном находились на боевых постах. Яростные, неостывшие после атаки глаза, наганы, одежда в глине и мазуте. Советская власть защищалась. В штабе остались только Корганов, Нариманов и военспецы. Связь держали через курьеров.

Дом, где жила Лизабет Дюпо, был расположен в сравнительно спокойном районе. За углом — Совдеп, рядом Молоканский сквер. Но мадемаузель, махнув рукой на контракт, второй день сидела дома. Бесконечно звонил телефон. Поклонники Дюпо осведомлялись о здоровье «бесценной, ненаглядной, дорогой». Дюпо, капризно вздыхая, отделялась несколькими фразами. Она сидела на софе, бездумно перебирая тонкими пальцами черную бахрому персидской шали. Маленький фарфоровый медвежонок лежал рядом.

Звонок прозвучал громко и требовательно.

— Слушаю. О, мосье Лямор! Благодарю вас. Я так ценю ваше беспокойство. Да-да. Я знала, вы не оставите бедную Ли.

Поток психных и сладких слов вдруг иссяк. Она просто не могла ничего добавить. Ну и черт с ним, с французом. Он ей достаточно надоел в тот вечер, когда провожал от Тагианова.

Самое интересное там, пожалуй, эта пара Дэвис. Когда после танца они вернулись в зал, их подозвал английский консул. Миссис Дэвис равнодушно рассматривала присутствующих, обмахиваясь изумительным по красоте веером. Дело, однако, в том, что в зале было прохладно. Даже свежо. Но как только миссис опускала веер, ее супруг замолкал.

Видимо, Ли слишком долго держалась рядом, потому что мистер Дэвис стал коситься в ее сторону. Правда, француз заверил его, что мисс Дюпо английского языка не знает, а политика не занимает ее совсем. Все ж пришлось завертеть ускоренный флирт с каким-то пожилым заводчиком, от которого дурно пахло.

Кажется, Дэвис успокоился.

— Генерал скоро даст о себе знать. Накапливает силы. Особые надежды мы возлагаем на полковника.

— А немцы?

— О, этот вопрос решится независимо от их желания. Уясните, господа, что лидеры армянской демократии и эсеры придерживаются нашей ориентации. Кстати, из Тифлиса приехал Джунковский. Опытнейший режиссер! Ха-ха! Скоро убедитесь. Остерегайтесь. Встречаться со мной больше не следует. Если что, передайте через Светлану. Между прочим, как заметил один писатель, — дама приятная во всех отношениях.

Французский поверенный усмехнулся:

— Лучше моей певицы?

— О вкусах не спорят. Потом многое зависит от того, как фигурой вы хотите сделать ее в своей игре.

— В хорошей игре успех зависит не столько от фигур, сколько от верного хода, — парировал француз.

В этом месте ее поклонник рассмеялся, и она не разобрала конца фразы.

— Мсье консул, я буду только рад. Наши интересы в общем совпадают.

Супруга Дэвис забеспокоилась всерьез. Закрыла веер, в упор взглянула на мужа.

— Томми, выберете другое время для болтовни. Мне скучно. Я хочу танцевать.

Дэвис вскинул брови, поднес к губам руку жены и увлек ее круг танцующих.

Оркестр заиграл вальс. Француз обернулся к Лизабет.

— Я очень виноват перед вами, мое дитя. Мы, мужчины, даже на балу не забываем о коммерции. Такова жизнь. Я к вашим услугам. Потанцуем?

— О нет, мсье. Моя мигрень... — Она с уморительной гримасой потерла виски. — Не согласитесь ли вы меня проводить?

— Что за вопрос, дорогая Ли...

Многого она, увы, не поняла. Кто такие «полковник» и этот Джунковский? Еще упоминались какие-то Джигитян и Светлана. Надо потрясти этого болтливого француза...

Она встала, медленно прошла по комнате. Прозвенели звонки: один длинный и три коротких. Она вбежала в прихожую и остановилась. Звонки повторились. Так звонил только один человек. Неужели? Неужто, господа? Болезненно слабым голосом она спросила по-французски:

— Кто там?

— Ангел мой, я.

Дюпо с трудом повернула массивный ключ, оттянула щеколду.

— Артур? Артур, милый, как ты мне нужен!

Он выглянул, аккуратно запер дверь. Осторожно погладил руку, притянул к себе. Сильно, очень — она даже чуть застыла. Но не от боли.

— Юдифь. Сказка моя...

Над свежим могильным холмом, заваленным цветами, прогремел залп. Вцепившись в Исламбека, беззвучно рыдала

Лиза. Он обнял Генку. Может быть, в этот момент только хрупкое плечо мальчика удержало его на этом свете. В глазах плыли черные строки:

ЭМИЛИЯ ВИКТОРОВНА КАРАБАГЛЫ

1896 — 1918

ПОГИБЛА ОТ ПУЛИ БАНДИТА

Как дико видеть свою фамилию среди покосившихся крестов, заросших травой могил, замшелых надгробий.

Жена... Теплые отсветы на плече. Горячие, чуть припухшие губы на его губах. Слабые, доверчивые руки. Недошитый чепчик, брошенный на подокошнике... Пронзительно, до боли, он вспомнил тот, заваленный камнями холмик на старом мусульманском кладбище и понял, что юность ушла. Совсем.

Все вдруг стало другим. Он почти ненавидел эту ликующую зелень, буйное цветение яблонь, прохладный ветер, шевелящий цветы на могиле.

Рука напряглась, плечо мальчика осело под тяжестью. В стороне заржала лошадь. Исламбек натянул фуражку, твердо ступая, отошел от могилы. Дети и Ширвани шли рядом.

Лиза снова заплакала. Исламбек поморщился, крикнул Мешади Алескеру:

— Забери детей. — Вскочил в седло.

Третьи сутки на улицах Баку лилась кровь. Мусаватисты сопротивлялись отчаянно, стремясь продержаться до подхода подкреплений. Но силы защитников революции с каждым часом росли. Добровольцы под командованием Анастаса Микояна и Мамеда Мамедъярова, партизаны Татевоса Амирова штурмовали Крепость с разных сторон. Каждая щель в стенах старых домов, казалось, была начинена порохом. Гремели выстрелы, взрывались гранаты, падали люди... С удивленным, еще не осознавшим небытие лицом. Высоко над ними висело пронзительное голубое небо. Оно переворачивалось и превращалось в ночь... Не всегда удавалось похоронить убитых. Из узеньких душных тупиков тянуло трупным запахом.

Когда отряд Исламбека соединился с партизанской группой Татевоса Амирова, бой был в самом разгаре.

— Трудно? — Исламбек кивнул на здание Исмаилие.

— Не спрашивай. Засели гады за толстенными стенами, не подступишься. Десятка три бойцов потеряли. А сколько раненых... Продолжать штурм без артиллерии бесполезно. Послал связного в штаб к Корганову. Но, видимо, не добрался. А у

меня тут мысль появилась. — Татевос снял шапку, вытер мокрую голову грязным носовым платком.

— Какая?

— Риск большой. Видишь там во дворе жестяные банки?

— Ну?

— Их там штук тридцать. В каждой — фунтов по пять керосину. У керосинщика забрал. Хочу поджечь Исмаилие. И редакцию их газеты. Когда начнется паника, мы подберемся.

Исламбек думал недолго.

— Давай. Я поддержу тебя.

Татевос взволновался.

— Думаешь, это просто? Надо быстро, очень быстро все... Чтобы опомниться не успели. Оборона у них крепкая.

Исламбек внимательно оглядел массивное здание.

— Давай так. Мои ребята проскочат на полном скаку. А ты обеспечь, чтоб ни один гад не высунулся.

На крышах установили два станковых пулемета с запасными лентами. Тридцать конников с керосиновыми банками ждали, притотопившись к броску.

Амиров командовал. Одновременно заговорили пулеметы, дружно закашляли винтовки. Кавалеристы вырвались из-за укрытия. Атака застала мятежников врасплох. Всадники облили стены керосином и без потерь вернулись обратно. Отступая последними, Исламбек и Татевос швырнули гранаты. Остальное сделал ветер. Пламя быстро перекинулось на соседний дом, языки огня ползли по стенам, черный дым поднялся в небо.

В Исмаилие началась паника. Мятежники метались, бежали в переулки, карабкались на крепостную стену. Но мало кому удалось уйти — партизаны стреляли метко.

Тем временем со стороны моря началась не менее яростная атака. Команды «Ардагана» и «Красноводска», узнав, что озлобленные поражением националисты грабят и убивают население Крепости, открыли артиллерийский огонь. Снаряды попали в Девичью башню, в дом Исабека Гаджинского. Взрывы сотрясали древние стены Джума мечети и Ханского дворца. Паника из горящего здания Исмаилие перекинулась на Крепость. Пожар разрастался. Балконы рушились, загромождая и без того тесные тупики.

И в нагорной части города Азизбеков отбил несколько улиц. Здесь не столько стреляли, сколько бился в рукопашную.

Довершая разгром, два самолета из школы морской

авиации сыпали гранаты на позиции мятежников. На многих домах выкинули белые флаги...

Али Марданбек и Мамед Эмин, предвидя трагический финал, успели переулками проскочить на Персидскую. От уверенности лидера мусульманского нацсовета не осталось следа. Он напоминал затравленного зверя. Теймурбек разобрался в обстановке еще раньше. С группой бандитов он прорвался к Волчьим воротам и бежал в селение Коби.

Шаумян и Джапаридзе приехали в Комитет революционной обороны к вечеру. Нариманов и Корганов ждали их — оба темные от усталости и напряжения.

Раздался звонок. Корганов взял трубку.

— Слушаю. Да-да, комиссар Корганов. — Он прикрыл трубку рукой и шепнул: — Генерал Талышханов. — Говорите медленнее, генерал. Орудия? Да, конечно. А как вы думали? На войне, как на войне, генерал. Нет. Будем биться до конца. — Корганов положил трубку. — Ну вот. Генерал просит о перемирии. Считаю неприемлемым.

— Правильно считаете, — ответил Джапаридзе.

— Пусть решает КРО. — Шаумян сел, устало прикрыл глаза. — Соберите всех.

Корганов кивнул. Спустя полчаса все члены КРО были на месте. Корганов передал разговор с генералом Талышхановым. Генерал напоминает, что оружейный огонь ведет к разрушению исторических памятников — Исмаилие и Крепости.

— Этого делать не следовало бы. — Нариманов нервно протер очки. Национальное богатство надо беречь.

Сако Саакян протестующе замахал руками.

— Никаких переговоров. Час тому назад трое наших парламентариев с белым флагом пошли к тагиевской. Мы хотели по-хорошему. Эти гады открыли огонь, все трое убиты. Я, как лидер партии социал-революционеров, протестую. Я за категорический ультиматум. Безоговорочная капитуляция или уничтожение.

Приподняв плечи, он навис над сидящим Шаумяном. Джапаридзе подошел и, полуобняв, оттащил от стола.

— Что это ты, Сако, завелся, как на миттинге? Давай спокойнее. Твое предложение правильно. Ты знаешь, я далеко не всегда с тобой согласен, но сейчас ты абсолютно прав. Жестче надо с ними. Или — или.

Вошел расстроенный Яков Зевин.

— Печальные вести. На Телефонной только что убиты жена и дочь присяжного поверенного Леонтовича. Огонь открыли армянские пикетчики. Вопиющее безобразие! Леонтович — честнейший адвокат. Многим профессиональным революционерам оказал неоценимые услуги. А мы вместо благодарности... Что ж, товарищ Сако, стрельба в беззащитных женщин — такова помощь ваших солдат революции?

Густые брови Саакяна поползли вверх. Он вспыхнул: сдержался.

— Гнусное дело, иначе не назовешь. — Шаумян обернулся к Тер-Габриеляну: — Саак Мирзоевич, прошу разобраться лично! Виновных — в военно-революционный трибунал. Мы не можем допустить, чтобы кто-то подрывал авторитет Советской власти.

— Абсолютно верно, — поддержал Джапаридзе.

Сако хлопнул себя по колену.

— Поз-зор! Сволочи... Но что этим женщинам не сиделось дома?

— А думаете, в домах спокойнее, товарищ Сако? — вздохнул Зевин. — Везде плохо. Опять появились мародеры, грабители.

— Надо вызвать Карабаглы, — сказал Нариманов. — Он как-будто в районе Исмаилие. Уголовщину следует пресечь немедленно.

Тер-Габриелян вышел.

— Еще одно неприятное известие, — продолжал Зевин. — Какой-то отряд совершил нападение на Похлу-Дере. Жгут дома мусульман. Явная провокация.

Шаумян нервно ходил по кабинету.

— Неужели «Дашнакцутюн»?

Григорий Корганов уже взялся за трубку.

— Предупреждаю: за анархию и нарушение воинской дисциплины виновных под трибунал. Отправьте в Похлу-Дере конный взвод и пулеметчика. Анархистов арестуйте.

Шаумян обернулся к Джапаридзе.

— Алеша, мы отвечаем перед народом за все, что происходит в городе. Об аресте и осуждении бандитов надо известить население. Пусть знают, что ни одно преступление не останется безнаказанным.

— Совершенно верно, — поддержал Нариманов.

— А вы, Яков созовите членов бюро. Есть ряд вопросов.

— Понятно.

— И вот еще о чем следует подумать, — Шаумян взъеро-

шил волосы. — После разгрома мятежа может начаться бегство из города. Участники мятежа, промышленники, торгаши... Эти, бог с ними! Но этим настроениям могут поддаться и другие. Тем более, что распространились слухи о красном терроре. С ними следует бороться. А беки, ханы и прочая нечисть пусть бегут. Надо лишь оповестить комиссаров порта и вокзала, комендантов, чтобы задерживали и обыскивали всех подозрительных. Это необходимо, чтобы помешать вывозу из города оружия, золота, драгоценностей, денег.

Вернувшись в «Гуммет», Нариманов обнаружил незваных гостей — Топчибашева и Расул-заде. Он заставил себя говорить с ними сдержанно и корректно. Спокойно выслушал просьбу нацсовета и партии «Мусават» начать мирные переговоры. Объяснил:

— Такие вопросы решаются только коллегиально. У нас действует специальный комитет обороны города, облеченный всеми полномочиями. Только его решения...

Мамед Эмин устало прервал:

— Неужели вы, Нариманбек, не можете избавить нас от лишних унижений. Неужто мы, мусульмане, не можем сами решить свои проблемы?

Нариманов резко поднялся.

— Вы что, хотите сделать меня соучастником всего, что творили в эти дни? Вы обесчестили себя и свою партию, лишили ее остатков политического капитала, которого и так было не слишком много. И то, что произошло в Баку, касается не только мусульман, а всех. Всех!

Он снял трубку и попросил соединить его с кабинетом Шаумяна. Степан Георгиевич был на месте.

— Случилось что, Нариман?

— Явилась ко мне делегация, возглавляемая господином Расул-заде. Хочу просить, чтобы в КРО их выслушали.

В полдень Комитет революционной обороны города отдал приказ о временном прекращении огня. Встреча состоялась в гостинице «Континенталь», что на Молоканской.

Начал, как всегда, Топчибашев.

— Я понимаю, господа, у вас есть основания быть с нами непежливymi. Однако, я глубоко убежден, что происшедшие в городе трагические события носят скорее стихийный характер.

Шаумян кивнул.

— Конечно, стихийный. Только стихия эта заранее подготовлена и тщательно организована.

Но сбить Топчибашева было не так-то просто.

— Как человек, сознающий свою ответственность за судьбы моего народа, я вынужден заявить, что в этих печальных событиях есть доля и моей вины...

Шаумян нетерпеливо перебил его:

— Послушайте, господин Топчибашев. Сейчас не то время, когда можно устраивать дискуссии. Давайте внесем ясность. Если угодно, мы можем рассказать, как шаг за шагом готовился этот мятеж и о вашем непосредственном в нем участии. Скажите мне честно: кто пострадал в результате этих событий — народ или господа, финансировавшие мятеж? Все эти Нагиевы, Тагиевы, Асадуллаевы. Чьи семьи плачут по кормильцам, женам, детям? Ваша, Талышханова или Расул-заде? Вы толкаете народ в рабство, в зависимость от германо-турецкого капитала. Если вы не в состоянии это понять, нам и говорить не о чем.

Топчибашеву стало не по себе.

— Господин Шаумян, выступая с подобными обвинениями, вы стремитесь, очевидно, отрезать все пути к взаимопониманию, — осторожно заметил он.

— Не хотите понимать? Тогда мы вынуждены предъявить вам ультиматум. Прошу, товарищ Джапаридзе.

Топчибашев и другие члены делегации обернулись к председателю Баксовдепа.

— Наши условия таковы: первое — безоговорочная капитуляция; второе — сдача всего оружия; третье — в кратчайший срок ваши войска, я имею в виду дивизию, созданную Талышхановым, покидают территорию Бакинской губернии; четвертое — открыть дороги в Петровск и Тифлис. И последнее. В порядке напутствия. Прекратить игру с огнем. Кажется, все. Условия окончательные. Если вы их примете, мы прекращаем огонь.

Мамед Эмин побледнел, взглянул на Топчибашева.

— Конечно, вы ставите нас в положение...

Азизбеков подсказал:

— Которое вы сами себе создали.

— Допустим. Условия для нас приемлемы, кроме одного. Дивизия создана на личные средства крупных промышленников, и не в нашей компетенции это решать...

Вмешался Нариманов.

— Как политика я вас знаю давно, но ваше собственное мнение мне редко доводилось слышать. Обычно вы повторяете Тагиева. И в данном случае трудно представить, что вас не

снабдили полномочиями. А что касается Талышханова, то в свое время я взял генерала на поруки и ошибся, поверив в его порядочность. Но ведь и генерал не все решал сам. Рядом с ним в Исмаилие заседали и вы, господин Расул-заде, и вы, Али Марданбек.

— Господин Нариманов, — Топчибашев все еще пытался нащупать компромисс, — вы же знаете, что Исмаилие построено Мусой Нагиевым в память о сыне и служит пристанищем для всех политических организаций. Естественно, что и Талышханов оказался там.

Азизбеков шумно вздохнул и демонстративно посмотрел на часы. Топчибашев понял, что тянуть дальше опасно.

Джапаридзе обвел взглядом членов КРО и резюмировал:

— Господа делегаты, дальнейшие дебаты бессмысленны. Мы настаиваем на всех пунктах ультиматума. В противном случае военные действия будут продолжаться. Ответа ждем до трех часов дня.

Наступило напряженное молчание. Мамед Эмин встал и перемонно поклонился.

Делегация покинула совещание в полной растерянности. Никто не ожидал от большевиков такой категоричности. Видно, они чувствовали за собой силу. Но какую?

В ожидании ответа КРО привел в боевую готовность подразделения Красной Гвардии и рабочие дружины. Над городом повисла тяжелая тишина. Тысячи людей гадали, что принесет им завтрашний день: жизнь или смерть.

Пользуясь перемирьем, офицеры-мусаватисты бежали. Изредка слышался грохот — рушились остатки зданий, стены, магазины.

Следили за ходом часов и в армянском национальном совете. Лидеров «Дашнакцутюна» не устраивали мир и спокойствие. Они предпочли бы, чтобы бои продолжались, истощая силы и большевиков и мусаватистов.

Стрелка приближалась к трем, когда резко зазвонил телефон. Трубку взял Шаумян. Говорил Топчибашев.

— Мы принимаем ваши условия. Прошу обеспечить мусульманскому населению безопасность.

— Победа! — вскрикнул Степан Георгиевич.

Заструилась, зашумела жизнь. Люди выходили на улицы, пели, плакали и смеялись.

Ровно через час, когда город свободно вздохнул и принялся зализывать раны, грохнули новые взрывы. Члены КРО даже не успели разъехаться. Тут же выяснили, что теперь уже отряды

армянской контрреволюции начали атаку на мусульманские районы.

Джапаридзе позвонил в штаб «Дашнакцутюна».

— Алло! Да-да. Наши данные точны. Категорически предупреждаю, если в течение часа вы не прекратите стрельбу, «Ардаган» начнет обстрел вашего штаба и батальонов. Все! Больше предупреждать не будем, — он бросил трубку, вытер платком лоб и усы. — Черт! Самые настоящие мерзавцы. Слушай, Саак. Надо поручить Карабаглы борьбу с мародерами. Хватит! Пару мерзавцев расстрелять публично, остальных в тюрьму.

— Ясно, — Тер-Габриелян вышел.

Через несколько часов в городе наступило спокойствие. Однако пушки «Ардагана» по-прежнему смотрели на город.

ЧАСТЬ III. АЛИБИ НЕ БУДЕТ

Глава I. Бегство

Поезд дотащился до Елизаветполя на рассвете. Из вагонов, волоча мешки и чемоданы, высыпали беженцы. Странное зрелище представляли эти пассажиры: подчеркнuto дешевые пальто, грубая обувь, старые полушубки. А под ними — белоснежные манжеты, мерцание золотых цепочек... Ругаясь и отталкивая друг друга, они бросались к ошарашенным фэтонщикам, совали крупные кредитки. Скорее, только бы скорее добраться до обетованных мест, где хозяйничают свои, где можно спрятаться, отсидеться, замести следы.

Только один пассажир, кажется, не спешил. Нахлобучив по самые брови шляпу, он то ли спал, то ли притворялся спящим. Вагон опустел.

— Господин, извольте проснуться. — Заспанный проводник поднес фонарь к самому лицу. — Прибыли-с в Елизаветполь...

Мамед Эмин, еще недавно надежда мусаватской партии, вespеша достал небольшой чемодан и направился к выходу.

По опустевшему перрону он шел без привычного спутника Али Марданбека, потерял его в толпе еще на бакинском вокзале. Не было рядом и Абас Кули Кязим-заде — надменного и лукавого секретаря партии. Тот куда-то исчез днем раньше. Расул-заде не очень об этом сожалел. В дни неудач он едва их выносил. Все его раздражало в этом суетном и продажном

мире, сам себе он был противен. Всюду, где останавливался поезд, он с горечью видел голодных женщин с детьми, жадно тянущих к окнам вагона грязные ладони. Он не мог на них смотреть, как и на беспомощно ковылявших по перрону инвалидов.

Он шел по «земле предков», не чувствуя в душе ничего, кроме удручающей пустоты. Ему, председателю партии «Мусават», предстояло теперь отвечать за поражение и ошибки, за паническое, позорное бегство из Баку.

Вспомнились дни, когда здесь, у вокзала его встречал почетный эскорт, играла музыка. Сегодня, в холодное апрельское утро, которое он запомнит на всю свою жизнь, его не ждали.

Растворившись среди беженцев, Мамед Эмин долго толкался по площади в поисках фаэтона или, на худой конец, арбы. С трудом, заплатив втридорога, он пристроился с чемоданом на телеге, рядом с пустыми бочками. Заметив первую же чайхану, он сошел. Надо было собраться с мыслями, приготовиться к неизбежным объяснениям, обдумать новую роль, которую волей судеб придется ему играть теперь — после поражения тщательно продуманного и подготовленного мятежа.

У широченного дерева он остановился, безглаголиво оглядел засиженные мухами столики и собрался повернуть назад. Но из-за спины чайханщика неожиданно вынырнул Ризабек Селимбеков, картинно раскинув руки, пошел к нему.

— О, дорогой Мамед Эмин, какая встреча! Прощу, как говорят, к нашему шалашу. — В его тоне странным образом сочетались уважение и ирония. Он обнял Расул-заде, обдав его запахом вина и зелени. — Чем порадуете верных друзей своих?

— Ничего веселого, Ризабек, ни-че-го.

— Зачем же так? Не следует отчаиваться, почтенный Мамед Эмин. Присаживайтесь, освежимся чаем, поговорим. Я в Гяндже уже целую неделю, с ума схожу от окуки. Вавилонское столпотворение. Не поймешь, кто чего хочет.

Чайчи принес на подносе пузатый чайник, стаканчики с блюдцами, мелко наколотый сахар. Мятой тряпкой стер лужицы со стола.

— А вы как здесь оказались? — вяло любопытствовал Мамед Эмин. Он знал, что Ризабек бежал из Баку в числе первых.

— О, аллах! Неужто вы сомневаетесь в гениальности моей супруги? Неделю назад Сопа-ханум объявила, что немедленно

едёт в весеннюю Гянджу, полакомиться каймагом. Врачи, видите ли, рекомендовали. Такого каймага, как в Гяндже, нигде не сыщешь. И весна здесь удивительная. Думаю, знаете ли, заложить здесь плантацию роз.

Расул-заде слушал болтовню и не верил ни одному слову. Не зря говорили, что Ризабек живому не улыбнется, по умершему не заплачет.

— Эх, Ризабек, Ризабек! Тяжела ноша.

— Что с вами, почтенный Мамед Эмин?

— Можно подумать, что вы ничего не знаете и заняты лишь гянджинской весной.

— Ах, вы об этом кошмаре? Право, не стоит. Чего в жизни не бывает? — Он говорил о пережитой трагедии с почти нескрываемым равнодушием. — Подумаешь, конец света. Армяне, русские и кое-кто из наших мусульман друг друга слегка пощипали. Все это, скажу вам, даже полезно для дела. Да-да. Борьба за существование. В схватках мужают.

— Для чего? Для очередных жертв? Только слепец дважды упадет в один колодец.

— Вы, как всегда, правы, Мамед Эмин, — просиял Ризабек. — Честно говоря, я доволен, что оказался в стороне, хотя Гаджи на это безрассудство вытянул и у меня пятьдесят тысяч...

— Знаю, — кивнул Мамед Эмин. — Но стоит ли вам, обладателю миллионов, жалеть о каких-то тысячах? Меня угнетает другое. Сколько людей погибло зря. Бог свидетель, я этого не хотел. Может быть, это нужно Энвер-паше или Нури-паше?

Ризабек нахмурился.

— Это говорит лидер партии!

— Да, я. Вам-то что? Вы вне партии. Вы всегда предпочитали роль сочувствующего.

— Хэ-хэ-хэ. Я, дорогой друг, всего-навсего коммерсант. С меня взятки гладки, как говорят русские купцы.

— Знаю, Ризабек. Вся моя беда как раз в том, что я слишком много знаю, хотя я и не ездил в Берлин к кайзеру, не совершал экскурсий по Стамбулу, не был на Принцевых островах...

Ризабек мрачно покосился вокруг.

— Гхм! У вас стынет чай, дорогой. Не кажется ли вам, что здешние чайчи лучше геокчайских?

— Возможно. Хотя вы, между прочим, всегда уверяли, что

германцы умнейшие люди. Не так ли, уважаемый? — Мамед Эмин в упор глянул на собеседника.

— И что же? Если угодно, я не отрицаю этого и сейчас.

Мамед Эмин вздохнул, задумался.

— Так вот, Ризабек. Бисмарк считал, что только дураки учатся на собственном опыте. Сам он предпочитал учиться на опыте других.

Селимбеков недобро усмехнулся, делая вид, что не понял.

— Резошю, ибо ответственность не рубака, Мамед Эмин. Ее не снять и не выбросить. Вот потому-то я и стараюсь держаться в стороне от политики. В последней акции, милейший председатель, вы допустили ряд серьезных промахов. Вы правы: «собственный опыт» дорого обошелся вашим единомышленникам.

— Какие промахи вы имеете в виду?

— Самый очевидный: надо было склонить на нашу сторону Нариманбека Нариманова и Мешадибека Азизбекова. Любой ценой. На это денег не пожалели бы, уверяю вас. А вы в вашем штабе занимались болтовней.

«Сукин сын. Торгаш. Всегда чужими руками...» — думал Мамед Эмин, с презрением разглядывая розовое, холеное лицо цветочного короля. Он подождал пока во рту растает кусочек сахара, справился с раздражением и заговорил почти спокойно:

— Почтенный Ризабек; этих людей не просто купить. Им нужно не золото, а нечто совсем другое. Вот вам бы, с вашим гибким умом, и заняться большевистскими лидерами: Любопытнейшие, знаете ли, характеры... А мы бы поучились.

— Увы, дорогой Мамед Эмин. Моя стихия — цветы. Вот уехал, все бросил, а сердце болит за оранжереи в Мардакянах. Я же многое сделал для получения новых сортов орхидей.

Мамед Эмин уже не мог сдерживаться.

— Позвольте усомниться. Я знаю о ваших переговорах с Энвер-пашой. Да-да, знаю, дорогой

Ризабек подался вперед. Из-под пышных усов хищно блеснули крупные редкие зубы.

— О чем вы, милейший? Не стоит так шутить. Не то время, дорогой.

«Вон ты о чем, крыса, сбежавшая с корабля. С теми, кто слишком много знает, всякое может случиться. Только я не боюсь». Он спокойно поднялся.

— Положенне обязывает, милейший Ризабек Селимбеков. Положение обязывает меня знать все. Поверьте, я не соби-

раюсь впутываться в вашу игру. Но не надо думать, что Мамед Эмин глупее вас. Пойдемте.

Он шел не оглядываясь. Ризабек, бросив на стол кредитку, торопливо догнал его. Мамед Эмин, будто ничего и не было, заметил негромко:

— Сегодня мы соберемся, и я объясню жаждущим власти, что я не полководец, а идеолог. Хотите драться, деритесь, но не доверяйте войну с умными большевиками таким кретинам, как Талышханов. Ему чай распивать, четками баловаться, а не дивизией командовать... — Он остановился, сказал еще тише: — Позорное поражение, и народ проклинает не вас, господни Селимбек, а не Тагиева. Меня, Мамед Эмина Расулзаде. Вы не запачкали своих белых перчаток. Вы, так красиво рассуждающие о патриотизме, в самое тяжкое время отсиживались на дачах... Простите за резкость. — Он вздохнул, растегнул пальто, щелкнул крышкой золотых часов. — А чай был действительно хорош... У вас удивительно умная жена, Ризабек. Весна здесь прелестна. Извините.

• • •

В Тифлисе Адольфу фон Лютцеру, посланнику Людендорфа, было не слишком уютно, хотя старик Жордания встретил его с грузинским гостеприимством. Апрель не принес ничего хорошего. Скорее, наоборот. Турки начали наступление на Карс-Ардаган и Батум. Предвкушая добычу, они способны забыть о Германии. Тогда рухнут все планы.

Перед отъездом в Тифлис фон Лютцеру дали ясно понять, что от его миссии ждут не столько политической информации о положении на Кавказе, сколько защиты экономических интересов Великой Германии. Прежде всего важна бакинская нефть.

«Что делать? — уныло размышлял фон Лютцер, ощущая в желудке тяжесть обеда, которым почтил его Жордания. — Бакинские мусульмане были близки к цели, но увы... Если Германия не получит нефть, Людендорф отправит меня ко всем чертям. Не зря мне приснился этот огромный сом, лезиво шевелящийся плавниками в мутной жиже. Не к добру».

Посланник вторично прочел шифровку агента. «Баку наводнен англо-французскими шпионами. Они ищут контактов с большевиками, эсерами и армянскими националистами. Английский консул Мак-Доннелль и француз Луи Лямор чрезвычайно активны. Оппозиция готова к сговору с генералом Деи-

стервилием, только чтобы не впустить турок и немцев. Ситуация на грани катастрофы. На грузин и турок мало надежды. Необходимы войска».

Фон Лютер прошел в ванную, сунул голову под кран. Ох, эти восточные обеды. С его больной печенью. Хорошо бы на курорт, а не в это пекло. Взглянул на часы.

Через несколько минут, вполне трезвый, он диктовал сотруднице очередное донесение.

«Срочно. Людендорфу. Задуманная акция в Баку не состоялась. К бакинской нефти подбирается через Денстервиля Генри Детердинг. Для захвата Баку нужны войска. Ждем помощи...» Написали?

— Готово, господин полковник, — молодая женщина в темном плотно облегающем костюме закрыла блокнот.

— Срочно зашифруйте и передайте по радию. Да, пригласите капитана Рихтера и лейтенанта Хурра. Если приедут грузины, проводите их прямо ко мне.

— Слушаюсь, господин полковник.

Оставшись один, посланник позвонил по телефону.

— Господин Жордания? Фон Лютцер. Я свободен. Князь прибыл? Зеер гут. Я ожидаю вас. — Он говорил на ломаном русском.

Приехали Ной Жордания, Акакий Чхепкеля, Асланбек Сафикурдский и полковник — князь Вахтаанг.

— Полюбуйтесь, господин Лютер. — Ной Жордания уже на пороге протянул ему телеграмму. — Оказывается я, Ной Николаевич Жордания, — преступник. Как вам это нравится? И кто обвиняет меня, грузина? Лакеи Советской России — Джапаридзе и Нанейшвили. К сожалению, тоже грузины. Послушайте, что они пишут: «По нашим сведениям, сейм намерен встать на сторону врагов Бакинского Совета. От имени бакинских рабочих и всех трудящихся Закавказья предупреждаем: не совершайте преступления». Вы понимаете, господин фон Лютцер? Вот результаты нашего либерализма.

Лютцер кивнул, вспомнив досье. Ной Николаевич Жордания, он же Костров, еще на Втором съезде РСДРП в 1902 году был противником Ленина. Он рвал и метал, заявляя, что партия должна быть массовой, а формулировка в уставе, предложенная Лениным, сделает его генералом без армии. Устав, твердил он, существует для жизни, а не жизнь для устава...

Фон Лютцер скомкал телеграмму, вскинув голову, пригласил всех к столу.

— Борьба принимает решительный характер. Бакински
большевикам нельзя давать передышки...

— Абсолютно верно! — взвизгнул Сафнкюрдский. — То ;
утверждаю и я. Я думаю, надо...

— Надо, — бесцеремонно прервал его фон Лютцер, — на-
чать новое наступление. Германия готова дать деньги. Мною
затребованы и войска. У меня есть прямое указание генерала:
Баку должен быть взят. Ни в коем случае не отдавать его
англичанам и французам. Я имел удовольствие узнать, что
князь Вахтанг вновь назначен командующим мусульманским
корпусом. Первый блин был комом, как говорят русские. Но
я уверен, князь оправдает высокое доверие. Сейчас у вас есть
оружие, настоящая армия.

— Решено, — без особого энтузиазма отозвался Чхенке-
ля. — Мы верны слову и хотим помочь нашим друзьям —
Гянджинскому правительству. Князь Вахтанг завтра же от-
правляется в Елизаветполь.

— В таком случае остается, князь, пожелать вам успеха.
Могу сообщить, что в Елизаветполь прибудет из Еленендорфа
рота немецких колонистов. Командиром назначен капитан
Рихтер. Он поступает, князь, в ваше распоряжение.

— Благодарю, господин полковник.

— Дорогой князь, если вы возьмете Баку, обещаю вам, и
это оговорено с Людендорфом, генеральский чин, а также...
весьма солидный сумма в швейцарском банке. Великая Гер-
мания вас не забудет.

— Я готов, господин фон Лютцер.

— Финансирование отдельных акций, господин Жордания,
мы обсудим отдельно.

Адольф фон Лютцер поднялся. Жирный подбородок ткнул-
ся в накрахмаленный воротник. Аудиенция была окончена.

Бронированный поезд с платформами, под брезентовыми
чехлами которых легко угадывались пушки, двинулся от Тиф-
лиса к Елизаветполю. Три купе в штабном вагоне занял князь
Вахтанг. Ещё недавно он командовал татарским полком Ди-
кой дивизии под Петроградом и участвовал в походе Кор-
нилова.

Расстегнув китель, Вахтанг отдыхал, откинувшись на
спинку дивана. Мерно стучали колеса, навевая дремоту.
Что-то, однако, мешало ему уснуть. Он подумал вдруг, как
хорош апрель в его кахетинском поместье. Цветет миндаль,

наверное, аист уже хлопочет над гнездом. В юности он любил смотреть, как аист приносит лягушек и пихает их в широко раскрытые клюквы птенцов.

В дверь постучали. Не ожидая ответа, вошла Эсма Доридзе. Двадцатипятилетняя горийка, вдова штабс-капитана Доридзе, погибшего под Петроградом во время похода. Она давно была с Вахтангом, мужественно разделяя трудности военной жизни. Она не просто любила князя, но и фанатично верила в его великое будущее.

— Освежись, дорогой. — Она, как обычно, пригубила вин и поднесла князю серебряный кубок.

Вахтанг мягко притянул ее за плечи, потерся щекой о теплое плечо.

— Устала? Мы с тобой в вечном походе. Странно, почему-то я все время вспоминаю сегодня родное село, молодость — закрою глаза и слышу звуки, запахи. Горячий чурек... Старая Мзия приносила по утрам.

Эсма беспокойно заглянула в глаза Вахтанга.

— Ты устал, генацвале, — она прижалась к нему, зашептала счастливо: — Ничего, обо мне не думай. Я все понимаю. Пусть этот поход будет последним. Зато потом — Берлин. Очень хочу увидеть Женеву, Ниццу. И тебя, дорогой, в генеральских погонах. Клянусь святым Георгием, да хранит он тебя, все сбудется.

— Спасибо, птица моя, спасибо. Как воздух родного гнезда — слова твои. Как крылья — любовь твоя. Побудь со мной.

Эсма покачала головой и решительно пошла к двери.

— Нельзя, милый. Тебе надо отдохнуть. Если что — я рядом.

Дверь бесшумно задвинулась. Князь прошелся по ковру, подобрал шпильку. Конечно, неловко — женщина здесь, в бронированном поезде. Будут и косые взгляды, и двусмысленные улыбки. Придется, как и раньше, отделяться плоскими шутками. Это низко, потому что Эсма — единственный человек, к которому он искренне и нежно привязан. Он уверен в ее преданности, в том, что случись так, она будет драться рядом до последнего патрона, до последнего дыхания. И это не просто фраза. Стреляет Эсма метко. В этом он убедился, когда она упросила взять ее на охоту.

Видит бог, он не хотел, чтобы она была с ним в этом сомнительном походе. Но Эсма настаивала, плакала. Впервые плакала за все время, что они вместе. С высоко поднятой

головой она шла сквозь строй хлыщеватых офицеров, одним движением бровей гасила глупые шутки. И все же при первой возможности надо отправить ее в Тифлис. Он и сам не знал, что ждет его в Гяндже, не знал, как сложатся отношения с этим ханом Хойским.

Он едет принимать полк, в боеспособности которого сомневается. Одно дело хвастливые уверения Асланбека Сафикюрдского в легендарной отваге солдат Дикой дивизии, другое — реальность. Он знал о разброде и мародерстве бежавших из Баку солдат. Придется вести в бой остатки мусаватских отрядов, разрозненные части Баратовского корпуса, разоруженные под Шамхором. В Гяндже плохо с продовольствием, не хватает боеприпасов, мало связистов. Да и кабинет Хойского не вызывает доверия. Большинство занято собственными поместьями. И все-таки он должен идти навстречу своей судьбе.

Князь стянул тесноватые сапоги, прилег, набросил на ноги шинель. К непогоде ныли ноги. Он приказал себе уснуть. Уже засыпая, увидел доброе остроносое лицо старой Мзии, тропинку, убегавшую к реке, большую белую птицу на крыше пекарни.

Поезд подходил к Елизаветполю. На перроне под навесом собрались для встречи грузинского князя вершители судеб мусульман Закавказья: грузный, с мясистым желтоватым лицом Фатали-хан Хойский, крепко сбитый Насиб-бек Усуббеков, слержанный, с мягкими движениями Халил-бек Хасмамедов, шекинский владыка Адильхан Знатханов, будущий жандарм Шафибек Рустамбеков и другие. Среди темных черкесок и добротных драповых пальто пестрели туалеты дам. Особенно блистала красавица Сона-ханум Селимбекова.

Духовой оркестр грянул торжественный марш. Бронепоезд остановился. На платформу соскочил адъютант командующего. Поклонившись, он замер, не сводя глаз с полковника, который медленно сходил по ступенькам.

В губернаторском дворце был устроен прием. За шашлыком и вином обсудили планы нового наступления на Баку. Захмелевший Вахтанг заверил «дорогих друзей», что большевики будут разбиты скорее, чем можно предполагать.

Глава II. Первые итоги

Мартовский контрреволюционный мятеж был серьезным испытанием. Будь у организаторов больше гибкости, трудно

сказать, чем бы все кончилось. И сейчас еще положение оставалось напряженным. Мусаватисты бежали из Баку, но с севера двигались отряды Имама Гоцинского. Были взяты Петровск и Дербент, лава накатывалась на Баку. В Елизаветполе и Тифлисе вновь собирались с силами мусаватисты.

В самом Баку тоже было беспокойно. Дашнаки, эсеры и меньшевики снова начали травлю, утверждая, что бои в марте носили не классовый, а чисто национальный характер. В воздухе снова запахло гарью.

Нужны были решительные меры. Комитет революционной обороны разработал программу срочных действий. Комиссар мусульманской части города Мешади Азизбеков и его помощник Буннат Сардаров энергично взялись за наведение порядка. В их распоряжение выделили специальный летучий отряд.

Армянскому нацсовету и партии «Дашнакцутюн» было предложено расформировать национальные части и подчинить их Комитету революционной обороны.

Наиболее крупные капиталисты должны были выплатить налог — 50 миллионов рублей. Эти средства предназначались для организации Красной Армии и помощи бедствующим. Кое-кто, правда, пытался оказать сопротивление. Но арест Гукасова и Тагяносова отрезвил других. Были закрыты буржуазно-меньшевистские газеты, которые клеветали на Советскую власть. В Баку и его районах объявлена мобилизация.

Красная Гвардия и бойцы революционных отрядов разгромили банды Гоцинского под Хурдаланом. Вскоре были освобождены Дербент и Петровск.

Со всех концов Бакинской губернии, куда были командированы красные комиссары — партийцы и рабочие, поступали резолюции о признании Советской власти. Была отменена частная собственность.

Бакинская партийная конференция решила создать исполнительный орган Баксовдепа — Бакинский Совет народных комиссаров. В Баксовнарком были избраны вожди рабочего класса и трудового крестьянства Закавказья — Степан Шаумян, Мешади Азизбеков, Алеша Джапаридзе, Ваия Фиолетов, Нариман Нариманов и другие. С двадцать пятого апреля 1918 года начала свое легендарное шествие Бакинская коммуна...

Глава III. Гость

В маленькой комнатке, которую в казарме уважительно называли «кабинетом», Исламбек показался Ютте темной глыбой — кожанка распахнута, лицо хмурое, глубокие морщины в углах рта. Он сидел за столом, уперев лоб в сцепленные руки и слегка покачиваясь. Рядом с ним просматривал листовку политический комиссар Алигейдар Ширвани.

«Как боль баюкает, — подумала Ютта, остановившись на пороге. — Сильный. Почернел весь, седина появилась, а ни на час не позволил себе уйти от дел. И поэта не узнать. Не улыбается. Интересно, зачем я Исламбеку?»

— Вы меня вызывали, товарищ командир?

Глаза его медленно возвращались откуда-то издалека.

— А... Ютта. Да, вызывал. — Он поднялся, взял ее за руку, оглядел всю, будто впервые видел. — Ютта... Вот какая ты стала. Пухудела. Выросла. Время бежит. Видишь, комиссар Ширвани, какая у нас Ютта?

— Еще бы. Настоящий боец. Стихи бы ей посвятить, да не время сейчас.

— Товарищ командир, — смутилась она. — Извините, в те дни...

— Не надо, Ютта. Не надо. Я вызвал тебя, чтобы поблагодарить за работу в боевых условиях под Хурдаланом, в Алятах, за баладжарский медпункт. Ширвани восхищался твоим мужеством. Как это у тебя получается: худющая такая, а раненых из-под огня вытаскивала? Тяжело?

— Тяжело, — вздохнула Ютта. — Если в беспамятстве. А так ничего.

Они стояли друг против друга, разделенные блестящим, как лезвие ножа, солнечным лучом. Каждый думал о том, что связывало их раньше и теперь ушло навсегда. «Хорошо, что не успела на похороны, не видела ее мертвой, — думала Ютта. — Пусть останется в памяти живой. Смотрю на него и жду, что вот вынырнет из-за его спины Миля — лукавый взгляд, коса на плече... Как она мне про ребенка рассказывала...»

— Она всегда говорила, — начал Исламбек подчеркнуто сухо, — что у тебя большие способности к музыке. А Ширвани говорит — искусство вечно. Вот и возвращайся домой. Играй на скрипке. Радуйся. Люби. Роди ребенка. Не место девушке на войне. Иди, Ютта... — Он вернулся к столу, механически открыл и закрыл ящик. — Музыка очень пужна людям. — И

совсем тихо: — Эмilia всегда это говорила. Ну-ну, не навечно прощаемся. Иди.

Он козырнул ей и прошел мимо — подтянутый, с сухим блеском в упрямо не глядевших на Ютту глазах. Ширвани встал, поцеловал ей руку.

Через несколько минут она слушала Исламбека на плацу.

— Товарищи! Сегодня Первое Мая, праздник солидарности рабочих всех стран. Мы встречаем его в жестоких классовых боях. Никто не добудет нам победу, если мы сами этого не сделаем. Не обещаю вам легкой жизни, товарищи. Я хочу, чтобы вы поняли — чем сильнее мы хватаем за горло контрреволюцию, тем отчаяннее она сопротивляется. Поздравляю вас с Первомаем! От имени Совнаркома и Совдепа спасибо за службу.

— Ур-ра! — прогремело в ответ.

— Сейчас комиссар отряда Ширвани ознакомит вас с обстановкой.

— Товарищи воины! Друзья! Мы много сил отдали защите порядка в нашем революционном Баку. Сейчас, как известно, в городе создан Бакинский Совет народных комиссаров, который здесь, в Баку, представляет верховную власть — Совнарком Советской России. Какова наша программа? Главное: хлеб — народу, земля — крестьянам, отмена частной собственности, ликвидация безработицы. Мы будем бороться со спекулянтами, бандитами, ворами, за порядок в городе. Первейшая наша задача сейчас — разорвать вражеское кольцо, дать отпор джестанским контрреволюционерам, бандам мусавата, окопавшимся в Елизаветполе, вражеским отрядам, пытающимся захватить Шемаху, Ленкорань, Сальяны...

Ширвани кончил. Бойцы дружным «ура» приветствовали организацию революционной власти в Баку.

Снова заговорил Исламбек.

— Надеюсь, мы, как прежде, будем передовым отрядом по защите революции. Друзья! Товарищ Саак по вызову Ленина выехал в Россию. Наш отряд передан в распоряжение Народного комиссара по внутренним делам. Теперь мы Особый отряд НКВД по охране завоеваний пролетарской революции. Задача прежняя: бить контру, вылавливать диверсантов и шпионов, громить бандитов и спекулянтов... Думаю, ясно. А теперь, товарищи, проводим нашу сестру милосердия на отдых. Вольно. Разойдись.

Десятки рук подхватили Ютту, подняли, бережно усадили в повозку. У нее запершило в горле, перед глазами плыл

туман. Она смотрела, не понимая, как растет перед ней гора подарков — прошлогодние яблоки, куски деревенского сыра, пестрые джурабки... Глотая слезы, она только кивала.

— Хватит, ребята, — крикнул Мешади Алескер и взмахнул кнутом. — А то реветь начнет. Поехали, дочка.

Повозка тронулась.

— Не плачь, ну не плачь, — твердил Мешади Алескер, сердито погоняя кобылу. — Прав командир — не место тебе здесь. Без того ему плохо. Тебя видит, наверно жену вспоминает. Все никак не могу поверить, что родной брат... Эх, время... Хоронили всем отрядом. Командир как в землю врос, не мог от могилы отойти. Потом... Знаешь, у них мальчик с девочкой жили, приемные. Позвал меня. Возьми, говорят, Алескер, пока детей к себе... Думаю — не ходить им с братом теперь по одной земле. Не успокоится Исламбек. Не должен успокоиться, — Алескер покосился на Ютту. — Не знаю, как у вас, а у нас такой закон. — Он натянул вожжи. — Ну вот, твоя улица. До свиданья, дочка.

Он помог ей сойти с повозки, донес до подъезда вещи.

Ютта вытерла глаза, постояла несколько минут и дернула ручку звонка.

Дверь открылась. На пороге стояла Ильза — в нарядном шелковом платье, с модно причесанными, чуть взбитыми волосами.

— Здравствуй, вот и я! — вскрикнула Ютта. — Ты что, на бал?

— Тише, у нас гости. — Ильза поднесла к губам палец. Ютта обрадовалась: сестра, видно, так занята, что ни о чем и не спрашивает.

— Что за гости, ради которых ты так вырядилась? А дышать при них можно?

Ильза обняла сестру.

— Ой, ты все такая же анархистка! Отчего ж не дышать? Просто будь немного сдержаннее. Папа и дядя Евгений заперлись с ними, а мама строго велела...

— Ах, это «он»! Ясно. Папа, как всегда, занят коммерцией. Еще бы, представитель фирмы — Теофил Адельальбертович Экк. А гость, разумеется, очередной Ллойд или Зингер. Господи, может, папа при своих связях достанет мне настоящего страдивари? Мне приказано играть на скрипке... А Ирма дома? Ее тухлые великогерманские идеи теперь входят в моду...

— Ютта, как не стыдно? Ты совершенно огрубела на своих

баррикадах. Ничего женственного. Фу! — Ильза сморщила свой вздернутый носик.

— Ладно. Не говорю, не смотрю, не слышу.

Сестры на посках прошли мимо двери, за которой отец и дядя принимали неизвестного гостя. На мгновенье Ютта прильнула к замочной скважине. Теофил сидел у стола, глубокомысленно вытянув шею. Евгений Зире, вытирая лоб платочком, что-то объяснял молодому русоволосому мужчине. Лица его не было видно, он сидел спиной.

Пока Ютта рассказывала сестрам и маме обо всем, что пережила за последние недели, в гостиной продолжался деловой разговор. Гость, а это был лейтенант Густав Хурр, прибывший из Тифлиса с тайным поручением фон Лютцера, внимательно слушал Евгения Зире.

— Не понимаю, чем для нас, немцев, все это кончится. Пока немецкие колонисты не участвовали в боях против Советской власти, нас никто не трогал. А если мы согласимся на это предложение...

— Вам не следует опасаться, герр Зире, — спокойно возразил Хурр. — Вы, как бывший управляющий казенной палатой, одним из первых признали Советскую власть и с тех пор проявляли лояльность. Комиссар Киреев, как вы сами говорите, вас ценит и уважает.

— Уважает! — воскликнул Теофил Экк. — Жулик этот Киреев. Без конца ворует, только не своими руками. А тень рано или поздно падет на Евгения Зире и других порядочных немцев. Я слышал, что глава их правительства Шаумян очень недоволен финотделом...

— Теофил прав, — подтвердил Зире. — Киреев из каскаров Петровского казначейства пролез в комиссары — личность темная. На совещаниях кричит о незыблемости Советской власти, а делает все, чтобы прикарманить побольше денег. У меня есть основания полагать, что это не просто вор. Я боюсь согласиться с вашими предложениями, господин Хурр. У меня дети... шестеро дочерей. Понимаете?

— Не волнуйтесь, господин Зире. Скоро все изменится. В Батум прибывает германская дивизия. Баку мы бесспорно возьмем. Нужно лишь подготовить местных немцев к нашему приходу. Германия нуждается в нефти. Вас, господин Зире, ждет портфель управляющего имперским банком на Кавказе. Для этого, думаю, стоит потрудиться... чтоб у Советской власти осталось как можно меньше валюты. Нужно вынудить новую власть к поискам экономической помощи. Фон Лютцер

считает, что из вас, господин Эрк, получится превосходный генеральный консул. Я бы попросил вас в ближайшие дни свести меня с Форерами, Бемпле и другими. У меня к ним особые поручения. Да, позаботьтесь, пожалуйста, определить мое местожительство.

— Оставляйтесь у нас, — радушно предложил Эрк. — Здесь вам будет неплохо, есть отдельная комната.

— Благодарю вас, господин Эрк. Кстати, перед отъездом из Берлина я имел честь видиться с вашим братом. Чудеснейший человек.

— Я польщен, господин Хурр. Минуточку, сейчас распоряжусь.

В коридоре его ожидала взволнованная Эмма Федоровна

— Кто это, Тео?

— Коммерсант из Тифлиса. Можешь не волноваться. Он проживет у нас несколько дней.

— А почему вы заперлись с Евгением? У вас от меня тайны?

— Эммочка, ну как ты можешь?

— Хорошо, Тео. Я молчу. Но умоляю, подальше от политики. У нас дети. У тебя пятеро, у Евгения — шестеро. Я хочу жить спокойно. Кстати, вернулась твоя дочь Ютта. Говорит, что ее отправили отдыхать. Ты что-нибудь понимаешь?

— Отдыхать? Стало быть, вежливо выгнали. По-н-я-т-н-о!

Эмма Федоровна округлила глаза.

— Что тебе понятно, Тео? Может, ты и мне объяснишь? Ты стал в последнее время говорить загадками.

— Оставь, дорогая. Приготовь для нашего гостя комнату мальчиков. Могу тебе сообщить по секрету: в город, очевидно, придут немцы. Смотри, детям, ни слова!

— О, мой бог! Тео, к чему тебе это?

— Успокойся. В конце концов я немец, и мой национальный долг...

— Тео, я боюсь за тебя, за детей. — Эмма Федоровна хрустнула пальцами.

— Нас война не коснется.

— Но наши сыновья!

— Они еще дети. А я... еще подумаю, подумаю. Не такой уж я простак.

Эмма Федоровна, качая головой, направилась к комнате, где раньше жила Эмилия.

Круглая золотистая, как поджаренный чурек, луна уже висела над крышами, когда на окраину селения Балаханы, скрипя колесами, въехала повозка. Тошная серая кобыла, разбрызгивая комья мазутной грязи, устало плелась по дороге. Мешади Алескер, сдвинув на зытылок папаху, хмуро разглядывал поселок, окруженный черными конусами нефтяных вышек.

Позади, на пышной охапке сена, дремала уставшая в дороге жена.

Мешади Алескер не любил этот поселок и не поехал бы сюда, если бы не дети, которые жили у тестя. Тесть был человек крутой, резкий. При каждой встрече напоминал зятю, что когда-то, польстившись на посулы хозяина, тот променял честный труд рабочего на место кладовщика. Все это было давно, но Алескер не любил вспоминать об этом.

Скрип повозки взволновал собак.

— Ишь, как озлоблены псы, — проворчал Мешади, — словно чужака почуяли. Ну, старая, шевелись. — Он хлестнул кобылу; не оборачиваясь, крикнул жене:

— Э-эй, Марьям, чего развалилась? Протри глаза, отцовский дом близко. Погляди, как деревья цветут. Урожай фруктов будет добрый.

Марьям-ханум приподнялась, закрыла голову чадрой.

— Как там дети? Кажется, целую вечность не была я тут.

— Вот-вот. Благодарю аллаха, что хоть городским воздухом подышали. Море увидели. А здесь все как было. Вонь да липкий мазут. Одному аллаху известно, чем все кончится. Я все думаю, верно ли мы сделали, приняв новое благодеяние командира? Дом чужой, вдруг вернутся хозяева. Да и Хумар стала какая-то... Ума не приложу, что с ней. Много слишком понимает. Не зря говорят — кто много понимает, одиноким век доживает.

— Не беспокойся, наша дочка умная и красотой не обижена. Только бы аллах послал ей счастья.

— Счастье... Где ты видела, чтобы аллах бедных одаривал счастьем?

— Не грешь, Алескер. На все воля божья. А почему Хумар уехала, ты бы и сам догадаться мог. Девичья душа нежная.

— Полно молоть чепуху, жена. Мозги куриные, язык без костей. Хумар растет не как все, не спорю. Только нарушать

адат ни к чему. Дед в прошлый раз мне жаловался. Что люди скажут?

— Людн, люди! Когда проклятый Шабан Али поджег твой дом и оставил нас без крова, люди закрыли ставни и молчали. Мешади Алескер сердито прикрикнул на лошадь:

— Тпру! Стой, старая, приехали.

Едва повозка остановилась, как из распахнутой калитки выпорхнула Хумар, с радостным визгом бросилась на шею матери.

— Ана-джан! Ой, как хорошо, что вы приехали. А мы тут волновались. Ждали, ждали...

Мешади Алескер оторопело глядел на дочь. Под ситцевой кофточкой и длинной до пят юбкой угадывались округлившиеся бедра; темные пышные волосы подчеркивали белизну лба, щеки — будто гранатовым соком вымазаны.

— Ишь, бесстыдница, раскрылась. Без чадры бегашь? Марш отсюда. Ворота помоги открыть.

— Сейчас, отец, сейчас.

Марьям-ханум мягко подтолкнула дочку. Хумар юркнула в калитку, заскрипели ворота. Мешади Алескер завел лошадь во двор, стал распрягать. Хумар потянула мать по узкому кирпичному настилу к крыльцу, где уже стояла бабушка. Счастливая улыбка разгладила морщины на старом лице.

— Где дети, Хумар?

— Не волнуйся, мама. В Сабунчах, у тети. Дед с утра поехал за ними. Скоро вернутся.

Марьям-ханум обняла старушку. Обе прослезились, попричитали. Хумар нетерпеливо топталась рядом.

— Все эти дни мы прятали детей у твоей сестры, Марьям. Слух прошел, что кочи режут детей. Особенно, если родители служат Советам.

Хумар не выдержала.

— Ана-джан, не слушайте бабушку. Ничего не понимает. И не хочет понимать. Читала я ей газеты, толковала, что армяне здесь ни при чем. Разве мало в Балаханах рабочих-армян? Работают рядом с мусульманами, дружат...

Бабушка легонько шлепнула внучку ниже спины.

— Помолчала бы, стрекоза. Умная стала. Зря вы с дедом стараетесь. Ты еще на четвереньках ползала, когда здесь убили двух моих братьев и убили тысячи невинных людей. Собственными глазами видела. А вы с дедом хотите мир разговорами переделать.

— Ах, бабушка, жаль, что не умеете читать.

— С меня хватит и того, что ты чадру сняла да целыми днями посишься с какими-то книжками. Добром не кончится, клянусь аллахом. Ступай, приготовь чаю!

Хумар поплелась на кухню, а Баджи-нэнэ вместе с Марьям-ханум прошли в женскую половину.

— Боюсь, доченька, за внучку, — начала старуха, усаживаясь на паласе. — Ох, как боюсь. Все пытаюсь ее образумить, да ничего не выходит. Бегаёт в какой-то рабочий клуб. Там женщины без чадры собираются. Беков и почтенных людей ругают. Аксаккалы недовольны. Говорят, не женское дело на собрания ходить. Стоит ей за порог, у меня сердце замирает. Непокойное время. Да и позор — девушка из хорошей семьи, а на людях лицо открывает.

Марьям-ханум вздрогнула и тихо сказала:

— Ничего, ана-джан, вот увезем ее в город, все наладится. Один добрый человек дал нам жилье. Устроимся всей семьей. Аллах видит, жизнь нынче не та. Люди по-новому хотят жить.

Мешади Алескер, поставив лошадь под навес, прошел в угол веранды, снял длинноносые калоши, плеснул в лицо горсть воды и, кряхтя, опустился на коврик. Хумар принесла чай, присела рядом. Она знала, что отец ее любит. Еще немножко поворчит и улыбнется. Но отец не улыбался. Заговорил серьезно, почти как с равной.

— Совсем большая стала. Прямо невеста. Ишь, косы отрастила. И в кого ты такая? Того и гляди, сваты скоро.

Хумар вспыхнула и отвернулась.

— Нет, отец, замуж я не пойду.

— Это почему же?

— Потому, что учиться хочу. Хочу быть грамотной, как русская жена командира.

Мешади Алескер грустно покачал головой.

— Эх, доченька, грамота беду накликает. Жена-то командира погибла.

— Как погибла?

Хумар отшатнулась, зажала ладонью рот.

— Погибла. Брат командира, Теймурбек, застрелил ее. Похоронили бедняжку. Горе у командира большое. Остались двое сирот, хоть и не родные ему, а не бросишь. Меня просил приютить ребят.

— Вай, аллах!

— И еще сказал командир, чтобы мы всей семьей переехали в дом комиссара Ширвани. Был я там. Добрый дом, шесть

комнат, два этажа, двор. Рядом с Кемур-мейданом. Я согласился. Не знаю только как обернется...

— Я туда не поеду. Ни за что.

Мешади Алескер вскинул брови.

— Что за новости?

— Не могу, отец. И... все.

Хумар натянула на голову платок.

С той ночи, когда Исламбек спас ее от развратника, она решила, что он единственный человек, которому будет отдано ее сердце. В знак благодарности, убеждала себя Хумар, — так было спокойнее. А потом узнала, что Исламбек женат. И поняла, что любит командира, любит. Не потому, что он ее спас. Просто любит звук его шагов, сильные руки, редкую улыбку. Эту русскую жену она ненавидела. Пока не услышала однажды, как он говорит с ней по телефону...

Утром она уехала. Но и здесь, в доме деда продолж выть и рваться в город сердце Хумар.

Хумар взглянула на отца, задумчиво потягивающего горячий чай. Густые морщины, казалось, еще глубже врезались в обожженное солнцем лицо. Ему всего пятьдесят, но выглядит он много старше. Она хотела бы рассказать ему все. Но нет, отец не поймет. Он и мать увидели друг друга только после свадьбы.

— Не могу я, отец, туда переехать.

— Зря, дочка. Исламбек человек хороший, чистый человек. Аллах видит, мы не виноваты в его горе. А переезд в город — его приказ. Мы же служим у него.

— Приказ? Он приказал, чтобы я приехала? Я тоже?

— Да. Так он приказал.

— Не верю, отец. Не верю. Он не должен так говорить, у него погибла жена.

Мешади Алескер отодвинул недопитый стакан.

— Откуда ты таких слов набралась? «Не могу», «не хочу».

— Не знаю, отец. Так велит совесть.

— Совесть? Ты же рвалась к командиру, а теперь что?

— Не сердись, отец. Глупая была.

— Глупая? Теперь что, поумнела?

— Не знаю, не могу объяснить. Наверно, я не должна жить в доме человека, когда у него такое горе.

Мешади Алескер крикнул жене:

— Марьям, куда ты пропала? Послушай, что говорит твоя сумасшедшая дочь.

Глава V. Первые чекисты

Величественный, с окладистой бородой швейцар гостиницы «Метрополь» прошелся щеточкой по своей расшитой золотом ливрее, прислушался к далекому цокоту копыт и, подтолкнув неуклюжего паренька, встал в дверях.

— Едут. Становись за спиной, лапоть. Слушай да примечай. Да не бойсь ты, дурень. Место не пыльное, не строгое. Лет уже двадцать я тут. Всякого гостя норов знаю. И обхождение. Бог даст, и тебя в люди выведу, племяш.

— Льет, как из ведра. И чего людям дома не сидится? — тоскливо бормотал парень. — Ветрило свищет, аж в ушах гремит. И мазутом воняет.

— Ветер в Баку не диковина. Самая погодка для гостей. Ресторан, считай, уже полон. Ну, Санька, гляди. Сам господин Тагианосов приехали. Сергей Степаныч. Миллионщик. — Он распахнул дверь, поклонился, ловко помог гостю раздеться. — Видал? Персона. А за копейку подавится. Но ежели с дамой, раскошелится. Рот закрой, лапоть! Гукасов прибыл, Михаил Федорыч. Веселый господин. Есть с чего — промысла доходные. Милости просим, Михаил Федорыч. Стерлядь нынче свежая в ресторации — ваше любимое-с. — И шепотом за спину: — Кланяйся, дурак, чай спина не надломится. Позвольте мантильку-с дамы... Да, погодка неладная. Ждут вас, Михаил Федорыч. В высшем классе... — Он обернулся к племяннику, подмигнул. — А сейчас серьезно надо подпустить. Англическая птица, господин Дэвис. Уф-ф, кажись, всех встретил. — Он запустил руку в карман, довольно крикнул. — Ишь, слетелись. Видно, почуяли что. Нынче в высшем классе важная персона. Сказывали, за новыми колодами целый день по городу рыскали. Преферанс будет. По большой игра пойдет. Сбегай, Саня, к буфетчику.

Дядь, а что это пре-фе-ранс?

— А хрен его знает. Вроде дурачка, только долго и с хитростями разными. Ну, давай, дуй.

Он сунул в ладонь парнишке полтинник.

В это самое время в комфортабельном номере «Метрополя», ожидая хозяина, лениво перебирали французские журналы молодцеватый офицер без погон Жуков и бывший капитан «Ардагана» Ермаков — невысокий, с темными усами на белом, гладко выбритом лице.

В другой комнате у окна расположились дамы: миссис Дэвис, Татьяна Федоровна Жукова и Светлана Ермакова.

— Что случилось, дорогая? — Жукова удивленно смотрела на Светлану, отскочившую от окна.

— Взгляните на улицу!

Дамы с любопытством подошли к окну.

— Помилуйте, Светлана. Что вас так напугало? Ну, всадники. Человек в кожанке. Комиссар, наверно. А что... Влолле симпатичный. По-моему, благородного происхождения. Просто не понимаю вас, — Жукова повела густо напудренными плечами. — Впрочем мы переживаем такие дни... Нервы, дорогая.

Светлана приложила руки к горящим щекам.

— Этот человек преследует меня. Я знаю. Говорят, он бек, порвал с семьей, очень жесток.

— В наше время ничему не следует удивляться. — Жукова под села к Светлане. — А почему вы думаете, что он вас преследует?

— В последние дни я заметила — он постоянно торчит под нашими окнами. Я сказала Александру Андреевичу. Он, вы знаете, ему все нипочем, говорит, что в нашем доме проживает их вождь Нариманов, и этот, в кожанке, охраняет его. А мне так тревожно... Вчера, когда я собиралась ехать в церковь, он вдруг вырос рядом, кивнул на фаэтон, спросил — чей экипаж? Я не ответила. Думаете, он отстал? Нет. Подошел совсем близко и вежливо так: «Вы живете в этом доме?» Я молчу. Он потребовал назвать имя. И я, представьте, назвала и имя, и фамилию. Извините, говорит, я вас спутал с другой. Вскочил на коня и укачал. Спрашиваю извозчика — кто этот человек? О, барышня, говорит, это красный комиссар Исламбек Карабаглы.

— Что же дальше? — загорелась любопытством Жукова.

Миссис Дэвис, небрежно помахивая веером, слушала рассказ Ермаковой.

— В тот же вечер я рассказала об этом Александру Андреевичу. Но вы же знаете его... И потом, столько хлопот — у нас собираются знакомые папы, мужа. Приехал еще этот господин из Тифлиса, Джунковский.

— Милочка моя, вы напрасно тревожитесь. Простая случайность.

— Нет-нет, Татьяна Федоровна, я чувствую.

В разговор вмешалась, наконец, миссис Дэвис.

— Госпожа Ермакова, напрасно вы вольновать себя. Советская власть падает, и вы будете спокойны...

— Ох, скорей бы! — вздохнула Светлана.

закрытую дверь. — Я думаю, англичан.

принять помощь

По декрету Баксовнаркома дома активных контрреволюционеров были конфискованы. Во дворце Тагиева на Горчаковской разместились Чрезвычайная следственная комиссия и контрразведка при НКВД. Исламбеку Карабаглы, уполномоченному контрразведки, выделили большую комнату. Первые дни он чувствовал себя неловко в кабинете с лепным потолком, где на стенах резвились златокрылые пухлые амуры, а мягкое бархатное кресло располагало к отдыху. Потом привык. Привык не слышать торжественного боя огромных часов, не замечать раскосых, подозрительных глаз Будды, скрытого за стеклом секретера.

Зазвонил телефон. Исламбек узнал голос Джапаридзе.

— Спускайся. Машина ждет нас. К Шаумяну.

Всю дорогу до гостиницы «Континенталь» Алеша молчал, хмуро поглядывая по сторонам. Когда подошли к кабинету, он остановился. Потом медленно, как бы преодолевая внутреннее сопротивление, толкнул дверь.

Степан Георгиевич писал.

— Садитесь, товарищи. Я сейчас. — Он кончил и отложил лист.

— Плохо, — не садясь, сказал Джапаридзе. — Мы опять в кольцо, Степан Георгиевич. Контра и вражеская агентура свирепствуют.

Шаумян вышел из-за стола, потербил бородку и снова сел на место. Лицо его было грустно.

— Этого следовало ждать. Да вы садитесь, товарищи... Беда в том, что мы отрезаны от России. Саака пока нет: Чего он добился в Москве, неизвестно. Вот я и решил обо всем написать Ильичу. Будем биться.

— Я не о том, Степан Георгиевич. Армия создается, война идет. Но это открытый бой. А что делать с тайной агентурой англичан, французов, турок? Мы создали Чрезвычайную комиссию, кадры подобрали, а руководителя нет. Кто-то должен командовать.

— Успокойся, Алеша, — тихо произнес Шаумян. — Лучшей кандидатуры, чем Саак Мирзоевич, нет. Пока руководи сам. Знаю, тебе тяжело. А кому сейчас легко? Опирайся на испытанных товарищей. Кто в комиссии?

— Бехбуд Шахтактинский, Буниат, Гамид, Исламбек,

Садковский, Мазуров и другие. Хорошо бы поручить Мешадя, но...

— Верно. Но... У него и так огромный участок. Что с ленинкоранским мятежом?

— Остен-Сакен арестован и доставлен в Баку. Кое-что рассказал. На основе его показаний Исламбек произвел обыск в доме бывшего штабс-капитана Самойлова на Большой Чемберекендской. Обнаружили два ящика с бомбами, пулемет «Максим» с запасом лент. Словом, целый арсенал. Самойлов замкнулся, не назвал соучастников. На рассвете расстрелян.

— Правильно. Никакой пощады врагам Советской власти. Особенно монархистам. Молодец, товарищ Ислам.

— Стараемся, Степан Георгиевич. Но всего не предусмотреть. Вчера было покушение на товарища Алешу.

— Ах, оставь, Исламбек. Мы привычные.

Степан Георгиевич покачал головой и вздохнул.

— Трудно, друзья, очень трудно. Но надо выстоять. Обязательно.

Алеша встал и подошел к окну.

— Я опять по поводу Бичерахова, Степан Георгиевич. На допросе барон Остен-Сакен так и заявил, что это хитрая лиса. Утверждает, что в Хамадане видел Денстервиля, Баратова и Бичерахова вместе. Понимаешь, вместе. Совещались при закрытых дверях. Не понимаю, как вы можете ему доверять, публиковать в газете его лицемерные заверения. Он враг, Степан Георгиевич. Ему нельзя доверять.

— А я и не доверяю, Алеша. С чего ты взял?

— А как же вы его приглашаете к нам?

— Дорогой Алеша, другого выхода нет. Я отлично понимаю, что он не случайно гнет спину перед англичанами. Но есть и другое — он искренне ненавидит турок и немцев. А это уже много. Если мы разобьем янычар, то англичан просто не пустим в Баку. Насчет Бичерахова я писал Ленину. Ильич посоветовал проверить его в деле. А разговоры, друг мой, не доказательство. У нас, Алеша, нет выхода, приходится рисковать.

— Кстати, я привел Исламбека не для похвал. Он проштрафился. Прохлопал явку контрреволюционеров. Помнишь, Артур сообщил, что на квартире Светланы Ермаковой собираются всякие типы, что там явка эсеров и монархистов?

— Ну, помню. Кстати, Артур и мадемуазель Дюпо выехали?

— Да, они уже в Тифлисе, поступили в распоряжение Москвы.

— Так. Что же вы натворили, товарищ Исламбек?

— Говори по совести, — не глядя, буркнул Джапаридзе.

— Перестарался, товарищ Шаумян. — Исламбек поднялся, по Шаумян жестом усадил его. — Хотел выяснить, кто такая эта Светлана. Понимаете, занимаюсь домом, а не знаю, кто эта особа. Ну... Полез с расспросами. Грубо получилось, понимаю.

— И что? Узнали?

— Узнал, — вздохнул Исламбек. — Но теперь туда никто не приезжает.

— Генацвале, ты хочешь, чтобы после такого знакомства Светлана Ермакова принимала у себя контру? — усмехнулся Алеша. — Она небось дрожит от страха, вспоминая твои жгучие глаза.

— Виноват, Степан Георгиевич, заслуживаю наказания.

Шаумян подошел к нему, положил руку на плечо.

— Наказывать не станем. А вот носиться по городу на белом коне прекратите. Коня пока в запас. Отныне будете пешим чекистом. Задача — установить их вторую явку. Сумеете?

— Постараюсь, товарищ предсовнаркома.

— А вот как это сделать, продумайте с Алешей. На то у вас я контрразведка. Мы должны знать своих врагов не хуже, чем друзей. Кстати, Алеша, у меня был военный комендант Батдасар Авакян. Он сообщил, что в гостинице «Метрополь» собирались предприниматели «на преферанс» с каким-то приезжим субъектом. Займись, пожалуйста. Вызовите этого прохвоста Тер-Меликянца, владельца гостиницы. Поручите Исламбеку, пусть выяснит — кто гостил и что там происходило. Это важно. Чувствую, опять начинается возня. Тем более, что Тагианосов и Гукасов обижены.

— Займемся, Степан Георгиевич. А что делать с Остен-Сакеном?

— Признался в земных грехах?

— Откровенно заявил, что ненавидит Советскую власть. Она, дескать, лишила его земли.

— Ненавидит? — посерьезнел Шаумян. — А ты что хотел, чтобы Остен-Сакен нас обожал? Смотрите сами. Если согласен служить новой власти, как военопец — испытайте. А будет саботировать, по законам военного времени...

— Понятно.

Исламбек дважды прочел шифровку:

«...Из центра через Тифлис в Баку выехал некий Евгений Петрович Джуковский, кадет. Конспиративная кличка «Бур-

бон». Цель — организация заговора. Действует от имени эсеров и кадетов. Связи в Баку пока неизвестны. Устанавливаем. Проверьте Светлану. Барон».

— Опять Светлана, — с раздражением заметил Исламбек и виновато покосился на Джапаридзе.

— Что, чекист, растерялся?

— Какой из меня чекист, товарищ Алеша.

— М-да, контра идет на все. Даже на то, чтобы открыть ворота англичанам. Па-три-оты! А ты нос повесил. Говоришь, какой из тебя чекист. Верно, академий мы не кончали. Нас учит жизнь. Бьет и учит. У врагов надо учиться.

Джапаридзе достал из кармана связку ключей, протянул Исламбеку.

— Ключи от нашей старой явки на Биржевой. Там жила знакомая тебе мадемуазель. Теперь нам придется заниматься и разведкой, и контрразведкой. Не легко. Но ты, генацвале, как солдат и командир, показал себя. Спасибо. То был открытый бой, теперь начинается другая война. У нее иные законы. Это тебе не на коне скакать. Тут нужно чутье, выдержка, осторожность. Итак, в Баку прибыл или прибывает «Бурбон». Мы еще не знаем, кто он, где остановился. Но у нас есть нить — Светлана. Твоя, так сказать, крестница. Похоже, она не просто дама из общества. Очень может быть, активная участница контрреволюционной группы. Помни, Исламбек, ее муж капитан второго ранга Ермаков — бывший командир «Ардагана», депутат Баксовдепа, черт возьми!

Исламбек нахмурился.

— Ничего, генацвале. Ошибки у всех бывают. Ильич говорит, не ошибается тот, кто ничего не делает. Проследи ее связи. Не может быть, чтобы эта дама рано или поздно не вывела нас на новую явку. Работать будешь не один. Возьми в помощники Аслана Калантарова и еще кого-нибудь. Скажем, Василия Макеева. Боевой, из рабочих. Кроме того, сегодня же побывай у Екатерины Долинской. Помнишь ее?

— Помню, конечно.

— Ну вот. Мы ее не беспокоили, муж, хороший парень, месяц назад погиб под Аджикабулом. Недавно она приходила ко мне, говорит, что не может без работы. Женщина серьезная, энергии через край, поручаю ее тебе. Думаю, сможет помочь. Только смотри, береги.

— Ясно, товарищ Алеша.

— Да, тебе надо расстаться

запкой и привыкать к

штатскому костюму. Сойдешь за интеллигента? Ва, ты же нас бек! — Джапаридзе улыбнулся. — Все необходимое — гардеробе мадемуазель. Если что, обращайся к военному коменданту Авакяну. Вызывай наряд. Ему даны указания. Ну, удачи тебе, чекист!

Замок открылся легко и бесшумно. Исламбек еще раз оглядел плохо освещенную лестницу — все спокойно. Пристально мадемуазель Ли. Уютная двухкомнатная квартира, мягкий портьер, легкие кресла, смелые портреты танцовщиц, баночки непонятного назначения и благоухающие флаконы в трюмо, воздушный шарф, забытый на пуфе, увядшие цветы в пианино. Казалось, бархатная портьера сейчас раздвинется из спальни выпорхнет, мило путая французские и русские слова, кокетливая хозяйка дома. Но никто не появлялся, а в зеркале старинного шкафа лежал плотный налет пыли.

Исламбек никогда не поверил бы, что выпадет ему в жизнь такой сложный и извилистый путь. Все тут странно и неожиданно: дружба с Асланом, Ширвани, два дорогих ему могилных холма... Прокуренный кабинет Джапаридзе и будуар... С взглянул в зеркало. Угрюмое бородатое лицо, жесткие складки у рта.

Он осмотрел гардероб мадемуазель Ли. В глубине, за экранными платьями висели костюмы. Он выбрал темносиний полосуку. На отдельной полочке лежали бритва, носовые платки, даже плоские часы с цепочкой.

Через час из будуара артистки вышел элегантный молодой человек. Короткая бородка смягчала жестковатое лицо. Белоснежная сорочка оттеняла темные волосы. Только пиджак был чуть-чуть тесноват для широких плеч.

Поколебавшись, он надушил платок. «Оревуар, мадемуазель, — усмехнулся Исламбек. — Мерси бывшей певице от бывшего красного командира». Он положил в карман папирсы, снял телефонную трубку, назвал номер.

— Добрый вечер, Катенька. Узнаете? Я выезжаю. Через четверть часа буду у вашего подъезда.

Он достал из внутреннего кармана пиджака парабеллум и поставил на предохранитель. У дома его ждал один из прикрепленных к нему фаэтонов. Извозчик — здоровый розовощекий парень — чинно сидел на козлах и поглаживал пышные рыжеватые усы. Увидев Исламбека, он присвистнул.

— Ну, командир! Ни за что не подумал бы. Вылитый барин. Что делает с человеком одежда!

— Для дела, Василий. — Откинув полы длинного пиджака, Исламбек барственно развалился на сиденье. — Двигай, старина, к Катеньке.

— Есть, командир. Как говорится, бог в помощь.

— И по другому говорят: «На бога надейся, а сам не плошай». И вот что, Василий, никаких командиров. Я — господин Шахбазов. Или просто господин.

— Ясно, господин. Поехали.

Против двухэтажного дома на Воронцовской фазтон остановился. Здесь ждала Катя Долгинская — большеглазая, стройная, в простеньком, но изящном платье. Аккуратную прическу венчала маленькая, похожая на лепесток, шляпка. Тонкая в талии, с задорными ямочками на щеках, она казалась такой юной, что у Исламбека защемило сердце. Он соскочил, подал ей руку, помог сесть.

— Давно ждете?

— Только что вышла.

— Как настроение?

— Вроде ничего, бодрое, — она смутилась.

— Ну и прекрасно. Товарищ Алеша сказал, что женщины пужно беречь... — Он вздохнул и замолчал. Уж он-то умеет беречь женщин...

Катенька не ответила. Василий хлестнул лошадей, и они понеслись к Парапету. На углу Персидской и Николаевской экипаж поравнялся с другим фазтоном. На козлах сидел Калантаров.

— Как дела, Аслан? — не поворачивая спрашивал Исламбек.

— Не появлялась. Час назад из парадного вышел высокий мужчина в очках и шляпе, прошел к переулку Управы и на фазтоне уехал к центру.

— Кто?

— Не знаю. Похоже, Ермаков. Только почему-то в очках.

— Хорошо.

Экипаж Исламбека свернул в переулок. Здесь в ожидании фазтонов стояли три пары. Когда Исламбек сошел и подал руку Кате, к Василию порхнули две дамы в вечерних туалетах. Исламбек узнал Светлану Ермакову. Обернувшись к Катеньке, он выразительно взглянул на Василия.

— Извозчик, вы свободны? — быстро спросила Ермакова. — Мы очень спешим. Ну, пожалуйста...

— Далеко ехать, сударыня?

— В Мулен Руж.

— Сидайте. Мулен Руж, так Мулен Руж! — громко и весело повторил Василий Макеев. — А ну побежали, красавчики! Исламбек растерянно покачал головой. Катя взяла его под руку, опросила шепотом:

— Что с вами, комиссар?

— Ай-яй-яй. А говорят из подъезда никто не выходил. Понимаете, Катенька?

— Нет.

— Идемте к фаэтону. Молодая дама, которую вез Василий, Светлана Ермакова...

— А как же Аслан?

— Наверно, проворонил. Надо спешить. — Они быстро перешли улицу, сели в фаэтон Аслана. — Гони, наблюдатель! В Мулен Руж.

— Слушаюсь. А что такое?

— Поехали, поехали! Ворон считаешь на посту.

Аслан хлестнул лошадей, и фаэтон понесся по Никской.

— Слушайте внимательно, Катя. — Исламбек слегка привлёк к себе спутницу. — Две порядочные дамы едут в Мулен Руж. Что такое Мулен Руж? Ночной кабак! Уважающая себя женщина без мужчины в такое заведение не пойдет. Либо их там встретят, либо они поедут дальше. Верно?

Долгинская кивнула.

— Беспокоит меня другое. А что, если они по дороге изменят направление? Где мы тогда найдем Василия? Все как-то неожиданно. Опять вышло не так. Ах, черт! Говорил же Алеше...

— Не торопитесь. И, пожалуйста, улыбайтесь мне как... как женщине, которая вам нравится.

Чертыхаясь, он изобразил на лице подобие улыбки. Катя рассмеялась. Фаэтон выехал на Молоканскую. В сумерках ярко засверкал фасад двухэтажного здания на углу Станиславской. У подъезда толпились жаждущие. Одних привлекал почной кутеж в обществе заезжих див, других — изысканная кухня. Были и просто зеваки, собравшиеся, чтобы поглядеть на вечерний съезд городских знаменитостей.

— Неужели Ермакова втайне от мужа посещает этот кабак? — мучительно думал Исламбек. — Не похоже. И зачем ей связываться в политику?

Исламбек не знал, что это началось давно. Еще в дни кро-

вавых событий начала года двадцатилетняя дочь Докучаева бесстрашно прятала у себя Степку Лалаева. Многого Исламбек тогда не знал...

Фаэтон остановился. Заметив у ресторана ж Макеева, Исламбек вздохнул с облегчением.

— Ну, Катюша, я зря сомневался. Вася здесь.

— Ну вот. А дальше?

— Обязательно надо найти Васю. Что-то я его не вижу.

Делая вид, что убеждает капризную даму поужинать в ресторане, Исламбек безуспешно искал Василия. Он встревожился.

— Катенька, — он сжал ее руку. — Подождите меня. Я посмотрю Васю в зале. Может, он в казино...

— Извозчик в казино? Его просто туда не впустят. Но... Хорошо. Только не задерживайтесь. Одной у входа в такое заведение...

— Я мигом. — Он скрылся за массивной дверью.

Катя осмотрелась, отошла чуть в сторону. На козлах равнодушно дымил самокруткой Аслаи. Но она знала: он зорко следит не только за ней, но и за всем вокруг. Прошел комендантский наряд, а спустя минуту она увидела парный патруль красногвардейцев. Можно было не волноваться. Порядок охранялся надежно.

И все равно ей было неловко. Стоять здесь одной, ощущая на себе любопытные взгляды мужчин. Что они думают: несостоявшееся свидание, ссора с кавалером? Порядочные женщины в такие заведения не ходят.

Из ресторана, обнявшись, вышли двое военных. Заметив Катю, они подошли и весело переглянулись. Она смотрела в сторону. Они отошли, но, описав круг, снова оказались перед ней.

— Пардон, мадамзель, — тот, что повыше, с нагловатой ухмылкой поклонился. — Наш брат ни чета вам, конечно, но мадамзель, мы фронтовики. Бывшие, так сказать... И хотим повеселиться.

— Да... бывшие, — вторил другой, постарше, еле ворочая языком. — Зач-ч-чем, мад-мад-зель отвернулась? З-здесь М-му-ллен Р-руж... В-вы, милашка... — Первый сделал попытку прикрыть ему рот, но тот страхнул руку. — Разрешите представиться.

Катя резко обернулась.

— Постыдитесь, фронтовик. Если не отстанете, я позову патруль.

— Патруль? Да вы э-знаете, кто есть-я такой, душенька?

— Мне безразлично. Вы — пьяны. И отстаньте, пожалуйста.

— Да, я же С-сомов. Председатель с-союза фронтовиков, душенька. Не признали?

— Фронтовики сражаются, а не пьянствуют.

Долинская с надеждой смотрела на вход. Исламбека все не было. На них уже оглядывались. Тот, что назвался Сомовым, протянул руку к Кате, но пошатнулся и едва не упал. Аслан быстро соскочил с фаэтона, в несколько прыжков пересек улицу. Его рука опустилась на плечо Сомова. Тот вскрикнул от боли, с его лысеющей головы свалилась фуражка.

Молодой кинулся на Аслана и упал, получив удар в живот. В предвкушении скандала их окружили зеваки. И сразу разлилась трель свистка. Четверо красногвардейцев придвинулись к ним. Старший властно спросил у Аслана:

— Что происходит?

— А вы кто? — не выпуская Сомова, Аслан подозрительно оглядел их.

— Военная комендатура.

— От товарища Авакяна?

— Так точно. — Патрульный смягчился, услышав фамилию коменданта.

— Этих пьяниц надо немедленно доставить в комендатуру. Один из них Сомов, председатель союза фронтовиков. Ясно?

— Ясно. Только транспорта у нас нет. Своим ходом что ля?

— А вот наш фаэтон. Везите. Я — Калантаров, командир первого взвода отряда Карабаглы, — шепнул он на ухо старшему.

— Понял, товарищ.

Публика стала расходиться. Катя решила, что ей тоже пора. Но как раз в эту минуту появился Исламбек. По его лицу она сразу увидела, что дело плохо.

— Так и знал. Все провалил!

— Если знали, то стоило ли затевать маскарад? — Катя вспыхнула. Хорошо еще, что был Аслан.

— Что еще?

— Пристали пьяные фронтовики. Такой срам.

— Какие еще фронтовики? — Исламбек чертыхнулся. — Где они?

Подошел Аслан.

— Провал, — сказал Исламбек мрачно. — Макеев вдребезги пьян, спит за столом. Не смог растолкать. Официант

говорит, что пил с тремя военными. Кто мог подумать, что Василий клонет на выпивку. Куда девались военные?

— Отправил в комендатуру. Один из них Сомов.

— Сомов? Черт! Немедленно туда. Но что делать с Васей? Калантаров кивнул патрульному. Тот подошел.

— Как ваша фамилия? — машинально спросил Исламбек.

— Никонов.

— Товарищ Никонов, зайдите в зал, за третьим столом спит извозчик. Поберегите его. Мне надо срочно к товарищу Авакяну. Скоро вернусь.

— Будет сделано.

Глава VI. След

Квартира Дегтяревского, бывшего полковника царской армии, помещалась на втором этаже мрачного дома по Станиславской. Дом имел два выхода — на Станиславскую и Канитапинскую. В восемь вечера к низеньким воротам подъехали фаэтоны. Из них вышли трое военных и две дамы. Фаэтоны сразу отъехали. В подворотне гостей встретил человек в кожанке и негромко доложил:

— В Теремке порядок.

— Благодарю, господин Жуков. Он там?

— Да. Я пока буду здесь. Так надежнее, я все-таки чекист, порядки знаю.

Приехавшие, стараясь ступать бесшумно, поднялись по лестнице. Тот, кто говорил с Жуковым, поступал как было условлено. Дверь открылась. Хозяйка — худая тонколицая женщина с небрежно подколотой косой смотрела укоризненно.

— Что же вы! Стол накрыт, а вас нет и нет. Заждался. Евгений Петрович волнуется. Нехорошо заставлять ждать именинника.

Дамы, Светлана Ермакова и Татьяна Жукова, прошли вперед, за ними военные. Последний постоял у дверей, чутко вслушиваясь в шорохи, затем отошел.

В просторной комнате, три окна которой выходили на Станиславскую, сверкал хрусталем празднично убраный стол. Высокий мужчина во фраке с седеющей бородкой оживленно беседовал с Ермаковым. Увидев жену, Ермаков оборвал разговор на полуслове и бросился к ней.

— Дамы, господа, где вы пропали? А ты, свет мой, чем-то взволнована?

— Светлана Тихоновна, — заметил Дегтяревский, — вы задержались почти на пятьдесят минут. Да-да, — он хлопнул крышкой часов.

— Знаешь, Саша, опять он!

— Кто он? Успокойся. — Ермаков л жёну за руку, усадил в кресло.

— Ах, если бы ты знал. — Она потянулась к графину с водой. — После твоего отъезда мы зашли в переулок, но экипажей не было. Вдруг подъезжает фаэтон. Я его узнала. Эти глаза! Господи, ведь это все тот же комиссар, но в костюме и с женщиной. Я хотела повернуть назад, но поняла, что это глупо и попросила извозчика отвезти нас в Мулен Руж. Вроде бы обычный извозчик, но было в нем что-то подозрительное. Так выразительно взглянул на комиссара и громко повторил: Мулен Руж! Я поняла, что извозчик их человек и дает понять, куда мы едем.

— Умница! Светлана Тихоновна настоящий конспиратор, — восторженно откликнулся Джунковский, потлаживая холёную бородку. — Так-так... Что же было дальше?

— Мы отъехали. В пути извозчик что-то спросил, я промолчала. Чувствовала, за нами следят. Тогда я приняла отчаянное решение... Не могу я, Саша. Не могу. Может быть, лучше сегодня разойтись? Мне всюду мерещатся люди из Чека.

— Полно, Светлана. Мы не можем разойтись, ни о чём не договорившись. Ты, как всегда, преувеличиваешь, — ласково возразил муж.

Один из военных притушил папиросу.

— Позвольте, доскажу я. Как было условлено, мы ждали их у Мулен Руж. Они подъехали, сошли, Светлана Тихоновна мне шепнула: «Извозчик шпион!» Я понял, что его надобно отвлечь. Подхожу к нему, дружески стягиваю с козел, говорю: «Ты, дорогой товарищ, должен с нами выпить за то, что в такое беспокойное время доставил в сохранности наших дам». Извозчик отнекивался. Но мне все же удалось затащить его в зал. Крикнул официанта, попросил вина. Извозчик твердил, что он человек семейный, некогда ему рассиживаться. Принесли шампанское. Он торопился, выпил залпом. Простофиля, а не шпион. Через несколько минут он спал.

— Так быстро развезло? — хохотнул Джунковский.

— Помилуйте, Евгений Петрович, от бокала шампанского? Я уж постарался... Подсыпал, естественно. По старой привычке ощупал. Полюбуйтесь, господа. — Военный подкинул на ладони пага. — Опыт, господа! — Он поднял указательный

палец. — Здесь мы в безопасности. Полагаю, сомнения уважаемой Светланы Тихоновны лишены оснований.

— Верно, господа, верно, — пропела хозяйка. — Прошу к столу. Именины, так именины. Извольте-с!

— Моя женушка абсолютно права, — засуетился Дегтяревский. — Лучше, говорят, чтоб живот лопнул, чем добро пропало. Прошу-с. Свежая семга. Икорка... Утка с яблоками. Разливайте, господа. Евгений Петрович, вам первое слово.

Джунковский поднял бокал, задумчиво наблюдая, как пенится в свете люстр игристое шампанское.

— Друзья! Сегодня двадцать шестое мая. До намеченного срока осталось несколько дней. Как говорится, рукой подать. Пока головы трезвые, поговорим о делах. Я, именинник, не обижусь. Дадим слово будущему комиссару по иностранным и военным делам Павлу Ивановичу. Этот умнейший человек, с которым вы пока не знакомы, прибыл к нам из центра. С огромным трудом ему удалось попасть в Военно-революционный комитет. Прошу вас, голубчик Павел Иванович.

«Голубчик» поправил пенсне на коротком, бесформенном носу, пригладил редкие волосы, едва прикрывавшие лысину.

— Господа, — начал он тихо и проникновенно. — Не стану долго занимать ваше внимание. День близится. Почти все готово. Мой коллега принес бланки «Ардагана», остальное сделал я. Наши люди разослали 350 повесток на заводы Нобель, Хатисова, Шибаева, Ротшильда, в войсковые части. От имени общего собрания Каспийской флотилии мы просим рабочих и фронтовиков выделить по одному человеку от каждых двух сотен на митинг, который состоится 30 мая в 10 утра на Морском бульваре. Подготовлено и объявление по Кавказской Красной Армии о встрече англичан, которые готовы оказать нам, господа, братскую помощь. Подготовлена резолюция митинга. Издан приказ № 1 по армии. Содержание документов известно Евгению Петровичу. И я уверен...

— Вы, голубчик, не сказали главного, — вмешался Евгений Петрович. — Нам удалось заручиться поддержкой председателя союза фронтовиков. Он должен сегодня же арестовать агента большевистской России Степана Шаумяна.

— Bravo! — собравшиеся дружно зааплодировали.

— Господа! Я поднимаю бокал за великое дело спасения отечества от большевиков. За удачу, друзья!

Евгений Петрович залпом осушил бокал.

В гостиной еще звякали вилки и звучали тосты, а Евгений

Петровиц в соседней комнате уже диктовал Светлане Тихоновне очередную бумагу.

— Милая Светлана Тихоновна, — он вдруг прервал официальный текст. — Нет у меня слов, чтоб выразить вам благодарность. Скоро вы убедитесь в моей признательности. Пока могу сказать лишь одно. Как только кончим с режимом Шаумяна, ваш супруг станет адмиралом и возглавит флотилию. Я вам это обещаю.

— Благодарю вас, Евгений Петрович. — Она потупила глаза.

— Ради бога. Ну, а вы, милая Светлана... позвольте мне называть вас так. — Она кивнула. Он приложился губами к ее руке. — Покорно благодарю. Милая Светлана, волшебница моя... Вы станете моим другом, моим гением. Я говорю это искренне. Итак, продолжим, дорогая. — Диктовал он четко. — «Милостивый государь! Из всего Закавказского края одна лишь Бакинская губерния с городом Баку является территорией, входящей в настоящее время в состав Российской Федеративной Республики, управляемой Советской властью...»

Светлана с профессиональной быстротой выстукивала письмо, адресованное английскому консулу Мак-Дониелю.

«...В данном случае интересы как мирной Советской власти, так и интересы английских войск, находящихся на Багдадско-персидском фронте, абсолютно совпадают, и поэтому Исполком Бакинского Совета солдатских, рабочих и матросских депутатов в своем новом составе уведомляет вас, господин консул... Покорнейше просит оповестить о том же командующего английскими силами, что город Баку и вся территория Бакинской губернии могут быть использованы английским командованием...»

— Написали, милая?

— Да.

— Так. Значит английским командованием. Э... для военных операций против турецких банд, идущих с огнем и мечом на мирных христиан... Еще несколько слов, Светлана Тихоновна. Примите, господин консул, уверения в нашем искреннем к вам уважении. Кажется, хорошо. Теперь нужны подписи...

Джунковский и Светлана вошли в комнату, где играл граммофон и медленно кружились пары. Джунковский мягко привлек к себе Светлану. Вздыхнув, она покорно отдалась вкрадчивой мелодии кларнета и ласковому властному объятию.

Лошади неслись галопом. Долинская, вцепившись в Исламбека, тихонько вскрикивала, когда их подкидывало на ухабах.

Исламбек, казалось, забыл о ней. У «Бристоля», не ожидая пока фазтон остановится, он соскочил и, не простившись, исчез в парадном. Перед кабинетом военного коменданта он мгновение помедлил и резко толкнул дверь.

Поддерживаемый красногвардейцами, на стуле не сидел, а скорее лежал Сомов. Густой храп сотрясал его тело. Он с трудом раскрывал мутные, бессмысленные глаза и снова ронял на грудь жирный подбородок.

Против него, уперев кулаки в колени, сидел Авакян и терпеливо ждал, когда пьяный придет в себя. По беззвучным движениям губ Исламбек понял, как изощренно он ругается и какого напряжения стоит ему это терпеливое ожидание.

Рядом хорохорился спутник Сомова. Он был гораздо трезвее — на той стадии, когда человек слышит только себя. Он рвался к Сомову, бил себя в грудь и со слезой в голосе зывал к присутствующим.

— Братья! Кто настоящий фронтовик? Я? Я кровь проливал... А Костя... Эх, Костя... Сука ты, Костя! В душу мне плюнул.

Авакян поднялся, грохнул кулаком по столу.

— За-а-аткнись, мерзавец! За рюмку водки все продашь. — Пьяный испуганно заморгал короткими колючими ресницами, всхлипнул и смолк. — А ну, ребята, уберите его отсюда. Видеть не могу болтуна.

Два красногвардейца, подхватив пьяного, вывели его в коридор. Только тогда Авакян заметил Исламбека. Подошел, тихо спросил:

— Что за маскарад? А-а-а... Полюбуйся, что творится.

— Вижу. — Карабаглы подошел к Сомову, резко вскинул его голову. — Сейчас приведем в чувство. Господин председатель, довольно комедию ломать!

Сомов разлепил красные веки, прикрыл лицо рукой. Но в пьяных глазах мелькнул испуг.

— Взгляни, — Авакян протянул форменный бланк капитана «Ардагана» с текстом, отпечатанным на машинке. — Помоему, это тебя заинтересует.

Исламбек пробежал глазами короткий текст:

Председателю фронтового комитета штабс-капитану
Сомову.

Предлагаю во что бы то ни стало арестовать С. Шаумяна.

Народный комиссар по иностранным
и военным делам».

— Откуда это? Что за чепуха?

— Нашли в кармане этого негодяя, — усмехнулся Авакян, — так называемого председателя фронтового комитета Константина Игнатьевича Сомова. Хочет войти в историю, сукин сын.

Карабаглы примчался в комендатуру по другому делу, но новость так его поразила, что он забыл обо всем.

— Знаешь, Багдасар, этот пьяница напоил Макеева и подсыпал ему какую-то дрянь. Словом, сорвал операцию.

Неожиданно Сомов заговорил:

— Ничего подобного, товарищ. Я никогда на такое...

— Врешь! — Исламбек сорвался на крик. — Встань, пьяная скотина!

Сомов, покачиваясь, встал.

— Не имеете права. Это оскорбление...

Исламбек пошел на Сомова, но пьяный снова упал на стул.

— Я тебе, гадина, покажу. К Шаумяну грязные лапы тянете? Рассказывай все, пока я не оторвал твою плешистую голову!

— А кто ты такой будешь? — Сомов нагло уставился на незнамого человека в модном костюме.

— Уполномоченный из Чека Карабаглы. Устраивает?

Сомов ошалело перевел взгляд с Карабаглы на Авакяна.

— Рассказывай Сомов, как напоил извозчика в Мулен Руж, что подсыпал ему, где Светлана Ермакова? Смотри, гад, соврешь... — Исламбек задыхался от гнева. — Ну? Что за комиссар, подписавший эту чушь?

Сомов молчал. Авакян отвел Исламбека в сторону.

— Не трогай его. Мне не нравится, как ты разговариваешь. Он же пьян. Мы составили протокол обыска. Пусть придет в себя, там разберемся.

— Ты прав, извини. Влетит мне от Алеши за очередной провал.

— Иди в другую комнату, позвони. И успокойся. Такие вещи надо делать спокойно.

Около двенадцати ночи в номере гостиницы «Европа» раздался телефонный звонок. Однако брать трубку было некому. Хозяин номера Евгений Петрович Джунковский в это время танцевал со Светланой Ермаковой. Ее пьяный муж храпел в соседней комнате рядом с хозяином дома. Остальные гости давно разъехались.

Евгений Петрович остановил граммофон, подвел Светлану к столу. Разлил шампанское, торжественно протянул Светлане бокал.

— Выпьем, дорогая, за эту майскую ночь. Я хочу, чтоб она принадлежала нам двоим. За ваше счастье. И за маленькое место в вашем сердце. Для меня. Мне ведь нужно немного. Видеть вас, слышать вас, верить в вашу дружбу... Я могу надеяться?

Выпили. Скрипнула дверь. Светлана вздрогнула.

— Мне кажется, кто-то ходит.

Джунковский на носках подошел к двери, портьеру.

— Все спят. Показалось, — его прохладные ладони коснулись горящих щек Светланы. Она отстранилась.

— Уже поздно, Евгений Петрович. Полночь.

— Ну и что ж, моя синеглазая волшебница. Во-первых, я именинник, во-вторых, мы с вами сегодня славно поработали. Разве мы не можем выпить еще по бокалу вина?

— О! Я не могу. Я пьяна, Евгений Петрович. Едва держусь на ногах.

Она почувствовала, что ноги ее оторвались от пола.

— Евгений Петрович, там мой муж. Не забывайте... — язык заплетался. — Одумайтесь. Куда вы меня...

— Здесь, моя прелесть, так уютно, так тихо, — он поцелует ее зажал ей рот. — Нас никто, никто...

Ковер с портретом дамы в пенсне поплыл в глазах Светланы. Почему-то она очутилась в комнате, где стояла пишущая машинка. Надо встать, окликнуть мужа... Дверь рядом.

— Дверь, — с трудом выговорила она. — Дверь... Я хочу спать.

На секунду он оторвался от нее, дважды повернул к

Джапаридзе и Шаумян приехали в военную комендатуру на автомобиле. Ознакомившись с секретным приказом, изъятим у Сомова, Степан Георгиевич удивленно оглядел товарищей.

— Что за черт... Допрашивали?

— Нет, — ответил Авакян. — Пьян вдребезги. Придется утром.

— Так не пойдет, товарищ Авакян, — возразил Джапаридзе. — Надо привести его в чувство. Утром может быть поздно.

— Алеша прав, — коротко сказал Шаумян.

Сомова разбудили, сунули головой под крап. Мокрое припухшее лицо побелело от страха. У порога он бухнулся на колени, пополз к столу.

— Дурак я, сволочь я. Простите. Я все расскажу. Только не расстреливайте. Жить...

— Для чего жить? Чтобы пьянствовать, продавать революцию, покушаться на Чрезвычайного комиссара? Встаты — безгласно морщась, крикнул Джапаридзе. — Говорите.

Сомов поднялся, пухлые пальцы рванули ворот гимнастерки.

— Я скажу. Я все скажу, — бормотал он сбивчиво. — Этот приказ дал мне товарищ Иванов. Павел Иванович Иванов. Из Военно-революционного комитета Кавказской армии. Эсер. Сказал, что вы, товарищ Шаумян, тайно сговорились с германцами, чтоб, значит, отдать им Баку. Вот и все. Больше ничего не знаю. Клянусь жизнью! Ночью я должен был арестовать вас. Потому и напился. Потому, что не мог я вас... товарищ Шаумян. У меня двое детей. А вот другой... Зря отпустили. Он все знает. Джунковского знает, Евгения Петровича. Из Тифлиса Джунковский приехал. А больше ничего...

— Где Светлана Ермакова? — нетерпеливо прервал Исламбек. — Куда уехала? Где назначена встреча?

— Не знаю. Первый раз слышу. Знаю только Иванова. Будущим народным комиссаром представился. Верьте мне!

— Хорошо. Поверим. — Джапаридзе обернулся к Авакяну. — Для Сомова будет полезно отдохнуть с недельку. Отправьте в камеру.

Арестованного увели. Молчавший Шаумян привычно заходил по кабинету.

— Что предлагаете? История с председателем комитета фронтовиков — видимо, одно из звеньев контрреволюционной акции. Нужно немедленно разобраться. Сомов может многого не знать. Но мы обязаны знать. Обязаны. Кто этот Иванов? О Джунковском сообщал Артур. Надо действовать быстро.

— Я, кажется, придумал, — Джапаридзе обвел товарищей взглядом. — Рискованно, но другой возможности нет...

Глава VII. Раскаяние

Партнер Сомова сыграл свою роль не хуже профессионального актера. Выйдя из комендатуры, он быстро зашагал к стоянке экипажей у кинематографа «Форум».

— В комитет фронтовиков, на улицу... — крикнул он извозчику. — И побыстрее.

У знакомого подъезда стояли красноармейцы. Пассажир закусил губу, тронул извозчика за плечо и назвал другой адрес.

Лишь утром Авакян узнал, что отпущенный им пьяница — бывший подпоручик Дмитрий Афанасьевич Голубицкий. В Баку он попал неведомо откуда, быстро стал своим человеком в союзе безработных офицеров. В дни мартовского мятежа командовал ротой Дикой дивизии, затем перешел на нелегальное положение. Озлобленный неудачами, он был готов на все. У меня, говорил он, свои счеты с красными. В семнадцатом году крестьяне сожгли его имение, расправившись с отцом, известным своей жестокостью.

В тот вечер подпоручик Дмитрий Голубицкий выпил лишь пару стопок водки. Зато долго и старательно спаивал Сомова. Сомов нужен был как прикрытие, приказ об аресте Шаумяна он привел бы в исполнение сам. Помешала случайность...

Голубицкий понимал, что Сомов его выдаст. Нужно было уходить, прятаться, снова выжидать, обдумывая план мести. Не дозволившись, он направился прямо в Теремок — явочную квартиру Дегтяревских.

Джунковский, еще заспанный, хмельной, долго не мог сообщить о какой опасности говорит Голубицкий.

— Кто задержан? Кем задержан?

— Сомов. В комендатуре. Вместе с приказом.

Последние слова отрезвили Евгения Петровича мгновенно. Человек быстрых реакций, он сразу вспомнил, что в бумажнике спрятаны два пропуска на выезд из города, заранее добытые в Военно-революционном комитете Кавказской армии.

— Минутку подождите, Голубицкий. Я сейчас.

Он вернулся умытый, благоухающий одеколоном, деловой.

— Повторите, пожалуйста, Дмитрий Афанасьевич. Меня интересует Сомов. Задержан? Ясно. Благодарю вас. Вы настоящий друг, — он энергично пожал вялую руку Голубицкого. — Сейчас я распоряжусь, вам принесут кофе.

Он скрылся за портьерой, где сидела у машинки Светлана. По ее напряженному лицу Джунковский догадался — подслу-

шивала, встревожена. Терпеть он этого не мог, но именно сейчас обострить отношения не следовало.

— Вы чем-то взволнованы, Светлана Тихоновна? — он поцеловал ее в морщинку на лбу. — Ничего особенного. Просто одного из наших коллег задержали. К счастью, он не посвящен в планы. Прошу вас не говорить супругу, не стоит его волновать. Все в порядке. Вас проводит господин Голубицкий. — И сладким шепотом в самое ухо: — Не могу придти в себя от изумительного сна.

Светлана машинально кивнула на дверь. Мысли ее целиком были поглощены невеселыми известиями. Не девочка, она сознательно шла на отношения с Джунковским. О нем столько говорили! Кружила голову возможность попасть в высший свет, в это общество избранных. Пусть он немолод и так пошловато сюсюкает... Что ж, он, пожалуй, не хуже других. Жизнь так пресна и монотонна... Однако Джунковский взволнован. Это пахнет Чека. Ужасно!

Через час Голубицкий подъехал на фэтоне к воротам Теремка. Супруги Ермаковы уже ждали.

Джунковский почувствовал облегчение. Пусть Голубицкий их проводит и вернется. Если с Ермаковыми все будет в порядке, значит происшествие в Мулен Руж не имело последствий и Сомов не признался. Возможно, еще удастся использовать замешательство властей и склонить делегатов на свою сторону. Пусть арестовать Шаумяна сразу не удалось. Остается митинг. Решение об аресте примут делегаты.

Беспокойство Джунковского передалось хозяевам. Роняя посуду, они поспешно убрали все со стола, бегали к окнам. Светлело. По Станиславской началось движение. Шли войска. Ехали грузовики и фэтоны. Зазвонил телефон. Джунковский вздрогнул. В комнату вбежали Дегтяревские, застыли в ожидании. Евгений Петрович взял трубку:

— Да-да, Дмитрий Афанасьевич. Это я. Ну... Ясно, ясно. Действуйте, голубчик. — Он повесил трубку, улыбнулся хозяйке. — Господа, все хорошо. Сейчас подъедет подпоручик Голубицкий. Передайте, чтобы он ждал меня здесь. Я заеду в гостиницу и скоро вернусь. «Ундервуд», пожалуйста, в подвал. Машинка нам еще понадобится.

— Не извольте беспокоиться, Евгений Петрович. Все будет сделано, — заверила хозяйка.

Но хозяин дома не был таким легковым. Он видел, напряжен Джунковский, как он торопится уйти.

Джунковский огляделся, свернул за угол. Долго шел пеш-

ком, пока не показался извозчик. Не торгуясь, сунул крупную купюру, прыгнул на подножку.

— В Кишлы. Очень спешу. Гоним, голубчик, гоним.

Супруги Ермаковы сошли с фаэтона раньше, за два угла от дома.

— Господа, — попросил Голубицкий, — как только войдете в квартиру и убедитесь, что все в порядке, откройте окно. Пусть Светлана Тихоновна махнет платком. Я буду медленно ехать по той стороне улицы.

— А в чем дело? — Ермаков насторожился.

Голубицкий пожал плечами.

— Осторожность, сударь. Элементарная осторожность. Велел Евгений Петрович.

Светлана презрительно фыркнула.

— Все как в романе с сыщиками! Столько предосторожностей из-за того, что арестован один пьяный дурак. Глупо!

Ермаков изумился.

— Светлана, милая, что это значит? Почему ты так раздраженно разговариваешь с господином Голубицким?

— Ах, Саша. Все ваши бесконечные совещания — воздушные замки, не больше. Умоляю, идем скорее домой. Я устала, устала от всего. — Она тяжело оперлась на руку мужа и, проводив взглядом Голубицкого, добавила негромко: — Знаешь, когда Евгений Петрович услышал, что арестован Сомов, на нем лица не было. Вот не думала, что человек, рассуждающий с апломбом, может так праздновать труса. Куда ни шло, когда боится женщина...

— Светлана, ты многого не знаешь. Речь идет не только о Джунковском, о всей организации.

— Возможно. Я все думаю о вчерашней истории. Если бы красные догадались, что их агента усыпили мы, это могло плохо кончиться.

— Не спеши с выводами, цыплят по осени считают. Дотянуть бы до митинга, там все изменится...

— Перестань! Ты же военный человек, Саша. Неужели веришь в затею Евгения Петровича?

— А разве не ты пела ему дифирамбы?

— Мне простиительно. И потом я не пела, ла всем вам, — сердито ответила она.

— Поздно, милая, отступить. Надо идти до конца.

— Что ж...

Они пошли к двери. Светлана Тихоновна вытащила сумочку ключ, вставила в замочную скважину...

— Ну вот, милая, мы и дома. Если бы ты знала, устал...

Они вошли в прихожую. Ермаков закрыл дверь, нащупал выключатель. Вспыхнул свет.

— Ой, мам! — Бисерная сумочка Светланы мягко шлепнулась об пол.

В просторной прихожей стояли люди в кожанках с красными повязками на рукавах.

— Спокойно, господа Ермаковы, — Исламбек поднял маузер. — Давно ждем вас. Долго, долго гуляете.

Ермаков внушительно выпятил грудь.

— Извольте объяснить, что это значит, товарищи? Как вы сюда попали?

— Прошу поднять руки и не двигаться. Аслан, обыщи. Обрати особое внимание на сумочку дамы. Может, у нее там хранится еще доза снотворного. — Светлана вздрогнула. — Я кому сказал: руки вверх?

Калантаров сделал шаг вперед. Муж и жена подняли руки. Обыск, однако, ничего не дал. Нашли лишь эсеровские партийные билеты и около трехсот рублей.

— Теперь прошу в комнату, господа, — уже спокойнее сказал Карабаглы.

Ермаков держался спокойно, Светлана же еле двигалась. Их проводили в комнату, вежливо попросили сесть. Исламбек положил перед Ермаковыми два ордера.

— Я уполномоченный Чека. Это ордера на ваш арест.

Ермаков запротестовал:

— Не имеете права. Я капитан второго ранга, офицер.

— Знаю, господин капитан второго ранга. Знаю, что вы член партии социал-революционеров.

— Наконец, я депутат Бакинского Совдепа.

— И это знаю. Ордера на арест подписаны председателем Совдепа и наркомом по внутренним делам.

— За что вы нас арестовываете? — пролепетала Светлана, стараясь поймать взгляд Исламбека.

— На этот вопрос я отвечу вам в Чека.

Светлана поднялась, сказала мягко:

— Я подчиняюсь. Встань, Саша. Думаю, они во всем разберутся. Ничего дурного мы не сделали.

Голубицкий долго следил за окном, оно не открывалось. Прошло пять минут, четверть часа. Когда у подъезда остановился автомобиль с красногвардейцами, он все понял. Уже

сворачивая за угол, обернулся: Ермаковых усаживали в автомобиль.

Голубицкий сел в фаэтон и поехал в «Европу», не подозревая, что шеф уже покинул город.

Перед вторым допросом Ермаков потребовал бритву, мыло и чистое полотенце. Удивился, когда в камеру принесли не только все, что он просил, но и зеркало в серебряной оправе.

Гладко выбритый, подтянутый он сидел напротив Джапаридзе, не отрывая глаз от его лица. Народный комиссар внимательно просматривал жалобы, написанные им в камере.

То неожиданное обстоятельство, что допрашивать его будет теперь сам Джапаридзе, нарком внутренних дел, кажется, прибавило Ермакову значительности. Он был почти спокоен.

Еще в камере, тщательно продумав ход допроса, он прокрутил в памяти все детали последних событий. И пришел к выводу, что любые обвинения могут быть основаны лишь на догадках и предположениях. Особенно после того, как обыск в квартире ничего не дал. Ужин в Теремке? Но соседи подтвердят, что были именины с музыкой и пирогами. Светлана лишнего не скажет, в ней он уверен. Следовательно, держаться надо твердо — все отрицать. За его плечами безупречная служба на «Ардагане» и в Центрокаспии. К тому же он депутат Баксовдепа.

— Вы не представляете, Ермаков, как мне легко разбить вашу позицию, — вдруг сказал Джапаридзе, будто он внимательно выслушал весь его внутренний монолог. — Кто еще готовил этот... великий переворот?

Не дождавшись ответа, он встал, одернул гимнастерку.

— Ай-яй-яй! Чем же вас купили, Александр Андреевич? — он с интересом рассматривал арестованного.

Ермаков почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Так бывало с ним в минуты крайнего напряжения.

— Позвольте... Не понимаю. Не могу, к сожалению, ответить на этот нелепый вопрос.

— Гм, к сожалению... К сожалению, вы почти правы. К вашему сожалению! — Он уперся в Ермакова презрительным взглядом. — Как бы вы ни старались сыграть крупного политического деятеля, вы всего лишь авантюрист. И мелковатый. Ну? Вы мне, или я вам расскажу о тех, кто бывал у вас, и о тех, кого обрабатывали вы? И о тех, наконец, кого развлекала ваша супруга.

— Вы не смеете, — дернулся Ермаков.

— Нет, я смею, Александр Андреевич. Потому что, в отличие от вас, я — революционер, и защита пролетарской революции для меня дело святое. — Он обернулся к Карабаглы. — Материалы на Джунковского.

— Готовы, товарищ нарком.

Алеша открыл папку, полистал бумаги.

— Итак, Ермаков, слушайте. Ваш покровитель Джунковский Евгений Петрович, с которым вы заранее праздновали победу...

Ермаков вздрогнул, опустил глаза.

— Так вот, Джунковский — действительный статский советник. Монархист. Двоюродный брат бывшего помощника бывшего его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, сенатора, егермейстера Николая Федоровича Джунковского. Далее — он агент Денстервиля. Достаточно или еще рассказать о последней встрече? А может, напомнить вам, как и через кого вы собирались осуществить арест Шаумяна?

Ермаков обмяк. Вся выстроенная им схема поведения, тщательно обдуманые ответы показались ему нелепыми. И еще он подумал, что рискованная игра, в которую он ввязался, вряд ли принесла бы что-то лично ему. Выиграл бы не он, а этот мерзавец Джунковский, который, конечно, успел удрасть. Похоже, Теремок раскрыт. Остается? Остается одно: держаться с достоинством.

— Вы не должны так, — хрипло, преодолевая тошноту, сказал Ермаков. — Я готов к допросу, а не... не к оскорблениям. Я депутат Баксовдепа, капитан второго ранга. Это произвол.

— Ну-ну, — Джапаридзе подался вперед. — Достоинство? А ведь было, Ермаков, достоинство. Было. Я помню вашу речь перед матросами. Вы говорили о верности революции. Клеямили предателей. Пре-да-телей! И если бы сейчас вы так же прямо отстаивали свои идеи, свое право на борьбу с нами, я бы стал честно спорить. Я мог бы уважать вас.

— Вы обязаны выслушать. Моя биография, моя служба на «Ардагане»... Преданность... У меня прочное алиби.

Джапаридзе с силой опустил руки на стол.

— Алиби не будет. Ни теперь, ни через десять, ни через пятьдесят лет, Ермаков. К тому времени у советского государства будет своя история. Героическая история. За нее сегодня мы платим кровью, и она будет, Ермаков. Я в это верю, слы-

шите? В этой истории останутся и следы **вашего...** алиби, как отпечатки пальцев фальшивомонетчика. Когда вы там, на своей конспиративной квартире в Теремке, подсчитывали свои силы, оружие, патроны, вы не учли главного — этой нашей веры. Шаумяна, Азизбекова, Фиолетова, **моей**. Алиби не будет, Ермаков. Ни у вас, ни у ваших сообщников — таких, как монархист Дегтяревский. Да, он тоже арестован.

Александр Андреевич опустил голову и пролепетал невнятно:

— Я готов ответить. Если вас интересует...

Алеша посмотрел на часы, небрежно толкнул к Ермакову стопку его жалоб.

— Не интересует. — Кинул Карабаглы: — Допросите еще раз Светлану Ермакову-Докучаеву. Если понадобится — организуйте очную ставку. Мне с господином Ермаковым говорить не о чем.

Услышав за спиной шаги конвоира, Ермаков тяжело поднялся и, ловя ртом воздух, протянулся к графину с водой. Исламбек молча подвинул ему хрустальный стакан с отбитым краем. И Ермаков увидел вдруг холеную руку Джунковского, такой же вот стакан с шампанским, поднесенный к губам жены, ясно увидел ее вскинутое дразнящее лицо... Боже, какая низость!

Как только арестованного увели, Исламбек поспешил за Джапаридзе. Нашел его у подъезда. Джапаридзе ждал машину, рассматривая свою мокрую от дождя ладонь.

— Извините, — сказал Исламбек торопливо.

— Что еще случилось? — Джапаридзе с видимым сожалением отряхнул руку.

— Понимаете... Я, конечно, не имею права отказываться. Но лучше, если второй допрос Ермаковой проведет Бехбуд Шахтактинский. Я не могу видеть слез. Он ведь профессиональный следователь, товарищ Джапаридзе. Опыта у меня нет. И опять начнутся женские штучки. Я час бился, пока она назвала Теремок, а дальше...

Джапаридзе сочувственно покивал головой.

— Рад бы, Исламбек, но у Бехбуда дел по горло. Еще мартовская история. Что касается твоих способностей, то, пожалуйста, не скромничай. Думаешь, Теремок мало значит? Ты еще сам не знаешь, что можешь. Надо учиться, ты — чекист. Раскручивай клубок до конца, а насчет женских штучек. Что ж, держи ухо востро. Дама она весьма приятная. И отличная актриса.

— Понятно, товарищ наріком.

— Давай, Ислам. Защищай революцию.

Джапаридзе уехал. Когда Исламбек вернулся, в кабинете уже ждала Ермакова. В этой поблекшей, с блуждающими глазами женщине трудно было узнать Светлану. Не ожидая приглашения, она села на стул и упрямо смотрела мимо Исламбека.

— Может быть, вы, наконец, объясните, — она трагически вскинула брови, — чем я так прогневала Советскую власть? Неужели дошло до того, что начали арестовывать женщин? И зачем тут конвоир с оружием? Это угроза?

Карабаглы взглянул на Аслана. Аслан покшел. Исламбек долго молчал.

— Я должен еще раз допросить вас, — сказал он просто. — Но из уважения к вам, женщине, я нарушу правила. Если угодно, задайте вопросы вы. Я постараюсь на них ответить.

Такого оборота Светлана не ожидала. Она приготовилась к крикам, оскорблениям, унижительным намекам. Что это: ловушка?

— Я жду, Светлана Тихоновна, — спокойно произнес он. — Не будем терять времени.

— У меня нет вопросов. Пожалуйста, делайте свое дело. Ведь за муки, которые вы причиняете мне, вас ждет награда. Исламбек нахмурился. Начинаются штучки.

— Зря вы играете в слова. Ваши муки никому не нужны. Наше дело — оградить республику от ножей, нацеленных ей в спину.

— Но при чем здесь я? Я женщина и совсем не политик. И уж тем более не «контра», как у вас выражаются. За что же меня арестовали, за что?

Исламбек долго искал короткий и точный ответ на этот прямой вопрос, но так и не нашел.

— За контрреволюционную деятельность.

— Я? — Она вскочила со стула.

— Не надо сцен, Ермакова. На меня это не действует. Я знал вашего отца, капитана первого ранга. Он часто бывал у нас дома и восторженно рассказывал о веселой и шаловливой девочке. — Светлана закрыла лицо руками. — Это было совсем недавно. Он вас очень любил, ваш отец. Называл умницей. И очень переживал, что вы в восемнадцать лет вышли замуж за капитана третьего ранга Ермакова. Если я не ошибаюсь, капитану тогда уже было лет сорок.

— Вы... вы... — забормотала она. — Это вас не касается.

— Пожалуй. Но мне было по-человечески интересно, кем стала умная и счастливая девочка? Наверно, вам были неприятны встречи со мной. Вы всегда старались уйти. Почему? Я видел, как смотрят на вас мужчины. В общем, не совсем деликатно. А вам это, видимо, нравилось, и скрываться от них вы не торопились.

Я думал... Неужто я внушаю вам страх только потому, что я «красный», как называют нас. Но ведь и ваш муж депутат Баксовдепа? — Исламбек почувствовал, что уходит в сторону от чего-то важного. — В общем, боялись вы меня потому, что совесть была у вас не чиста, Светлана Тихоновна. Мне, правда, было обидно, что вы путаетесь с авантюристами типа Джунковского... А сейчас пытаетесь играть слабую, беззащитную женщину.

— У вас нет оснований так думать обо мне. Вы права. Я... — она не договорила.

Исламбек следил, как ее тонкие первые пальцы мнут кружевной платок.

— Знаете, Светлана Тихоновна, мне очень не хотелось бы ошибиться с вами. Я честно стараюсь понять, кто вы, к чему стремитесь. Дело совсем не в том, что вы — дворянка. Я тоже сын бека. Ради чего вы играете с огнем? Мы разрушили вашу семью?

— Нет.

— Вас выселили из квартиры?

— Н-нет.

— Вас лишили возможности работать, отняли кольца, копировали эти дорогие ваши меха?

— Нет. К чему вы это...

— Чем же вас обидела Советская власть? Посягнула на ваше достоинство? Преследовала мужа?

— Н-нет. — Ермакова встала.

— Сидите. Мне, собственно, все и так известно. Известно, с кем вы встречались в Мулен Руж, почему подсунули снотворное нашему сотруднику, как очутились в Теремке и о чем беседовали с господином Джунковским... Все это теперь неважно. Но неужто вы я вправду думали, что так легко арестовать товарища Шаумяна и совершить переворот? Ладно...

Он снял трубку.

— Пришлите конвой.

Ермакова вскинула брови.

— Это что? Вы не хотите меня допрашивать?

— Не хочу. Я вам не верю.

— Вы не имейте права! Я скажу, все скажу. Вы слы-
те? — Она всхлинула.

— Отставить койвой, — сказал он в трубку и подал Ерма-
ковой стакан. — Успокойтесь, пожалуйста.

Она сделала несколько глотков, платочком вытерла углы
губ.

— Мне действительно двадцать лет, господин Карабаглы.
Вы точны. Поверьте, я все понимаю. Но я запуталась. Если вы
готовы мне поверить... Завтра, на десять утра назначен ми-
тинг. Это на бульваре, против дома Иса-бека Гаджинского.

Светлана рассказывала коротко и точно. Исламбек слушал,
поражаясь ее осведомленности, глубине характеристик и уму—
трезвому, с изрядной долей цинизма.

— Вот и все. — Она вздохнула. — Я ничего не хочу, госпо-
дин Карабаглы. Устала.

— Только один вопрос. Где может быть господин Джун-
ковский?

— Полагаю, этот бонапарт сбежал.

* * *

Исламбек сразу же отправился в гостиницу «Европа». Его
интересовал десятый номер на втором этаже. Как и следовало
ожидать, Джунковского там не было.

Под утро он вывел свой отряд из казарм и занял Губерна-
торский сад. Часть отряда во главе с Асланом он оставил в
саду, другой приказал занять позиции в Крепости, сразу за
гостиницей «Лион». Сам же, отобрав лучших бойцов, поска-
кал к пристани «Кавказ и Меркурий».

Глухо и тревожно кричали гудки. Начал завод братьев
Нобель. К нему присоединили свои голоса заводы Хатисова,
Шиббаева, Ротшильда, Бенкендорфа. К бульвару потянулись
какие-то люди. Они собирали вокруг себя публику и громко
читали составленную кем-то резолюцию.

«Общее собрание Каспийской флотилии просит товарищей
рабочих и фронтовиков делегировать по одному человеку от
каждых двух сотен рабочих и по одному красноармейцу от
каждой роты или батареи на общий митинг, созываемый для
обсуждения и обмена мыслями по вопросу о текущем моменте
и охране города от неприятеля. Местом митинга назначается
Морской бульвар. Время — среда, тридцатого мая по старому
стилю, в десять часов утра.

Председатель *Аникин*.
Секретарь *Игнатов*.»

На некоторых заводах эсерам и кадетам удалось провести выборы делегатов. Многие, однако, недоумевали: почему вдруг выборы? Кто их назначил? В Совпаркоме и Бакинском Совдепе звонили телефоны. Всем отвечали, что никаких выборов не будет и что назначенный якобы митинг — провокация.

Исламбек расставил пикеты в районе пристани, приказав останавливать проходящих и, если они окажутся делегатами, объяснять, что митинг не состоится. Так удалось вернуть на заводы около ста делегатов.

На канонерскую лодку «Ардаган» поехали Ширвани и комиссар портового участка. Они очень быстро выяснили, что никакого собрания на корабле не было. Как же в город попали бланки «Ардагана»? В кают-компанию пригласили капитана, комиссара корабля и председателя матросского комитета. Ширвани показал им несколько бланков, попросил прочесть.

— Народный комиссар по внутренним делам Джапаридзе спрашивает, почему «Ардаган» выступает от имени всей флотилии и чья это инициатива?

Капитан и комиссар переглянулись. Председатель матросского комитета — широкоскулый, большерукий боцман повертел бланк в руках.

— Братцы, не ломайте голову. Есть у нас на корабле один, это самое, механик Кириченко Степан Федотыч. Вчера принес ко мне в каюту четыре ведра водки. Говорит, что он, самое, именинник. Угостить хочет. Ну, собрались ребята, выпили, это самое... немного. А Степан Федотыч и говорит значит мне... В порту, дескать, ходят слухи, что объявились немецкие шпионы и хотят взорвать «Ардаган». Мы его насмех. А он свое гнет. Надо де сняться с якоря и стать против бульвара. Там, говорит, это самое, безопасней будет. Ну, мы на него навалились — кто, говорю, панику разводит? Давай, говорю, выкладывай. Молчит. Тогда братва его схватила и в карцер. Думаю, пушай, это самое, до утра отдохнет. Может, вспомнит. Вам виднее, только чую, про бланки эти он знает. Сейчас мы его в аккурат сюда, это самое, доставим.

— Тащи сукина сына, — распорядился комиссар портового участка. — Почему мне не доложено?

В десять утра на бульваре появилась группа людей. Впереди шел человек с желтым портфелем под мышкой. Рядом держался некто в военной форме, но без погон. И сразу же подкатил грузовик. С него сгрузили столы, поставили их пос-

редн аллен, накрыли красным полотнищем. Человек с желтым портфелем, беспокойно озираясь, пересчитал потянувшихся к столу людей. Голубицкий подошел вплотную, зашептал на ухо:

— Уже одиннадцать, а почти никого нет.

— Ничего, не беспокойтесь. Все будет в порядке. Не понимаю, почему до сих пор нет «Ардагана».

— Вы только этого не понимаете? А то, что господин Джунковский испарился, Дегтяревских нет дома — все это вас не волнует?

— В гостинице были?

— И не думал. Бурбон визиток не оставил. С меня довольно военной комендатуры, беседы с известным вам Авакяном. Сомов сидит, Ермаковы арестованы, фронтовиков нет. Зато Шаумян в полном здравии.

— Подпоручик Голубицкий, успокойтесь. Скоро подойдут делегаты, подтянется «Ардаган». Подготовка проведена независимо от Джунковского. Во всяком случае наркомом являюсь я!

— Что ж, посмотрим... господин нарком.

Прошел час. Жалкая кучка людей, в основном зевак, начала откровенно скучать. Тот, что называл себя наркомом, теперь сам подозревал Голубицкого.

— Взгляните, — он весело показал на группу рабочих, подходивших к бульвару. — Что я вам говорил? С полсотни делегатов. Бегите скорее в «Кавказ и Меркурий», узнайте, от них идут? И распорядитесь, пожалуйста, от имени комиссара по внутренним делам, чтоб дали тревожный гудок.

— Слушаюсь.

Вскоре запыхавшийся Голубицкий вернулся.

— На «Кавказе и Меркурии» сказали, что такого комиссара, вас значит, не знают и знать не хотят.

— Ничего, скоро узнают.

Подбежал связной, щепнул Голубицкому:

— Механик с «Ардагана» арестован, корабль с якоря не снимается. Провал.

— Похоже, что так. Дуй-ка, братец, отсюда. И я следом. А то нас прихлопнут здесь вместе с этим болваном.

Пробираясь к выходу из аллеи, Голубицкий с горькой усмешкой следил, как беспомощно суетится Иванов, перекладывая желтый портфель. Когда к аллее подъехали всадники, Голубицкий уже был на Набережной и шагал в сторону Ольгинской.

Исламбек спрыгнул с коня, подошел к столу.

— Вы будете эсер Иванов, работник ВРК?

— Что надо, товарищ? — Тот встал из-за стола, прижал портфель к груди. — Допустим. А кто вы?

— Уполномоченный Чека Исламбек Карабаглы. Сдайте бойцу портфель. Именем революции вы арестованы.

— Я протестую. Мы проводим митинг по поручению Каспийской флотилии. И комитета фронтовиков.

— Не устраивайте цирк, Иванов. Собирайтесь.

Делегаты с интересом прислушивались к беседе. Исламбек поднял руку.

— Товарищи, кто у нас председатель Баксовнаркома?

— Степан Шаумя-я-ян! Товарищ Степан.

— А кто народный комиссар по военным делам, председатель ВРК армии?

— Корганов. Григорий.

— А вот этот товарищ объявил себя народным комиссаром вместо Шаумяна и Корганова.

Иванов, поблескивая стеклами очков, закричал:

— Вы не имеете права. Это представление.

— Молчать, — сказал Исламбек спокойно. — Взять этого мерзавца.

— Так его!

— Правильно!

— Долой контру!

Не успев открыться, митинг закрылся. Несколько подозрительных людей отправили в Чрезвычайную комиссию. Через час из здания вышли Исламбек и Светлана Ермакова. Исламбек помог ей сесть в фаэтон, осторожно пожал протянутую руку.

— Надеюсь, Светлана Тихоновна... ничто не проходит бесследно. Будьте благоразумны.

— Спасибо вам, комиссар.

Глава VIII. На станции Мюсюслы

Теймурбек, звеня шпорами, взбежал по широкой лестнице губернаторского дворца. Полковник Эфенди-заде с удовольствием оглядел молодцеватого офицера, поправил пальцем пышный ус и одобрительно хмыкнул.

— Это вы — Теймурбек?

— Так точно, господин полковник.

— Говорят, ваш Кара Мусабек в Истамбуле. Это сию?

— Так точно. Уже второй месяц. По торговым делам.

— М-да... Что ж, хорошо. Садитесь, поручик. Вас рекомендовали генерал Талышханов и Али Марданбек. Я знаю, что вы отважны, преданы делу. Стало быть, на вас можно положиться. Но... меня несколько смущает ваш брат. Ведь он служит в советской контрразведке, не так ли?

Теймурбек побагровел, скривил губы. Начальник разведки мусаватской армии усмехнулся.

— Ничего, поручик. Это не главное. Дни Советов сочтены.

— Так точно, господин полковник. А насчет брата...

— Не нужно, поручик. Мы знаем о ваших отношениях.

Эфенди-заде позвонил по телефону.

— Решаю, ваше превосходительство...

Лоб Теймурбека покрылся испариной. «Неужели не верят? Чтоб этот Исламбек сгорел. Сколько унижений...»

— Подойдите, поручик! — сказал властный голос.

Он шагнул к окну, стал рядом с полковником. Под тенстыми кленами ждали оседланные лошади, слонялись люди папах и черкесах.

— Это конный взвод особого назначения. Вручаем его вам, поручик. Немедленно отправляйтесь на станцию Мюсюслы, в распоряжение штаба командующего мусульманским корпусом князя Вахтанга Магалова. Ваши функции — захват пленных, допросы, получение разведанных. Большевиков и комиссаров не шадить, разумеется.

— Ясно, господин полковник.

Эфенди-заде вручил ему предписание, и Теймурбек, едва сдерживая радость, стремительно вышел из кабинета. В этот же день взвод Дикой дивизии поручика Карабаглы покинул Елизаветполь.

Надежды Вахтанга на Монте-Карло и Ниццу, генеральские погоны и счет в швейцарском банке заметно потускнели. С того дня, как фон Лютцер торжественно обещал ему победы, прошло немало времени. Однако штаб, как на якоре, стоял в Мюсюслах. Бежали дни — до дурноты жаркие, унылые, заполненные пустой суетой и ожиданием донесений разведки.

Раздраженно выколотив трубку, князь хмуро оглядел начальника штаба Акакия Сидоровича.

— Что, опять затишье? Не понимаю, о чем думают там, в Гяндже? Долго еще сидеть в этой дыре и кормить проклятых комаров? Какое нынче число?

— Девятое июня, господин командующий.

— Девятое? Черт, время ползет как черепаха.

— Надо бы разведку послать, господин командующий.

В дверь постучали. Вошел адъютант.

— Поручик Теймурбек Карабаглы. Из Гянджи.

— Наконец-то. Зовите. Один?

— Никак нет. Взвод кавалерии.

— Прекрасно.

Теймурбек еле стоял на ногах, но под взглядом командующего подтянулся и браво отдал рапорт. Князь подозвал его к карте, лежащей на столе.

— Взгляните сюда, поручик. Позиции красных проходят по линии Шемаха, Карамарьян, за Керером, у Кара-су и Аджикабула. Меня интересуют Геокчай и Кюрдамир. Понимаете? Крайне нужны сведения о силах красных и их намерениях.

— Ясно, господин командующий.

— Взять языка, разговорить! А что в Гяндже?

— Идет подготовка. Прибыл Нури-паша с штабом. Формируются войска. Днями начнется наступление. Думаю, в ближайшие дни мы будем в Баку.

— Ну-ну! — Умный, чуть иронический взгляд полковника задержался на лице Теймурбека. — Вы уверены в этом?

— Как в самом себе, господин командующий.

— Молодец! Орел! Если возьмем Баку, обещаю вам золотой Георгий и звание ротмистра.

— Покорно благодарю.

— Ну, хорошо. Готовьтесь. Как только стемнеет, выступите. К утру жду точных разведданных.

Гордясь своей новой должностью, Теймурбек забыл, что за его спиной всего-навсего взвод диких конников и держался с такой уверенностью, будто вел в наступление корпус. Глубокой ночью он приблизился к Петропавловской, обошел ее и двинулся к Аджикабулу. И здесь, в десяти верстах от станции, отряд наскочил на засаду красных. Пулеметы, замаскированные на вершине холма, открыли убийственный огонь. Конники повернули и обратились в бегство. Грозя револьвером, Теймурбек попытался их остановить, но шальная пуля ударила в плечо. От острой боли он едва не выронил повод. Своя или чужая пуля пашла его в темноте?

Всю ночь Теймурбек гнал коня, проклиная свою судьбу и эту дурацкую затею с языком. Выходит, штаб князя Вахтанга только тем и занимался, что ожидал информации о противнике? Искали дурака, чтоб полез в костер прикурить папиросу? В самом деле, почему за этим проклятым языком послали именно его, Теймурбека? И как теперь объясняться с этим пучеглазым, важным как индюк князем? О, черт...

Он вошел к командиру прямо как был, в забрызганной грязью черкеске. Заметил мелькнувший в дверях пестрый халат, пушистую косу, запах дорогих духов, нетрезвые глаза князя.

— Что? Неудача?

— Красные перешли в наступление. Мы приняли неравный бой. Я ранен. Оставил людей, чтобы предупредить. Не знаю, как добрался. Проклятые гяуры! Простите, господни полковник... Жизни не пожалею.

Князь отвернулся. Пальцы крутят шую трубку. Буркнул, не глядя:

— Хорошо. Идите, поручик.

«Выскачка, — зло думал Теймурбек, покидая увешанный коврами вагон командующего. — Выскачка и бабник. Даже не спросил, куда ранен. Плевать. На нашей крови карьеру делает. А мне не везет, фатально не везет».

Сочиненная Теймурбеком версия была, однако, не так уж далека от истины. Именно в эту ночь первая бригада Красной Армии начала по приказу Корганова наступление в районе Аджикабула. Теймурбек, конечно, этого не знал. Как не знал и того, что в столкновении со стороны красных участвовало лишь пять человек — разведпикет с одним ручным пулеметом.

Неожиданно его вызвал командующий и приказал сопровождать в район Кюрдамира. Здесь был передний край мусульманского корпуса. Ходили слухи, что в частях паника, солдаты разбегаются.

На месте все оказалось еще хуже. Разъяренный Вахтанг двое суток носился по позициям, сам расстрелял двух дезертиров. Теймурбек следовал за ним как тень и видел больше, чем ослепленный яростью князь: холод в глазах офицеров, злые взгляды солдат.

Возможность распоряжаться чужой жизнью всегда действовала на Теймурбека возбуждающе. Он избил до беспамятства немолодого конюха только за то, что недостаточно быстро убрал повозку с дороги. Второго, когда тот попробовал вмешаться, поручик просто застрелил.

Одиннадцатого июня утром кавалерийские части Красной Армии при поддержке броневиков штурмом овладели станцией Сыгырлы. Отступая, войска Дикой дивизии взрывали пути, угоняли скот, грабили и разрушали дома. Особенно тяжелым был бой за Кюрдамир. Но наступление велось непрерывно. Армия Вахтанга разваливалась.

Однако Совнарком допустил серьезный просчет. Командование бригадами было доверено дашнакам — Казаряну, Аветисову, прожженному авантюристу хмбаету Амазаспу. Они вели сложную двойную игру, вовсе не желая выполнять планы командования.

Овладев Кюрдамиром, Амазасп самовольно повернул на северо-запад — к селу Карамарьян, на пути в Геокчай. Вторая бригада корпуса двинулась вдоль железной дороги к Мюсюслы. Не понимая смысла этих маневров, князь Вахтанг озверело метался по станции, ругая «безголовых мусавистов» и пытаясь укрепить позиции, остановить охваченных паникой солдат. Теймурбек, рядом с командующим чувствуя себя в безопасности, попрежнему не отставал от него ни на шаг.

Из штаба мусульманского корпуса один за другим мчались курьеры. Командующий требовал у генерала Талышханова подкреплений. Генерал, однако, отмалчивался.

Князь Вахтанг поднялся к себе в вагон, вызвал полковника Христофорова и Теймурбека. Обернув шею мокрым полотенцем, он метался в узком коридоре вагона. На приветствие не ответил, пинком ноги придвинул к столу массивное кресло.

— Садитесь, полковник Христофоров, и пишите приказ... — Тот поспешно открыл блокнот. — Пишите. В связи с изменением обстановки на фронте, приказываю... упразднить особый отдел и образовать отделение контрразведки фронта... на которое возложить борьбу с дезертирством, паникой, вражеской агитацией и диверсиями. Всех лиц, независимо от ранга и заслуг, нарушивших приказы командования, расстреливать на месте. Без суда и следствия. Далее... Начальником отделения контрразведки назначить ротмистра Карабаглы.

— Господин полковник, я ведь поручик, — задыхаясь от радости, напомнил Теймурбек.

— Я сказал — ротмистр! Надеюсь, оправдаете?

— Слушаюсь.

— Итак, пишите. Приказ вручить ротмистру, Гянджу.

Принимая приказ, Теймурбек поклонился, быстро вышел из вагона и сразу же приступил к обязанностям начальника отделения контрразведки.

Наконец в штаб поступило сообщение, что на помощь движется колонна турецких войск. Облачившись в парадный мундир, князь Вахтанг провел день в напряженном ожидании. Но никто не появился. Посланная навстречу разведка вернулась ни с чем. С наступлением темноты полковник решил объехать позиции. То, что он увидел, наполнило его таким отчаянием, что он повернул обратно.

Местность вокруг станции была болотистой. Тучи комаров висели над людьми, доводя их до истощения. В воздухе стояло зловоние, очередная вспышка кишечных заболеваний. У костра ему пришлось вмешаться, чтобы предотвратить драку — бились из-за украденного в селении барана. Нехватало продовольствия, медикаментов.

За этот час полковник осунулся, почернел. Вернувшись, он вызвал адъютанта и долго молчал, упорно глядя на застывшего в уставной позе офицера. Заговорил тихо, поглядывая на завешанную ковром узкую дверь.

— Штабс-капитан, сядьте и слушайте внимательно. Вы верно служили мне. Были рядом в самые трудные дни, спасибо. — Он наполнил стакан вином, протянул адъютанту, сказал просто: — Выпей. Кахетинское. Здесь такого не бывает. Пей, пей. — Пригубил и сам. — Я знаю, у тебя семья в Тифлисе. Жена, дети. Поедешь туда. Поедешь с делом, которое только тебе могу доверить. Отвезешь секретные пакеты генералу фон Лютцеру и господину Жордания. Выезжай сейчас же. Через Евлах и Гянджу. Из Тифлиса телеграфируй мне. — Штабс-капитан вскочил, щелкнул каблуками. — Стой. И еще... С тобой поедет госпожа Доридзе. — Он нервно зашагал по купе. — Чтоб ни один волос, понимаешь?

— Есть.

— Ступай, генацвале, готовься. А. Теймурбека ко мне.

Поручение князя Теймурбек выполнил точно. Дрезину сопровождало отделение отборных кавалеристов.

На подходе к Мюсюслы части Казарова неожиданно столкнулись с упорным сопротивлением. Вместо того, чтобы обойти линию обороны и ударить по флангам (Казаров знал, что части противника дезорганизованы), бывший царский полковник бросил солдат в лобовую атаку. Погибло более трехсот

красноармейцев. Только тогда пришел приказ окапываться...

Наступление захлебнулось. Амазасп, Казаров и Аветисов этим воспользовались. Именно в эти июньские дни дашнакские офицеры совершили вероломство, поставив под удар пролетарский Баку.

Через Евлах проследовало несколько эшелонов — пачалы, наконец поступать подкрепления. Одна из турецких частей — к радости Вахтанга — прибыла в Мюсюслы, другая, численностью в две тысячи аскеров, заняла передовые позиции и участок у Геокчая. Бой турок с бригадой Амазаспа длился несколько часов. Усталые, голодные, измученные жаждой бойцы выдержали яростный натиск янычаров и перешли в контратаку. Опрокинув противника, они взяли Карамарьян. Турки, впервые почувствовав силу ударов Красной Армии, откатились к Геокчаю...

Однако 17 июня на мюсюслинском направлении красноармейцы впервые столкнулись с откровенным предательством. 21-й красный батальон перешел в наступление, чтобы вклиниться в позиции мусаватско-турецких войск. Отдельной роте, состоящей из меньшевиков, эсеров и дашнаков, Казаров приказал прикрыть левый фланг.

Вахтанг своевременно узнал о наступлении. В частях распустили слух, что мусаватской разведке удалось взять языка. Что «язык» этот был перебежчиком, знали только командующий и Теймурбек.

Батальон, уверенный в своем левом фланге, яростно атаковал и вклинился в оборонительные рубежи противника. И попал под перекрестный огонь — отдельная рота неожиданно оставила позиции и отошла. Батальон потерял около двух взводов.

Сообщение об этом предательском отступлении было передано Корганову. Роту, во главе с Египшем Тер-Саркисяном, бывшим поручиком царской армии, немедленно отозвали в Баку и отправили на остров Нарген...

Глава IX. Друзья и враги

Закавказский сейм, разьедаемый внутренними противоречиями, прекратил существование. Но свое дело он сделал — объявил об отделении Закавказья от Советской России. Дашнаки, меньшевики и мусаватисты бросились на поиски иностранных покровителей.

Из зашифрованных сообщений Джапаридзе знал, что обстановка в Елизаветполе и Тифлисе приобретает определенность. Тифлиссские меньшевики, решившись на открытое предательство, впустили в Грузию немцев и турок. Турецкие войска двинулись дальше, в Азербайджан, оставляя кровавый след от Карса и Александрополя до Дилиджана, Казеха, Акстафы...

«Освободители» шли из Персии на Шушу и Евлах. Эривань занял Шукри-паша, которого сопровождал Наджаф-бек Гусейн-заде. Став вице-губернатором, он организовал погромы в армянской части города. Весть об этом дошла до предгорий Арабата, где сосредоточил свои силы генерал-майор Озоян, которого называли Андроником. Бывший генерал баратовского корпуса, ставший союзником Денстервиля, он разбил турецкие войска и занялся уничтожением мусульманских сел.

В Елизаветполе беззастенчиво и ловко «работал» Нури-паша. В Евлах прибыл крупный турецкий отряд — более семи тысяч солдат. Среди офицеров — не только турки, но немцы и белые. За всем этим угадывались далеко идущие намерения. Барон сообщал, что турки стремятся превратить Елизаветпольский уезд в свой вилайет с собственным административным аппаратом. Первым шагом в этом направлении было создание Гянджинской губернии.

Дальнейшие шаги задерживались — мешал мусульманский национальный совет, находившийся под влиянием Мамед Эмина. Нури-паша требовал ликвидации совета, его горячо поддерживал Ризабек Селимбеков. Барон считал этого короля цветов, выращивающего орхидеи и с пренебрежением говорящего о политике, одним из самых доверенных людей Энвер-паши, резидентом по Азербайджану...

Мамед Эмин отлично понимал, что идет против течения. Однако, выступая перед внушительным меджлисом, спешно созданным Нури-пашой, он постарался внушить залу тревогу за судьбы азербайджанского народа. Его слушали. Слушали все эти беки, ханы, полковники и генералы, целое полчище принцев — отпрысков Каджара. Но от этой тишины в зале веяло холодом и снисходительностью — вежливая дань авторитету главы мусаватской партии, его уму и прошлым заслугам. А иттихадисты — правое крыло панисламистов — вообще не желали его слушать.

Мамед Эмин, обладавший редкой интуицией, держался с достоинством. Когда он шел по проходу, поглаживая седую прядь над багровым от волнения лбом, многие в зале пере-

глянулись. Положим, здесь, в Гяндже, с ним можно не очень считаться, но разве он не остается лидером партии? Настораживало и то, что Мамед Эмин вежливо, но решительно отклонил приглашение самого Нури-паши «осчастливить своим присутствием» званый вечер, сообщив, что в тот же день отбывает в Баку. Попробовали в перерыве хоть что-то выудить у секретаря партии Аббас Кули. Секретарь, не разжимая тонких губ, лишь пожал плечами.

Да, можно было лишить Мамед Эмина поста председателя, но даже противникам приходилось считаться с авторитетом признанного лидера партии. Все ждали, что в речи он непременно коснется недобрым словом новоявленного председателя. Они не прочь были раздуть неминуемую ссору Мамед Эмина с ханом Хойским. Однако Расул-заде снова обманул ожидания. Он с сочувствием отозвался о тяжелой ответственности, возложенной на Фатал-хана и призвал к единству.

В зале волновались. Нури-паша покинул собрание, чем-то явно озабоченный. Мамед Эмин, прощаясь, публично пожал руку Фатали-хану Хойскому...

Над разогревшимися крышами Гянджи повеяло, наконец, вечерней прохладой, ароматами остывшей степи, горячего чурека, раскаленных самоварных угольков.

Вестибюль губернаторского дворца заполнялся гостями. Отражаясь в сверкающей глади паркета, медленно плыла по кругу людская карусель. Можно было подумать, что все заняты лишь одним — предвкушением праздничного ужина.

Ужин и в самом деле был хорош. Но Ферик Нури-паша упорно хмурился, с подчеркнутой вежливостью отвечая на любезности Фатал-хана. Только неугомонный Ризабек Селимбеков, живо жестикулируя, говорил и говорил, будто не замечая молчания Нури-паши.

На него посматривали. Смуглое под красной феской лицо с резкими, жесткой лепки, чертами, как и непостижимо стремительная карьера, привлекали многих. Взлет генерала объясняли влиянием младшего брата, некоронованного султана Турции Энвер-паши, которому, дескать, выгодно было двигать старшего и заодно держать подальше от Стамбула.

Но говорили и другое. Нури-паша обладает несравненными талантами в сфере интриг и шпионажа, что он, совершенно не выносящий крови и ран, блестяще владеет искусством организации погромов. Именно поэтому ему придан целый корпус пантюркистских эмиссаров, разведчиков и диверсантов, которые все глубже проникают в Азербайджан и Дагестан.

Отсвет загадочной личности Нури-паши лежал и на его собеседниках. Впрочем, знающие люди и без того с интересом поглядывали на Селмбекова, повторяя его знаменитые слова: «Ах, не говорите мне о политике! Мое дело — цветы». Мамед Эмина он ненавидел и лишь ждал случая. Но и сегодня, когда случай как будто представился, он промолчал. Цветы приучили его к терпению и осторожности...

О Фатали-хане Хойском говорили, что в Гянджу он попал из персидской провинции Хой, что ханское происхождение его весьма сомнительно, что при царе он был просто присяжным поверенным. Любопытно, однако, что Мамед Эмин, не очень-то благоволивший Фатали-хану, не однажды пытался использовать эту фигуру в сложных политических ходах. Как-то Мамед Эмин бросил в запальчивости, что единственное достоинство хана Хойского — твердолобость.

— Не понимаю, господа, — продолжал оправдываться Ризабек, — в чем мы виноваты? Аллах свидетель, я всей душой почитаю уважаемого Мамед Эмина. Но его сегодняшняя речь! Уму непостижимо. Позволить себе такое! — Он покосился на Фатали-хана. — Назвать Азербайджан малым ребенком, которому грозит гибель. К примеру, вы, дорогой Фатали-хан... Вы поняли, что он сказал о вас?

Фатали-хан чуть заметно кивнул.

— Да, Ризабек, понял.

Ризабек не почувствовал, что Хойский насторожился, упорно пытался разговорить собеседников.

— Я понимаю, он раздражен, устал от неудач. Но кому, собственно, сейчас легко? Большевики оторвали нас от родных гнезд, натравили армян на мусульман... Ужас! — Он истерически вскинул руки. — Я плохо разбираюсь в политике и не член партии. Что нам, беспартийным, нужно? Покой. Порядок. Уважение к законам предков. А тут упрекн, угрозы... Да кто нам может угрожать, когда за нами великая Турция! Непоколебимая Германия! Не так ли, эфенди Ферик?

Генерал, заложив руки за спину, отошел от окна. Его твердо сжатые губы тронула едва заметная улыбка.

— Мы, турки, лишь исполняем свой долг. Свой долг единоразовцев, Ризабек. Думаю, не следует так переживать из-за не совсем обдуманного заявления Расул-заде.

— Чего вы хотите, господин Ризабек? — вмешался хан Хойский. — Вы так откровенно радуетесь роспуску национального совета. Неужели только потому, что его возглавлял Расул-заде?

Ризабек изобразил удивление.

— О, вы меня неправильно
Эминна...

Мудрость Мамед

Фатали-хан замедлил шаг, и оказавшись за спиной генерала, спросил в упор:

— Вы хотели бы вернуться в Баку?

— Разумеется. И не сомневаюсь...

— В таком случае, — холодно, свистящим шепотом оборвал Фатали-хан, — я не советовал бы вам так (это «так» прозвучало почти угрожающе) склонять имя лидера партии, в которой я имею честь состоять, гос-по-дин Селимбеков.

Генерал сделал вид, что не слышал этого напряженного диалога.

— Господа, эфендияр. Мне кажется, перерыв затянулся. Не угодно ли вам, господин Хойский, продолжить заседание. Огласить имена членов нового правительства?

Хойский побледнел. Он всегда бледнел в минуты напряжения или растерянности.

— Мне? Но я... Я не имею полномочий премьера.

Нури-паша чуть склонил голову, увенчанную феской.

— Да, но скоро вы их получите. Надеюсь, вы не возражаете против наших рекомендаций?

— Понятно, генерал.

Фатали-хан щелкнул каблуками. Деловито зазвонял колокольчик, возвещая конец перерыва.

Провожали Мамед Эминна лишь несколько близких друзей. Но и те ушли, не дожидаясь отхода поезда. Чтоб не видеть эту быстро таявшую группу, Мамед Эмин задернул занавеску, выбрал место в затененном углу. Даже для них он не представляет интереса. Что-то вроде мертвого льва, который все-таки лучше живой собаки... Сегодня вечером они будут голосовать за новое правительство Хойского.

Что ж, он не обманывался насчет коллег по партии. Ограниченные, косные, они нередко остряли за спиной по поводу его, Мамед Эминна, интеллигентности: «Наш просвещенный председатель...» Неужели им ближе чванливый Исмаилхан Знатханов — мастер убийств и насилий, в промежутках между кровавыми расправами ревностно творивший намаз?

Если бы большевик Ленин не был блестящим философом и экономистом, вряд ли ему удалось бы повести за собой интеллигентных соратников, многомиллионный народ России. Распустить национальный совет, не посоветовавшись с Мамед Эмином, его создателем! Стадо, оставшееся без пастуха. Без

мозглые авантюристы, ослепленные алой феской Нури-паши. И все во имя «народа». Несчастный, сбитый с толку, продаваемый и предаваемый народ... Ох, как прав Нариманбек. Как он прав. Но обратной дороги нет.

Мамед Эмин вздохнул. Аббас Кули осторожно дотронулся до его руки.

— Может быть, лучше лечь? Вам нехорошо?

Расул-заде ничего не ответил. Светлые глаза упорно смотрели на спутника. От этого напряженного, немигающего взгляда Аббас Кули стало не по себе. Он с усилием отвел взгляд, повернулся к окну.

Больше часа в одном купе, а он молчит. Будто случайные попутчики, с обидой думал он, с завистью прислушиваясь к оживленному говору за стеной. Всегда так. Не поймешь, слышит он тебя или думает о своем. А ведь сколько лет вместе! Все думают, что он, секретарь партии, знает своего председателя вдоль и поперек. «Да, конечно», — подтверждал он. Но это неправда. За годы работы Аббас Кули убедился, что председатель доверяет ему, даже по-своему дорожит. Насколько он, вообще, может кем-либо дорожить... Однако он ничего не может предугадать, проникнуть сквозь неизменную маску сдержанной деловитости.

Почему он молчит второй час? Вспоминает свое выступление? Думает о том, что ждет их в Баку? Жалеет, что затеял этот никому не нужный отчет в провале, последствия которого и так очевидны? Чего собственно добивался он этой встречей в Гяндже? Скорее всего опасался, что его сочтут трусом, ушедшим от ответственности. А они — все эти Хойские, Рафибековы, Хасмамедовы — с нетерпением ждали, когда он кончит, речь его была для них, как затянувшаяся молитва над покойником. Кажется, заснул...

— Вы не помните, милейший, — негромко спросил Мамед Эмин, — кто из русских писателей сказал, что воровство — это честолюбие, призвание, фантазия, изобретательность? И вдохновение?

Кязим-заде качнулся вперед, с усилием стряхивая дремотное бездумье. «Не спит. Слава аллаху, заговорил. Вопрос, как всегда, неожиданный. Причем тут воровство?»

— Нет. Не помню.

Мамед Эмин продолжал, не поднимая темных, чуть подрагивающих век.

— Ничего подобного я в них не обнаружил. В тех, кто остался в Гяндже. Мелочь. Все на поверхности. Своя шкура.

Свой живот. Свой карман. А я всегда считал, что партия сильна идеями, идеалами, высокой целью...

Зачем он говорит эти красивые слова? Идеи — это хорошо. Но к идеям и к высокой цели нужны миллионы, которых у него нет и никогда не было. Маленький одноэтажный домишко в Баку. Ничего, кроме светлой головы не унаследовал от предков...

— Да-да... У вас хорошо прозвучало, — сказал он вслух, — что Азербайджан — новорожденное политическое дитя, что его еще нужно довести до совершеннолетия. Точно и образно. Бронзовое лицо Мамед Эмина оживилось.

— Им этого не понять. Но я всегда верен себе. Аббас Кули. Да, у меня нет счета в банке. И розовых плантаций нет. Но ни за какие миллионы я не пойду на народ со штыками. Это мой народ.

«Нехватало, чтобы он читал мысли», — Аббас Кули отвел взгляд в сторону.

— Никогда не пойду. Когда-нибудь, когда нас не будет и сегодняшний день станет историей, нас будут судить совсем другие люди. Так вот Мамеда Эмина Расул-заде в этом никто не обвинит. В ошибках — да. А в этом...

И вдруг Аббас Кули почувствовал жалость. Да, жалость к этому седому, страдающему бессонницей человеку. Только сейчас он понял, какая боль скрыта за внешней невозмутимостью, как пристрастно и жестко судит он каждый свой шаг по пути к поражению...

Вам худо, почтенный. Очень худо, думал Аббас Кули, дрожа от обиды за этого умного, гордого, дальновидного человека. Ему хотелось говорить, спорить, доказывать, что все не так. — Зачем вы позволили себе (он даже мысленно не смел обратиться к Мамед Эмину на «ты») этот поклон хану Хойскому? У меня в портфеле запись вашей последней речи. Запись, которую я должен сохранить для истории. Вы сказали: «Под тяжестью возложенной на него ответственности выступает сейчас перед вами Фаталли-хан Хойский. Вы видели его лицо? Никто и никогда не видел его таким. Ему необходимо ваше доверие в этот грозный момент битвы...» И дальше, «Уход со сцены учреждения, бывшего отчасти народным представительством во временной столице Азербайджана Гяндже, — это отступление демократии и успех реакционных сил...» Хан Хойский побледнел, услышав замечание Нури-

паши. Тот велел «быстрее кончать болтовню». Это о вашей речи, дорогой Мамед Эмин. А Хойский побледнел не столько от ответственности, сколько от страха перед новым повелителем. Но вам, дорогой Мамед Эмин, я этого никогда не скажу. Я искренне ценю ваш ум, ваши высокие идеалы...

— Не согласен? — Мамед Эмин снова в упор посмотрел на секретаря.

Аббас Кули встал.

— Хочу закрыть окно. Дует.

Он снял пиджак, лег и решительно повернулся к стене.

Глава X. Два комиссара

Положение с продовольствием в Баку все ухудшалось. В мае и июне лидеры меньшевиков, эсеров и дашнаков провели несколько заседаний по этому вопросу, вынося резолюции, которые могли привести лишь к подрыву авторитета Бакинской Коммуны.

Баксовнарком закупал много хлеба. Но в продовольственной директории засели враги. Они делали все, чтобы сорвать поставки. Васин (впоследствии он сыграет немалую роль в гибели Коммуны), которого командировали для заготовки хлеба на Мугань, вернулся ни с чем.

Баксовнарком вынужден был расформировать продовольственную директорию и сместить наркома Цибульского. Этот важнейший участок поручен был Джапаридзе. Он провел ряд радикальных мер, но недостаток продовольствия оставался проблемой номер один. Контрреволюция отлично понимала, что голод — самый сильный ее союзник в борьбе.

Но Баксовнарком это тоже понимал. Была проведена национализация нефтяных промыслов, торгового флота, банков. Саботажников выслали из города.

В начале июня председатель Военно-революционного комитета Кавказской Красной Армии и комиссар Баксовнаркома Григорий Корганов докладывал Степану Шаумяну.

1. Ленкорань взята. Банды ханши Талышинской рассеяны

2. После упорных боев занят Шемахинский уезд.

3. Мусаватисты ведут партизанскую войну, разрушают железную дорогу, нападают на советские органы, расстрели-

вают активистов. С особой жестокостью действуют банды Эхтембея и Теймурбека Карабаглы.

4. Алибек Зинзипский организовал в Кубе мятеж, совет.

5. Голодная блокада Баку продолжается.

6. Почти половина солдат не имеют оружия. Нет лошадей, седел. Исправных автомобилей мало. Броневинов нет. На всем фронте действуют лишь три бронепоезда, что явно недостаточно. Корабли флотилии нуждаются в ремонте.

7. В составе флотилии произведена чистка, но...

8. Судьба Баку обсуждается в Берлине и Константинополе.

9. Для защиты революции необходимо напряжение всех сил.

В перехваченной разведчиками телеграмме генерал фон Лютцер доносил Людендорфу, что турецкие войска восточнее и юго-восточнее Александрополя были атакованы армянскими частями генерала Назарбекова, но атаки отбиты с большими потерями. Для движения на Баку обстановка весьма благоприятна, так как из России подкреплений нет, а турки наступают.

Степан Георгиевич прочел доклад Корганова и донесения Чрезвычайной комиссии. Походил по кабинету, обдумывая.

— Ну, дорогой Алеша, слушаю тебя. Мне очень хочется знать твоё мнение.

Джапаридзе, сцепив пальцы, молчал.

— Иногда, Алеша, я забываю, каким бывает небо, забываю, что есть на свете тишина, музыка, смех. Самое печальное, что умные и образованные люди, с которыми мы имеем дело, не желают понимать простейших вещей. Мы думаем о судьбах революции, а они — об узко понятых национальных интересах.

— Не рабочие, не крестьяне.

— Разумеется, не они. В борьбе с национализмом, учит Ленин, лучшее средство — пролетарский интернационализм. В наших рядах сражаются за будущее Ваня Фиолетов, Алеша, Мешадн, Саак... Эх, что говорить. — Степан Георгиевич потер ладонями виски и остановился у стола. — Вот, Алеша, Закавказский сейм — арена мировой борьбы с большевизмом: одно дерево с разными, но одинаково ядовитыми плодами. Ну, с

Энвер-пашой ясно, он хочет захватить Закавказье, чтобы поставить мир перед фактом. Этот позорный поход не принесет ему славы. Его войска истощены и долго не продержатся. Хуже с германцами. Кайзеру для ведения войны нужна нефть. Ради этого он готов на любые авантюры. Не зря он предложил Грузии протекторат. И Жордания согласился. А предложение Ильича о союзе с Россией было отклонено. Трудно, Алеша. Очень трудно. Не понимаю, где Саак? Было же сообщение, что после встречи с Ильичем он выехал из Москвы.

— В России тоже не гладко. Курьерские поезда не ходят. Война, Степан Георгиевич.

Шаумян горько покачал головой.

— Все гладко и спокойно на том свете. А на войне, как на войне. Ты раздражен, Алеша?

Джапаридзе еще раз подвинулся внутреннему чутью Шаумяна.

— Как сказать... Вчера я совещался у себя в наркомате с Азизбековым и Чикало. Они считают, что надо усилить борьбу с контрой. Иначе не выдержим. Хотя бы этот заговор. Хорошо, раскрыли. — помог случай. А если бы не помог? Ты говоришь: раздражен... Мы слишком деликатны. Наши враги куда решительнее. «Арестовать Шаумяна» — и все.

— Алеша, не увлекайся, не пори горячку. Лобовая атака — средство опасное. Что вы предлагаете: репрессии? Владимир Ильич считает, что это крайнее средство. Понимаешь — крайнее? Когда все другие исчерпаны. Он настоятельно рекомендовал вести разумную и максимально гибкую позицию. Подождем Саака, он подробно докладывал Ленину. В такой момент особенно важен совет Ильича.

Джапаридзе отвел глаза.

— Ты же знаешь, против принципа я не возражаю. Но в каждом конкретном случае... Неужели, схватив врага за руку, мы будем бесконечно его укорять: «Ай, генацвале, как нехорошо. Я тебя прошу, пожалуйста, не надо». Ты, кстати, недавно читал лекцию о Парижской Коммуне. Можешь ты мне повторить, в чем причины ее гибели? — Алеша хитро взглянул на Шаумяна.

Шаумян улыбнулся.

— Охотно повторю. Парижская Коммуна с самого начала избрала неверную тактику: обороны, а не наступления, не

использовала войска для разгрома сил контрреволюции, дала им возможность подтянуть резервы. Коммуна проявляла чрезмерную мягкость к врагам.

— Прекрасно, прекрасно. Продолжай, Степан Георгиевич.

— Ах, Алеша, тут ты ошибаешься. У Коммуны — и это главное — не было марксистской партии, не было опыта и такого великого вождя, как Владимир Ильич.

Алеша ждал.

— Если наркомат внутренних дел рассчитывает получить у меня согласие на систему репрессий, то напрасно. Вот тебе простые цифры. Из двухсот сорока депутатов Совдепа нас пятьдесят восемь. Это всего четверть. Остальные три четверти — меньшевики, эсеры, дашнаки и прочие. Я согласен, что по Тер-Каджарянцу, Айолло, Садовскому, Гюльдахяну плачет тюрьма. Но, мой дорогой, есть и другие — честно заблуждающиеся, рабочие им верят. К тому же они депутаты, как и мы. Что же ты предлагаешь: арестовать три четверти Совдепа?

— Конечно, не всех.

— Отчего же, мой милый? Если говорить прямо — все они объективно помогают контрреволюции. Нет, Алеша. Нам нужны армия, хлеб, деньги. Это главное.

— А не кажется ли тебе, Степан Георгиевич, что когда-нибудь нас в этом упрекнут? Скажут, что Бакинская Коммуна не до конца использовала острое оружие диктатуры пролетариата?

— Тот, кто глубоко проанализирует ситуацию, так не скажет. И оставим будущее потомкам. Борьба с врагами возложена партией на тебя. Я убежден, что мы выдержим, если сумеем преодолеть временные трудности. И во всяком случае мы не отступим, если даже это будет стоить нам жизни.

Джапаридзе встал и заходил по кабинету. Слишком много он хотел сказать, мысли не укладывались в четкие фразы.

— Степан Георгиевич, на фронте неважно.

— Знаю, Алеша. К сожалению, основная масса войск состоит из армянских национальных частей. И все они находятся под влиянием Багратуни. Этого ловко маскирующегося холоуя Керенского. Ничего не поделаешь... У нас один выход — ждать помощи Советской России. А врагов надо решительно и публично изобличать, чтобы выбить почву из-под их ног. Такое

время, Алеша. Мы окружены. Во что бы то ни было выиграть время. Время, понимаешь?

— Оттого, что понимаю, разве легче? Меншевики и прочие ведут бешеную агитацию, а мы молчим.

— А ты не молчи. Не молчи. Надо мобилизовать весь пропагандистский аппарат, на пропуск врага отвечать умно и решительно. Кстати, нам еще надо подумать о Лазаре Бичерахове. В письме Ленину я сообщил, что председатель Энзелинского Ревкома Челепин характеризует Бичерахова положительно.

— А сообщение барона?

— И о нем я написал Ильичу. Бичерахову предложено прибыть в Баку для переговоров. Он согласился. Вот его телеграмма. — Степан Георгиевич взял со стола бланк. — Он пишет, что все условия, предложенные комиссаром Коргановым, готов выполнить. Спасение России видит в Советской власти. И всякое выступление против нее считает предательством. Что скажешь, Алеша?

— Скажу, что он лицемер и артист. Я ему не верю. Его брат Георгий воюет против Советской власти.

— Послушай, что он пишет: «Борьбу с Советской властью считаю преступлением. Ни к власти, ни в ответственным постам не стремлюсь. Ни в политике, ни в социализме ничего не понимаю, к строительству новой жизни не подготовлен. Я казак, умею воевать, немного понимаю в военном деле и только. Бичерахов».

— Ах, какая скромность! Все это, Степан Георгиевич, белыми нитками.

— Алеша, тебе уже всюду мерещатся враги.

— Дорогой мой, борьбе за Советскую власть я отдал лучшие годы жизни и не хочу, чтобы нас надули. Лазарь Бичерахов — умная и хитрая лиса. Если бы знать его подлинные намерения... Проклятая неопределенность.

— Конечно, ты прав, Алеша. Если бы мы знали, кто он — враг или друг? Ну, а брат... Ты же знаешь примеры... Нам трудно. Отряд в тысячу сабель — сила. И потом — отказ от союза с Бичераховым немедленно используют эсеры и меньшевики.

— Положим, мы впустим отряд Бичерахова в Баку, а он быстро сориентируется, войдет в контакт с нашими оборон-

нами и... Кстати, сообщение Вацека о том, что Лазарь Бичерахов распускает среди своих казаков совсем другие слухи и что он связан с Денстервилем в расчет не принимается?

— Принимается, Алеша. Но ведь ты недавно докладывал, что некоторые офицеры, пользующиеся пайками, которые мы отрываем от голодных детей, вместо того, чтобы быть на передовой, спокойно разгуливают по бульвару, флиртуют или сидят в Мулен Руж. Не так?

— Было. Я предложил Авакяну провести облаву. Около полусотни дезертиров разоружены и отправлены на Нарген. Мало того. Бывшая сестра милосердия отряда Исламбека сообщила, что на Большой Морской, 24 в квартире немки Марты Андреевны — любовницы Амазаспа Срвантзяна — собираются дашнакские офицеры.

— Да ну?

— Именно. Накрыли. Арестовано семь человек. Сейчас идут допросы. Дело ведет Жуков. Посмотрим.

— Вот, Алеша, какие дела. Для армии мы отпускаем шестьдесят тысяч продпайков, а сколько солдат на фронте? Но не волнуйся. Бичерахова с отрядом мы в город не пустим. Я предложил, чтобы он явился к нам с начштаба Аляхави и начразведки Джигитяном. А отряд он оставит в Алятах. Это тебя устраивает?

— Ладно, рискуем, — с трудом ил из себя Джапаридзе.

— Теперь — главное. Как с хлебом продовольствием? Отряд Ширвани вернулся?

— Ширвани оказался прекрасным агитатором. Он побывал в Саран, Мамедлы и Джорате. Привез пятнадцать мешков орехов, пять мешков риса, десять мешков пшеницы. Обменяли на гвозди, стекло и столярный клей. Кроме того, из Астрахани, наконец, прибыл караван с продовольствием. Товарщи помогают.

— У тебя все?

— Следствие по делу Иванова, Кириченко и Дегтяревского закончено. Они замкнулись и не выдали двух других участников. Приговор приведен в исполнение. Но ништяк от Джунковского, как сообщила Светлана Ермакова, тянутся к Денстервиллю и Мак Доннелю.

— Дипломатов трогать нельзя.

— А как с Ермаковым?

— Решай сам. Он депутат. Взвесь все за и против... — Степан Георгиевич прошелся по кабинету, сказал мечтательно: — Давно хочу сыграть с тобой в шахматы. Увы, нет времени. Нет у нас с тобой личного времени.

Глава XI. Ютта Экк

Несколько дней Ютта пыталась поймать Исламбека по телефону. То говорили, что он уехал с Азизбековым за продвольствием, то выполняет какие-то срочные задания. Отчаявшись, она решила пойти к нему домой.

Толкнув тяжелую калитку, Ютта замерла. Под развесистой чинарой голова к голове сидели Генка, Лиза и Хумар. Чуть в стороне Марьям-ханум возилась с самоваром. В руках у Генки была зеленая книжка. Он читал:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой: —
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Ютта сразу узнала книгу — ее так любила Эмilia.

— Гена!

Мальчик вскочил с места и, подрагивая белесыми ресницами, смотрел на нее. Ютта поняла: вспомнил, все вспомнил.

А Хумар смутилась, растерянно обняла Лизу. Прополз, попискивая, выводок цыплят.

Ютта улыбнулась и подошла ближе. Этот тихий дворик жил какой-то своей, безмятежной жизнью.

— Стихи читаешь, Гена?

— Да. — Он не назвал ее по имени.

— Господи, вы все вместе. И как у вас хорошо!

— А почему вы не приходили? — спросил Генка. За этим вопросом стояло многое. Ютта протянула руку к его вихрастой голове, но он сделал шаг назад, отклоняя даже легкий намек на прежнюю дружбу. Хумар засуетилась.

— Ютта-баджи, заходите в дом, сейчас будет чай. — Под пристальным взглядом Ютты она опустила глаза. Как изм-

нилась! Стремительный разлет бровей над удлинёнными глазами, прямой нос, нежные губы...

— О, Хумар, тебя просто не узнать. Ты совсем красивая!

— Смешься, да? — Хумар вспыхнула.

— Что ты, милая? Ты правда похорошела. И свободно говоришь по-русски. Молодец.

Хумар взяла Ютту за руку и потянула на веранду. Они сели в плетеные кресла.

— Теперь мы вместе живем, — сказала Хумар. — Исламбек записал нас в школу, в третий класс. Здесь рядом школа. Учимся. А как ты, Ютта-баджи?

— Сижу дома. Играю на скрипке. Приказ командира. Ты идишь Исламбека?

Хумар нахмурилась, смущенно одернула кофточку на груди, почему-то спрятала босые ноги.

— Нет. Он здесь не живет. Здесь мы, мама и иногда Ширвани. Это хорошо, Ютта-баджи... Он строгий. Не простил меня. Я понимаю. Иногда говорит по телефону. Позавчера Али Гулу из деревни привез пуд пшеницы для нас. Узнал Исламбек, обругал Али Гулу, пшеницу приказал отвезти в лазарет. Нам, говорит, хватит орехов, рыбы... Сегодня утром Ширвани и Мешади Азизбеков сделали э... обыск в караван-сараях. Вот здесь, наверху. Забрали пять телег пшеницы. Ой, что было... Ширвани сказал, народ голодает, а эти спи-кулянты воруют. Арестовали их и сюда в тагневскую.

— Что делать, Хумар, надо. Надо кормить солдат, рабочих. Нефть надо в Россию. И там война. Очень, очень тяжело.

— Знаю, Ютта-баджи... Вот я кончу учиться, пойду доктор буду. В лазарете.

— Ну и хорошо. Хорошо, что ты такая упорная. Будешь чапливая.

К вечеру Ютта все-таки нашла Исламбека. Часовой упорно не пропускал ее в здание Чрезвычайной комиссии, все твердил, что «начальник занят». Но Ютта не уходила. И ей повезло. Вернулся Аслан Калантаров. Увидев Ютту, он с радостным криком бросился к ней, объяснил часовому, что это лучшая в мире сестра милосердия и провел в здание.

Исламбек вместе с Жуковым допрашивал саботажника

промысла Шамси Асадуллаева. Правда, Жуков молчал, попы- хивал папирсой. Вопросы задавал Исламбек.

— Вам мало, что кое-кого уже выслали из Баку. Вы пони- маете, что значит нефть для революционной России?

— Знаю. Рабочие не желают работать. Хлеба хотят.

— Хлеба? А вы обязательства выполнили? Вам что, хлеб по шучьему велению появится? Надо сначала отдать долг, а затем требовать. Нетрудно догадаться, от имени каких рабо- чих вы здесь партизаниите.

— Вы, комиссар, не с того конца начали. Я — человек ма- ленький. Садовский и Айолло приехали на промысел, погово- рили с этим Пчело и он стал обрабатывать рабочих. Я ничего не мог сделать.

— Проверим. Павел Андреевич, — обратился он к Жуко- ву, — возьмите этого саботажника, допросите. Если надо, арестуйте Пчелу, или как его там. Никакой пощады саботаж- никам.

— Понятно.

Жуков увел задержанного. И сразу вошли Аслан и Ютта.

— Командир, у нашей сестры милосердия к вам неотлож- ное дело.

Исламбек Ютту и засыпал вопросами. Она сму- тилась.

— Вы когда-то говорили, что я патриотка, верно?

— Было. А разве я сейчас говорю что-то другое?

— Положим, играть на скрипке — не такой уж подвиг. Но я стараюсь чем-то помочь революции. Мать называет меня бродягой.

— Ничего, Ютта, бывает. — Исламбек нахмурился. — На разных языках говорили мы с отцом, брат стал врагом. Все это еще можно пережить. Плохо, когда теряешь себя.

— Я не жаловаться пришла, командир. Понимаете... Не- давно у нас гостил некий Густав Хурр. Немец. Оказывается, шпион из Тифлиса.

Исламбек улыбнулся.

— Скоро ты заменишь меня, Ютта.

— Не смогу. У меня мягкое сердце. Так вот, я это говорю не для того, чтобы вы арестовали моего отца. Отец тут ни при

чем. Неприятно, но кажется, наша квартира использовалась как место встреч. К сожалению, я поздно раскусила этого Хурра. Он исчез. Я устроила допрос отцу и дяде Евгению Зире — он работает в Наркомфине. Он сказал, что какой-то Каров или Кирев, словом, комиссар...

— Не Киреев ли? — насторожился Аслан.

— Да-да, Киреев. Он занимается темными делами, дядя бонется, что у него самого могут быть неприятности. Ведь он немец. Понимаете?

— Вспомните, Ютта, — попросил Исламбек. — Мне важно знать все о Кирееве.

— Не знаю точно. Кажется, он ворует большие деньги.

— Хорошо, Ютта.

— И еще. Этот Хурр говорил, что на днях в город на аэроплане прилетят германские офицеры. Разведчики. Аэроплан совершит посадку около Волчьих ворот.

— Откуда это известно? — Исламбек резко поднялся, подошел к Ютте вплотную. Она близко-близко увидела морщины, бегущие от глаз к вискам, седину, жесткие складки у рта.

— Я же говорю, что я допросила отца и дядю. И приказала им, чтобы они ни с кем не связывались. Я их так напугала...

— Ты просто молодец, Ютта. Тебя и впрямь надо зачислить в ЧК. Талант. — Он помолчал. — Мы примем меры, Ютта. Загляни ко мне через пару дней.

Спустя несколько дней распоряжением Тер-Габриеляна Ютта Экк была зачислена в Чрезвычайную комиссию на должность переводчицы. Поздравляя ее, Исламбек сказал, что это начало. Главное — впереди.

Глава XIII. Можно ли верить людям?

Шел июль восемнадцатого года. Над пыльным, задыхающимся от жары городом висело добела раскаленное небо. Даже в тени улочек было душно; в подворотнях, высунув языки, тяжело дышали собаки.

По неподвижной глади бухты, подернутой маслянистой пленкой мазута, лениво двигались баркасы, выбрасывая в

небо клубы черной копоти. В зыбком мареве угадывалась темная полоска острова Нарген.

Положение оставалось сложным. Советская Россия помогала всем, чем могла. По Каспию шел хлеб, прибывали отряды моряков, кавалерийские эскадроны, оружие и снаряжение.

Но и враг усиливал натиск. С юга и запада наступали турки, с севера вновь надвигались банды Гоцинского и Алибека Зизикского. Из-за предательства дашнакских офицеров линия фронта отползла к Кюрдамиру, от которого до Баку было рукой подать.

Аслан Калантаров распахнул дверь кабинета и остановился на пороге. Исламбек лежал в кресле. Голова откинута. Лицо серое, безжизненное.

— Комисса-а-а-а! — крик Калантарова прогремел по залам тагневского дворца. Исламбек вскочил, рука машинально дернулась к маузеру, лежавшему на столе. Аслан попятился.

— Тыфу, черт! — выругался Исламбек, сунув маузер в кобуру. Валюсь с ног, за двое суток и часа не спал. — Он опустился в кресло. — Садись, рассказывай, с чем пришел.

— В Сабунчах новый спектакль. У райкома партии эсеры затеяли драку. После митинга, на котором выступал Шаумян. Надо бы разобраться, не первый раз устраивают провокации. Похоже, кто-то там организует. — Он хрустнул длинными худыми пальцами. — Ну, я пойду, комиссар. — И уже у порога: — Вот возьми. Давно хотел отдать, да все как-то...

— Что это? — Исламбек с любопытством поднес к глазам сплюснутый кусочек металла.

— Пуля, комиссар. Та самая, которой Эмилию. Ребята все время напоминают. Отдай, говорят, пусть вернет хозяину. Не сердись, Исламбек.

— Спасибо, Аслан. А ребятам скажи, пусть не сомневаются. Жизнь справедлива. Каждый получит, что заслужил.

Они простились. Карабаглы подошел к окну и следил, как Аслан возится с конем, подтягивая подпругу. По тому, как он жестикулировал, Исламбек понял: у друга плохое настроение. В трудные минуты Аслан любил беседовать с лошадью. «Зато

не выдаст, не сболтнет лишнего», — как-то огрызнулся он ответ на шутовское замечание

Ислам пристегнул кобуру, тщательно запер дверь и вышел на улицу. Ему нужно было в Баксовнарком. На Молоканской встретились всадники. Впереди — на породистом, почти черном скакуне ехал усатый казак без погон, в серой каракулевой папахе. По осанке и надменно вскинутой голове чувствовалось, что человек этот не простой кавалерист. Видимо, офицер, избалованный вниманием — слишком картинно он выглядел на почти безлюдной от зноя улице. Двоих, что гарцевали рядом, Исламбек не запомнил. Ему и в голову не пришло, что это казачий атаман Лазарь Бичерахов и его свита.

Под кабинет предсовнаркома был отведен комфортабельный номер гостиницы. За тяжелыми бархатными портьерами Исламбек не сразу разглядел Степана Георгиевича. Он стоял у открытого окна и внимательно смотрел на улицу. Потом обернулся, кивнул Исламбеку.

— Бичерахов, Бичерахов... С кем он на самом деле, этот казачий старшина? Как вы думаете, товарищ? Знать бы, что у него на душе. А так что же: хорош доброволец — ничего не скажешь.

— Это и есть Бичерахов? По-моему, демонстрирует публике свое присутствие в городе. Все они, товарищ предсовнаркома, одним миром мазаны. Снаружи красные, внутри — белые.

— А что делать? Подозревать всех? Где же тогда взять людей, готовых сражаться? Я ведь поручил Бичерахову большое дело. Его казачий полк должен прибыть в Аляты и двинуться к Кюрдамиру, на помощь Корганову. Подкрепление должно изменить обстановку на фронте. Рисуем, Исламбек, но другого выхода нет. Мне пришлось выдержать бой с Джапаридзе. — В темно-серых, обычно мягких глазах Шаумяна вспыхнули искры. — Посмотрим, товарищ, посмотрим.

Исламбек чувствовал, какую ответственность взял на себя этот удивительный человек. Взял и иссет. Поразительная выдержка!

А Шаумян уже думал о другом. Из далекой Москвы Ленин внимательно следил за обстановкой в Баку. Знал ли он, как усложнилось положение с того дня, как он беседовал с Тер-Габриеляном? Тогда, выслушав подробный рассказ Саака, он полностью одобрил политику Бакинского Совета, тепло гово-

рил о нем, Шаумяне. Что бы он сказал сегодня, в час испытаний?

Ему это было очень важно. Он привык каждое свое решение мысленно обсуждать с Лениным. Негромкий, чуть кар-тавый голос Ильича, его поразительная логика и абсолютное спокойствие придавали ему уверенность. Но сейчас ситуация менялась слишком быстро, решения нужно было принимать мгновенно. Ответственные решения. А он забыл, когда спал хотя бы пять часов подряд. Это внутреннее, глубоко запрятанное беспокойство угадывалось лишь в лихорадочном блеске темных, обычно таких спокойных глаз.

— Были в банке, Исламбек? — спросил он, возвращаясь столу.

— Да.

— Результаты? Данные подтвердились?

— Факты как будто бесспорны.

— Киреев и Покровский замешаны?

— Я бы не хотел говорить раньше, чем смогу доказать, Степан Георгиевич.

— Понимаю. Но мы не можем тянуть, дорогой товарищ. Не можем ждать, пока нас схватят за горло. Стоит промедлить, как эсеры и меньшевики нанесут нам удар. А вот, кстати, Тер-Габриелян и Джапаридзе. Заходите друзья. Вы очень нужны.

Как они непохожи: пылкий, решительный Джапаридзе и спокойный, медлительный Саак.

— Степан Георгиевич, — с порога начал Джапаридзе, — руководство настаивает, чтобы мы удержали фронт, усилили отряды на границе с Персией, да еще — слышишь? — помогли Туркестану. Интересно — чем, какими силами? Неужели оно не понимает, что у нас горит земля под ногами.

— Остынь, Алеша. — Тер-Габриелян опустил в кресло, неспеша закурил. — Говорить легко. Они отвечают за весь юг, и им там, в Царицыне, не легче, чем нам.

— Саак прав, — прервал Шаумян. — Им совсем не безразличны судьбы Закавказья.

— Кто же сомневается, — сверкнул глазами Джапаридзе. — И все же рискованно давать указания издалека, лишь в

общих чертах представляя обстановку. Нам нужны резервы, черт возьми!

Шаумян сцепил пальцы.

— Россия сама задыхается. Видимо, надо объявить мобилизацию. Рассчитывать на Бичерахова наивно. Тут Алеша прав. Не удивлюсь, если окажется, что наш наркомфин Кирев и его эсеровский дружок Покровский замешаны в заговоре. Саак, какие новости по поводу полковника Казарова?

— Товарищ председатель, — Исламбек поднялся, — разрешите доложить? Я просто не успел раньше.

— Докладывайте.

— Получены достоверные сведения о том, что Амазасп и Казаров договорились вызвать в отряде панику, чтобы отступить от Шемахи. Кроме того, их явно раздражает комиссар бригады Микоян. Он пользуется авторитетом, солдаты его любят. Возможны эксцессы.

— Вот дерьмо! — вспылil Джапаридзе. — Я говорил тебе, Степан Георгиевич, что с этим баринном Амазаспом не стоит церемониться. Помнишь, как он начудил в марте с арестами и обысками? Жаль, что его не застали у Марты. Это сразу охладило бы буйные головы других хмбапетов. Слишком мы деликатны, Степан Георгиевич.

— Ох, Алеша... Арестовать! Расстрелять! Это легче всего. А ты подумал, Алеша, каким авторитетом пользуется Амазасп в армянских частях? Его считают героем. Да и дело не в нем, а в продажной политике «Дашнакцутюн». За Амазаспом стоят тысячи солдат. Тут нужны совсем иные средства. Политические.

Джапаридзе хотел возразить, но лишь махнул рукой и отошел к окну. Шаумян проводил его взглядом и обернулся к Тер-Габриеляну.

— Саак, предупредите Микояна об опасности.

— Доверьте мне, Степан Георгиевич! — попросил Исламбек. — Дайте мой конный отряд и направьте к Амазаспу. Я разберусь на месте и если что...

— Еще один лихач. Только лихость тут не нужна. Мы не можем действовать такими методами. Думаете, Ленину легко с Троцким, Зиновьевым, Каменевым? Но он находит возможность с ними работать. Амазасы сами рубят сук, на котором

сидят. И сваятся. Не сомневайтесь, мой друг. — Шаумян улыбнулся. — Теперь я слушаю тебя, Саак. Давай сводку за сутки, а потом...

С моря дул ветер. Исламбек ждаясь прохладой.

— Садись, подвезу, — Тер-Габриелян вышел вслед за ним. — Заодно и расскажешь обо всем подробно. Целые сутки не виделся.

Фаэтон тронулся, заскрипели старые рессоры.

Шестого июля в Москве левые эсеры убили германского посла Мирбаха и подняли восстание, арестовав Дзержинского и Лациса. Ленин, лично руководивший разгромом мятежа, направил Сталину телеграмму. Он просил поддерживать непрерывную связь с Шаумяном и срочно сообщить ему о предложении немцев — приостановить наступление турок на Баку, если им будет гарантирована определенная доля в добыче нефти. Обо всем этом в Баку не знали. Но 7 июля Баксовнарком объявил всеобщую мобилизацию — городу угрожала реальная опасность.

Николаевская жила своей обычной, далекой от городских волнений жизнью. Утром бонны и гувернеры выводили на прогулку детей, вечерами в роскошных квартирах горели хрустальные люстры, звучала музыка. К особнякам Антонова, Мирзабекянца, Муртуза Мухтарова подкатывали извозчики — везти господ в «Казино», «Ренессанс» или «Монте-Карло», где вертелись рулетки и крупные бесстрастно объявляли ставки.

Временно «овдовевшая» Светлана часами сидела у окна, с грустным интересом разглядывая экипажи, туалеты дам, мерцающие огни вечерней улицы. До слез было жалко себя, собственной уходящей молодости. Дорогое, в серебряной раме зеркало беспощадно высвечивало первые признаки увядания — дряблую кожу лба, морщины у губ. Она искала в своем прошлом нечто такое, что давало ей право сверху вниз смотреть на эти роскошные экипажи, на расфуфыренных дам. Увы, ничего такого в памяти не осталось — пьяный хохот гостей за уставленным едой столом, пошловатые комплимен-

ты, пьяное лицо Джунковского. Как она ненавидела сейч эти насмешливые глаза, узкий лоб, острый подбородок.

Раньше она уважала — пусть не любила, но уважала мужа. Он казался ей человеком с идеалами, искренне стремящимся к высокой цели. Господи, чего он добивался? Неужели только должности? И что с ним будет теперь?

Нет, все не так, твердила она себе, он человек честный. И она должна пойти к этому чекисту, убедить его в том, что муж заблуждался. Наконец, если быть объективным — услуга за услугу. Она выдала им Джунковского и Иванова, пусть и они сделают что-то для ее мужа.

Светлана долго рассматривала в зеркало свое невеселое лицо, потом сняла трубку и решительно назвала номер Карабаглы.

— Это я, Ермакова. Мне необходимо видеть вас. В любое удобное вам время. Благодарю.

Она вернулась к зеркалу и, сбросив пеньюар, с удовольствием занялась фигурой. Нет, все не так скверно — высокая грудь, узкая талия, округлые бедра.

Войдя в зеркальный зал, где совсем недавно принимала гостей Сона-ханум Тагиева, а сейчас располагалась контрразведка, Светлана увидела Исламбека, и ей показалось, что со времени их встречи прошло всего несколько часов. Еще она уловила, что он рад ее приходу. И она тут же подумала, что он, в сущности, милый и очень достойный молодой человек. Она ощутила подъем и то особое волнение, которое, она знала, делало ее привлекательной.

Может быть, раньше, чем Исламбек увидел ее, он ощутил запах сирени. Это был запах Эмили. Странно, но Светлана и внешне чем-то напоминала ему Эмилию.

Ермакова подошла совсем близко и взглянула ему в глаза.

— Я хочу просить вас о муже, — сказала она тихо, досадливым жестом откинув вуалетку. — Поверьте, я знаю его хорошо. Он честен, искренне любит народ. Да-да, слишком доверчив, наивен, но честен.

«Как хорошо, что она с этого начала», — Исламбек был почти благодарен ей, наваждение исчезло.

— Народ? Любит народ? — Исламбек покачал головой. — Слишком легко, Светлана Тихоновна, вы бросаетесь таким

серьезными словами. Народ может простить человеку заблуждение, но не злой умысел. Это вы понимаете? Ваш муж — убежденный враг советской власти и пролетарской революции. «Кон-тра», как говорит народ.

— Нет-нет, — она закрыла лицо руками, словно защищаясь от этих страшных слов. — Александр Андреевич — лишь пленник своих путанных идей, не больше. Потому-то я прошу вас о снисхождении. Чтобы вы освободили мужа под... — Она с надеждой взглянула на Исламбека: — Под мое честное слово. Смешно, конечно, я сама принимаю, но это правда. Я верю и Саше, и вам. Вам — потому, что вы человек справедливый и понимающий. Я знаю, конечно, как трудно верить всему, что говорится в этой обстановке, но... — Она откинула голову, и он увидел в узком вырезе темного платья гранатовый крестик. Крестик этот касался груди в том месте, где едва обозначилась ложбинка.

Светлана вдруг умолкла, почувствовав, что он ее почти слушает.

Что это: игра — ловкая и искусная игра, на которую способна лишь очень хитрая и коварная женщина? Или она действительно так чувствует? — думал он. — Она не в первый раз говорит что-то о душевной боли, о раздвоенности. Слова? Но какую цель она преследует: совратить меня? Наивно. Тогда что? А если рискнуть: позволить ей присутствовать при разговоре с мужем? Пожалуй; ни с кем другим я бы на это не решился, признался он себе, а с ней...

Он рванул телефонную трубку.

— Аслан? Ермакова ко мне. Пожалуйста.

Светлана удивленно вскинула брови и встала.

— Мне уйти?

— Почему же? Просто пересядьте туда, — он показал на тяжелую портьеру в глубине кабинета. Сидите и слушайте. Только молчите, не делайте неосторожных движений. Я буду вести допрос при вас.

Лицо ее чуть порозовело, но она не колебалась. Встала, мягко отодвинула тяжелую ткань. Ввели Ермакова. Он смотрел прямо перед собой, высоко держа голову.

— Я к вашим услугам, гражданин уполномоченный.

— Садитесь, пожалуйста.

Арестованный сел и сказал резко:

— Прежде чем отвечать на вопросы, я хотел бы спросить вас... Это разрешено вашими законами?

— Спрашивайте.

— Что с моей женой?

— Она освобождена.

— Любопытно. Очень любопытно. Чем объяснить столь удивительную для этого учреждения снисходительность? — Ермаков понимающе ухмыльнулся.

Исламбек покраснел, но ответил почти спокойно.

— Вы не хотели бы прежде всего узнать причины вашего ареста?

— Я убежден, что вы совершили незаконие.

— Заблуждаетесь, гражданин Ермаков. Вы арестованы потому, что участвовали в подготовке контрреволюционной акции Иванова-Джунковского. У вас есть возможность честно признать свою вину. Я получил указание товарища Джапаридзе еще раз допросить вас.

— Разумеется, с пристрастием! — усмехнулся Ермаков. — Все ясно...

— Неужели у вас не хватает мужества сказать правду?

— Мне не в чем каяться. Я уже объяснил комиссару Джапаридзе, что следствие просто приписывает мне Иванова и Джунковского. Я не имею к ним никакого отношения.

— Вот как? А Иванов и Детяревский связи с вами не отрицали. Отнюдь.

Арестованный сидел спиной к портьеру и не мог видеть, как она шевельнулась. Исламбек напрягся «Неужели выйдет? Нет, не должна».

— Вот что, Александр Андреевич, бросьте эту комедию. В прошлый раз вы вели себя иначе. Вам стало плохо. В конце концов ваше запирательство лишь затягивает время. Мы хотели уточнить, во-первых, роль английского консула в этом заговоре, и, во-вторых, имена остальных его участников. Ведь вас было довольно много. Например, Голубицкий.

— Думайте, как хотите, — отрезал Ермаков. — Я ничего не знаю ни об английском консуле, ни о самом заговоре.

— Жаль. Однако ваша жена, Светлана Тихоновна, говорит

об этом иначе. Скажу вам откровенно: она признала заблуждения.

Ермаков побледнел и сжал пальцами горло. В его глазах Исламбек отчетливо увидел страх.

— Успокойтесь. За Светлану Тихоновну не стоит тревожиться. Она человек взрослый и способна ответить за свои поступки.

— Вздор! Поверили бабе, истеричке. Черт знает что! А может, она и вас... У нее это хорошо получается. Вздор!

— Вздор? К сожалению, гражданин Ермаков, это правда. Акция, которая намечалась вами на 30 мая, провалилась. Иванов и Дегтяревский понесли наказание.

Ермаков тяжело осел и заговорил совсем другим тоном.

— Я человек военный, социал-революционер. В защиту своих идей привык выступать открыто.

— Иден? Где они у вас? — Исламбек понимал, что говорит сейчас не только для Ермакова. — Вы очень легко предали свою веру и добиваетесь возврата к прежнему строю — уж не знаю, царскому или какому еще. Но рядовые члены партии еще верят вам, считают революционерами и, конечно, вы не рискуете открыто признать свои связи с монархистами. Иден? Прошлый раз товарищ Джапаридзе очень четко показал вам, чего они стоят. Если мне не изменяет память, вам нечего было ему возражать.

— Чего же вы хотите? Турок? Хотите, чтоб повторилась мартовская резня. Этого требует ваш хваленый Нариманов? — сорвался Ермаков.

— Чепуха. Нариманов ничего подобного никогда не требовал. Вы слишком доверчивы. Верите любой пакости, которую распространяют все эти Айолло, Велунцы, Садовские. Вы сказали, что вы офицер. Но как же вы можете, клянясь честью русского офицера, продавать отечество англичанам? Подходящая цена? Впрочем, что с вами говорить... Вы свободны, можете идти. Не понимаете? Мы вас освобождаем. Как депутата Совдепа. И, конечно, потому, что заговор раскрыт; а его зачинщики обезврежены. Это приказ Джапаридзе. Однако, если, Ермаков, вы когда-нибудь соблазнитесь повыми авантюрами... В общем, не советую.

Сбитый с толку, Ермаков встал и шатаясь побрел к двери. Исламбек выждал, позвал шепотом:

— Светлана Тихоновна!

Пожалуй, такой бледной он ее еще не видел. Не стесняясь, совсем по-детски, она размазывала кулачками слезы. Исламбеку захотелось погладить ее по голове, сказать ей какие-то особые слова. Но он сдержался. Что можно сказать утешительного этой избалованной отцом девочке, когда рушатся самые дорогие ее сердцу иллюзии? Ведь по-своему она любила мужа, верила в него, считала борцом за высокие идеалы. Нужен он ей сейчас со своими утешениями...

Наверно, это было жестоко с его стороны. Но он не раскаивался. И хотел бы услышать от нее, что она его не осуждает и еще что-нибудь, что их сблизит хоть на короткий миг.

— Можно ли верить людям? — спросила она вдруг.

— Людям — да. А уж кто есть кто — учитесь разбираться сами. Поверьте, Светлана Тихоновна, я искренне желаю вам добра. Вы молоды, у вас все впереди. До свиданья.

Она, не понимая, смотрела на него. Сказала отрешенно:

— Куда и зачем? После всего, что я услышала? Не знаю, не знаю...

— Может быть, все к лучшему. Всегда полезно знать настоящую цену людям. Я верю, вы разберетесь. Идите и ничего не бойтесь. Ваш муж, поверьте моему слову и не обижайтесь, трус. В крайнем случае... В крайнем случае, — он помолчал и добавил негромко: — Звоните мне. Звоните.

Глава XIII. «Добровольцы»

Июль дышал горячими ветрами, огненными сполохами пожаров, слухами, рассказами о зловещих предзнаменованиях.

Баку лихорадило. Голод и сжимающееся кольцо блокады порождали страх и неуверенность. Город был наводнен шпионами и провокаторами.

На промыслах и заводах, на фабриках и в воинских частях враги вели открытую агитацию, требуя приглашения в город спасителей-англичан. Эсеровские, меньшевистские, дашнакские лидеры вели циничный торг нефтью, делили места в будущем правительстве.

Вслух, конечно, об этом не говорили. Говорили о другом. О том, что английское присутствие — единственная реальная защита от турок и, следовательно, от погромов, что англичане — это конец голода, гарантированная работа и хороший заработок... Эти доводы, как липкая паутина, окутывали души изголодавшихся, растерянных, запутанных слухами людей.

Утро встречало отчаявшихся женщин пустыми лабазами, наглухо закрытыми ставнями магазинов. По городу бродили толпы нищих, люди штурмовали поезда, толпились у причалов порта. Турки усилили нажим. Пришлось объявить дополнительную мобилизацию — брали всех, кто еще был способен держать винтовку...

Бичерахов и его спутники должны были в течение дня ознакомиться в штабе Военно-революционного комитета с положением на фронте и затем выехать в Аляты. Однако Джигитян, сославшись на неотложные дела, исчез. Что он делал, никому не было известно.

Утром, когда они сели на пароход, идущий в Аляты, Джигитян закрылся в своей каюте. Он был возбужден до предела: бегал по каюте, курил папиросу за папиросой. То, что он узнал о провале акции — расстрел незадачливого «наркома» Иванова и полковника Дегтяревского, бегство Джунковского, — потрясло его. Проклиная свое бессилие и глупость тех, на кого он делал ставку, Джигитян от ярости скрипел зубами. Ненависть к большевикам и страх перед возможным разоблачением довели его до иступления. Лихорадочно тасуя варианты, он пытался найти причины провала. А еще предстояло подыскать приличную версию для «заказчиков» — Мак-Доннелля и генерала Денстервиля.

Как было хорошо задумано: арест Шаумяна, выборы, совещание делегатов... Эти трусливые фигляры — Иванов, Сомов, Джунковский — разрушили все. Зачем он связался с болтунами, помешанными на власти? Авантюристы! Только и было разговоров о карьере, деньгах, портфелях. Делили шкуру убитого медведя. Вот и доигрались.

Он знал: стоит чекистам покопаться в архивах, и они легко установят, что он Нерсес Александрович Джигитян, бывший агроном из селения Каравансарай Дилижанского уезда Эриванской губернии, с 1915 года — активный враг Советской власти. Не зря в разведку Бичерахова его рекомендовал один из лидеров партии — Абрам Гюльдаханян...

Слава богу, до этого они, кажется, не докопались. Правда,

Ермакова была освобождена из ЧК слишком быстро — это настораживало. «Стерва с красивыми глазами. Тысячу раз давал себе слово не поддаваться. Так нет, раскис. Ничего, сочтемся. Впрочем, всего она не рассказала, иначе...» Он вытер липкий от пота лоб, представив, что могло быть иначе.

Переходя от отчаяния к надежде, он не мог, однако, представить всю сложную канву событий. После освобождения мужа, Светлана, вопреки логике, сама пришла к Исламбеку и рассказала много нового. Подробно перечислила всех, кто бывал у Дегтяревских, вспомнила о преферансе в «Метрополе». Из архива было поднято дело «О заговоре 12-го июня», получены ордера на арест участников заговора, санкционированные Шаумяном. Со дня на день Исламбек должен был выйти на след Джигитяна.

В Алятах помощник Бнчерахова пробыл ровно день. Затем он оказался с фальшивым паспортом в Энзели. Но и там он не стал задерживаться — его мог опознать кто-нибудь из ревкома. Спокойно он почувствовал себя только в Казвине, где размещался штаб генерала Денстервиля.

Странное здание, в архитектуре которого причудливо переплелись стилевые особенности многих эпох, было ограждено высоким, в два человеческих роста, забором. У ворот, широко расставив голые ноги, стояли с карабинами наперевес сипан.

Джигитян, одетый в штатское, ничего не мог от них добиться — английского он не знал. Выручил его русский, выходящий из ворот. Изумленно разглядывая наряд Джигитяна: сюртук тонкого сукна, низкая круглая папаха, кожаный сак-вояж — он напряженно морщил лоб, вспоминая. Нерсес Александрович не выдержал.

— Голубицкий, черт возьми! Вы что, не узнаете меня?

Подпоручик Голубицкий всплеснул руками.

— Здравия желаю, ротмистр. Какая встреча! Генерал ж вас.

— Бога ради, объясните этим полумужчинам, чтобы я не стоял здесь... Спасибо, спасибо. Надеюсь, увидимся.

Насупив клочковатые, светлые брови, генерал терпеливо ждал, пока Нерсес Александрович утолит жажду. Содовая вода показалась Джигитяну необычно вкусной. Пил он долго и жадно, маленькими глотками, льдинки тонко хрустели под зубами.

Он был так увлечен, что не сразу заметил даму в короткой светлой юбке. Она вошла с балкона и, помахивая теннисной ракеткой, лукаво поглядывала на присежнего. Больше всего его поразило ее наряд: «Кто бы мог подумать, что длинная юбка «миссис Дэвис» скрывает такие великолепные ноги».

— Дорогая Адлен, — сказал Денстервилль, — вы правы: я был слишком большим оптимистом, возлагая надежды на наших бакинских коллег. Что же дальше? Нас, похоже, предали. Сколько денег выброшено на ветер. Консул вынужден был скрыться, опасаясь ареста. Его уже приглашали в ЧК. Кошмар! Наглость!

Генерал передернул плечами и нервно заходил по просторному кабинету.

— Мой генерал, — тряхнула коротко стриженными волосами Адлен. — Мне кажется, что в Баку необходим ваш визит. Я не знаю никого, кроме вас, кто сумел бы сделать нужный ход на шахматной доске.

— Не льстите мне, Адлен. — Он погрозил ей пальцем. — Ротмистр говорит, что... Кстати, он совсем не понимает по-английски?

— Абсолютно. — Она присела на ручку кресла, и Нерсес Александрович с трудом оторвал глаза от ее загорелых ног. — Я видела все своими глазами. Вам необходимо внушить уверенность тем, кто работает на нас.

— Но они идиоты, — прошипел генерал, ловко перебросив ей письмо английского консула, привезенное Джигитяном. — Они ожидают, что мы сейчас же начнем наступление на Баку. У меня есть золото, но нет армии. Объясните, пожалуйста, господину ротмистру, что они могут обещать народу «золотые горы», как говорят русские, но не войска. Пусть проникают в органы Советской власти, занимают ключевые посты. Мое дело — финансировать. А визит в Баку... Только в том случае, если будет уверенность, что нас не встретят орудийным огнем.

Адлен перевела.

— Кстати, не грех напомнить ротмистру, что он получает у нас жалованье и за это надо делать дело. Дело! А не привозить некрологи. Теперь пусть подробно объяснит, кто же конкретно виноват в срыве операции.

— Видите ли, господин генерал, — ответил Джигитян. —

Во многом, по-моему, виноват Джунковский. Он сразу же сбежал в Петровск.

— Мерзавец.

— Чека арестовала и расстреляла Иванова и Дегтяревского, но выпустила супругов Ермаковых. Причем, Светлану Ермакову освободили сразу же после срыва операции. Мне доподлинно известно, что она выдала по крайней мере некоторые наши планы.

— Почему же вы не предприняли контрмер? Если большевики и впредь будут узнавать наши планы — грош нам цена. Вы должны вернуться и передать консулу, что я скоро буду в Энгелн. К тому времени надо убрать Шаумяна и всю эту компанию красных фанатиков. На этом я настаиваю. Рабочих надо оторвать от большевиков. Лучший путь — голод, голод и еще раз голод! Вот что убьет эту власть. И еще — надо бы вам проникнуть в Чека. — Он неожиданно рассмеялся. — Разумеется, в качестве сотрудника. Сумеете?

Джигитян молчал. Он не мог сказать, что возвращаю Баку ему опасно, что не сегодня-завтра...

— Дорогая Адлен, — продолжал генерал, — поручите ротмистру подсчитать, во что обошелся нам провал операции. Деньги любят счет.

Разговор продолжался еще долго. Но Нерсес Александрович уже понял главное — его лично ни в чем не обвиняют. Генерал по-прежнему бодр, энергичен, денег не жалеет. Сам, однако, в Баку не торопится. Может быть, потому, что не очень доверяет тем, кого так щедро субсидирует.

Джигитян встал. Генерал обернулся к Адлен.

— Дорогая, позаботьтесь. Ротмистру надо ехать. Заготовьте документы, сведения, которые надо передать полковнику для дезинформации большевиков. Ну и... деньги.

Он не назвал имени полковника — все и так речь.

Адлен Морис и Джигитян вышли вместе. Но ротмистр еще долго видел перед собой холодные, умные глаза этого генерала-коммерсанта.

Нерсесу Джигитяну, начальнику разведки отряда Бичерахова, никто, естественно, вопросов не задавал. Он спокойно

Полковник Бичерахов приступил к осуществлению второго пункта программы — вытягиванию запасов из Баку.

Вскоре в штаб прибыл Мудрый. Командующий с любопытством взглянул на командира бронепоезда и сказал весело:

— Матрос? Ясно. Матросы — сплошь герои, смельчаки, бесконечно преданные делу революции. Ну, а мы что, голубчик, предатели?

Николай Мудрый, упрямо глядя в пол, сказал твердо:

— Я ничего подобного не говорил. Нужно наступать, на этом я настаиваю. Такова воля пролетариата.

— Вот как. Стало быть вы, голубчик, командующий, а я — Лазарь Бичерахов — ваш подчиненный. Так?

— Я ничего подобного не говорил.

В глазах войскового старшины блеснули веселые искорки. Вовсе он не собирался ссориться с командиром бронепоезда. Это была тактика. Он хитрил и делал свое дело. Улыбаясь, он подошел к командиру почти вплотную и спросил мягко:

— Слушай, Мудрый. Сколько Баксовнарком платит тебе за преданность делу революции?

— Я получаю, как все, семьсот рублей. И платят мне не за преданность, а за труд. Преданность деньгами не оплачивается.

— Хватает на жизнь?

— Не жалуюсь.

— И правильно. Для защиты революции мне нужны именно такие отважные люди. Назначаю тебя командиром всех бронепоездов. Будешь воевать за Россию. Заработок твой будет пять тысяч рублей николаевскими. Согласен?

Мудрый опешил. Он не сразу уловил смысл, но что-то в этом предложении настораживало.

— Это что же, служить я должен вам?

— Ну, а кому?

— Лично вам?

— Ну-да, я командующий.

— Командующий — вы. Это точно. Но у нас еще есть Корганов. А бронепоезд подчинен непосредственно Баксовнаркому — Шаумяну.

— А приказ Корганова?

— Какой? Я такого приказа не знаю.

— Так вот, Мудрый. Пока командую здесь я, ты будешь выполнять все мои распоряжения. Бронепоезд немедленно отведи верст на 6—7 от штаба. Освободи пути, мы ждем из Баку подкреплений. Обещаю, что первым в бою пойдешь ты. Ясно?

Летели дни. Войска не двигались. На станцию прибывали все новые эшелоны с оружием и продовольствием. Все это разгружалось на станции, но в части не попадало. Мудрый вместе с командиром красного батальона Суреном Мураловым вновь поехал к Бичерахову. Надо было, наконец, решать вопрос о наступлении.

На сей раз командующий встретил их грубо. Кричал, размахивая бумагой:

— Стратеги! Знаете, на что вы меня подбиваете? Вот приказ Корганова. Отступаем. Иначе попадем в окружение и будем разбиты. — Он отошел от них, приказал Аветисову: — Грузите самое необходимое. Время поджимает. Мы обязаны отстоять Баку.

Мудрый и Мурадов долго стояли, ошалело глядя к лопы грузятся и уходят в тыл.

Разумеется, никакого приказа об отступлении не было. Казачий старшина блефовал, чтобы выиграть время. Части отходили к Баладжарам.

Понятно, это не могло пройти незамеченным. Аветисова срочно вызвали с фронта для дачи объяснений. Полковник прочел и покрылся холодным потом — на вызове стоял штамп Чрезвычайной комиссии.

Глава XIV. Злодеяние

Борьба с внутренними врагами революции требовала огромного напряжения. В бывшем тагиевском дворце работа шла круглосуточно. Выезды оперативных групп, аресты, допросы, несколько часов сна и снова работа. Исламбек уже свыкся с этим режимом. Случалось, двое суток не смыкал глаз. Жизнь Бакинской Коммуны стала его жизнью.

Вернувшись в свой кабинет с амурами на лепном потолк

почерневшими от табачного дыма, он устало опустился в кресло и пошарил в ящиках стола. Боль под ложечкой стала нестерпимой, ломтю черного хлеба он обрадовался, как в детстве — бабушкиной пахлаве. С наслаждением запил водой хрустящую, пахнущую плесенью корочку. И сразу зазвонил телефон. Аслан доложил, что Ермаков просит срочно его принять. Он не вошел, а почти вполз — постаревший, осунувшийся. Упал на стул и, обхватив руками голову, зарыдал, держа все своим крупным, обмякшим телом.

Исламбек взглянул на Аслана, машинально смахнул со стола крошки и сунул в ящик недоеденную корку. Спросил изумленно:

— В чем дело, гражданин Ермаков?

Ермаков с трудом поднял голову. Лицо было мокрое, жалкое, губы дрожали.

— Вы что же, не знаете?

— Ничего не понимаю. — Исламбек развел руками. — Честное слово.

— Не знаете? — Ермаков вырвал из кармана листок. — Можете радоваться, палачи! Вот что я получил в Центрокаспии. — Он уронил голову. — Можете делать со мной, что хотите. Я не хочу жить.

Исламбек впился в текст.

«Дорогие товарищи рабочие, солдаты и матросы! До каких пор мы будем терпеть варварство и разбой Чека Советов? Так называемые чекисты давно потеряли человеческий облик. Вчера вечером у завода бр. Нобель обнаружено тело жены депутата Баксовдепа и Центрокаспия, уважаемого гражданина Ермакова — Светланы Тихоновны. Она бесчеловечно расстреляна чекистами лишь за то, что состояла в боевой партии социал-революционеров...»

Исламбек вскочил с места, протянул листовку Аслану. Подошел к Ермакову вплотную.

— Вы верите этой чепухе? Как вы можете думать, что мы?

— А что думать? Она убита. Убита моя Светлана! — Он снова зарыдал, закрыв лицо руками. — Я сам видел, своими глазами.

— Это невозможно! Светлана сказала, что уезжает. Ти-

пичная эсеровская провокация. Вы член этой бандитской партии, Ермаков. Подумайте, зачем Чрезвычайной комиссии убивать людей из-за угла? Дикость! Если Светлана Тихоновна действительно убита, а я в этом сомневаюсь, то преступника надо искать среди ваших друзей. — Он кивнул Аслану. — Приготовь лошадей. Выезжаем. И Подольский поедет с нами.

Калантаров выбежал из кабинета.

— Где... труп? — Исламбек выговорил слово с трудом, так не вязалось оно со Светланой.

— В больнице Совета съезда нефтепромышленников.

— Хорошо. Вы можете идти. Мы вас обо всем известим.

Сунув в рот остаток корки (боль под ложечкой усилилась), Исламбек вскочил на коня. Вспомнился другой день, бешеная скачка по знакомым улицам. Он не успел тогда, не услышал последних слов Эмилины.

У анатомического отделения он спрыгнул, Аслан побег за врачом.

— Из Чека. — Карабаглы предъявил мандат. — Нам необходимо осмотреть тело гражданки Ермаковой. Вызовите понятых.

Врач, пожилой, с безволосым и по-бабын пухлым лицом растерянно протер очки.

— Труп в морге, но...

— Что еще?

— Здесь вещи, товарищ комиссар. Я не отдал их супругу. Подумал, все-таки преступление. Необычная смерть. Как вы считаете? Прошу взглянуть.

Они прошли в кабинет. Врач достал из шкафа изящную лакированную сумочку. Исламбек вздрогнул — это была ее сумка. Постелил платок, осторожно вытряхнул на стол содержимое. Пристально осмотрел каждый предмет. Ключ... Точно такой же ключ он видел в квартире Ермаковой. Во внутреннем отделении лежал партийный билет. На фотографии — живое, веселое лицо. «Ермакова Светлана Тихоновна... состоит в партии социал-революционеров...» — читал Исламбек. Не может быть. Н-не должно быть. Невероятно.

— Вы со мной, товарищ комиссар? — напряженно спросил врач.

— Кто доставил труп? Кем опознана убитая?

— Милиция десятого района. Сегодня рано утром. Сверившись с документами, мы оповестили гос... простите, гражданина Ермакова. Они прибыли-с не один, а с двумя лицами, кои мне неизвестны и опознали-с труп.

— Невероятно, — повторил Исламбек. — Покажите покойную.

Врач — впереди, за ним Исламбек, Калантаров, Подольский и два санитары — спустились в подвал. Здесь было полутемно, горел лишь тусклый керосиновый фонарь.

— Пожалуйста, комиссар. — Врач поднял фонарь и сдернул простыню с тела, лежащего на деревянном настиле.

Исламбек отшатнулся. Вместо лица — синее месиво, осколки костей. В сгустках запекшейся крови пряди залитых мазутом волос. Никогда он не видел такого жуткого убийства. Били чем-то тяжелым, тупым, расплющивая голову, лоб, переносицу. Перебиты были и кисти рук, изуродованы ноги.

Исламбек взглянул на бледного как полотно Подольского.

— Как мог Ермаков ее опознать? — спросил он шепотом. — Я хорошо знал убитую. Но при таких обстоятельствах... Вы же врач, анатом. Какое же вы имели право предъявлять такой труп для опознания? Отвечайте!

— Видите ли, комиссар, труп долго находился в серно-мазутной жидкости и, естественно... произошли изменения. Однако одежда, волосы, вещи. Виноват. Супруг требовал, предъявил мандат депутата Совдепа. Он сам заявил, что это его жена. Все-таки ему виднее... Виноват. Простите, пожалуйста, если...

Исламбека трясла дрожь. С трудом передвигая ватные ноги он пошел к выходу. Под деревом стоял Аслан, его тошнило. Исламбек попросил санитаров принести стакан воды и, кивнув Подольскому, вошел в кабинет врача.

— Давид, остаешься здесь. Вместе с Асланом детально разберитесь во всем. Я убежден, что это не Ермакова. Нужен по всем правилам составленный акт вскрытия. В преамбуле отметьте заявление Ермакова, сообщение врача. Приложите вот эту листовку. В смерть Ермаковой я не верю. Скорее провокация. Врача допросите. Подробно. — Он спрятал в карман партийный билет Ермаковой и ключ от квартиры. — Я к товарищу Джапаридзе. Надо посоветоваться. Уверен, это ловко организованная инсценировка. Да, акт вскрытия должен был

подписан врачом Левинсоном. Немедленно разыщите милиционеров, которые доставили тело, отберите у них документы и в Чека. И еще, тело сфотографируйте. — Он помолчал, подумал. — Знаешь, Давид, это очень серьезное дело. Может быть, оно станет острейшим обвинительным актом против врагов революции. Эс-эров. Эти подлецы способны на любую гадость.

— Ясно, товарищ комиссар. — Подольский вытянулся. — Все будет сделано.

— Ну, успеха вам. Думаю, Аслан уже пришел в себя. Меня самого колотит озноб.

Через минуту за окном четко простучали копыта.

Глава XV. Последнее дело «Чрезвычайки»

Кое-кто из эсеровских и меньшевистских лидеров пытался свести действия Лазаря Бичерахова к безобидной «партизанщине», оправдать их тем, что главным Корганов отдавал будто бы противоречивые приказы. Но Аветисов, припертый к стене, вынужден был признать, что не получал от Корганова приказов об отступлении. Опасения Джапаридзе оправдались: казачий старшина Лазарь Бичерахов, действительно, лицемерил.

Используя эшелоны, прибывшие из Баку, Бичерахов начал стремительное отступление, бросив фронт на произвол судьбы. В пути ему удалось подчинить себе бронепоезд № 1, которым командовал Саркис Мусаэлян. Выполняя приказ, Мусаэлян отвел бронепоезд. Но слишком поспешное отступление бичераховцев его насторожило, и он связался с Шаумяном. Шаумян сказал коротко и беспошадно: предательство.

Мусаэлян и комиссар Самсон Канделаки остановили бронепоезд в Баладжарах и встретили дезертиров огнем. Казаки растерялись и в панике бросали оружие. Прибывшие из Баку части при поддержке бронепоезда обезоружили предателей.

Затем бронепоезд двинулся навстречу остальным эшелонам. Бичераховцы пьянствовали. Но в последний момент кто-то успел предупредить казачьего старшину. Поспешно разгрузившись, Бичерахов в конном строю обошел Баладжары и кинулся к Сумганту, где в это время был Корганов.

Кирсеев — комиссар, ведавший финансами, — скоро узнал о провале левозэсеровского мятежа в Москве. Это был дурной признак. Болело сердце, мучила бессонница. Дважды — чего с ним никогда не бывало — он отправил в банк без подписи важные финансовые документы. Об этом сообщил ему «немчик» с трясущейся головой — Евгений Зире. Немец был безукоризненно вежлив и нестерпимо ехиден.

Осмотрительный и осторожный Кирсеев отлично ориентировался в обстановке. Он не сомневался, что его деятельностью на посту комиссара финансов скоро заинтересуются. В этих условиях величайшая мудрость состояла в том, чтобы retirроваться в нужный момент — не раньше и не позже.

Однако шли дни, а его, Кирсеева, никто не трогал. Как будто о нем вообще забыли. И все-таки напряжение сказывалось, он стал слишком мнительным. При каждом стуке в дверь его кабинета вздрагивал и бледнел. Его выводил из себя пристальный взгляд. Утром, по пути на работу, он подолгу стоял у витрин, пытаясь обнаружить слежку.

Ему, комиссару, было известно, что мало кто из приглашенных в «тагиевский дворец» после 10 июля эсеров вернулся домой. Убийство Светланы Ермаковой, о котором писали правые газеты, его потрясло. Он сомневался, что чекисты способны на такое зверство. Но кто знает? В этой грозовой обстановке все возможно. На карту поставлено все — само существование власти, судьба Бакинской Коммуны. Тут не до сантиментов...

Кирсеева, однако, никуда не вызывали, а шум в связи с загадочным убийством жены члена Совдепа Ермакова постепенно утих. Спокойная, по нынешним временам, жизнь финансового ведомства ничем не нарушалась. И Александр Кирсеев снова углубился в банковские операции, успокоился, стал аккуратно выполнять предписания врача: принимать порошки, обтираться прохладной водой, блюсти диету.

Он почти уверился, что врач прав, объясняя все его недомогания расстройством пищеварения. И тут возникло незначительное на первый взгляд обстоятельство, которое весьма его насторожило.

В середине дня поступило распоряжение: немедленно направить его личного секретаря Образцову в распоряжение Баксовнаркома. Направить так направить. Но почему немед-

ленно — что за спешка? И почему распоряжение подписано самим Шаумяном — с чего это Образцовой такая честь?

Всю ночь промучившись в догадках, Александр Васильев утром пригласил Образцову к себе. По обыкновению она бесцеремонно плюхнулась в кресло, поправила причёску, раскрыла блокнот.

— Скажите... э... голубушка Анна Сергеевна, — Киреев сухо кивнул, — вы ни с кем не делились содержанием наших... э... частных бесед!

Образцова даже привстала.

— Помните, Александр Васильевич, о чем вы говорите? Киреев достал платок, вытер взмокшую шею.

— А как же прикажете понимать вот это распоряжение? — он протянул ей бумагу. — Подписано предсовнаркома Степаном Георгиевичем Шаумяном.

— Не понимаю, — Анна Сергеевна покраснела.

— И я, голубушка, ничего-с не понимаю. С каких это пор Чрезвычайный комиссар Кавказа проявляет к вам такое внимание?

Образцова, чисто по-женски истолковав замечание шефа, со слезой в голые стала уверять, что ничего... совершенно ничего не знает. Киреев вдруг заулыбался, вскочил, забежал вокруг ее кресла.

— Одним словом, поздравляю вас, голубушка Анна Сергеевна. Поздравляю с повышением! Очень-очень рад. Не считите за труд позвонить мне из вашего нового кабинета... — Образцова смотрела на него с недоумением. — Нет, нет, дорогая, пожалуйста, не волнуйтесь. Это я так... чтобы еще раз убедиться в вашей преданности. Из опыта, видите ли, знаю, что очень недурно иметь в Совнаркоме своего человека. Что ж, с богом. Вас вызывают незамедлительно.

Киреев любезно проводил растерянную женщину до дверей. Поклонился, поцеловал руку. Но едва она вышла, он зашелкнул замок и бросился к столу. Перебрал документы в ящиках письменного стола, заглянул в сейф. Только убедившись, что в кабинете нет абсолютно ничего компрометирующего, он несколько успокоился и вызвал заведующего отделом. Нужно было работать...

К новому секретарю Екатерине Долгинск

настороженно. Вызывал ее к себе в неурочное время; мягко ступая, неожиданно появлялся в приемной. Вздыхал: ничего подозрительного. Скромна, понятлива, трудолюбива. И, честно говоря, даже симпатична. Как-то легко и естественно она вошла в коллектив, стала своей, обросла друзьями.

Киреев и сам недоумевал: с чего это он насторожился? Работать с Долинской было куда проще и удобнее, чем с Образцовой. Понимала она его с полуслова, оберегала от лишних разговоров и волнений. Случалось, он забывал принять лекарство, но Катя напоминала об этом деликатно, внося на изящной тарелочке стакан воды.

Конечно, он был несправедлив к Долинской. Он успокаивал себя: нервы, болезненная мнительность. «В конце концов, — размышлял он, — если бы в чрезвычайке что-то знали, меня давно пригласили бы их «шерлок холмсы» — Тер-Габриелян и этот... Карабаглы. Уж они не упустили бы случая устроить шумную возню вокруг дела левозэсера... А Зире... Что ж, он просто труслив как заяц. И усы какие-то странные, торчком... Господи, что за чушь лезет в голову».

Последнюю фразу Киреев произнес вслух и вздрогнул от собственного голоса. Позвонил. Вошла Долинская. Как обычно, ни складки на тщательно отутюженной юбке. У Анны Сергеевны, бог с ней, вечно был мятый подол. Почему-то это его раздражало.

— Соедините, пожалуйста, с Образцовой. Ваша предшественница. Теперь работает в Совнарком.

Отдав распоряжение, он сразу же пожалел, что проявил неосторожность, непростительное в его положении любопытство. Выяснилось, однако, что Образцова уехала в Петровск по спецзаданию. Киреев успокоился и даже позавидовал «голубушке Анне». Сам был бы не прочь побывать в Петровске, встретиться со старыми приятелями, потолковать... Где-где, в петровском казначействе его знали и ценили, там он и чинал.

Резкий звонок заставил Киреева вздрогнуть. Звонил Везинов, комиссар земледелия. Среди левых эсеров он был ему, пожалуй, ближе всех. Сначала разговор крутился вокруг здоровья, погоды, семейных дел. Александр Васильевич пожаловался, что у него забрал секретаря, ни о чем его не спросив. Да еще, говорят, отправили в срочную командировку.

На том конце провода помолчали. Киреев постучал по ры-

чагу, решив, что их разъединили, но услышал приглушенный до шепота голос Везирова.

— В последнее время, Александр Васильевич, многих наших товарищей послали в командировки. Ничего удивительного. Надо понимать. Обстановка.

В трубке щелкнуло, разговор оборвался. Видно, Везиров счел, что и так сказано слишком много.

Горячая волна вновь хлынула к сердцу. «Нервы, нервы. С такими нервами только к теще на блины ходить, а не заниматься серьезными делами». Мысленно он выругал себя последними словами и приободрился. Давно заметил: эти самые слова превосходно на него действуют...

В самом деле, борьба есть борьба, без риска тут не обойтись. Если честно — все идет как нельзя лучше, в точном соответствии с планом. Кто не знает Киреева? Комиссар. В Бакинской Коммуне человек уважаемый. Чего ему бояться? Что смыслят большевистские лидеры в финансах? Без него, Киреева, им не обойтись. Как не обойтись без компетентных бухгалтеров, счетоводов, кассиров. К счастью, красные комиссары понимают это отлично.

Однако, вопреки логике, Александр Васильевич достал из сейфа бланки с грифом комиссариата финансов и зачем-то сжег их в мраморной пепельнице. Позвонил.

Вошла секретарь. Прикрыв картоном горстку пепла, он встретил ее улыбкой, отметив про себя, что настроение заметно улучшилось. Внимательно выслушав короткий и четкий обзор последней почты, Киреев неожиданно для Долинской взял ее руку и поцеловал.

— Простите, уважаемая Екатерина Ивановна. Не поймите превратно. От чистого сердца. В знак благодарности. Вы не представляете, как облегчили мне работу своей... своей... Словом, ваша предшественница не отличалась аккуратностью. — Киреев застенчиво улыбнулся. — И привлекательностью тоже не отличалась.

Долинская вспыхнула.

— Полноте, голубушка, — Киреев рассмеялся. — Вот уж я покраснел, как маков цвет. Был бы весьма огорчен, если бы вы заподозрили меня в амурных намерениях. Надеюсь, мы будем друзьями. — Он одернул жилет, внимательно наблюдая

за впечатлением. Ему самому речь поправилась. — Скажите, Катенька, как вы живете? Не испытываете ли в чем нужды?

Простите, Александр Васильевич. Зачем вы это спрашиваете?

— Такое нынче время, голубушка. Люди живут тяжело. Война, разруха. А я не вправе проявлять равнодушие к сотрудникам, которые так преданы делу. В общем, с завтрашнего дня прибавим вам жалованье. Не возражайте, это мое право. Давайте-ка сегодня же отметим это небольшое событие в «Монте-Карло». Вы там не бывали? Напрасно! Вполне приятное заведение. Это на крыше «Феномена», у входа на бульвар.

Пюльский вечер был наполнен запахами моря и цветов. Александр Васильевич сидел за отдельным столиком, на котором возвышалась бутылка контрабандного шампанского, рассеянно слушал оркестр. Он удивился, обнаружив, что волнуется и с нетерпением поглядывает на часы. Катя пришла, опоздав всего на пять минут.

Все следующие дни настроение у него было приподнятое. Ужин на крыше «Монте-Карло» разбудил в нем давно угнувшиеся чувства, напомнил о Москве, веселых попойках под сводами Яра, смуглых тонких плечах чаровницы Грушеньки; от ее песен с ума можно было сойти... А тройка с бубенцами? Эх, если б сейчас вернуть хоть малую толику тех радостей! Сейчас, когда он не хуже прочих может швырнуть Груше под ноги пачку ассигнаций, услышать ее величальную, крикнуть лихо — «Шампанское за мой счет! Всем!» Не на чужие, на свои, кутнуть лихо, без оглядки, чтоб по всей Москве прошла слава... А потом жениться. Ну, хоть бы на Катеньке. Хороша собой, уважительна. И так мило краснеет.

Конечно, приодеть ее. Бросить все — политикку с этой рисованной, на волоске, игрой, посты, регалии... Все это, к сожалению, приходит слишком поздно. Когда есть на что жить, можно обойтись и без высокого портфеля.

Киреев взглянул в овальное зеркало, висевшее над массивной тумбочкой с телефоном. Увы, не молод. Волосы седые, редкие. Под глазами синеватые мешки. Да разве дело в сединах, морщинах? Все решают деньги. Не зря американцы значимость человека определяют короткой и точной формулой: сколько стоит. А политика, партии — все это вторично. Он, Александр Васильевич, нынче кое-что стоит. Вчера верный

друг и единомышленник Покровский получил из банка по чеку пятьдесят тысяч рублей, да те пятьдесят, которые лежат в его портфеле. Уже сто. Под маркой эвакуации финансовых учреждений: они смогут на «Мёве» уйти в Петровск. Кстати, у Александра Васильевича на этот случай припасен мандат, а «Мёве» — надежный парходик...

В дверь робко постучали. Киреев вскинулся, сделал глубокий вдох-выдох, приводя в норму дыхание. Так мог стучать только Зире. Вот уж нестати. Александр Васильевич не любил этого сдержанного сероглазого немчика, с жесткими светлыми усами. Интересно, с кем этот Зире? С Советами?

— Подпишите, пожалуйста. — Зире положил перед ним документ.

— Это что еще?

— Ваше личное распоряжение. Чеки. — Зире коснулся острым ногтем книжки. — На имя комиссара «Мёве» Тюхова двадцать тысяч рублей. Ранее им же получено тридцать тысяч. Все это — кроме выданных Покровскому 50 тысяч 500 рублей из брони Совнаркома.

Киреев, размашисто расписавшись, спокойно заметил:

— Да, товарищ Зире, трудные для Коммуны времена. В другом случае Совнарком вряд ли вынес бы решение о предстоящей эвакуации финансовых учреждений. Вы как, едете с нами?

Зире молчал, только руки и голова мелко дрожали. Томительная пауза затягивалась. Киреев усмехнулся и пожал плечами.

— Что ж, решайте сами. Я не неволю. У каждого свои, — он сделал ударение на «свои», — личные планы.

— Я могу идти?

— Не смею задерживать.

Степан Георгиевич посмотрел на часы — близко к полуночи. Распахнул окно кабинета, облокотился о подоконник. Он любил слушать сонное дыхание города, шорохи моря. Где-то вдали нежно вздохнули струны тара и тут же смолкли, зажатые суровой рукой. Не до музыки городу, не до песен.

В который раз истомленный бессонницей, он анализировал обстановку в поисках выхода. Выход был один — созыв чрезвычайной сессии Бакинского Совета. Надо дать прямой и решительный бой контрреволюционной оппозиции, продавшей — теперь это не вызывало сомнений — и землю, и свободу англичанам.

Он снова вспомнил текст ленинской телеграммы о предложении германцев, переданном через нашего посла в Берлине: приостановить наступление турок на Баку, если им гарантируют крупный нефтяной пай. Рекомендую решительно бороться против левых эсеров, дашнаков, народнической фракции Бакинского Совдепа и согласиться на предложение немцев, Ленин думал только об одном — сохранить Бакинскую Коммуну.

Под окном четко прозвучали шаги — прошел патруль. Ночь была тихая, звездная. Слишком тихая, пожалуй. Голосов не слышно, люди спешат укрыться в домах, с минуты на минуту ожидая... Чего? Надо смотреть правде в лицо. Город ждет решения своей судьбы.

Чрезвычайная сессия назначена на 25 июля. Всего несколько дней. Какой будет расстановка сил в этом смертельном бою? Кто из делегатов поддержит Бакинский Совет в трудный час? Хорошо бы знать это заранее. Он знал: многое держится на авторитете Совнаркома, на личных качествах комиссаров. Прямой и горячий Алеша Джапаридзе, волевой и сдержанный Азизбеков, блестящий аналитик Тер-Габриелян — их любят рабочие, с ними вынуждены считаться даже враги.

Степан Георгиевич взглянул на небо. Из ковша Большой Медведицы плеснуло на плоские крыши голубым сиянием. Почему-то думалось о том, что будет через тридцать, через пятьдесят лет...

Что узнают те люди об этих июльских днях восемнадцатого года? Кто из них, комиссаров, доживет до встречи с теми, еще не родившимися, ради которых все это делается?

Больно ждало сердце. Он задернул штору, вернулся к столу. В белом круге света отчетливо выделялись фамилии — список делегатов Чрезвычайной сессии Совдепа.

Исламбек назначил Евгению Зире встречу на берегу моря, у самого порта. Он не случайно выбрал это людное место;

если и встретится кто из знакомых, вряд ли обратит внимание на двух мирно беседующих людей в штатском.

На фиолетово-синей от нефти воде лениво покачивались пароходы, крайний справа — «Мёве». Босоногий матрос, щурясь от утреннего солнца, тащил связку каната.

— Наверное догадываетесь, Евгений Федорович, почему я пригласил вас так рано? — Исламбек взглянул на бледное и бесстрастное лицо Зире.

— В смысле сроков так вам, видимо, удобнее. А вообще... Полагаю, что о приглашении позаботилась моя племянница Ютта.

— Почему же так неприязненно?

— Встреча с некоторыми людьми не приносит обычно особой радости. Знаете ли, когда утреннее приглашение исходит от «чрезвычайки». Хэ-хэ. Извините.

— Так вот, коротко, в чем дело. Нам известно, что в течение последних дней по чекам, выписанным вами и подписанным Киреевым, из банка выданы крупные суммы денег...

— Совершенно правильно, — невозмутимо кивнул Зире.

— Знаете, чем это пахнет?

— Знаю. Не могу лишь понять, почему обо всем этом вы спрашиваете меня? Что бы вы, гражданин комиссар, сделали на моем месте, если бы вам, рядовому служащему предложили составить чек? Распоряжение подкреплено ссылкой на приказ Совнаркома. Крайне сложная обстановка, эвакуация финансовых учреждений. Задавать вопросы считал себя не вправе. Мне и так сказали больше, чем полагалось знать мелкому служащему.

— Сколько получено денег?

— Полагаю, вы и без меня знаете. На всякий случай вот небольшая справка. Выписка из расходной книги.

Нет, Зире не лгал. В справке приводились точно те же данные, что еще вчера получил Исламбек в банке. Даже простая добросовестность в этих условиях значила многое. Исламбек ему поверил.

— Думаю, вы понимаете, что о нашей беседе не следует распространяться. Это все, вы свободны. — Он снял шляпу и поклонился.

Зире шел, не оглядываясь. Очень хотелось догнать его и

расспросить подробнее. Но Исламбек чувствовал: этот финансист, бывший управляющий казенной палатой, закованный в панцирь бесстрастности, ничего лишнего не скажет. Только то, что обязан. С кем он в глубине души? С кем все эти люди, идущие мимо: человек в канотье с тросточкой, поглощенный свежим номером газеты, вот тот с трубкой в модном костюме и при папаше, хотя на улице жарко?..

В прозрачных солнечных бликах утра бульвар жил своей обычной, далекой от мировых катаклизмов жизнью. О чем-то весело спорили на причале совсем еще молодые безусые матросы. В аллее под бдительным надзором пожилой женщины играли дети. С ворохом газет спешил к площади босоногий мальчишка. Подставив утреннему солнцу припущее лицо, блаженно потягивалась на скамейке молодая, плечистая особа в веселой ситцевой кофточке. Заметив взгляд Исламбека, озорно подмигнула, улыбнулась, хлопнула ладошкой по скамейке — место рядом свободно...

Что ждет людей, в поте лица добывающих хлеб свой в нефтяных колодцах, если падет Бакинская Коммуна?

В ушах еще звучал спокойный голос Шаумяна. Шло заседание чрезвычайной сессии Бакинского Совдепа, решалась судьба Коммуны. А Шаумян четко и последовательно излагал доводы, бесспорно изобличающие оппозицию, просто и убедительно доказывал, объяснял, к каким трагическим последствиям ведет курс эсеров, меньшевиков, дашнаков.

... Слушая предсовнаркома, Карабаглы смотрел в притихший зал. Полтораasta членов Центрального Совета, столько же представителей районных советов, тринадцать делегатов Центрокаспия, сорок с небольшим — от судебных комитетов, воспанные из ВРК и семьдесят девять безымянных делегатов напряженно слушали речь Чрезвычайного комиссара Кавказа.

Потом... Потом долгая и томительная дискуссия. На трибуну поднялся Айолло — элегантный, одетый с иголочкой. Модуляции собственного голоса и ораторский успех были для него превыше всего. Картинно жестикуюлируя, Айолло бросал выразительные взгляды в сторону стола, за которым сидели комиссары. Но говорить он умел, речь запомнилась.

— Мне могут возразить: не все, кто молится, веруют в бога. Готов согласиться. Но я не только молюсь, а перед этой авторитетной аудиторией заявляю: я верую. Да, граждане и товарищи, я верую в разум. Не обессудьте, если я прибегну к метафоре. Когда бог впервые сошел на землю, он подарил людям

— Не волнуйтесь, Тер-Оганян. Нас народ поддержит. А вот поддержат ли вас, если вы заявите это на промысле?

Тер-Оганян онемел.

— Вот так, дорогой Тер-Оганян. Спокойно сидите и слушайте, что говорят умные и серьезные люди.

В соседнем ряду поднялся другой меньшевик, Лев Уманский, закричал, потрясая кулаками:

— Вы хотите опереться на Германию? Нет, это не наш путь! Немцы захватили Финляндию, Литву, Польшу, все российские земли до Воронежа. Они рвутся в Баку, потому что им нужна наша нефть. Только бескорыстные мировые державы — Англия и Америка — способны преградить захватчикам путь в Закавказье...

Голос его потонул в криках и громе аплодисментов справа. И сразу стало тихо — к трибуне вышел Шаумян.

— Не могу понять, товарищи, чего добиваются Айолло и Уманский? Серьезные дела должны решаться серьезно. Позволю себе напомнить, что Бакинская Коммуна — один из институтов диктатуры пролетариата, что она возникла в результате Октябрьской революции... Нас обвиняют в том, что большевики стремятся к самодержавию. Разве это серьезно? В Совнаркоме есть большевики и левые дашнаки, меньшевики и левые эсеры. Это же ясно каждому. Если же говорить о репрессиях, то зачем далеко ходить за примерами? Депутат Совдепа, член Центрокаспия товарищ Ермаков собирался арестовать Шаумяна и свергнуть власть Советов. И что же? Его освободили, дав возможность разобраться в своих заблуждениях. Позвольте вас спросить, господин Айолло, разве это самодержавие?

Он помолчал.

— Один умный философ заметил, что до десяти лет человек тянется к сладостям, в тридцать — стремится к удовольствиям, в сорок — главным становится честолюбие... В каком же возрасте, спрашивается, наступает пора мудрости? Вы меня извините, господа Айолло и Уманский, но, кажется, только Наполеон позволил себе сказать, что ему плевать на миллион жизней. Неужто вы, господа Айолло и Уманский, вообразили себя наполеонами и готовы погубить десятки тысяч голодных обездоленных людей, которые ждут от власти Советов хлеба, работы, счастья?..

Между тем обстановка накалялась. Через Астрахань Шаумяну передали телеграмму Ленина. Ленин предупреждал, что действия дашнаков, направленные против решений Пятого съезда Советов и советского правительства, будут рассматриваться как измена.

Прибывший из России на помощь коммуне Григорий Петров, осмотрев линию фронта, с горечью сказал Шаумяну: «Не понимаю, что там происходит: это война или игра в поддавки?».

Измена была всюду. Кольцо вокруг города сжималось, и крысы спешили сбегать с корабля. Адрес они хорошо знали... Резолюция чрезвычайной сессии Баксовдепа о приглашении англичан, принятая голосами оппозиции, ясно показала подлинное лицо социал-предателей.

Тридцатого июля турецкие войска вплотную подошли к Баку. Над городом нависла смертельная опасность. Командовавший войсками Аветисов, который всегда кичился своей отвагой, предложил Шаумяну выкинуть белый флаг и сдаться на милость победителей.

Генерал Багратуни молча ходил по кабинету, делая вид, что не замечает нетерпения окружающих. От него ждали совета. А что он мог предложить? Да, за его плечами опыт, биография, которой можно позавидовать. Но даже ему не приходилось бывать в такой ситуации.

Петроград семнадцатого года. Бесконечные собрания, митинги, речи. Его назначают адъютантом Александра Федоровича Керенского. С красным бантом на щегольском мундире он сопровождает в машине самого председателя и верховного главнокомандующего по Невскому. Нарядному, яркому, звенящему от приветственных криков и меди оркестров.

Особенно ясно он помнил июльские дни. Кого-то они потрясли, ему, Багратуни, открыли дорогу в будущее. Близился тот благословенный скачок вверх, которого он ждал так долго. Керенский — при свидетелях — обещал ему весьма высокий пост в армии. Вот только покончим с большевиками и с Лениным. Керенскому Багратуни верил безгранично, верил каждому его слову. И вдруг... Он и теперь не мог спокойно вспомнить трусливое бегство «верховного», стремительное крушение всех своих надежд...

Разумеется, ему тоже пришлось бежать. Но не за границу, а в Закавказье, чтобы здесь продолжать войну с большевиками, расквитаться за утраченные иллюзии. Были бы у него силы... А что можно сделать с этой разношерстной публикой, пестрым скопищем людей, готовых в любую минуту вцепиться друг другу в горло?

Сверлящие глаза-буравчики Абрама Гюльдаханяна следили за каждым его шагом, стараясь предугадать движение мысли. Председатель армянского нацсовета больше всего боится продешевить. Как и этот мерзавец Ростом Зорян — лидер «Дашнакцутюна». С каким наслаждением Багратуни свернул бы шею им обоим. Однако он вынужден с ними считаться — за ними сейчас сила — масса фанатически преданных им армянских солдат.

Ничего, придет время — и он рассчитается сразу за все: за сломанную карьеру, за недоверие, за пренебрежение. Мелочь, шушера... Как-никак он, генерал Багратуни, знатного рода. Сестра, княжна Лидия Багратуни замужем за самым Детердингом. Пусть только англичане войдут в Баку, он — пока всего лишь командующий войсками дашнаков — покажет им их место.

Прошлое и будущее лихорадочно крутилось в его сознании, пока собравшиеся ждали. Переговаривались негромко, одними губами, чтобы не мешать генералу принять единственно правильное решение. Он чувствовал: молчание слишком затянулось. Надо что-то сказать.

— Друзья! Сегодня 30 июля. Трагический день Бакинской Коммуны. Хотя большевики еще хорохорятся, пытаются что-то делать, но судьба их уже решена...

Зорян нервно поскреб затылок.

— Сегодня в четыре утра мне позвонил Тер-Габриелян и потребовал помощи. Ну... Я обещал отправить тысячу армянских солдат в район Баладжар, на помощь полковнику Аветисову. Бичерахов бежал. Боюсь, что иначе турки ворвутся в город.

Багратуни остановился против него, вскинул брови.

— Солдаты на позициях?

— Пока что удалось отправить всего двадцать человек.

Гюльдаханян покачал головой, хмыкнул.

— Мне известно, что и эти солдаты вернулись в город.

Зорян развел руками.

— Должен сообщить вам, друзья, — сказал Багратуни веско, — что Аветисова вызвали к Шаумяну. Вы тоже должны быть там через час. Полагаю, в моих советах вы не пуждастесь. Обстановка ясна. У меня все, господа.

Собравшиеся молча переглянулись.

Спорить было бессмысленно. В распоряжении чекистов были не только банковские документы и показания свидетелей. Главное — результаты личного обыска. Сорок тысяч рублей были вшиты в пояса Киреева и Покровского. В увесистом портфеле бывшего наркомфина обнаружили еще пятьдесят тысяч в крупных купюрах, мандат и пропуски на выезд из Баку в Петровск.

Карабаглы и Калантаров задержали их за несколько нут до того, как «Мёве» должен был отойти от причала.

Покровский сразу сник и рассказал, что приехал в Баку несколько дней назад. Уповав на помощь старого московского друга Александра Васильевича, надеялся устроиться на приличную работу. Киреев познакомил его с Долинской — той самой, что дала свидетельские показания — уверил, что это его будущая супруга. Он, Покровский, и не подозревал о преступных намерениях Александра Васильевича. Лишь потом, когда он получил назначение на пароход «Мёве», старый друг доверительно объяснил, что положение в городе тревожное и надо уехать с деньгами. «Если бы вы знали, граждане из Чрезвычайной комиссии, как я казню себя за содеянное, как проклинаю тот час, когда связался с этим человеком...»

Киреев петлял, пытаясь изобразить из себя невинную жертву провокации. Лишь когда в кабинет Карабаглы вошли предсовнаркома Шаумян и комиссар Везиров, он понял, что это конец.

— На что вы рассчитывали, совершая издательски преступление, Киреев? — спросил Шаумян.

Киреев опустил голову, всхлипнул.

— Я не думал, — пролепетал он. — Хотел жить, уйти от этого дикого хаоса. — Закричал, забился в истерику: — Жить хотел, только жить!

— На деньги голодающих рабочих? Махнув рукой на совесть и честь? Хотя какая уж тут честь! Только бы пересидеть тревожное время за крепкими ставнями под звон бокалов и граммофонную музыку. Пусть голодают рабочие, пусть нечем платить солдатам... — Шаумян покачал головой, отошел к окну. — И это называется «жить»? Трус и предатель вы, Киреев.

Киреев с мучительной надеждой перевел взгляд с Шаумяна на членов Чрезвычайной комиссии. Но все молчали.

Киреев и Покровский были расстреляны в шесть утра 30 июля 1918 года по приговору Чрезвычайной комиссии. Приговор подписали Тер-Габриелян, Мазуров и Садковский.

Дело под номером двести шестьдесят семь было последним делом бакинской Чрезвычайной комиссии.

Глава XVI. Финал

... Эмилия бежала. Бежала тяжело, с трудом передвигая ноги, нелепо размахивая руками. Она что-то глухо бормотала, всхлипывала. «Это же я! Исламбек! Остановись!» — кричал он, погоняя коня. Конь мчался и все не мог догнать исчезающую в зыбком тумане фигуру. На перекрестке она обернулась. Странно сморщилась. Совсем близко было большеглазое, мертвенно-бледное лицо. Нагнулся с седла, чтобы подхватить. Что ты, милая, это же я — Исламбек! Нет! Я знаю... Она отшатнулась и исчезла, чтобы снова возникнуть вдали смутным силуэтом. «Она приняла меня за Теймурбека. Проклятое сходство! Надо догнать, остановить, спасти». Он дернулся и застал от острой боли.

Под низким потолком брезжила размытая полоска неба, перечеркнутого решеткой. Исламбек сделал усилие, перевернулся на спину. Дикая боль в паху заставила скрючиться, подтянуть колени. Сплюнул запекшуюся на губах кровь, осмотрелся. Холод каменных плит жег спину.

Эмилии, конечно, нет. Ее застрелил брат. Диккий, мучительный сон. Обычная тесноватая одиночка тагневской тюрьмы. Сколько раз из окна дома Ширвани он видел эти окна. Отсюда не вырвешься. Да и глупо об этом думать, когда он не может встать. Здорово они его отделали. Неужто так и по-

дохну, не плюнув в торжествующее лицо брата? Воды бы, глоток воды...

Кусок неба наливался красным, заполняя камеру сумеречным, холодноватым светом. Исламбек осторожно, сантиметр за сантиметром вытягивал ноги. Расслабиться, дышать ритмично, совсем расслабиться... Этому учил его Аслан в короткие часы ночных привалов. Так, кажется, восстанавливают силы японцы. И еще надо внушить себе, что ты здоров, бодр, силен.

Он горько усмехнулся. Здоров... бодр... Чтобы труднее было переносить ночные пытки? Все-таки он постепенно вытянулся, заставил себя дышать ровно, глубоко, не думать о том, что его ждет.

Вспоминалось все подряд. Темная, пропахшая дымом комната в доме бабки, где он отлеживался после смерти Багиры. Длинные бессонные ночи в далекой деревушке. Так же светлело на рассвете узкое оконце. Зарождающийся день раздражал его. «Занавесь окно, не хочу видеть свет», — требовал он. «Что ты, что ты! — Назлы испуганно махала руками. — Не гневай аллаха. Свет — первое и последнее, что видит человек в жизни». Как-то ранним утром бабушка вцепилась в его руку слабыми, сухонькими пальцами, почти насильно вытащила на крыльцо. Он зажмурился от сияющей голубизны снега. Потом увидел влажные прогалины в саду, набухшие почки старой яблонь, низкие столбы дыма над плоскими крышами... Что-то дрогнуло в нем, забилося сердце, перехватило дыхание от этой колдовской красоты. Строгая, прямая, отбросив сползшую на плечи шаль, стояла бабка Назлы. Прищурила добрые подслеповатые глаза, сказала тихо: «Да буду я твоей жертвой. Пусть горе отпустит тебя, пусть согреется душа твоя».

— Ты что, плачешь? — спросил Исламбек шепотом, будто кто-то мог услышать их на этой безлюдной деревенской окраине.

— За тебя слезы, — кивнула она сердито. — Потому что родила тебя моя дочь, стало быть, кровь у нас одна. И горе твое кусает мое сердце.

Она давно ушла в дом. А он все стоял, прислушиваясь к тому, что уже совершилось в нем под звон весенней капли, робко и жадно пробивалось навстречу зарождающемуся дню.

— Воды бы попить, глотнуть, лизнуть...

Как просто все было тогда. Надо найти убийцу Багиры, отомстить — и справедливость восторжествует в этом жесто-

ком и путаном мире. Скверных людей надо просто убивать. Сколько их? Пять, ну, десять мерзавцев. Однажды он сказал это Джапаридзе. Алеша рассмеялся. «Платформа эс-эров. Прimitивный терроризм, ограниченность».

Много позднее он начал что-то понимать. Мстить не поможет, нужно переделать мир. И переделать его можно, только сломив прежнюю систему и создав новое общество — с новыми отношениями, новыми законами, новой жизнью. Народ... Конечно, он знал это слово. Но для него оно было смутным и расплывчатым, как нечто существующее отдельно от семьи Карабаглы и тех семей, что имели право на хлеб, выращенный этим народом, на нефть, им добытую, кто имел право посылать на войну, на смерть все тот же темный, покорный народ.

Это у него тоже от Алешы — постоянные мысли о народе, его судьбе, силе и мудрости.

Народ... Аслан, для которого не было большей радости, чем театр, и который ушел из театра — восвать и бороться за революцию... Выхрастый Генка, мечтавший когда-нибудь досыта наесться хлебом с маслом. Белым-белым хлебом... Бабушка Назлы, отдавшая сало последнего барана, чтобы умаслить жизнь своего ненаглядного внука.

Но ведь те, кто на чрезвычайной сессии голосовали за приглашение англичан, тоже народ... Обманутый народ, объяснял Шаумян, народ, отравленный ядом шовинизма. Ладно. А защита города?

Он видел отряд Петрова в бою. Они, матросы с бронепоезда «Республика», не бакинцы, но город они закрывали своей грудью. А дашнаки отступили, бросили позиции. Дали туркам возможность обойти отряд. Вырезать матросов, сестер милосердия...

Это тоже народ? До последней минуты Степан Георгиевич верил, что они поймут. Почему-то он особенно верил в Ростома Зоряна — лидера партии «Дашнакцутюн». «Во многом он заблуждался, но есть в нем что-то от настоящего революционера».

Пить... Глоток воды. Пить...

Он очень хорошо помнит последний разговор. 31 июля Степан Георгиевич пригласил к себе Ростома Зоряна и Абрама Гюльдахяна. Шаумян говорил с ними сам. Остальные — Мешади Азизбеков, Тер-Габриелян, он — сидели в стороне.

— Что вы делаете? Собираетесь сдать город туркам. повторить март? Вспомните трупы на улицах...

В тот час ни Шаумян и никто другой не мог представить, что будет, когда турки возьмут город.

Гюльдахаян (он еще долго проживет, как попугай повторяя свою программу) ответил нагло:

— Передайте нам власть, мы разберемся.

— Они все еще рассчитывают на англичан, — не выдержал Азизбеков. — Поймите! Если бы у англичан были силы, они как-нибудь обошлись бы без вашего приглашения. Но у них нет войск. И не станут англичане класть головы за вас, Гюльдахаян.

— Это будет видно.

Степан Георгиевич задумался.

— Вы убеждены, что справитесь? Не придется потом каяться?

Исламбек подумал, что Шаумян слишком деликатен с этим негодяем. Он встал и сказал решительно:

— Товарищ Шаумян, у этого предателя все написано на лбу. — Рука сама потянулась к кобуре.

— Оставьте, Исламбек, — сказал Степан Георгиевич печально. — Все проще и хуже. Гюльдахаян никудашный политик. Он жаждет власти. Хорошо, он ее получит. Но если вы, Гюльдахаян и Зорян, не защитите город, честные люди этого вам никогда не простят.

Да, народ — это люди. Честные, смелые, преданные. И мелочные, корыстные, властолюбивые, слабые. Они тоже народ, Степан Георгиевич прав.

Воды... Когда же конец... Он лизнул холодный шершавый камень и застонал от нестерпимой боли.

Бичерахов... Английская свинья. Все-таки предал. Джапаридзе не ошибся: Бичерахов всегда был врагом. Нет, нельзя было ему верить. Но разве кто-нибудь верил? Просто не было выхода.

В чем же тогда ошибка? Или причина поражения только в неравенстве сил? И снова, путая время, в сознании закружились события, люди, встречи.

...Последний день коммуны. Последний ее оплот — Петров-

ская площадь. «Кабшеты» комиссаров здесь — прямо на булыжнике, шпалах и рельсах, на лафетах пушек и ящиках. Бакинский комитет партии — списки у членов Бюро. Решается вопрос о судьбе города. Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе, Тер-Габриелян, Фиолетов, Корганов, Петров... Что делать дальше? Защищать город от турок нечем, от англичан — нечем. Гагк Тер-Каджарянц и Сако Саакян сумели уговорить экипажи «Ардагана», «Карса», «Президента Крюгера». Корабли ушли в Энзели встречать спасителей. Радиостанция в руках предателей. Связь с Советской Россией, с внешним миром прервана. Что делать?

— Друзья, — медленно говорит Ваня Фиолетов. — Останемся здесь до конца. Не верю, чтобы из Астрахани не пришла помощь. Ленин, узнав о том, что нет связи, поймет и сделает все, чтобы помочь. Я предлагаю: Степан Георгиевич с семьей, Алеша Джапаридзе, Саак, Шеболдаев садятся на пароход, который стоит у пирса. На пароходе нефть для Астрахани. А мы...

Степан Георгиевич встал, осмотрел линию обороны. Она проходила совсем рядом — по Меркурьевской, Красноводской, берегу моря.

— Нет, товарищ, Я не оставляю беде.

— Товарищи! — перебил Азизбеков. — Степана Георгиевича убеждать бессмысленно. Но есть партийная дисциплина. Предложение Фиолетова ставим на голосование. Кто за то, чтобы Шаумян, Джапаридзе, Саак, Шеболдаев были эвакуированы, прошу поднять руки.

Первого августа власть в городе захватили пять диктаторов, директория Центрокаспия: Бушуев, Леммлейн, Печенкин, Ермаков и Тюшков. Чтобы продемонстрировать демократичность новой власти, диктаторы избрали временный президиум: Александр Аракелян, Абрам Велунц, Лев Уманский, Сергей Мелнк-Йолчан, Григорий Айололо...

Был выпущен бюллетень с воззванием. Директория клеветала и оправдывалась. Поскольку Баксовнарком будто бы не в состоянии контролировать положение в городе и на фронте, эсерам, меньшевикам и дашнакаканам пришлось объединиться. Высшей властью в Баку стали теперь директория и Временный исполком совета рабочих, солдатских и матросских депутатов...

Бюллетень дирекции и правые газеты злорадствовали недолго. До первых снарядов турецких пушек...

«Петровская площадь» потребовала, чтобы дирекция Центрокаспия пропустила в Астрахань Шаумяна, представителя всероссийской советской власти.

Ультиматум вызвал волнение. В зале адмиралтейства собралось все руководство «блока». Прибыл и Реджинальд Тиг-Джонс — уполномоченный Денстервиля. Решался вопрос, что ответить комиссарам.

Первым взял слово Григорий Айолло (в богатой Праге он кончит жизнь бродягой).

— Я категорически против того, чтобы выпустить Шаумяна в Астрахань. Это приведет к тому, что Советская Россия обрушится на нас и уничтожит.

— Правильно, — встал Ермаков. Тот самый диктатор, с которым комиссары обошлись гуманно. — Нельзя выпускать Шаумяна. Надо предложить эвакуацию всего Совнаркома.

— Хрен редьки не слаще, — бросил диктатор-матрос.

— Увы, — вздохнул Ермаков. — Арестовать комиссаров на Петровской площади трудно. Их защищает Петров, поддерживают рабочие...

— Господа... Товарищи! — вмешался Садовский. — Я отлично понял Александра Андреевича. Вспомните, Антей был силен, пока стоял на земле. Комиссары на пароходах. Ха-ха... Великолепная идея!

На рассвете 14 августа 1918 года нефтеналивные и сухогрузные суда, взяв на борт руководителей Бакинской Коммуны, детей, женщин и стариков, вышли в море. Шторм принудил их задержаться у острова Жилого. И здесь военные корабли «Ардаган», «Астрабад» и «Геок-Тепе», выполняя приказ дирекции, открыли по ним огонь...

Почти все руководители Баксовнаркома были арестованы и помещены в Баилловскую тюрьму. То, что дирекция не решалась сделать открыто, теперь стало возможным.

Ах, Ермаков, план твой в смысле вероломства был гениален. Трусость иногда подсказывает блестящие решения. Неужто мы с вами, Александр Андреевич, больше не встретимся? Жаль. Очень бы надо.

Они с Асланом немало сделали, чтобы освободить комис-

саров из тюрьмы. Иногда казалось, что они близки к цели. Но всякий раз план срывался — мешал новый председатель Чрезвычайной комиссии Михаил Васин. Тот самый, что в свое время сорвал заготовку хлеба на Мугани.

Неизвестно, на что рассчитывала директория, пригласив в город англичан. Это было явным нарушением соглашения между Россией и Германией. Турки, приостановившие наступление, немедленно этим воспользовались: атаки на город возобновились.

Они долго шли по следам Васина и Тер-Мкртычянца — тех двух, что руководили арестом комиссаров. Видимо, понимая, что ими интересуются, оба держались крайне осторожно. Но часам к одиннадцати примчался Аслан и торопливо доложил, что Васин, в сопровождении телохранителя, выехал на позиции к Волчьим воротам.

— Волку в пасть, — мрачно сострил Исламбек, вскакивая на коня. Оба они — это была идея Аслана — были в форме капралов английской армии.

Автомобиль Васина они догнали на подъезде к Чемберленду. Объехали, загородили дорогу. Васин и его адъютант опешили. Аслан подъехал к предчека и знаком попросил его выйти, показав пакет.

Васин вылез из машины и подошел к Исламбеку. Аслан остался и на чистом русском языке сказал адъютанту и шоферу:

— Ни с места. Идет суд трудового народа.

— Вы председатель Чрезвычайной комиссии директории? — спросил Исламбек.

— Конечно. А что вам угодно?

— За преступный арест бакинских комиссаров и предательство дела революции вы приговорены к расстрелу.

Выстрелы прогремели раньше, чем Васин понял.

— Уберите эту мразь в автомобиль, — сказал Исламбек громко и отчетливо. — И передайте диктаторам, что все они судом пролетариата приговорены к смертной казни.

Пятнадцатое сентября. Турки ворвались в город. Запылали пожары. Диктаторы и вся их пестрая камарилья укрылись на кораблях. Власть их продержалась месяц. Но этого было достаточно, чтобы залить город кровью, усеять трупами. И то,

что творили сейчас турки, было естественным следствием их политики. «Он никудышный политик», — сказал Степан Георгиевич о Гюльдаханияне. Все они были никудышные политики...

Помогли англичане? Этот вопрос всей своей тяжестью обрушился на тех, кто поддался лживой агитации и предал своих комиссаров. Впрочем, турки грабили и убивали и тех, кто ждал англичан, и тех, кто ждал турок, и тех, кто помог арестовать бакинских комиссаров...

Зачем их увезли в Красноводск? Где они? Пить... Воды...

Двадцать пятого сентября Баку встречал мусаватское правительство. Во-истину коварна, колдовски изворотлива порой Кляно, муза истории: в одном котле она варит и трагедию, и фарс. Делегацию горожан возглавил архимандрит Левон. С его благословения Ферикбею Нурн-паше и Фатали-хану Хойскому поднесли хлеб-соли

Воды... Воды...

Если б он не попался так нелепо в тот день, наверняка уже знал бы, что с комиссарами. Ширвани должен был привести сведения из Энзели.

Арестовали его внезапно и, надо признать, остроумно. В ресторане «Летучая мышь». Ладно, кое-что он успел сделать. Мало, конечно. И смахивало это на терроризм, который одинаково осуждали самые разные люди — и Шаумян, и Джапаридзе, и Нариман Нариманов.

Но он просто не мог, оставшись на свободе, сидеть сложа руки. Особенно после прихода турок. О его тайной группе говорили всякое. Его это не волновало. Организованная им группа подпольщиков-боевиков выполняла строго определенную задачу.

Впрочем, это скоро перестало быть секретом. Нашелся догаливый репортер, который сопоставил факты и сделал вывод: «красные бандиты» преследуют лишь врагов Бакинской Коммуны...

Что ж, все верно. Он, Исламбек, и товарищи выносили приговор и приводили его в исполнение. Но не только. Им удалось вывезти и сохранить архивы Чрезвычайной комиссии для будущего. В него они верили. Это будущее, как дамочков меч, висело над предателями: над теми, кто предал Бакинскую Коммуну, приглашал англичан, а теперь служил туркам,

Что с комиссарами в Красноводске? Каких-нибудь полчи он бы узнал, встретившись с Асланом и Катенькой.

Опираясь на руки, он с трудом дотащил тело до солнечного квадрата на каменных плитах. Едва ощутимое тепло приятно грело щеку.

Там, в «Летучей мыши», едва ему принесли бутылку холодного пива, к столику подсади двое. Он сразу узнал ремингтонистку Анну Образцову. С ней был плечистый субъект в котелке. По тому, как часто и нервно он дотрагивался до своих черных усов, можно было угадать, что они наклеены. «Лучше не связываться», — подумал он, собираясь встать.

И тут Анна, радостно всплеснув руками, воскликнула:

— О, господин прапорщик! Какая встреча. Я уже потеряла надежду найти в Баку хоть кого-то из старых знакомых. Прощу вас... Мой супруг... Иосиф Рубликов.

Спутник Образцовой вскочил, ответил низким поклоном и, загородив проход, протянул руку.

— Рад, очень рад.

Выхода не было. Он ответил на рукопожатие. Рубликов железной хваткой впился в ладонь. Тотчас сзади его схватили за плечи. Щелкнули наручники.

Он напрягся, побагровел и бросил в побелевшее под румянами лицо Образцовой:

— Ничего. Надеюсь, еще встретимся.

— Зря надеешься, комиссар, — оборвал его грубый голос. — И потише, а то замолчишь навсегда.

Исламбек резко обернулся. Рядом с Рубликовым стоял Теймурбек. На плечах — погоны ротмистра.

— Что ж, — теперь он был спокоен и искал лишь возможность затянуть объяснение. С минуты на минуту должен был появиться Аслан. Аслан в этих делах поопытнее его, он сразу разберется в обстановке. — Ты хорошо сработал, брат. Исповов подобрал достойных. Один бы ты не рискнул. Для этого ты трусоват, брат мой...

«Брат мой», — он произнес громко. Опять-таки для Аслана. Вокруг много зевак, начнутся разговоры... Аслан без особого труда узнает, кто его арестовал. Но дальше тянуть было

опасно. Теймурбек озирался — явно ждал подмоги. Как бы Аслан не попался...

— Ну, брат, — еще раз повторил он. — Веди. — И пошел к выходу.

Толпа двинулась следом. Один из подручных Теймурбека крикнул музыкантам, чтобы они играли. Но те угрюмо смотрели в сторону. Образцова поспешно выскользнула из зала.

В ту же ночь его допрашивал Теймурбек. Контрразведка мусаватистов разместилась в гостинице «Лион», у самой стены Девичьей Башни.

Первое, что он увидел, когда его ввели в кабинет, — старинное, с хорошо сохранившейся позолотой кресло. Резные подлокотники и муаровая обивка придавали креслу сходство с троном. В кресле важно восседал Теймурбек. Властным жестом он приказал охранникам остаться. Развернув плечи, дважды обошел арестованного. Он был так похож на петуха, что Исламбек фыркнул.

— Ну? — Теймурбек качнулся на каблуках. — Теперь ты понял бессмысленность борьбы и своих... большевистских идей? — Не дождавшись ответа, он вернулся в кресло, откинул на спинку красивую, напомаженную голову. — Между прочим нам нужны люди. Чтобы заслужить доверие... тебе, сыну бека, достаточно быть искренним. Где центр террористической организации, которая убивает «врагов Советской власти»? Кто ими командует? Где прячутся недобитые большевики? А? — Он подошел ближе. — Как видишь, ерунда. Если ты трезво оценишь обстановку, вероятно я смогу поручиться за тебя...

Исламбек взгляделся в чисто выбритое лицо брата. Теймурбек был явно нетрезв.

— Ты поручишься за меня, убийца? — процедил он ск зубы.

— Рекомендую выбирать выражения. — Теймурбек покопался на охранников.

— Боишься остаться один на один?

Теймурбек вспыхнул, но конвоиров не отослал.

— У меня нет секретов от товарищей по партии.

— Слова, — Исламбек поморщился. — Нет у тебя ни пар-

тин, ни товарищей. — Краем глаза он старался разглядеть конвоиров. Чуть сдвинувшись, он увидел руку, сжимавшую ствол — костлявую руку крестьянина с темной от въевшейся грязи кожей. Повернул голову, как бы отбрасывая со лба волосы. Да, тот, что поближе, не молод, с туповатым равнодушным лицом. Глаза под тяжелыми веками слегка косят, на усах крошки. На массивном подбородке длинный свежезарубцевавшийся шрам. Другой, помоложе, дышит порывисто, перебирая ногами, как лошадь. Поверх шерстяных джорабок новенькие ботиночки. Каждое слово ловит не только по-мальчишьи оттопыренные уши, но и полуоткрытым крепкозубым ртом. — Товарищи по партии... Где они были, когда ты, Теймурбек, бежал от вокзала, а я настиг тебя, как загнанного шакала, в тупике? Виноват я перед своей партией, скрыл это. Мучился, но скрыл. Отпустил, чтобы ты потом застрелил мою жену, трусливый мерзавец. Никогда не забуду твои глаза — сумасшедшие от страха... Там, в тупике...

— Замолчи, большевистская... — Теймурбек выругался, грохнул по столу рукояткой пистолета. — Бейте его! Бейте, пока шкура не слезет! — Он пьяно уронил лицо в ладони.

Остальное Исламбек видел смутно. Пьяные слезы на лице брата, прыгающие зубы, бутылка водки в руке. Кажется, он пил прямо из горлышка...

— Облейте водой, пусть отойдет. Больше не бить. В одиночку. Наручники можно снять.

Наверно, бить дальше просто не имело смысла. Он почти ничего не чувствовал. Однако сквозь глухой шум в ушах в камере он вспомнил: поручик Сеидбек Эфенди-заде.

— Смотри, опять! — кричал поручик. — Читай! «Смерть предателям! Смерть врагам революции!»

— Где нашли?

— На трупах Рубликова и Антокольского, которые его взяли. Повешены на бульваре. Против гостиницы. Вниз головой повешены.

— Слушай, у тебя ничего нет выпить?

Солнечный квадрат медленно двигался по камере. Исламбек полез за ним, дрожа от озноба и боли. К вечеру, когда навалилось почти полное беспамятство, в камеру вошли Али Асадуллаев, Сеидбек и Теймурбек.

— Огня!

Охранник внес керосиновый фонарь. Его рванули с пола, прислонили к стене. Огромным напряжением воли он удержался на ногах, разлепил затекшие глаза. Перед ним маячило хмурое лицо Асадуллаева.

— Ну как, комиссар, поговорим? Помнишь историю на пирсе... когда ты помешал нам захватить «Эвелину»? Ради Теймурбека готов простить тебе это старое дело. Но остальное...

— Пить, — едва выговорил разбитыми губами Исламбек. — Не могу. Легкие отбили.

Дальше он не мог говорить, распухший язык не поворачивался во рту. Но губы Асадуллаева дернулись, лицо искривилось. «Вспомнил, наверно, как я его допрашивал, — вяло подумал Исламбек. — Немного иначе допрашивал, пытался разговаривать». Странно, но теперь он не жалел об этом. Человек должен в любых обстоятельствах оставаться человеком. Как Шаумян.

Голос Асадуллаева. Жесткий голос.

— Твоя работа?

— Не признавался.

Лицо Асадуллаева сморщилось. Он понизил голос, но все равно каждое слово было слышно и отдавалось в сознании.

— Не мешало бы помнить, что на земле ничего вечного нет. Я всякое видел, но чтоб так брата родного... Он ведь меня, чужого, не тронул.

Сендбек недовольно заворчал:

— Что вы тут разводите? Расстрелять ночью. Если не мы его, так он нас когда-нибудь. — Асадуллаев не ответил. «Ага, — медленно соображал Исламбек. — Это, видать Эфенди-заде сынок начальника контрразведки».

— Я за расстрел, — громко повторил Сендбек. — Как Али?

— Главное, как Теймурбек, — ответил Асадуллаев уклончиво.

Он поднял с пола принесенный тюремщиком фонарь, осветив лица братьев.

— Убери, — прошипел Теймурбек. — Любопытный... — И выхватив фонарь, он вызывающе расхохотался. — И я — за. Как сказал Сендбек... Расстрелять!

Исламбек усмехнулся. Он был уверен, что брат заметит эту усмешку и поймет, что он хотел сказать в эти последние минуты. «Трус. Даже сейчас у него не хватило смелости возразить этому ничтожному щенку Эфенди-заде».

Он закрыл глаза, они болели даже от слабого света лампы. Кружилась голова. Цепляясь за стену, он сполз на пол. Тело напряглось, ожидая удара. Но дверь глухо хлопнула. Снова стало темно — они ушли.

— Пить...

Теперь, впрочем, все потеряло смысл. Есть вода, нет. Осталось несколько часов. Хорошо бы заснуть, или о чем не думать. Заставить себя заснуть, не думать, не думать, не думать. Он закрыл глаза и начал считать. Пятьдесят восемь. Пятьдесят девять...

Наверно, он уже спал. На белой бумаге невидимая машинка выстукивала имена предателей коммуны: Григорий Айолло, Александр Ермаков, Михаил Садовский, Гайк Тер-Каджарянц, Сако Саакян, Абрам Гюльдаханян... Когда-нибудь эти имена будут преданы проклятию. Сохранится архив. Живые люди. Аслан. Катя. Ширванн. Тевос. Давид. Всего шесть, нет, теперь пять человек. Революционный трибунал.

Чего медлят? Скорей бы. Он больше не может ждать. Неужели они ничего не узнают? Узнают, Аслан не такой человек. Возня за дверью. Теперь все? Странно, шаги стихли. Осталось последнее — умереть достойно. Только бы больше не били. Теймурбек... Вот о чем предупреждал Нариманов: «Запомните, Исламбек, вы сами выбираете дорогу революционера. Она требует мужества и бесстрашия, требует всей жизни. Это не каждому дано».

Жаль, что чудес не бывает. Он знает: борьбу продолжат другие. А все-таки жаль... Глоток воды. Один глоток...

Исламбек почувствовал, что чьи-то сильные руки подняли его. Прямо перед глазами был край погона. Какие погоны? Он с трудом разлепил веки. Какие?.. Почему-то в эти последние секунды сознание упорно цеплялось за всякую ерунду. «Штабс-капитана», — он облегченно вздохнул. Вот она такая, смерть. Теперя ничего не надо. Ничего. Даже воды...

Он потерял сознание.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
------------------	---

ЧАСТЬ I. ИСПЫТАНИЕ

Глава I. В госпитале	11
Глава II. Возвращение	13
Глава III. Странник	18
Глава IV. В «Дикой кошке»	20
Глава V. Долг	35
Глава VI. Доктор Нариманов	42
Глава VII. Сироты	54
Глава VIII. Господин и слуги	61
Глава IX. Митинг	67
Глава X. Большевичка	71
Глава XI. Бал в доме Тагиева	82
Глава XII. Забастовка	101
Глава XIII. Начало	109
Глава XIV. Октябрь	112
Глава XV. В Баку	114
Глава XVI. Деңстервилль	123
Глава XVII. Человек должен иметь одно лицо	133
Глава XVIII. Шамхорская бойня	136

ЧАСТЬ II. МЯТЕЖ

Глава I. Исламбек приходит на помощь	150
Глава II. От ворот — поворот	154
Глава III. Настоящие друзья	159
Глава IV. Гонимы Катyra	163
Глава V. Они могли рассчитывать	165
Глава VI. Неожиданный визит	172
Глава VII. Тучи сгущаются	177
Глава VIII. Маузеристы	187
Глава IX. В Ленкорани	198
Глава X. Бой на «Эвеллине»	204
Глава XI. Смутьяны	213
Глава XII. Делегаты	215
Глава XIII. Допрос	220
Глава XIV. Убийца	226
Глава XV. Чопур-Гафар	231
Глава XVI. Мятеж	238

ЧАСТЬ III. АЛИБИ НЕ БУДЕТ

Глава I. Бегство	258
Глава II. Первые итоги	266
Глава III. Гость	268
Глава IV. В Балаханах	273
Глава V. Первые чекисты	277
Глава VI. След	280
Глава VII. Раскаяние	297
Глава VIII. На станции Мюсюслы	309
Глава IX. Друзья и враги	315
Глава X. Два комиссара	322
Глава XI. Ютта Экк	328
Глава XII. Можно ли верить людям?	331
Глава XIII. «Добропольцы»	341
Глава XIV. Злодеяние	349
Глава XV. Последнее дело «Чрезвычайки»	353
Глава XVI. Финал	368

Редактор *Р. Бахتامов*. Художник *Р. Янбулатов*.

Художественный редактор *Н. Рагимов*.

Технический редактор *Л. Абдуллаева*.

Корректор *С. Талыбова*.

Сдано в набор 9/1-1978 г. Подписано к печати 27/IV-1978 г. Форм. бум. 60×84¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 24,0. Усл. печ. л. 22,32. Усл.-изд. л. 24,0. ФГ 08785. Тираж 50 000. Заказ 43. Цена 1 руб. 70 коп.

Государственный Комитет Совета Министров
Азербайджанской ССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Гянджлик», Баку ул.
джиева, 4.

Типография ям. 26-ти бакинских комиссаров.
г. Баку, ул. Али Байрамова, 3.

Абрамов Захар Бүзил оғлы
(Абрамов Захар Бүзил оғлу)
АЛИБН НЕ БУДЕТ
(Роман)

Баку

1 руб 70 коп